

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долге пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

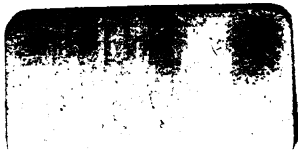
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Vladimírskij — Budanov, M. F.

и

**ГОСУДАРСТВО
И
НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

ВЪ РОССІИ XVIII-го ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

М. Владимірскаго — Буданова.

Ч А С Т Ъ I-я.

**система профессиональнаго образованія
(отъ Петра I до Екатерины II).**

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Г. В. Фалькъ.

1874.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
23-го января 1874 г.

Директоръ *М. Капустинъ*.

The paper used in the reproduction of this title is
85 gsm Bingham Longlife Cartridge which has a
guaranteed minimum life-span of 200 years without
deterioration.

Republished 1972

ORIENTAL RESEARCH PARTNERS · P.O. BOX 68 · CAMBRIDGE CB2 2RD · ENGLAND

Printed in Great Britain by

BIDDLES LTD · MARTYR ROAD · GUILDFORD

Настоящій трудъ есть одна изъ частей *исторіи права образованія въ Россіи*. Предметъ такой исторіи составляютъ слѣдующіе вопросы: какіе органы государства въ разныя времена вѣдали народное образованіе, какія цѣли имѣло государство въ своихъ мѣрахъ по народному образованію, наконецъ какими способами государство думало распространить образованіе въ народѣ. Исторія каждой эпохи каждаго государства даетъ различныя отвѣты на каждый изъ этихъ трехъ вопросовъ,—отвѣты, весьма характерныя для самаго понятія о государствѣ въ ту или другую эпоху. Мы думаемъ, что на избранномъ нами частномъ вопросѣ довольно ясно обрисовываются существенныя черты русскаго государства въ XVIII вѣкѣ, т. е. какъ организаціи его, такъ и отправленій.

Русская до-петровская эпоха представляетъ въ исторіи права образованія *господство элементарной системы образованія*. Въ этомъ ея достоинства и недостатки. Образованіе вѣдаетъ высшій органъ государства—*приходская община*, которая отнюдь не есть учрежденіе только церковное. Образованіе, распространяемое въ приходахъ, есть простая грамотность. Для цѣлаго государства такое образованіе было весьма недостаточно; однако признать его ничтожнымъ нельзя. Грамотность не есть цѣль элементарнаго образованія, а средство его; поэтому нельзя признать, что грамотность сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны и достоинства, какъ думаетъ Штейнъ. При изученіи грамотности и вмѣстѣ съ ней начинается тотъ процессъ умственнаго и нравственнаго возвышенія, цѣль котораго, поставленная въ старыхъ приходскихъ школахъ, есть «людскость». Понятіе «людскость» (*Humanität*) заключаетъ въ себѣ цѣль всякаго общаго человѣческаго образованія, въ противоположность профессиональному ремесленному. Поэтому въ приходскихъ школахъ какъ учебники грамотности и книги для чтенія, такъ и школьная дисциплина направляемы были къ этой цѣли. Школа не считала воспитанія чуждымъ для себя и не предоставляла его исключительно семьѣ; такимъ образомъ содержаніе элементарнаго образованія составляютъ (по выраженію одного школьнаго устава XVII в.) «науки и добродѣтели». Эта черта элементарнаго

II

образования свойственна не ему одному; она раздѣляется всѣми формами общаго образования (среднею и высшею); достоинство собственно до-петровской системы элементарнаго образования заключается въ его всеобщности: школа была столь же неизбежною принадлежностью прихода, какъ церковь; образование и религиозное просвѣщеніе признаны равносильными задачами государственной и церковной жизни, и это не только въ южной Россіи (Малороссіи), но и въ Московскомъ государствѣ. вмѣстѣ съ этимъ, образование было равнымъ для лицъ всѣхъ состояній, — черта важная для характеристики социальнаго строя въ до-петровской Руси. Общины не могли дѣлать образованіа обязательнымъ; онѣ давали родителямъ только средства и условія для образованія дѣтей. Общее образование никогда не можетъ обратиться въ государственную повинность, тогда какъ, напротивъ, профессиональное образование всегда склонно къ этому. Средства, доставляемыя общинами для распространенія образования состоятъ въ присканіи и содержаніи учителей. Здѣсь темная сторона системы исключительно элементарнаго, приходскаго образования. Учителя приготавлиются въ тѣхъ же самыхъ приходскихъ школахъ. Сумма знаній, обращающихся въ обществѣ, не возвышается въ теченіи вѣковъ: поколѣнія смѣняются, не возвышаясь одно надъ другимъ; равенство, столь важное въ социальномъ отношеніи, становится оковами для духовной природы челоуѣка. Слабымъ средствомъ противъ этого было «странствованіе учителей» по разнымъ школамъ; немного новыхъ свѣдѣній могли найти «странствующие» («мандрованные»), когда повсюду въ восточной и западной Россіи образованіе стояло на одинаковомъ уровнѣ. Это средство годилось только для предотвращения застоя образованія въ одной общинѣ¹⁾.

Для уничтоженія такого капитальнаго зла требовалось, чтобы за дѣло народнаго образованія взялся какой-либо другой органъ государства, высшій приходскихъ общинъ. Для возвышенія образованія требуется нарушить его равенство.

¹⁾ См. разъясненіе и доказательства представленныхъ здѣсь положеній о приходскомъ образованіи въ нашей статьѣ: «Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVII в.» (Журн. Мпн. Нар. Просв. 1873 г. окт. и ноябрь).

III.

Такимъ высшимъ органомъ являются *корпорации* (братства); органы растутъ въ государствѣ по мѣрѣ возникновенія потребностей; корпорации обязаны своимъ существованіемъ сознаннымъ потребности возвысить уровень народнаго образованія. Возникая среди самыхъ приходовъ («приходскія братства»), онѣ обнимаютъ потомъ нѣсколько приходовъ, далѣе становятся общегородскими, наконецъ земскими. Онѣ замѣняютъ такимъ образомъ собою земства, еще не призванныя къ жизни. По роковому началу противоположности между распространенностью образованія и его уровнемъ, братства открываютъ борьбу съ приходскими общинами за право образованія, желая сосредоточить его въ своихъ школахъ. Впрочемъ образованіе, распространяемое корпорациями, отнюдь не есть какое-либо новое, противоположное элементарному; оно есть то-же общее образованіе, только во второй, болѣе высокой формѣ его,—*образованіе среднее*. Оно естественно и съ незамѣтною постепенностью, возникаетъ изъ элементарнаго. Существеннымъ отличіемъ его отъ этого послѣдняго служатъ его общечеловѣческія основы, которыя во вѣдшей формѣ обнаруживаются введеніемъ иностранныхъ, преимущественно классическихъ, языковъ въ обученіе. И это совершенно необходимо; потому что только черезъ языкъ усвоятся понятія и знанія другой высшей цивилизаціи. Только чрезъ это общеніе съ другими народами можетъ возвыситься, прити въ движеніе застоявшійся уровень національнаго образованія. Но цѣль образованія при этомъ нисколько не измѣняется; это—та же «людскость», для всѣхъ равно значительная и необходимая; отъ этого братское образованіе есть всеобщее и свободное. Средства, употребляемыя братствами для распространенія его, состоятъ въ одномъ учрежденіи школъ; система этихъ школъ представляетъ лѣстницу, постепенно возвышающагося образованія отъ элементарной его формы до границъ высшаго; къ послѣднему приближаются училища: кіевское, львовское и вѣденское. Возвышая образованіе, при пособіи старѣйшихъ націй, братства должны были или занимать учителей у этихъ послѣднихъ, или посылать къ нимъ своихъ для образованія; первый способъ практиковался лишь относительно Греціи, второй—относительно Германіи и Италіи. Неумѣренность въ употребленіи послѣдняго способа, при-

IV.

веда въ XVII в. къ искаженію національнаго образованія, что въ кievской школѣ совершенно дѣятельностію Петра Могилы, когда русскія училища копируютъ уставы и принимаютъ характеръ іезуитскихъ коллегіумовъ. Во всякомъ случаѣ поворотный пунктъ въ исторіи русскаго образованія (къ общечеловѣческой его формѣ) должно отнести не къ реформѣ Петра В., а къ концу XVI в., къ дѣятельности братствъ; отсюда почерпала реформаторская дѣятельность Петра В. всѣ средства и условія успѣха.

Дѣятельность корпорацій относится преимущественно къ Литовско-русскому государству (которое, однако, есть русское и не можетъ быть устраняемо изъ исторіи права образованія въ Россіи); но и въ Московскомъ государствѣ есть довольно ясныя слѣды корпорацій съ цѣлями народнаго образованія (въ Андреевскомъ братствѣ Ртищева, въ дѣятельности Іоанна-Богословскаго природа въ Москвѣ); однако здѣсь *правительство* тотчасъ овладѣваетъ задачами корпорацій и беретъ (въ концѣ XVII в.) дѣло образованія въ свои руки. Здѣсь подъ правительствомъ разумѣется двойственная власть церковно-государственная; эта власть совершенно ясно сознала, что народное образованіе есть одна изъ существенныхъ задачъ ея дѣятельности и выразила это въ привилегіи Московской академіи. Какъ же понимала она эту задачу? Образованіе, какъ цѣль правительственныхъ заботъ, есть «мудрость», т. е. *высшее общее образованіе*, которое, по схемѣ Крыжанича и привилегіи Московской академіи, состоитъ въ полномъ развитіи человѣческихъ силъ и способностей, въ томъ, что составляетъ «едино на потребу», къ которому все приложится. Зная, что источникъ благосостоянія церковнаго и государственнаго есть мудрость, «ни о чемомъ же, говоритъ правительство, тако тщаніе сотворяемъ, якоже о изобрѣщеніи премудрости, съ неюже вся благая отъ Бога людямъ дарствуются». Ни къ какой другой стороней цѣли государство не направляетъ этой мудрости; она сама себѣ составляетъ цѣль и высочайшую, чистѣйшую задачу государства. Средствами для достиженія этой мудрости правительство признаетъ слѣдующую систему наукъ: «благоволимъ храмы чистомъ академіи устроить и во оныхъ хотимъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грам-

матки, пѣтнки, риторки, діалектики и философіи разумительной, естественной и правовой, даже до богословія, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія постановити». Крыжанпчъ уясняетъ эту систему; по его схемѣ знаніе (scientia) раздѣляется на духовное и мірское; первое есть богословіе; второе состоитъ изъ трехъ составныхъ частей: наукъ прикладныхъ («механики»), математики и философіи. Последняя (согласно съ привилегією московской академіи) опредѣляется какъ логика, физика и этика. Первая заключаетъ въ себѣ всю филологическую часть человѣческаго вѣдѣнія (грамматику, риторику съ пѣтнкою и діалектику). Вторая («философія естественная») заключаетъ всѣ науки естественныя. Третья («философія правовая») заключаетъ въ себѣ юридическія, экономическія и социальныя науки, вѣнецъ которыхъ составляетъ политика—«царственная мудрость». Такимъ образомъ въ понятіи о единой философіи заключается зародышъ факультетскаго раздѣленія образованія, которое, однако, не лишается чрезъ то значенія общаго образованія; оно существенно едино, какъ тройственное проявленіе единой мудрости.

И такъ и на этой высшей ступени цѣль образованія остается тою же; мудрость есть высшая форма людскости. Образование также открыто для всѣхъ сословій и свободно.

Изъ этого видно, что хотя до-петровская система образованія въ главномъ была только элементарною, но въ рукахъ корпорацій возвышалась уже до средняго, а въ рукахъ правительства до высшаго образованія. На всѣхъ ступеняхъ оно оставалось *общимъ*.

Не таковъ былъ ходъ развитія образованія и органовъ, вѣдающихъ его, въ Западной Европѣ. Въ рукахъ родовъ (дворянскихъ домовъ) и *сословій* (рыцарскаго и бюргерскаго) оно получило *сословно-профессиональный* характеръ: его цѣль не въ немъ самомъ, а въ потребностяхъ сословія; оно дѣлается обязательнымъ для членовъ сословія и недоступнымъ для лицъ другихъ сословій. Съ XVI в. государство начинаетъ бороться съ этимъ опаснымъ для него и для общества направлениемъ образованія. Оно основываетъ свои школы всесословныя и съ свободнымъ доступомъ въ нихъ; государство регулируетъ богатый матеріалъ, приготовленный

VI.

ему сословіям. Благодаря дѣятельности богатыхъ сословіи образованіе на вершинахъ общества достигаетъ блестящаго развѣта, предъ которымъ блѣднѣютъ слабыя начатки русскаго образованія.

Петру 1-му предстояло или идти далѣе по пути, начатому до него въ Россіи, или, для практическихъ нуждъ государства, усвоить профессионально-сословный типъ образованія (уже признанный вреднымъ въ западной Европѣ, но еще не существовавшей у насъ). Онъ пошелъ по второму пути. Система образованія, господствующая отъ Петра до Екатерины, профессиональная. Органы, вѣдающіе его, по обязанности, суть сословія, которыя и организуются подъ вліяніемъ законовъ объ образованіи; образованіе теряетъ свое единство, такъ какъ и цѣлю государственной дѣятельности признается не образованіе человѣчное, а государственная служба; оно дѣлается для населенія государственною повинностью. Школа уже не есть единственный способъ распространенія образованія; оно распространяется посредствомъ служебной практики. Общее образованіе, даже элементарное, исчезаетъ. Однако попытки распространять элементарное образованіе были, какъ для господствующаго населенія, такъ и для инородцевъ; послѣдніе были даже счастливѣе господствующей націи. Такъ какъ общее, хотя бы и элементарное, образованіе не мѣрится съ профессиональною системою, то мы, въ видѣ отступленія отъ главной системы, въ двухъ первыхъ главахъ нашего изслѣдованія излагаемъ судьбу правительственныхъ мѣръ по развитію элементарнаго образованія; затѣмъ остальные главы посвящены господствующей системѣ. Начала общаго образованія, проявляющіяся въ учрежденіи академическаго (петербургскаго) и московскаго университетовъ войдутъ во 2-ю часть нашего труда, посвященную системѣ общаго образованія (средняго) въ эпоху Екатерины В.

Мы далеки отъ мысли представить полную картину профессиональной системы; нашею задачею было уяснить основныя ея начала, отражающіяся столь многими послѣдствіями на образованіи нынѣ живущихъ поколѣній русскаго общества.

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Г л а в а I. Отношеніе государства XVIII в. къ старой системѣ элементарнаго образованія и новая система. Причины невниманія къ успѣхамъ элементарнаго народнаго образованія. Упадокъ приходскихъ школъ. Проекты реформъ приходскаго образованія. Математическое элементарное образованіе. Его обязательность. Классы, обязанные пріобрѣтать его. Округъ арифметической школы, число школъ и учениковъ. Содержаніе школъ. Учителя. Управленіе цифирнымъ образованіемъ.

Государство до XVIII в. заботилось (въ своихъ писныхъ органахъ) преимущественно объ элементарномъ образованіи¹⁾; государство въ первой половинѣ XVIII в. выпускаетъ изъ своего вниманія именно элементарное народное образованіе. Исторія убѣждаетъ насъ, что распространеніе средняго и высшаго образованія долго находится въ обратно-пропорціо-нальномъ отношеніи къ распространенію элементарнаго народнаго образованія. Нескоро человѣческія общества приходятъ къ тому состоянію, при которомъ высшее образованіе одного лица, находящагося въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, не мѣшаетъ общему, хотя и писшему образованію остальныхъ; въ предшествующіе вѣка трудъ многихъ лицъ, трудъ, не оставляющій имъ никакого досуга и почти никакихъ средствъ для пріобрѣтенія самаго писшаго образованія, нуженъ былъ для того, чтобы какое-либо одно счастливое лицо пріобрѣло досугъ и средства для усвоенія себѣ

---

¹⁾ См. о старой системѣ приходскаго образованія наше изслѣдованіе въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., окт. и нояб.

высшаго образованія. Несомнѣнно, что роскошный цвѣтъ образованія классическихъ народовъ есть результатъ соціального строя ихъ, основаннаго на рабскомъ трудѣ, что блестящія хотя и безплодныя лепестки средневѣковаго образованія, при крайнемъ невѣжествѣ массъ, Западе Европы есть одинъ изъ результатовъ феодальной власти владѣльцевъ надъ сельскимъ населеніемъ и промышленной торговой монополіи городскихъ общинъ; чѣмъ выше неравенство экономическихъ условій, тѣмъ выше неравенство образованія на обоихъ крайнихъ предѣлахъ общества т. е. тѣмъ оно болѣе блестяще вверху, тѣмъ оно ничтожиѣе внизу. Мало по малу этотъ печальный фактъ стремится перейти въ юридическую форму: владѣющіе классы стремятся утвердить мысль, что низшіе слои населенія *не должны* пріобрѣтать образованія, что оно въ рукахъ человѣка немущаго есть огонь въ рукахъ дитяти.

Эта зависимость распредѣленія образованія въ обществѣ отъ экономическихъ условій и отъ соціального строя, еще не миновавшая и теперь, и сильно озабочивающая какъ государственныхъ людей такъ и науку о государствѣ, проявлялась несомнѣнно въ наименьшей мѣрѣ въ старомъ русскомъ обществѣ. Но и тогда въ тѣхъ частяхъ Руси, которыя были соединены съ Польшею, съ утвержденіемъ на прочныхъ правахъ богатыхъ частныхъ владѣній и промышленной монополіи городскихъ общинъ, тотчасъ возникаютъ начатки средняго и потомъ высшаго образованія. Чтобы пріобрѣсти для этого средства, городскія общины (братства) идутъ противъ приходскихъ общинъ въ предмѣстьяхъ и закрываютъ приходскія школы.

Но едва ли эта борьба средняго образованія съ элементарнымъ достигла бы столь рѣшительнаго напряженія и такихъ результатовъ, какіе мы находимъ въ XVIII в., если бы она (борьба) основывалась на одной естественной конкуренціи. Общеобразовательный характеръ среднихъ школъ, всесловный доступъ къ нимъ способны были дать этой борьбѣ другой болѣе благопріятный исходъ: она не убила бы элементарныхъ школъ, а по мѣстамъ подняла бы даже уровень элементарнаго образованія; извѣстно, что приходскія школы начали получать учителей изъ среднихъ училищъ съ знаніями несравненно высшими тѣхъ, какими об-

ладали учителя, сами образовавшиеся въ приходскихъ школахъ. Здѣсь конкурировали между собою лишь общины и корпораціи болѣе значительныя съ менѣе значительными; здѣсь вопросъ шелъ о степеняхъ лишь одного и того же образованія.

Но дѣло получаетъ совершенно иной оборотъ, когда соперничество этихъ общественныхъ группъ переходитъ въ соперничество сословій, а конкуренція элементарнаго образованія съ среднимъ въ конкуренцію общаго образованія съ профессиональнымъ. Тогда естественно и въ русскомъ обществѣ наступаетъ принципъ существенно средневѣковой: человѣкъ, не принадлежащій къ извѣстному сословію, не можетъ пользоваться образованіемъ свойственнымъ этому сословію и наоборотъ человѣкъ, не получившій образованія, свойственнаго сословію, не можетъ принадлежать къ нему. Такъ какъ элементарное образованіе не ведетъ ни къ какой профессіи и такъ какъ высшіе классы народа не несутъ никакой специальной службы, то *элементарное образованіе становится неумѣстнымъ въ этой системѣ*; всѣ болѣе состоятельные члены общинъ обязательно пзъемяются пзъ круга дѣйствія элементарнаго образованія; всѣмъ несостоятельнымъ членамъ общинъ предоставляется голая возможность получать его; оно лишь терпимо.

Но такъ какъ сословное направленіе государственнаго строя дѣйствуетъ разрушительно на общинный строй, и общины естественно падаютъ, то и этою голою возможностью невоспрещеннаго образованія воспользоваться не кому. Элементарное образованіе пзъ общиннаго переходитъ постепенно въ частное и теряетъ свое внутреннее достоинство. Такъ объясняется его упадокъ.

Когда потомъ во 2-й половинѣ XVIII в. правительство снимаетъ съ образованія сословно служебный характеръ и стремится пропагандировать общее образованіе, то слѣдуетъ ожидать, что оно отнесется иначе и къ элементарному образованію, что оно будетъ покровительствовать ему; дѣйствительно такъ и было; но правительство пропагандировало уже образованіе, основанное на другихъ началахъ; оно съ негодованіемъ отвернулось отъ искаженныхъ остатковъ приходскаго образованія. Это послѣднее воспрещается уже положительно,

не пользуется терпимостію въ государствѣ. Такъ объясняется его паденіе.

Так. обр. въ 1-ю пол. XVIII в. принимаютъ косвенныя мѣры противъ него: въ 2-ю прямыя; мы можемъ здѣсь коснуться этихъ мѣръ лишь вскользь, такъ какъ для подробнаго разсмотрѣнія ихъ предстоитъ мѣсто въ остальныхъ частяхъ нашего изложенія.

Косвенныя мѣры первой первой эпохи состояли собственно въ измѣненіи состава народныхъ учителей. Сюда относятся прежде всего узаконенія о томъ, что мѣста священно-церковно-служителей замѣщаются людьми, получившими специальное образованіе. Община теряетъ мало по малу право избирать лицъ своего причта; право это переходитъ къ церковнымъ административнымъ властямъ, Повидимому это должно бы содѣйствовать возвышенію элементарнаго образованія, а не упадку его. Приходская община перестаетъ существовать; потерявши послѣднюю свою функцію. Органъ, лишешій отправления, сохнетъ. Въ силу этого и образованіе перестаетъ быть общиннымъ; обученіемъ занимаются тѣже дьячки, но уже какъ частныя лица.

Но что же изъ этого? Развѣ не все равно—будетъ ли учитель-дьякъ избранный и получающій содержаніе отъ общины, или онъ же будетъ учить, какъ частное лицо, будетъ ли онъ «громадскій наймитъ» (наемный рабочій общины), или «латышникъ», какъ ругали другъ друга эти противоположные типы приходскаго духовенства? Въ послѣднемъ случаѣ священникъ, или дьячекъ образованный будетъ вести дѣло образованія лучше—и только. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Общины потеряли довѣріе къ лицамъ не ими избраннымъ. «Какъ бы ни были несостоятельны учителя, говоритъ г. Сухомлиновъ, они выбирался самимъ народомъ и дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло—были въ ладу съ средою, въ которой жили и учили, и пользовался ею довѣріемъ. Извѣстно что въ Малороссіи (и не въ одной Малороссіи) приходжане сами избирали себѣ священниковъ и церковниковъ, и упорно отстаивали права свои въ этомъ отношеніи передъ епархіальнымъ начальствомъ»⁽¹⁾. Одною этою ревностію къ поддержа

⁽¹⁾ Училища и народное образованіе въ Черниг. губ. (Ж. М. Н. Пр. январь 1864 г.) Сухомлинова.

нію своихъ правъ трудно объяснить еще недовѣріе къ новому духовенству. Окончательный разрывъ сдѣланъ тѣмъ характеромъ образованія, которое получало духовенство въ специальныхъ школахъ. «Какъ ни рѣдки были эти мужи учительные, какъ они не гордились своею ученостію, имъ весьма трудно было конкурировать съ псалтырниками. Не одни простые люди не уважали ихъ учености, —объ нихъ съ желчью и сарказмомъ отзывался напр. такой знаменитый поборникъ науки, какъ Теофанъ Прокоповичъ, называя ихъ «школяриками, латиною губы помазавшими», и ученіе ихъ «привидѣннымъ и мечтательнымъ, отъ котораго вкусивши челоуѣцы глупѣйшіи бываютъ неученныхъ, ибо весьма темны суще, мнятъ себѣ быти совершенны...» А между тѣмъ отъ гордости и чванства ихъ не было никому житья.... Прихожане иногда формально просили архіерея, чтобы онъ далъ имъ въ священники челоуѣка простаго, а не латынника, потому что латынники не спокойно живутъ. Трудно было еще доказать, кто былъ больше подготовленъ къ священно-служительству, псалтырникъ ли знавшій обыкновенно хорошо и чтеніе и пѣніе и церковный уставъ, —или латынникъ, зазубрившій только латинскія флексіи и нѣсколько вокабулъ и большею частію во все не знакомый съ дьячковскою мудростію» (¹)—Повторяемъ, что съ состояніемъ специально-духовнаго образованія намъ еще придется познакомиться ближе.

Но каково бы ни было достоинство этого образованія, все же остается вѣрнымъ, что степень сочувствія массъ къ извѣстнымъ явленіямъ социальнаго характера должна быть необходимо припасаема мѣркою для оцѣнки пригодности административныхъ мѣръ. Здѣсь самъ собою возбуждается вопросъ: почему же прихожанамъ нужно было обращаться непременно къ латынникамъ въ дѣлѣ образованія? Развѣ они не могли, помимо джекклассическаго причета своего найти учителей сторовныхъ лицъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ другой рядъ узаконеній, косвеннымъ образомъ дѣйствовавшихъ на упадокъ приходскаго образованія—узаконеній направленныхъ къ профессиональному сословному образованію, а именно: обязанность

(¹) Знаменскій: Приходское духовен. въ Россіи со вр. реф. Петра. Казань 1873, стр. 55—56.

представлять всѣхъ дѣтей духовенства и другихъ высшихъ сословій (кромѣ купечества), годныхъ въ школы, а негодныхъ въ службу. Мѣры эти проводимы были иногда съ такою строгостью, что даже для занятія штатныхъ церковныхъ мѣстъ не было людей (какъ о томъ неоднократно заявляли епархіальные архіереи). Прежній учебный персоналъ, изъ котораго выходили учителя и который давалъ первоначально лучшей контингентъ учениковъ элементарныхъ школъ, весь отвлеченъ былъ къ среднимъ школамъ, или къ службѣ. «Школа», состоявшая прежде изъ многихъ церковниковъ разныхъ возрастовъ, среди которыхъ можно было найти всѣ отбѣнки перехода отъ учениковъ къ учителямъ, опустѣла.

Прпхожане дѣйствительно стали искать учителей на сторонѣ; тогда мы встрѣчаемъ весьма пестрый, неразборчивый составъ народныхъ учителей ¹⁾; но здѣсь ожидала ихъ опасность подвергнуться всевозможному риску и встрѣтиться не съ учителями, а джеучителями всякаго рода. Мрачная среда противниковъ реформы окружала сельскія и даже городскія общины непроницаемою тучею. Подъ покровомъ ста-

---

¹⁾ Смотритель нѣжинской городской школы доноситъ: «дьячковскія школы я всѣ осмотрѣлъ; въ оныхъ обучаютъ, по старинному методу, славенскому букварю, часослову, псалтырю и писать. У соборнаго дьячка 30-ть учениковъ; у пономаря сей же церкви 7, ученицъ 5; у преображенскаго дьячка 8, у мѣщанина 16; у дьячхи 5, ученицъ 6; у богоявленскаго дьячка 22, у воздвиженскаго дьячка 11; у старовѣрскаго майстра 6, ученицъ 5». Всего 121 (вдвое болѣе, нежели учащихъ въ официальной школѣ считалось 72 учащихъ, а у частныхъ наставниковъ 80 изъ всѣхъ сословій: дворянъ, купцовъ, казаковъ и пр. Сверхъ того были школы при церквахъ. Обученьемъ дѣтей занимались: два дьякона, одинъ корметъ, одинъ казакъ въ званіи поддьячка, одна вдова казачка и другіе.» Все это дѣтели старой системы элементарнаго образованія:—«всѣ оныя содержатели учатъ стариннымъ, несходнымъ съ нашимъ методомъ, по знагамъ, называемымъ: граматки (букварь церковной печати съ частію сокращеннаго катихизиса), часословы псалтири и писать, безъ всякаго порядка въ ученіи, раздѣленія учениковъ на сорты по знаніямъ, и безъ малѣйшаго изъясненія уроковъ, отъ чего нѣкоторые изъ учениковъ ихъ, окончивая псалтирь и продолжая писать, не разумѣютъ даже и тройныхъ складовъ, да и самыя ихъ учителя также искусны въ складахъ» (Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи. Ж. М. Н. Пр. Январь 1864).

рой традиціи въ ней скрывалась полная утрата ея. Элементарное образованіе въ рукахъ дѣятелей этой среды становилось великимъ зломъ. Въ лучшихъ случаяхъ зло это ограничивалось развитіемъ крайняго аскетизма и вражды къ семейной жизни или совершенно бесполезною утратою времени за процессомъ овладѣванія мертвыми орудіями угасшаго образованія. —

Съ такимъ зломъ трудно было бороться непопулярнымъ «латынникамъ», мы говоримъ о борьбѣ тѣмъ же оружіемъ т. е. вліяніемъ образованія. Но весьма замѣчательно, что даже попытокъ обнаруженія такого вліянія мы невидимъ въ XVIII в. и долго спустя. Духовенство, безспорно образованное уже гораздо лучше, выпустило, однако, дѣло народнаго образованія пзъ своихъ рукъ.

Не въ рукахъ этого образованнаго духовенства, а въ рукахъ или неучившихся въ школахъ церковниковъ (которые все еще оставались по мѣстамъ до начала текущаго ст.), или въ рукахъ дьячковъ, выкинувшихъ вонъ пзъ головы школьную мудрость, мы замѣчаемъ живучіе остатки приходскаго образованія. И такова нескоренная сила этой живучести, что, повсюду въ XVIII в. сохранялись, хотя въ весьма жалкомъ видѣ, дьячковскія школы и потомъ въ концѣ ст. вызвали противъ себя грозныя правительственныя мѣры, уже прямо на нихъ направленные.

Мѣра, произведшая эту грозу, относится уже ко временамъ Екатерининской Коммиссіи объ Училищахъ. Подобно тому какъ прежнія мѣры, приведшія приходское образованіе къ упадку, вызваны были соображеніями весьма рациональными, и мѣра, о которой мы теперь говоримъ, повидимому не можетъ подлежать никакому упреку; она состоитъ въ томъ, что правительство, одобливъ методъ и объемъ ученія, представленный Яковичемъ де Мпріево, хотѣло сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ элементарныхъ школъ. Частнымъ лицамъ воспрещается производить обученіе, если они напередъ не изучали новаго метода въ главномъ народномъ училищѣ и не получили установленнаго свидѣтельства о дозволеніи открыть школу изъ приказа общественнаго призрѣнія, которому были подчинены всѣ народныя школы губерніи. Понятно, какъ нелегко было этимъ инвалидамъ разру-

шающихся приходскихъ школъ усвоить себѣ новые методы: изъ 19 школьныхъ приходскихъ учителей г. Тулы нашлось только двое, рискнувшихъ подчиниться этому требованію. Исполненіе его становилось сомнительнымъ: ни мѣры высшей провинціальной администраціи (губернаторовъ), ни мѣры училищнаго начальства сначала не дѣйствовали; противодействие приходскихъ школъ заставляло даже подумать о компромиссѣ съ ними, о соединеніи старой системы съ новою. Вотъ любопытное свидѣтельство объ этомъ, найденное г. Сухомлиновымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по открытіи нѣжинскаго училища смотритель его и городничій получили слѣдующій ордеръ:

«Высочайшая воля есть, чтобы юношество обучаемо было по вновь изданнымъ книгамъ, и на тотъ конецъ заведены народныя училища съ немалымъ изъ казны содержаніемъ. Хотя взяты были дѣти отъ дьяковъ и приведены въ училище, но пробыли тамъ одинъ день, а потомъ болѣе мѣсяца никто не являлся. Причиною тому дьячки, кои обучаютъ дѣтей по старому методу; родители же почитаютъ въ томъ только науку, что дѣти ихъ въ церквахъ читать могутъ псалтирь. Внушить, что въ праздничный день должны водимы быть учителямъ въ церкву, гдѣ обученные могутъ пѣть и читать по церковнымъ книгамъ, чѣмъ и совершится ихъ удовольствіе. По полученіи сего, собрать сорокъ пять дѣтей, сочинить имъ при себѣ именной списокъ и прибить его въ классѣ на стѣнѣ, чтобы учитель могъ знать всего пѣть и *настаивать о посѣщеніи у родителей и опекуновъ при содѣйствіи полиціи...* Для ученія въ училищѣ, *понедѣльникъ, вторникъ и среда до обѣда, а среда послѣ обѣда, четвергъ, пятницу и субботу учиться у дьяковъ по церковнымъ книгамъ и пѣнію по ирмолотоу.* Расположить время для учениковъ такъ, чтобы они съ продолженіемъ ученія въ народныхъ училищахъ не лишались, по волѣ своихъ отцовъ, и удовольствія въ изученіи чтенія и пѣнія по церковнымъ книгамъ отъ дьяковъ».

О сильномъ противодѣйствіи приходскихъ школъ новымъ свидѣтельствуесть и другой документъ, относящійся къ новгородъ-сѣверской школѣ:

«Нельзя оставить безъ примѣчанія, что и сіе полезнѣйшее заведеніе (народное училище), какъ и всякое другое, имѣеть упрямаго себѣ соперника закоренѣлый обычай: *многимъ и по сіе время ка-*

жется еще, что прежде трудное и для иѣжныхъ нервовъ тягостное буквѣ названіе удобнѣе теперешняго, и что съ стараго букваря и часовника обучать дѣтей легче, нежели изъ книгъ, изданныхъ для народныхъ училищъ».

Но такъ какъ преслѣдовать гораздо легче, чѣмъ создать, и народныя школы открыты далеко не повсемѣстно (а открытыя превратились въ среднія учебныя заведенія, или городскія *Bürgerschule*), то успѣхъ этой мѣры былъ лишь односторонній: приходскія школы наконецъ пали окончательно и вмѣсто нихъ появились уже въ XIX вѣкѣ уставы элементарныхъ школъ, но не самыя школы.

Такъ приходская община со всѣми ея функціями распалась. Если теперь и земства и правительство ищутъ твердой точки опоры для элементарнаго образованія въ селахъ, то они находятъ тамъ или административныя волости съ ихъ случайнымъ составомъ или разбросанныя населенныя мѣста, но такой общественной единицы, которая бы съ прочностью пріютила у себя развивающееся вновь элементарное образованіе не находятъ. Конечно есть приходы, эти скелеты, нѣкогда вмѣщавшіе въ себя теперь уже отлетѣвшій духъ; но «оживутъ ли кости сія?»

Переходя къ новой системѣ элементарнаго образованія, замѣтимъ, что не такое отношеніе къ приходскимъ школамъ рекомендовали правительству лучшіе люди самаго начала XVIII вѣка.

Недостатки приходскаго элементарнаго образованія, выудившіе правительство XVIII в. къ суровымъ мѣрамъ противъ него, а литературу того вѣка къ глумленію надъ нимъ, были дѣйствительно столь существенны, что участіе въ этомъ дѣлѣ правительства становилось неизбѣжнымъ. По правительству предлежало въ этомъ случаѣ два пути: или идти на помощь готовымъ народнымъ школамъ, снабжая ихъ болѣе приготовленными учителями и регулируя обязанности общины по содержанію школъ и учителей,—или, признавъ ихъ совершенно негодными, создавать новую систему народныхъ школъ на основаніи новаго понятія объ элементарномъ образованіи.

Вмѣшательство его въ дѣло народнаго элементарнаго образованія вызывалось всѣми передовыми людьми начала XVIII

в. Посошковъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ все нѣтъ грамотныхъ крестьянъ, что въ слѣдствіе этого злоупотребленія со стороны чиновниковъ въ деревняхъ весьма легки. Отсюда онъ выводитъ право государства установить обязательное обученіе въ приходскихъ—дьячковскихъ школахъ. Тѣже мотивы съ присоединеніемъ миссіонерскихъ интересовъ побуждаютъ его особенно настаивать на необходимости установить обязательное обученіе у инородцевъ (Мордвы) ¹⁾. Кромѣ интересовъ низшаго класса народа Посошковъ

¹⁾ «Немая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ какой деревнѣ дворовъ 20 и 30, а грамотного челоуѣка недѣльнаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, потому и вѣрять, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. Итого ради многіе и безъ указу пріѣзжавъ пакости имъ чинятъ великія, а они опорить не могутъ; а и въ побрѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ и отъ того даровой (напрасный) пріемлютъ себѣ убытокъ.—И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится не худо бы крестьянъ и поневолишь, чтобъ они дѣтей своихъ, кон десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты, и науча грамоты и учили бы ихъ писать. Я чаю не худобы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревни безъ грамотнаго челоуѣка, и положить имъ вѣрпковъ опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на два или на четыре. А буде въ 4 года дѣтей своихъ не научать, такжеже кон ребята и впередъ подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе. И егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не только помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не избидитъ, и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ.—А чаю не худо указъ послать и въ низовые города, чтобъ и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слюбится; потому что къ нимъ наче русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и пристава и подъячій, овогда съ указомъ, овогда жъ и безъ указу, и чинятъ что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. Итого ради всякой ихъ избидаетъ, и чего никогда въ указахъ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ и правеемъ правятъ.—А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ владѣльци (правителями) и по прѣжнему въ обиду ихъ уже не дадутъ и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать.—А иные, выучась грамотѣ, познають св. христіанскую вѣру, возжелаютъ креститься, то тѣ грамотники мало по малу ниныхъ свою братью въ христіанской вѣрѣ приводить будутъ». Сочиненія Ивана Посошкова, изд. Мих. Погодинымъ. М. стр. 175—176.

уже предвидить въ народныхъ школахъ интересъ общегосударственный. Другой болѣе значительной цѣли элементарнаго образованія, т. е. общечеловѣческой, преимущественно нравственно—религіознаго развитія, практической Посошковъ не указываетъ.

Указаніе этой цѣли мы находимъ въ проэктѣ другаго современника Петра В., Аврамова. Проэктъ этого послѣдняго ¹⁾ представляетъ собою отчасти продуктъ реформаціонной горячки того времени. Вызывая, какъ и Посошковъ, участіе правительства къ дѣлу народнаго образованія, онъ рекомендуетъ такъ же сдѣлать его обязательнымъ. Но средства, изобрѣтенныя имъ для распространенія народнаго образованія, уже совсѣмъ не тѣ простыя средства, которыя знаетъ Посошковъ. Аврамовъ вмѣсто готовой приходской общины создаетъ новую единицу для полицейской дѣятельности вообще и въ частности для управленія народнымъ образованіемъ и прпзрѣніемъ; эта искусственная единица есть *тысяча дворовъ*. Такая «тысяча» заключаетъ *въ себя всю сословія*; она пользуется самоуправленіемъ: избираетъ ежегодно изъ среды себя нѣсколько лицъ, изъ которыхъ по жребію опредѣляются директоры, а прочіе обращаются въ помощниковъ директора. Образование въ этой искусственной общинѣ состоитъ изъ начатковъ закона Божія (именно: молитвъ, символа вѣры, заповѣдей господнихъ и церковныхъ). Этому принудительному образованію подлежатъ не только дѣти, но всѣ жители «тысячи»; оно можетъ распространяться и вовсе безъ школъ, посредствомъ учебниковъ (тетрадочекъ); «тетрадочки» изучаются чрезъ ежедневное чтеніе въ каждомъ домѣ, такъ обр. каждый домъ образуетъ отдѣльную школу. Кромѣ обращенія семействъ въ школы, проэктъ предполагалъ оживить приходскія школы новыми учителями, приготовленными государствомъ, именно предлагалъ, чтобы при содѣйствіи власти, организованъ былъ особый классъ народныхъ учителей изъ духовныхъ лицъ, отдѣльный отъ приходскаго духовенства; правительство должно разослать этихъ новыхъ учителей по всѣмъ приходамъ учить народъ съ

---

*) См. выдержки изъ него въ «Петербургской старинѣ»: Современ. 1860г. Ж X, стр. 620 и сл. и въ «Наука и Литер. при Петрѣ I» Т I ст. 498 и слѣд. Самый проэктъ напечатанъ во 2-й части сочин. Посошкова, 273—314. Москва 1863.

благословенія архіерейскаго и при содѣйствіи мѣстныхъ священниковъ. Тѣмъ не менѣе въ проектѣ Аврамова главную роль играла старинная система приходскихъ школъ; это видно между прочимъ изъ того, что Аврамовъ предлагалъ всѣ доходы съ собственнаго литейнаго завова на то, чтобы «дозволять св. церкви и содержать при оныхъ учебныя школы, стаинопріимщицы и госпитали». Такое образованіе, находится подъ двоякимъ руководствомъ: представителей общиннаго самоуправленія и духовенства. Помощники директоровъ *ежедневно* репортууютъ объ успѣхахъ изученія тетрадей директору; а директоръ представляетъ *ежегодно* всѣхъ жителей «тысячи» архіерею или мѣстному приходскому священнику для экзамена, при чемъ духовныя персоны и поучаютъ мірянъ этой тысячи учиться страху Божию и раздаютъ тетрадки (вѣроятно еще не имѣющимъ ихъ) ¹⁾. Цѣль народнаго образованія, по мысли Аврамова, есть «умноженіе плода правды и искорененіе злобы» ²⁾.

---

¹⁾ «Мнится быти добро повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителямъ избирать между собою мужей смысленныхъ ежегодно и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помощниковъ въ каждой дворовъ тысяча, которымъ въ своихъ дворѣхъ всякаго чину и полу людемъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человѣческомъ нравоученіи и о бѣдныхъ людехъ правильномъ прирѣшѣнн имѣть попеченіе. Противъ той переписи напечатать толикае число въ малыхъ тетрадочкахъ словословіе Божіе, Царю небесный, псаломъ пятидесятый, символъ, заповѣди Господни и церковныя кратко, и тѣ тетрадочки разослать по архіереомъ по епархіямъ, а имъ раздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ. Начальникамъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереовъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается онаго, то своего прихода предъ священниковъ. Имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетрадочку всякому научая страха Божія обучатися и тое раздачу отнѣчать въ переписныхъ книгахъ. По которымъ тетрадочкамъ въ предгрядущій годъ передъ ними каждому отвѣтствовать; а тѣ тетрадочки всегда про себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ. За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовыхъ, прочтены были вышерѣченныя тетрадочки, о чемъ по вся дни репортовать своихъ директоровъ письменно.

²⁾ Цеварскій совершенно напрасно считаетъ Аврамова поборникомъ старины; онъ, какъ видитъ читатель, гораздо сильнѣйшій новаторъ, чѣмъ Посошковъ.

Итакъ оба писателя, не смотря на большую разницу въ ихъ возрѣвннхъ, сходятся въ томъ, что признають совершенно необходимымъ участіе правительства въ развитіи элементарнаго народнаго образованія, указываютъ и способъ участія его, именно установленіе обязательнаго обученія; но оба считаютъ эту мѣру возможною лишь въ томъ случаѣ, если правительство воспользуется готовыми средствами, именно приходскими школами; причемъ одинъ учителямъ оставляетъ прежнихъ т. е. дьячковъ, другой создаетъ новый учительскій институтъ, по то же изъ духовенства.

Правительство, въ началѣ реформаціонной дѣятельности Петра В., повидимому, рѣшилось слѣдовать тому же пути, т. е. основать новую систему на реформѣ и улучшеніи старой. Это можно заключить изъ темныхъ извѣстій, заимствованныхъ изъ одного письма м. Юва къ Я. П. Корсакову (окт. 16, 1710 г.) «Переписчики священниковъ безсрочно неволятъ на всякомъ погостѣ строить школы и велятъ учить разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строить и кому быть учителями и какими наукамъ учениковъ учить и по какимъ книгамъ учиться, и откуда пищу имѣти, и всякую школьную потребу приискати, того они переписчики опредѣлти не имѣють, точію говорятъ: впредь указъ будетъ. А у насъ и своихъ издавна много обрѣтается школьничковъ и пищи указныя требуютъ»¹⁾).

Почему взяли на себя такую миссію чиновники, пропзводившіе перепись? Какія разныя науки предполагалось преподавать въ школахъ по погостамъ? Чѣмъ должны были эти приходскія школы отличатся отъ старыхъ, которыя «издавна выпускали многихъ школьничковъ, требующихъ указной пищи»? Извѣстно, что такого указа, какой обѣщали переписчики, т. е. устава народныхъ школъ мы не имѣемъ отъ царств. Петра В. Всѣ эти крайне любопытныя вопросы остаются перѣшенными. Слѣдуетъ напомнить, что м. Ювъ, скорбѣвшій объ этой мѣрѣ, былъ старѣйшимъ ревнитель просвѣщенія въ царств. Петра и открылъ въ В. Новгородѣ первую послѣ московской среднюю школу.

Извѣстно, что реформаторская дѣятельность Петра по

---

¹⁾ Странникъ 1861, № 2, стр. 88.

всѣмъ сферамъ государственной жизни первоначально направлялась на улучшение существовавшихъ до него учреждений. Ясный переворотъ къ новаторству замѣчается лишь со второго десятилѣтія XVIII в. Разница двухъ этихъ эпохъ въ законодательной и правительственной дѣятельности Петра еще не оцѣнена по достоинству. Тѣмъ болѣе жаль, что мѣры Петра по народному образованію, о которыхъ упоминаетъ митрополитъ Іовъ, совершенно не могутъ быть выяснены по недостатку историческихъ свѣденій.

Со второго десятилѣтія правительство совершенно отказалось отъ старой системы приходскихъ школъ и между прочимъ отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ развитію ихъ. Оно рѣшилось создать новую систему народныхъ школъ для распространенія совершенно новаго элементарнаго образованія; это школы цыфирныя, а образованіе—математическое.

Правительство составило себѣ совершенно особенное понятіе объ элементарномъ образованіи, не имѣющее ни какой связи съ господствовавшими прежде понятіями о немъ. И дѣйствительно ученіе въ цыфирныхъ школахъ (судя по рязанской, составъ ученія которой, благодаря отчету синода въ верховный тайный совѣтъ 1727 г., намъ извѣстенъ) состояло въ слѣд.: учили нумераціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизиі, тройному, десятичному дробямъ, изъ геометріи—циркульнымъ приемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ.

Въ первомъ пунктѣ интересной инструкціи, данной 9 дек. 1721 учителю Павлову, отправленному въ Переславль Рязанскій, стоитъ слѣд.:

«Взять тебѣ въ Переславль рязанской и, по указу Его Императорскаго Величества 714 и 716 годовъ, учить тебѣ дьячкихъ, подьяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чину, архіерейскаго дому и монастырскихъ слугъ дѣтей ихъ, по высылкѣ отъ воеводы, отъ 10 лѣтъ до 15, а посадскихъ и прочихъ чяновъ дѣтей же, которыя сами похотятъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать, ариметики, а именно нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизиі, тройныхъ правилъ и тройныхъ детрательныхъ какъ безъ долей, такъ и съ долями и десятичнаго счету и дѣленія, радіусу квадрата и радіусу куба; а которой учепякъ вышеозначенную науку обучить, тѣхъ учить геометріи, а именно: прежде ис-

толкованію геометріи и циркульныхъ пріемовъ, потомъ тригонометріи плоской, плегометріи и штирометріи»¹⁾).

Судя по этой оригинальной специальности образованія, повидимому, никакъ нельзя считать его элементарнымъ, которое по существу своему не должно быть специальнымъ. Къ этому предположенію можетъ привести и слѣд. соображеніе: если въ цифирныхъ школахъ начинали прямо съ математики, то слѣдуетъ предположить, что въ нихъ поступали уже грамотные, слѣд. образованіе цифирныхъ школъ шло за элементарнымъ, а не само было элементарнымъ. По другія свойства этого образованія, особенно его общеобязательность, рѣшительно не позволяютъ причислить его къ разряду профессиональныхъ знаній. Далѣе такъ какъ въ арифметическія школы должны были поступать всѣ дѣти 10—14 лѣтняго возраста, то никакъ нельзя предположить, что въ нихъ поступали всѣ грамотные; въ классахъ, называемыхъ по имени частей арифметики, рядомъ съ арифметикою, преподавалась и грамотность, т. е. чтеніе и письмо: Въ монастырскихъ школахъ для нищихъ, Петръ предписалъ въ 1724 г. ²⁾ «обучать, сверхъ вѣры и заповѣдей Божіихъ цифирь и геометрію». «Во всѣ вновь учреждаемыя школы учителей брали изъ навигацкой школы и они вездѣ, *кроме чтенія и письма*, учили арифметикѣ и геометрію»³⁾). Въ цифирной и русскихъ школахъ при самой Сухаревой Башнѣ учили читать, писать и считать⁴⁾). И такъ мы должны признать это образованіе элементарнымъ.

Какимъ же образомъ законодатель могъ прийти къ странной мысли создать народное образованіе на изученіи цифирь и въ некоторой части геометріи? Почему онъ полагалъ, что весь народъ долженъ учиться таггесамъ и употребленію циркуля и именно только этимъ предметамъ? Цифирныя школы иначе называются навигацкими, не потому только, что состояли въ завѣдованіи адмиралтействъ—коллегіи. Самое это поддписаніе

---

¹⁾ См. Истор.-статист. описаніе рязанской духовной семинаріи, архив. Макарія. Новгородъ 1864, стр. 3.

²⁾ П. С. З. № 4450.

³⁾ Веселаго: Оч. Ист. Мор. Бад. Корп. стр. 34.

⁴⁾ *ibid.* стр. 11.

ихъ морскому вѣдомству можетъ быть изъяснено не иначе, какъ тѣмъ, что законодатель и элементарному образованію придавалъ ту же цѣль, какую преслѣдовала морская академія. Если самъ законодатель, при его страсти къ мореходству, считалъ знанія, необходимыя для навигаторовъ, знаніями, выбьющими самый высокій интересъ, то и весь народъ, во всемъ его культурно—историческомъ значеніи не могъ имѣть другой болѣе возвышенной цѣли; всѣ должны были мореплавателями или по крайней мѣрѣ готовыми къ тому.

Это стремленіе основать все народное образованіе на такой узкой спеціальности можетъ показаться весьма дикимъ, а потому и наше предположеніе маловѣроятнымъ. Не вѣришь ли предположить, что законодатель признавалъ математику наиболѣе общеобразовательнымъ предметомъ? Но другія подобныя же мѣры царствованія Петра В. повидимому оправдываютъ первое предположеніе. Въ началѣ XVIII в. (1701-1715 г.) т. е. до времени открытія цифирныхъ школъ, открывались во многихъ городахъ адмиралтейскія (навигационныя въ полномъ смыслѣ) школы. Изъ записокъ Неплюева и Мордвинова видно, что такія школы были до 1715 г. въ Нарвѣ, Ревелѣ, въ В. Новгородѣ. Въ Нарвѣ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Мих. сынъ Кашищевъ. Въ Новгородѣ обучали начальнымъ основаніямъ математики ¹⁾. Подобная же школа была основана Петромъ въ Воронежѣ въ 1703 года, когда Петръ посѣтилъ этотъ городъ. «На первый разъ набрано было 90 человекъ молодыхъ драгунъ, которымъ преподавалась грамота и сверхъ того арифметика. Въ приходя—расходныхъ книгахъ 1710 года, хранящихся въ воронежскомъ архивѣ, есть указаніе на то, кто былъ первымъ воронежскимъ педагогомъ, «словескаго ученія мастеромъ», и сколько онъ получалъ жалованья. Таковымъ былъ иѣкто Семень Мининъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и переплетчикомъ книгъ для адмиралтейскаго приказа; между его учениками упоминается иѣкто Федоръ Федоровъ и двое его товарищей,

---

¹⁾ См. Зап. Мордвинова Спб. 1868. Жизнь Пя. И. Неплюева. Р. Арх. 1871 стр. 4-5. Г. Веселаго (Оч. Ист. Морск. Кадет. Корп. стр. 34) пишетъ: «Въ эти годы (1701-1715) довольно часто основывались разныя училища, въ городахъ заведены небольшія адмир. школы».

которые всё получали въ годъ кормоваго жалованья 14 р.»¹⁾.

Окончательное утверждение математическо—навигационной системы образованія, какъ общеобязательной для всѣхъ, относится какъ извѣстно къ 1714—1716 годамъ.

Образованіе въ указанномъ составѣ и размѣрахъ объявлено обязательнымъ. Карательныя мѣры, придуманныя какъ законодателемъ, такъ и практикою того времени, для огражденія обязательности образованія, направлены были прежде всего на дѣтей, а не родителей. Этотъ весьма нерациональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребность въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи.

Мѣра, придуманная первымъ узаконеніемъ о цифирныхъ школахъ (1714 г.), повидному придумана весьма остроумно: кто не усвоитъ вполне элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ правительствомъ, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, а безъ такого свидѣтельства не позволено жениться. ¹⁾ Личный интересъ, который раздражаетъ здѣсь законодатель, повидному самый общій и самый чувствительный. Но мѣра эта поражена двумя существенными пороками: а) исполненіе угрозы ведетъ къ нарушенію другаго государственнаго интереса, который въ государствахъ XVIII в. считался весьма существеннымъ, именно умноженія народонаселенія. Очевидно, что государство само должно было не настаивать строго на исполненіи этого неразумнаго постановленія и тѣмъ парализовать обязательность обученія. Если въ первые 10 л. существованія цифирныхъ школъ во всѣхъ ихъ перебывало 1389 чел., а выучено 93 чел., то можно ли думать, что осталшая масса населенія можетъ быть лишена брака? И что дѣйствительно было бы въ такомъ случаѣ съ

---

¹⁾ «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ», Г. М. Веселовскаго, стр. 73.

²⁾ «Какъ ту науку тѣ ихъ ученики выучать совершенно и въ то время давать имъ свидѣствованныя письма за свою рукою..., а безъ такихъ свидѣствованныхъ писемъ жениться имъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать.» П. С. З. № 2778.

государством? Очевидно, что всѣ, а не одни 92 счастливца, преблагополучно получили право жениться, вопреки узаконенію 1714 г.—б) Это узаконеніе считаетъ исполненіемъ школьной обязанности не посѣщеніе школы, а дѣйствительное усвоеніе требуемыхъ знаній: «ту науку выучать совершенно.» Государство никогда не можетъ потребовать этого вопреки педагогикѣ и психологін.

Что угроза недонущенія до брака мало дѣйствовала, это доказываютъ жалобы учителей на отсутствіе учениковъ, жалобы, начавшіяся вскорѣ по прибытіи учителей на мѣста. По этому указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ мѣрамъ—административныя,—рекомендуетъ губернаторамъ (указъ данъ боярину Салтыкову) въ тѣ школы опредѣлять (дѣтей) не упуская времени, «велѣтъ высылать ихъ безъ мотчанія» ¹⁾. Какъ ревностно исполняла это тогдашняя администрація, показываютъ прошенія посадскихъ людей 1720 г.: «держать изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ» ²⁾. Тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ, «таскали». Способъ набора, практиковавшійся тогда во всѣхъ случаяхъ, слѣд.: родители представляли своихъ дѣтей подлежащей власти для разбора; власть распределяла ихъ смотря по ихъ возрасту и собственному усмотрѣнію. Разборъ для опредѣленія въ цыфирныя школы производили воеводы, каждый въ своей провинціи ³⁾.

¹⁾ П. С. З. № 3447.

²⁾ П. С. З. № 3575.

³⁾ Опис. Арх. Св. Синода № $\frac{602}{292}$ $\frac{16 \text{ Окт.}}{5 \text{ Марта}}$ 1722. Всѣ принудительныя. мѣры излагались въ инструкціяхъ учителямъ так. обр.:

«Учить тебѣ тѣхъ учениковъ въ школахъ тѣхъ, которыхъ тебѣ показаны будутъ отъ воеводы, а во время ученія денегъ съ учениковъ никакихъ тебѣ не брать и о томъ ученіи чинить тебѣ прилежаніе, а ученикамъ въ приманіи, и во ученіи ихъ продолженія, и обидѣ и нагодовъ никакихъ никому по прихотямъ своимъ отнюдь тебѣ не чинить, а довольствоваться тебѣ Его Императорскаго Величества жалованьемъ, которое опредѣлено изъ статей-конторъ коллегій; а которые ученики учиться не похотятъ, и тѣхъ жениться не допускать; о чемъ въ Переславль Рязанской къ воеводѣ изъ сената Его Величества указъ посланъ.

Вотырые ученики стануть отъ школы отбывать, тѣхъ наказывать тебѣ

Принудительность образованія была одною изъ причинъ неуспѣха цифирныхъ школъ; и дѣйствительно: «случалось, что дѣти силою забранныя въ эти школы, разбѣгались изъ нихъ, какъ это случилось въ Воронежѣ» ¹⁾.

Мы сказали, что характеръ элементарныхъ школъ въ цифирныхъ можно замѣчать по тому, что они предназначены для всѣхъ гражданъ. И дѣйствительно въ первыхъ узаконеніяхъ о нихъ правительство не дѣлаетъ исключеній ни для кого относительно обязанности посѣщать ихъ, кромѣ однодворцевъ: по узаконенію 28 февр. 1714 ²⁾, ей подлежали дѣти дворянскіе и приказнаго чина дьяческіе и подъяческіе отъ 10 до 15 лѣтъ «опроче однодворцевъ». По узаконенію 28 дек. 1715 г. ³⁾ «молодые ребята изъ *всякихъ чиновъ людей*». Почему сдѣлано исключеніе въ пользу однодворцевъ? Потому, конечно, что однодворцы были лица, составлявшія народное поголовное ополченіе. Если ихъ держать въ школахъ до 15 лѣтъ, то некогда имъ готовиться къ своей постоянной профессіи и отцамъ ихъ не кѣмъ замѣнить себя въ случаѣ общаго движенія ополченія. Что это такъ, доказываетъ параллельною мѣрою 1736 г.: въ Петербургъ къ герольд-мейстеру для записи въ школы должны являться «всѣхъ служилыхъ людей дѣти отъ 7 лѣтъ и выше, кромѣ однодворческихъ, которые ландмилицію содержатъ» ⁴⁾.

школьными наказаніями, а которые явятся въ побѣгѣ и изысканы будутъ, также и на воровствахъ, тѣхъ отсылать въ наказанію къ воеводѣ.

Въ дома отпускать учениковъ для самыхъ нуждъ не на великое время, а именно: на мѣсяцъ и на два съ вѣдома воеводскаго, а пашпорты имъ давать за рукою воеводскою, на которыхъ и тебѣ подписывать своею рукою.

Будучи въ Переславлѣ Рязанскомъ, репортовать тебѣ въ санктпетербургскую академію по третямъ года, сколько у тебя учениковъ учится и кто именно и сколько лѣтъ и какихъ чиновъ и въ какихъ наукахъ и сколько въ которомъ году обучался и даны отпуска, также и о прочемъ о всемъ, о чемъ надлежитъ.

Будучи въ Переславлѣ Рязанскомъ у ученія, учить учениковъ съ прилежаніемъ и во всемъ поступать такъ, какъ надлежитъ доброму и честному человѣку, опасаясь за неисправленіе надлежащаго штрафа и наказанія. «Истор. стат. описаніе рязанской дух. семинаріи». Архив. Манарія. Новгородъ, 1864 стр. 4—5.

¹⁾ Опис. Арх. Св. Синода № ⁶⁶⁸ 16 Нолбра / ⁶⁴⁰ 6 Марта 1728.

²⁾ П. С. З. № 2778. (3) Ib. № 2971. (4) Ib. № 6949.

Но такъ какъ въ подобныхъ же условіяхъ находилось и дворянство, то законодатель счелъ необходимымъ скорѣе исключить и его изъ общей обязанности посѣщать элементарныя школы. Указъ 18 янв. 1716 г. ¹⁾, повторяя распоряженіе двухъ первыхъ указовъ, уже прибавляетъ: «окромѣ дворянскихъ дѣтей» ²⁾; и это было весьма резонно, потому что въ то же время дѣйствовала строгая специальная система обязательнаго обученія дворянъ въ специальныхъ школахъ, съ которою намъ предстоитъ познакомиться въ своемъ мѣстѣ. Въ приведенномъ выше 1-мъ пунктѣ инструкціи учителю Павлову сказано: «а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать».

Такимъ образомъ подлежащими обязанности посѣщать элементарныя школы уже съ 1716 г. остались одни низшіе классы. Но такъ какъ эти классы въ первоначальныхъ учрежденіяхъ не были перечислены порознь, то отсюда возникало сомнѣніе, какіе именно изъ нихъ подлежатъ ей; лица завѣдовавшія школами, этимъ объясняли неуспѣхъ ихъ. Въ 1719 г. полковникъ Скорняковъ-Писаревъ, доносилъ, что только въ одной ярославской есть ученики; въ то же время навигаторы новгородской и ярославской школъ просили разъяснить—кто именно подлежитъ обязанности посѣщать школу:

«Въ вышеписанныхъ-де цар-го в-ва указахъ къ помянутой наукѣ, oprичъ дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей, другихъ всякаго чина людей о дѣтѣхъ порознь не означено. И дабы о высылкѣ ихъ въ провинціи въ подтвердительныхъ указахъ чины дьячихъ, приказныхъ посадскихъ, церковниковъ, монастырскихъ и прочихъ чиновъ написать именно, чтобъ нието въ томъ не отговаривался».

Сенатъ 6 ноября 1719 именно такъ и приказалъ ³⁾).

Послѣ этого сдѣлалось несомнѣннымъ, что цыфирныя школы должны быть посѣщаемы, между прочимъ посадскими людьми. Администрація тотчасъ приняла рѣшительныя мѣры къ исполненію этого узаконенія; но вотъ въ 1720 г. явилось челобитье въ сенатъ отъ посадскихъ людей, а именно отъ Каргопольцовъ, Устюжанъ, Вологжанъ, Калужанъ,

¹⁾ П. С. З. № 3973.

²⁾ П. С. З. VI. № 3575.

жанъ и другихъ городовъ, «что де въ помянутые школы принуждаютъ ихъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ и въ томъ держать изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ».

Что въ общей жалобѣ 1720 г. участвовали не одни перечисленные здѣсь города, а и многіе другіе,—это доказывается подлиннымъ прошеніемъ посадскихъ гор. Шун, отысканнымъ г. Борцовымъ въ архивѣ бывшей городской ратуши ¹⁾. На основаніи этого прошенія и словъ именнаго указа 13 апр. 1720. мы можемъ съ несомнѣнностію опредѣлить

---

¹⁾ «Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій. Въ прошлое и въ нынѣшнемъ 1720 году, по присланнымъ твоимъ Великаго Государя указамъ изъ московской ратуши въ нижесписанные города къ земскимъ бурмистрамъ, написано: велѣно изъ московской губерніи дьяческихъ, подьяческихъ, посацкихъ и прочихъ чиновъ дѣтей отъ десяти до тринадцати лѣтъ учить цифирн и въ некоторую часть геометріи и принуждаютъ для того учения высылкою къ Москвѣ и въ томъ держать людей въ городѣхъ за карауломъ, а въ городѣхъ оныхъ посацкихъ людей дѣти въ вышеписанныя лѣта обучаются издѣтства по купеческому состоянію къ торговымъ промысламъ, которые вступили къ такому торговому обыкновенію, что уже и въ рядахъ сидятъ за товарами, а иные многіе въ отъѣздѣ соотцами и съ товарищами для торговъ же въ городѣхъ, понеже указомъ твоимъ государевымъ и по выборамъ ирскихъ людей отцы какъ изъ первостатейныхъ, такъ и изъ среднихъ и изъ меньшихъ бывають у зборовъ въ таможенныхъ и на кабакахъ и въ иныхъ многихъ службахъ не токмо въ тѣхъ городѣхъ, но и въ новозавоеванныхъ; а купечеству торговые промыслы для усмотрѣнія на заводѣхъ отираву имѣють безъ нихъ дѣти ихъ; изъ тѣхъ торговыхъ промысловъ таможенные и десятую денгу и положенные съ той десятой разныя сборы отправляють онижъ, дабы таможеннымъ зборамъ, за безторжицею недоборовъ не было, такъ же и въ платежахъ съ нихъ купецкихъ людей десятой и прочихъ съ той десятой зборовъ также остановка и депки не случилось; и ежели, государь, оныхъ купецкихъ дѣтей для науки въ школы новелѣно будетъ изъ городовъ взята, весьма отъ торговъ и промысловъ своихъ отстануть все и обучатца имъ впрядь торговому промыслу уже будетъ невозможно, понеже что возымѣють города? а купеческимъ людямъ въ торгахъ своихъ будетъ многая безъ нихъ, за показанными службами, а наче за одиначествомъ, остановка, понеже имѣють дѣтей не равно. *И вышеписанной наукѣ обучаются и собою многіе.* Всемилостивѣйшій Государь, просимъ Вашего Величества для многолѣтняго Вашего Царскаго здравія, не вели, государь, для означенной науки, во учиненные въ Москвѣ школы з городовъ дѣтей нашихъ брать, и о томъ свой милостивой указъ учинять».

причины, возбудившія этотъ коллективный адресъ городовъ. Прежде всего изъ словъ самаго правительства ясно, что причина этого не заключалась въ мрачномъ отвращеніи отъ образованія, какъ иногда рѣшается этотъ вопросъ съ плеча въ нашей литературѣ; весьма основательныя причины заключаются а) въ томъ, что округи школъ были непомерно велики: дѣтей нужно вести изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву и т. п. б) въ срокѣ ученія, по мнѣнію гражданъ слишкомъ длинномъ, хотя повидному онъ былъ сокращенъ въ послѣдствіи сравнительно съ срокомъ назначеннымъ въ 1714 г. (по крайней мѣрѣ прошеніе Шуяня говорить о 13 лѣтнемъ возрастѣ, какъ предѣлѣ элементарнаго обученія). Но и этотъ срокъ посадскіе находятъ тяжелымъ, потому что въ эти лѣта дѣти ихъ сидятъ уже въ рядахъ за лавками, или находятся въ отъѣздѣ съ отцами; в.) разумѣется это не причина для того, чтобы спѣшить слишкомъ окончаніемъ элементарнаго образованія: Общій принципъ и педагогики и администраціи образованія требуетъ, чтобы начало профессіи не мѣшало окончанію образованія. Но дѣло въ томъ, что профессія эта въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательная, государственно-служебная: отцы, по государевымъ указамъ, должны быть у сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и въ другихъ многихъ службахъ. Кто же, при отъѣздѣ отцовъ на эту службу, замѣнитъ ихъ дома въ торговлѣ? Будетъ одно изъ двухъ: остановится торговля, и слѣд. уменьшатся государственныя доходы, или потерпятъ вредъ служба, т. е. опять казна понесетъ убытокъ. г.) Наконецъ самая основательная причина это та, что обязательной наукѣ (т. е. цыфрѣ и нѣкоторой части геометріи) обучаются многіе сами собою безъ принужденія. Посадскіе люди не могли съ добросовѣстностью утверждать, что они *всѣ* обучаются требуемымъ знаніямъ, потому что арифметика преподавалась не во всѣхъ приходскихъ школахъ, а геометрія, разумѣется, нигдѣ; но другія элементарныя знанія (грамотность) жители посадовъ несомнѣнно приобрѣтали по требованію своей профессіи. Свидѣтельства о грамотности чело- битчиковъ Шуяня въ XVII в., приводимыя г. Борисовымъ ¹⁾

¹⁾ «Грамотность Шуяня въ XVII и XVIII ст.» (Владим. Губериск. Вѣд. 1854 г. № 40).

подтверждаютъ это.

Правительство признало основательными доводы коллективных прошений городовъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, по указу царя, въ сенатѣ опредѣлено:

«Посадскихъ людей, хотя въ посланномъ указѣ ноября 6-го дня 1719 году объ нихъ и именовано, однакожь къ той наукѣ высылкою ихъ въ неволю ¹⁾ не понуждать и въ томъ отцамъ ихъ и свойственникамъ убытковъ и утѣсенія не чинить (какъ нынѣ челобитьемъ своимъ о томъ являютъ), потому, что дѣти ихъ въ такія дѣта приходятъ въ купеческое состояніе и чтобъ отъ того какъ въ торгахъ и въ промыслахъ ихъ, такъ и въ сборѣ съ нихъ таможенныхъ и всякихъ государевыхъ податей не было поврежденія, а принимать въ ученіе изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которые сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ, да и кромѣ ихъ противъ именнаго его в-го г-ря указу въ такомъ ученіи, которые возмуща у другихъ чиновъ людей, обрѣтатися учениковъ будетъ довольное число».

Расчетъ правительства, высказанный въ послѣдней фразѣ приведеннаго сейчасъ указа, тотчасъ же оказался невѣрнымъ. Кто, за отчисленіемъ дворянъ, однопорцевъ и посадскихъ, остался подлежащимъ школьной повинности? Дѣти священниковъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ, дяковъ и подъячкхъ.

Когда въ началѣ слѣдующаго года былъ изданъ духовный регламентъ, то въ силу его предписаній духовное вѣдомство обязывалось имѣть свои школы, а дѣти священниковъ и причетниковъ обязывались учиться въ этихъ школахъ. И такъ главный контингентъ посѣтителей цифирныхъ школъ отливаль отъ нихъ. Изъ 1389 учениковъ, бывшихъ въ цифирныхъ школахъ до 1722 г., 93 было выпущено за окончаніемъ курса, а *всѣ остальные*, дѣти людей, подлежащихъ вѣдомству синода, бѣжали. Такое повальное бѣгство объясняется между прочимъ тѣмъ, что отцы или просто почували временную свободу, когда по духовному регламенту дѣтямъ ихъ слѣдовало учиться въ архіерейскихъ школахъ, а такихъ еще не было, или дѣйствительно должны были вести дѣтей въ архіерейскія школы, гдѣ онѣ были уже открыты. Адмиралтейская коллегія не разъ въ 1721 г. требовала высылки

---

¹⁾ Въ П. С. З. напечатано: «въ недѣлю»; но это очевидная опечатка.

ихъ въ цифирныя школы ¹⁾); но синодъ указами іюня 22-го 1721 г. и авг. 17-го 1721 г. далъ знать, что «церковниковы и приказныхъ чиновъ людей дѣти потребны ко учреждаемой отъ пр. синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ.» Синодъ объявилъ даже, что въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ школы отводить не велѣно ²⁾).

Но въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла оставаться не могли; въ 1721 г. ноября 19-го св. синодъ между прочимъ докладывалъ государю: «о поповскихъ и причетническихъ дѣтѣхъ, по прежнему указамъ въ арифметическія школы и къ прочимъ *святскимъ* наукамъ спрашиваемыхъ требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по духовному регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ.» Царь рѣшилъ: «быть такъ» ³⁾).

---

¹⁾ «Изъ доношенія академической канцеляріи, коллегія усмотрѣла, что «до объявленнаго ученія помянутыхъ чиновъ людей дѣтей во опредѣленные въ губерніяхъ и въ провинціяхъ школы въ посылкѣ малое число, а изъ другихъ и не выслано». По этой причинѣ адмиралтействъ—коллегія обратилась, между прочимъ, и къ св. синоду съ требованіемъ немедленной высылки въ школы тѣхъ дѣтей, родители которыхъ находятся подъ его вѣдѣніемъ, чтобы назначенные въ школы учителя «безъ дѣла не были и даромъ жалованье не брали». Въ отвѣтъ на это требованіе, св. синодъ, по опредѣленію отъ 12-го іюня, объявилъ адмиралтействъ—коллегіи, что «которыя (дѣти) изъ помянутыхъ требуемыхъ въ арифметическую науку обрѣтаются не въ школахъ, святой церкви потребныхъ и которыя къ тѣмъ школамъ, паче уже учреждаемой по именному Его Царскаго Величества указу семинаріи (разумѣется С.-Петербургская) не востребуются, тѣ ко оному цифрн и геометричн ученію отосланы будутъ, а помянутыхъ, которыя въ оныхъ школахъ (т. е. церковныхъ) содержатся и которыя къ семинаріи потребны, (тѣхъ) отсылать къ тому арифметическому и геометрическому ученію не надлежитъ, понеже, по именному Его Царскаго Величества указу и по духовному регламенту, велѣно для полезныхъ святѣй церкви и государству наукъ учредить въ Санктъ-Петербургѣ семинарію, въ которой, между прочими науками, и помянутое арифметическое и геометрическое ученіе дѣйствовать будетъ. Также и по епархіямъ школы, святѣй церкви потребныя, строить и ученіе разширять повелѣно, дѣти и подобныя имъ, яко паче другихъ опредѣлены быть должнствусмыс, и въ духовномъ регламентѣ къ тому ученію назначены». (Опис. документовъ и дѣлъ хранящихся въ архивѣ св. пр. синода. Т. I. № ³⁰⁰/₂₉₁ стр. 338).

²⁾ П. С. З. № 4975, окт. 31, 1726 г. ³⁾ ib. т. VI, № 3854, нояб. 19.

Въ силу этой резолюціи въ слѣд. 1722 году сенатъ приказалъ: дѣтей *дѣйствительно служащихъ* поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ арнеметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не спрашивать ¹⁾. Это опредѣленіе сената не было однако простымъ исполненіемъ высочайшей воли, но истолковывало ее: дѣти не всѣхъ духовныхъ лицъ подлежатъ обязанности учиться въ архіерейскихъ, а не арнеметическихъ школахъ, но только дѣйствительно служащихъ. Это было однимъ изъ результатовъ ряда переворотовъ совершенныхъ 1-ю ревзію и потомъ повторялось не разъ впоследствии. Мы ознакомимся съ этимъ явленіемъ въ своемъ мѣстѣ.

Повтореніе высочайшаго повелѣнія 1721 г. почти черезъ годъ сенатомъ было вызвано тѣмъ, что администрація продолжала еще повсюду исполнять законодательныя повелѣнія 1714 и 1716 г. и мы увидимъ ниже, что для администраціи понятиѣ было трудно помирить эти узаконенія съ узаконеніями 1720 и 1721 г.. Св. синодъ 1722, 31 мая ²⁾ съ своей стороны счелъ нужнымъ подтвердить указанное выше распоряженіе сената:

«Хотя прежними въ 1714 и 1716 и 1720 годахъ состоявшимися Е. И. В. указы, до уставленія св. синода, въ арнеметическія школы для ученія цыфры и геометріи были они (дѣти лицъ духовнаго званія) и опредѣлены; но потомъ духовнымъ регламентомъ въ архіерейскихъ школахъ учиться одолжены... апрѣля 4 числа нынѣшняго 1722 г. собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ утверждено такое сенатское мнѣніе, что служащихъ у церкви дѣйствительно протопоповъ, поповъ и діаконовъ въ дѣти, которыя отъ подушнаго оклада уволены, учить въ школахъ и производить на убылыя мѣста въ попы и во діаконы .. Объявить коемуждо архіерею во всей своей епархіи церковникамъ указами, дабы они знали, что дѣти ихъ отъ вышеозначенныхъ арнеметическихъ школъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ свободны учинены».

Чтобы парализовать необходимость посѣщенія арнеме-

¹⁾ Иб. № 4105 окт. 8.

²⁾ П. С. 3. 4021, Т. VI.

тическихъ школъ синодъ за благо нашолъ ввести въ архіерейскихъ школахъ преподаваніе «какъ арифметикп, такъ нужнѣйшей части геометріи, дабы они обѣихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны и тѣмъ оба опредѣленія, т. е. и прежде состоявшіеся о арифметическомъ и геометрическомъ ученіи Е. И. В. указы и изложенное потомъ о свойственной наукѣ (т. е. профессиональной духовной) синодальное установленіе, исполнили бѣ».

Но такимъ образомъ далеко не примиряются противорѣчія требованій 10-хъ и 20-хъ годовъ: арифметическія школы существуютъ отдѣльно отъ архіерейскихъ и должны имѣть учениковъ; воеводы и губернаторы ревностно смотрятъ, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. Но откуда же взять учениковъ?

И вотъ цифирные учителя, или навигагоры, а равно и администрація продолжаютъ «таскать» въ свои школы дѣтей церковническихъ. Въ началѣ 1722 г. до синода дошло свѣдѣніе, что это насиліе совершаетъ костромской воевода Стрешневъ, который «велѣлъ духовнымъ и монастырскимъ служителямъ представить къ нему въ канцелярію своихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, для смотра и разбора, не взирая и не отговариваясь св. пр. синодомъ. Протекторъ школъ и типографій, архимандритъ Гавріилъ, представилъ въ синодъ копию съ предписанія, даннаго Стрешневымъ. Св. синодъ опредѣлилъ послать при вѣдѣніи въ сенатъ копию съ указа, объявленнаго во всепародное извѣстіе Стрешневымъ (въ которомъ онъ «вѣщущую достойную св. прав. синода честь: *святтѣйшество* не написалъ») и потребовать отъ сената посылки къ Стрешневу и другимъ воеводамъ указовъ, о томъ, чтобы они въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ и не имали. Въ мартѣ 1722 г. архимандритъ Гавріилъ донесъ св. синоду, что синодскій духовной приказъ въ Костромѣ получилъ 21-го февраля изъ костромской воеводской канцеляріи указъ о высылкѣ «безъ замедленія» священно и церковно-служительскихъ дѣтей въ науку къ прибывшему, въ Кострому учителю Семену, Прокшпну, который учениковъ себѣ на канцеляріи воеводскаго правленія требуетъ неотступно. Гавріилъ представилъ св. синоду при доношеніи и копию съ указа воеводской канцеляріи, объясняя, что безъ повелѣнія синода не смѣетъ сдѣлать распоря-

женія объ отсылкѣ требуемыхъ дѣтей къ Прокшпну». ¹⁾ Въ концѣ года повторилось тоже въ Переяславѣ за лѣсскомъ.»

«722 года октября 3 дня въ присланномъ указѣ Переяславля Залѣскаго изъ канцеляріи воеводскаго правленія на синодальной десятильничъ дворы (?), написано, чтобъ для обученія цифирни и нѣкоторой части геометріи дьячихъ и подъяческихъ и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ дѣтямъ учителю Якову Степанову отвести, гдѣ надлежитъ, школу, также де Переяславской десятины всѣхъ церквей поповъ и дьяконовъ и всякаго церковнаго причта людей, въ поставкѣ дѣтей ихъ ради обученія во оную школу таскаютъ непрестанно...»

Это доношеніе заставило снова св. синодъ повторить:

Въ синодальной области и въ епархіяхъ принуждаемыхъ къ *навигатскимъ* наукамъ поповыхъ, дьяконовыхъ и причетническихъ дѣтей какъ губернаторамъ и воеводамъ, такъ и посланнымъ въ губерніи и провинціи навигатскихъ наукъ учителямъ слюю не принуждать и синодальнымъ управителямъ не отдавать, также и оныхъ церковниковъ, въ поставкѣ тѣхъ своихъ дѣтей во оныя навигатскія школы къ свѣтскимъ командамъ, тѣмъ командирамъ отнюдь не имать, и духовнымъ управителямъ въ томъ ихъ оберегать... А что помянутой свѣтской команды учитель церковническихъ дѣтей къ цифирному ученію принуждаетъ и отъ того *священному чину не малую наноситъ обиду...*, требовать надлежащей сатисфакціи...

Потомъ не разъ повторяется таже борьба въ разныхъ провинціяхъ: «такъ Іоанникій, митрополитъ коломенскій и каширскій, на требованіе губернской канцеляріи о побужденіи подчиненныхъ ему духовныхъ къ высылкѣ своихъ дѣтей въ арнеметическую московскую школу, отвѣтилъ, что «безъ послушнаго Великаго Государя указа изъ св. прав. духовнаго синода вышеписанныхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и церковничьихъ дѣтей въ помянутое школьное ученіе высылать онъ не хотѣлъ». Изъ Переяславля—Залѣскаго также доносили синоду, что священно и церковно-служители этой епархіи, безъ послушныхъ указовъ изъ св. синода, также уклоняются отъ

---

¹⁾ См. Опис. докум. и дѣлъ хранящихся въ арх. св. пр. синода Т. I
№ 602 16 Октября 1722 г. стр. 657.
292 5 Марта

исполненія царскихъ указовъ, о высылкѣ дѣтей въ арифметическія школы. Изъ Смоленска было получено подобное же доношеніе». ¹⁾

Итакъ борьба между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ за право образовывать духовное юношество дошла до «требованія надлежащей сатисфакціи». Были же для этого весьма основательныя причины, но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до окончательнаго указанія этихъ причинъ, здѣсь отмѣтимъ слѣдующій небезынтересный фактъ: синодъ, въ вышеприведенномъ указѣ, постоянно обходитъ то ограниченіе, которое было постановлено въ сенатскихъ указахъ апр. 4 и окт. 8 относительно лицъ освобождаемыхъ отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ; онъ не упоминаетъ о дѣтяхъ такихъ церковниковъ, которые оставались по ревизіи заштатными и подлежали записи въ подушный окладъ. Не слѣдовало ли этимъ послѣднимъ подчиняться требованію навигаторовъ? Этотъ вопросъ вызоветъ впоследствии новыя затрудненія и новыя узаконенія, рѣшающія ихъ. Но общій отвѣтъ на него и вмѣстѣ причина того, что синодъ не упоминаетъ о дѣтяхъ заштатныхъ церковниковъ есть то, что всякій записанный въ подушный окладъ не обязанъ былъ посѣщать школы.

Далѣе административная борьба элементарнаго образованія съ профессиональнымъ питалась неполнотою узаконенія 19 ноября 1721 г. и сенат. ук. 8 ноября 1722 г. Эти узаконенія говорятъ объ освобожденіи отъ цыфирныхъ школъ дѣтей поповъ и причетниковъ. Между тѣмъ «синодская команда» состояла не изъ нихъ только, а вмѣстѣ изъ многочисленнаго класса свѣтскихъ лицъ, состоявшаго изъ дяковъ и подъячихъ въ разныхъ церковныхъ приказахъ и изъ монастырскихъ слугъ. Послѣдніе были поименованы прямо въ сенат. указѣ 6 ноября 1719 г., какъ подлежащіе ученію въ цыфирныхъ школахъ, но узаконенія 1721 и 1722 г. объ нихъ не упомянули вовсе; что же касается до дяковъ и подъячихъ синодской команды, то объ нихъ ни гдѣ не было упомянуто. Нужно было вновь возбудить и этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ. Когда однажды въ 1723 г. Петръ

---

¹⁾ ibid. Т. I № $\frac{668}{640}$ $\frac{16 \text{ Ноябрь}}{6 \text{ Марта}}$ 1728, стр. 714.

присутствовала въ адмиралтейской коллегіи, то эта послѣдняя представила ему на разсужденіе упомянутый вопросъ; Петръ велѣлъ рѣшить его въ сенатѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ связи съ другими о цыфирныхъ школахъ, повело было, наконецъ, къ совершенному измѣненію организаціи цыфирныхъ школъ, къ образованію изъ нихъ опять общихъ для всѣхъ сословій элементарныхъ школъ подъ вѣдомствомъ духовенства.

Именно въ 1723 г. мая 2-го адмиралтейская коллегія доносила сенату, что государь велѣлъ рѣшить въ сенатѣ между прочимъ: «дѣтей приказнаго чина и монастырскихъ для обученія цыфиріи и нѣкоторой части геометріи при тѣхъ школахъ имѣть, или въ семинаріи и въ архіерейскихъ школахъ обучать» ¹⁾. Рѣшеніе этого вопроса стояло въ тѣснѣйшей связи съ отвѣтомъ на другой тогда же предложенный вопросъ: не соединить ли цыфирныя школы съ архіерейскими? Мы увидимъ въ свое время, что вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. При этомъ кругъ лицъ, подлежащихъ обученію въ архіерейско-цыфирныхъ школахъ, вновь расширился, или точнѣе архіерейскія школы могли сдѣлаться опять общими элементарными училищами. Пока эта мѣра пріималась къ одной новгородской цыфирной школѣ; при этомъ сенатъ прибавилъ: «а въ ученіи ученикамъ въ той цыфирной школѣ быть изъ такихъ чиновъ, которымъ по прежнимъ Е. И. В. указамъ обучаться велѣно», т. е. въ этой школѣ соединяются дьяческія, подъяческія, церковническія дѣти и дѣти лицъ, подчиненныхъ церкви, но не носящихъ духовнаго званія—дѣти монастырскихъ слугъ и проч.. Кромѣ того въ тѣхъ же элементарныхъ школахъ предполагалось давать образованіе и такимъ классамъ, которые освобождены отъ обязательнаго опредѣленія дѣтей въ школы, съ обязанностию замѣнять его домашнимъ обученіемъ:

«А для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ,

---

¹⁾ Это мѣсто въ текстѣ П. С. З. совершенно спутано; мы изложили его по очевидному требованію смысла и по извлеченію этого указа въ указѣ 1726 г. окт. 31. (№ 4975).

дѣтей своихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобъ такое правильное обученіе умножилось, токмо бѣ въ обученіи отъ учителей для какой страсти продолженій не происходило. о томъ надлежитъ изъ прав. синода въ тѣ школы подтвердить Е. П. В. указами».

Эта боязнь правительства, чтобъ дѣти слишкомъ долго не заучились въ школахъ объясняется весьма просто: служилые люди въ 15 или въ 20 лѣтъ должны служить; имъ некогда долго возитъ ся съ образованіемъ; «особливо, хотя бѣ они и сами желали, возраста ихъ болѣе какъ до 15 л. не держали, а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь не принимали, дабы подѣ имянемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывался». Лишь въ этомъ смыслѣ нужно разумѣть слова указа, «что обрѣтающихся въ Новгородской спархіи свѣтскихъ людей, а пмянно; шляхетныхъ и приказныхъ и купеческихъ и прочихъ чиновъ дѣтей ко ученію отдавать во оныя жѣ (архіер.) школы.»

Ни профессиональное назначеніе архіерейскихъ школъ («въ надежду священства»), ни направленіе свѣтскаго образованія (для службы) не позволяли выполнить предположенную и лишь отчасти осуществленную здѣсь реформу цыфрныхъ школъ. Мы увидимъ, что Петръ отказываетъ тѣмъ архіереямъ, которые просятъ о дозволеніи принимать въ архіерейскія школы дворянскихъ дѣтей.

И дѣйствительно всѣ школы, кромѣ одной новгородской, удержали свою отдѣльность. Однако ученики этихъ школъ набралась по прежнему (уже противозаконно) изъ дѣтей лицъ духовнаго вѣдомства: «какъ ученики, такъ и школы едва не всѣ духовнаго жѣ правительства; токмо изъ оныхъ приказнаго чина гражданскаго правленія и оныхъ не довольное число... За немѣнѣемъ приказнаго чина и за отбытіемъ изъ арифметическихъ школъ церковничьихъ дѣтей изъ многихъ провинцій по прежнему въ академію (морскую) учителя прибыли, а нынѣ въ другихъ провинціяхъ въ тѣхъ школахъ учениковъ обрѣтается малое число, въ которыхъ и учителямъ быть не учего». Такъ писала адмиралтейская коллегія въ 1726 г. ¹⁾ о причинахъ упадка арифметическихъ

---

¹⁾ П. С. З. окт. 31, № 4975.

школь. И нѣтъ ни малѣйшей причины подозрѣвать за указываемыми здѣсь причинами другія скрытыя.

За освобожденіемъ отъ цифирныхъ школь дѣтей одноворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ, остается единственный классъ лицъ, подлежащій имъ—это дѣти дьяковъ и подъячихъ. Но и этотъ классъ былъ призванъ законодательными мѣрами Петра къ образованію изъ себя отдѣльнаго сословія (какъ увидитъ ниже). Петръ, сознавая необходимость спеціальной подготовки для гражданскихъ чиновниковъ, принималъ для этого и спеціальныя мѣры; почти одновременно съ изданіемъ духовнаго регламента учреждены и школы для подъячихъ ¹⁾, назначенныя для подготовки къ высшимъ сферамъ гражданской службы. Не смотря на все это сословіе гражданскихъ чиновниковъ, дѣйствительно, представляло собою классъ лицъ, никуда еще не прикомандированный въ новой сословной организаціи общества; и дѣйствительно впоследствии классъ подъячихъ не составилъ изъ себя отдѣльнаго сословія. Вотъ почему и при существованіи подъяческихъ школь, дѣти подъячихъ составляли единственный скудный контингентъ ихъ. Въ доказательство этого представляемъ здѣсь мѣсячный рапортъ учителя Переславской (Рязанской) школы за ноябрь 1727 г. ²⁾

Чины, имена и прозваніе.	Лѣтъ.	Обучаются, съ помянутыхъ.			Обучены до упомянутыхъ наукъ.
		годы.	мѣсяцы.	числ.	АРИМЕТИКА.
ПОДЪЯЧЕСКІЯ:					
Иванъ Бадунинъ.	14	726	Сентября	2	во окончаніи
Иванъ Шестаковъ.	12	—	Сентября	—	во окончаніи
Мякула Карцовъ.	14	727	Августа	10	— —
Иванъ Михинъ.	13	—	Маія	3	въ тройныхъ
Степанъ Шишкинъ.	13	726	— —	3	— —
Иванъ Суворовъ.	13	—	— —	13	умнож. доль
Иванъ Пальбинъ.	12	—	— —	3	въ берковцахъ

¹⁾ ib. ук. № 3845. 1721 г. ноб. 10.

²⁾ Ист. стат. опис. Рязан. Дух. Семин. Архим. Макарія, стр. 10—11.

Федоръ Поликарповъ.	12	—	Маія	—	— —
Иванъ Бѣляевъ.	12	727	— —	3	— —
Александръ Сѣровъ.	14	—	— —	—	въ дивизиі
Степанъ Плотниковъ.	14	—	— —	—	въ мультеплик.
Иванъ Ремезовъ.	10	727	— —	3	въ аддиціи
Михаилъ Козминъ.	15	—	— —	—	— —
Петръ Алексѣевъ.	10	—	— —	—	— —
Иванъ Полуехтовъ.	10	—	— —	—	въ нумераціи

Итого во ученіи учениковъ на лицо обрѣтается подъяческихъ дѣтей 15 человекъ. Учитель Петръ Павловъ.

Въ послѣдующихъ узаконеніяхъ о цифрныхъ школахъ постоянно говорится, что онѣ предназначаются для «дьяч-ныхъ, подъяческихъ и прочихъ» (послѣднее «и проч.» повторяется лишь по старой привычкѣ, потому что правительству хорошо уже было извѣстно, что подъ этимъ «и проч.» не разумѣется никто). Ничтожное количество дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей въ цифрныхъ школахъ будетъ указано ниже.

Бѣдственное существованіе цифрныхъ школъ поддерживалось еще около 20 л. (послѣ освобожденія отъ нихъ дѣтей духовныхъ лицъ) дѣтьми тѣхъ изъ шляхетнаго сословія, которымъ, по ихъ большей состоятельности, было позволено (съ 1737 г.) добровольно обучать дѣтей дома до извѣстнаго срока. Нѣкоторые изъ нихъ предпочитали посылать дѣтей для элементарнаго образованія въ цифрныя школы. Да кое-кто изъ солдатъ успѣвалъ помѣстить сюда дѣтей, невѣдомо какъ ускользнувшихъ отъ записи въ гарнизонныя школы.

Но не скрывается ли подъ мнѣческимъ «и проч.» та громадная масса народа для которой преимущественно устроиваются элемент. школы? И гдѣ она эта масса? Почему мы не разу не встрѣчались съ нею при этомъ кропотливомъ разборѣ кому гдѣ учиться: гдѣ дьяческимъ, гдѣ церковниковымъ дѣтямъ? Объ ней-то, этой массѣ, на которой созидалась вся работа пигмеевъ, забыли. Ни законодатель не прибавилъ ни разу: «и крестьянскихъ дѣтей»; ни служивая практика не тащила дѣтей этой многомилліонной массы въ города въ школы. Конечно подобная истинно иелѣзная мысль не могла

притти никому въ голову. Какъ собрать со всей губерніи, которая равнялась по крайней мѣрѣ 5 нынѣшнимъ, всѣхъ крестьянскихъ дѣтей 10—15 лѣт. возраста въ одинъ губернской городъ?

Но кромѣ этой резонной причины, доказывающей наиболѣе несостоятельность новой системы, была и другая причина этого страшнаго забвенія сельскихъ классовъ. По новой системѣ XVIII в. сельскіе классы не должны получать общественнаго образованія. Существованіе этой роковой мысли, къ сожалѣнію, можно доказать съ несомнѣнною очевидностью. Не одна совокупность узаконеній объ элемент. школахъ, своимъ согласнымъ молчаніемъ о крестьянскихъ дѣтяхъ, наводитъ на это подозрѣніе. Не всегда можно было обходить ихъ молчаніемъ. Другіе виды писшихъ школъ: школы для пищихъ и гарнизонныя школы, смѣшанныя собою цифирныя, уже имѣютъ въ виду крестьянскихъ дѣтей. Въ первыхъ, повидному опять выступила старая обязанность общества воспитывать всѣхъ лишенныхъ семьи и потому онѣ именно должны быть открыты для всѣхъ, требующихъ призрѣнія. Но по указу 25 Іюля 1729 г. только *вольные* пищие дѣти отсылаются въ коллегію экономіи для призрѣнія и образованія ¹⁾. Если бѣглый помѣщичій мальчикъ или дѣвочка будетъ пойманъ въ Петербургѣ, а помѣщिका его въ Петербургѣ нѣтъ, то это дѣтя лишь на время сношенія съ помѣщикомъ отдается въ школу, а потомъ тотчасъ, по заявленіи помѣщикомъ желанія взять его обратно, оно берется изъ школы; при этомъ помѣщикъ даже возвращаетъ правительству деньги, истраченныя на содержаніе его въ школѣ; правительство считаетъ этихъ дѣтей людьми сторонняго для себя вѣдомства ²⁾. Въ гарнизонныя школы отнюдь не велѣно брать дѣтей, положенныхъ въ подушный окладъ ³⁾.

Объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ *людьми* (холопами въ прежнемъ смыслѣ) правительство было послѣдовательно, не выспиваясь совершенно во внутреннія дѣла помѣщиковъ и крестьянъ. Но оно столь же мало заботилось объ образова-

¹⁾ П. С. З. № 5450.

²⁾ Иб. № 7017.

³⁾ Иб. № 6188.

ни собственныя (дворцовыя и государственныя крестьянъ); только инородцы некрещенные и новокрещенные, по особому государственно-церковному интересу ихъ образованія, были счастливыѣ.

Вотъ истинная причина неудачи новой системы элементарнаго образованія: некого учить въ элементарныхъ школахъ. При исключительно-профессіональной системѣ образованія элементарному общему нѣтъ мѣста.

Но это не есть единственная причина упадка школъ. Хотя указъ 1720 г. апр. 30 ¹⁾ заявилъ желаніе, чтобы «ученики для училища дома свои имѣли по близости, а не въ дальнемъ разстояніи,» но это было лишь желаніе, неисполнимость котораго конечно предвидѣло само правительство; школы должны быть заведены въ архіерейскихъ домахъ, которыхъ всѣхъ въ эпоху Петра было немного и только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, въ «знатныхъ монастыряхъ». Последнее истолковать очень трудно; еслибы въ каждомъ монастырѣ была заведена школа, то конечно училищныя округа могли быть не чрезмѣрно велики. Но сенатъ не могъ серьезно заявить этого требованія; онъ зналъ, что учителей послано во всякую губернію лишь по 2 человѣка ²⁾).

Во все время существованія цифирныхъ школъ изъ морскихъ академій: московской и с.-петербургской было отправлено въ провинціи 47 учителей, изъ нихъ 18 возвратились вскорѣ, за немѣніемъ въ школахъ дѣтей тѣхъ чиновъ, какіе указаны въ узаконеніяхъ 1714—1716 г. Въ губерніяхъ и провинціяхъ осталось 29 человѣкъ ³⁾).

По статистикѣ Кирилова ⁴⁾, данныя которой, какъ извѣстно, относятся къ 1727 г., число всѣхъ цифирныхъ школъ въ Имперіи опредѣляется такъ: 1) въ Новгородѣ, 2) въ Пошехоньѣ, 3) въ Ярославлѣ, 4) въ Твери, 5) въ Великолуцкой провинціи, 6) въ Московской губерніи (въ самой Москвѣ) 7) въ Переславлѣ Рязанскомъ, 8) въ Костромѣ, 9) въ Суздаля, 10) въ Юрьевѣ Польскомъ, 11) въ Переславлѣ Залѣс-

---

¹⁾ П. С. З. № 3575.

²⁾ ib. № 2971.

³⁾ ib. № 9054.

⁴⁾ «Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства» изд. 1831.

комъ, 12) въ Володиміръ, 13) въ Калугѣ, 14) въ Смоленскѣ 15) въ Сѣвской провинціи (вѣроятно въ самомъ Сѣвскѣ), 16) въ Воронежѣ, 17) въ Казани, 18) въ Свияжскѣ, 19) въ Уфимской провинціи, 20) въ Астраханѣ, 21) въ Симбирской провинціи, 22) въ Вологодской провинціи, 23) въ Галицкой провинціи, 24) въ Екатеринбургѣ (послѣдняя можетъ быть выходить изъ разряда цыфирныхъ, какъ устроенная собственно для дѣтей горныхъ чиновъ). Такимъ образомъ къ 1727 г. число цыфирныхъ школъ упало съ 29 до 24, или 23; къ 1744 г. оно понизилось до 8, какъ увидимъ ниже.

Число учениковъ въ этихъ школахъ въ 20 годахъ приблизительно можетъ быть опредѣлено по донесеніямъ Скорнякова-Писарева и адмиралтейской коллегіи. Въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, управлявшій школами с-петербургской губерніи (псковскою, новгородскою и ярославскою), доносилъ, что только въ одной ярославской было 26 человѣкъ изъ однихъ церковниковъ, въ прочихъ вовсе не было учениковъ. Въ томъ же году навигаторы московской и вологодской школъ доносили, что въ ихъ школахъ тоже вовсе не было учениковъ ¹⁾.

Въ 1721 г. Скорняковъ-Писаревъ, завѣдовавшій въ это время уже всѣми цыфирными школами въ государствѣ, доносилъ сенату:

«Писали же къ нему изъ московской школы учителя, что по присылкѣ прошлыхъ и 1720 годовъ изъ губернской канцеляріи во ученія ихъ обрѣтается учениковъ всякихъ чиновъ людей 70 человѣкъ, а *другихъ провинцій изъ городовъ* къ нимъ учениковъ никого не прислано, а въ иныхъ губерніяхъ и въ провинціяхъ же обрѣтается учениковъ малое число» ¹⁾.

1726 г. адмиралтейская коллегія въ своемъ донесеніи сенату (съ предположеніемъ отдать цыфирныя школы подъ вѣдомство синода) между прочимъ пишетъ: «изъ губерній и провинцій рапортами объявили, что въ тѣхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 722 годъ-1389, изъ

¹⁾ П. С. З. № 3375.

²⁾ ib. N 3703. янв. 9.

того числа выучено 93 человек, а за тѣмъ оставшіе едва не всѣ синодальной команды бѣжалцѣ» (т. е. остальные были по происхожденію подвѣдомы синоду и всѣ бѣжалцѣ) ¹⁾).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда уже въ трехъ мѣстахъ цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными, по рапортамъ учителей въ адмиралтейскую коллегію и по донесенію этой послѣдней въ сенатъ, ²⁾ учениковъ въ этихъ трехъ школахъ было: въ *смоленской* (гарнизонной): изъ шляхетства 5, служилыхъ чиновъ (высшихъ) 72, подъяческихъ дѣтей 1; итого 79. Въ *казанской* (гарнизонной): офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей 484. Въ *новгородской* (цыфирной): солдатскихъ (на жалованьѣ) 54, архіерейскихъ 2: итого 56. Всего въ трехъ школахъ 619 человекъ.

Между тѣмъ въ остальныхъ пяти цыфирныхъ школахъ, сохранившихъ свою отдѣльность, тогда же было: Въ *блгородской* подъяческихъ 2. Въ *костромской* изъ шляхетства 35, солдатскихъ 2, итого 37. Въ *юрьево-польской* изъ шляхетства 18. Въ *свіяжской* изъ шляхетства 10, солдатскихъ 3, приказнаго чина 5, итого 18. Въ *тверской* дворянскихъ, офицерскихъ и драгунскихъ 16. Всего въ пяти школахъ 91 человекъ. Такимъ образомъ въ 40-хъ годахъ, всѣхъ цыфирныхъ школъ было уже только 5, а съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ смѣшанныхъ-8.

Присланные въ Москву въ 1716 году два учителя для московской цыфирной школы въ 1726 году имѣли только 10 человекъ учениковъ и потому въ этомъ году были отсланы въ канцелярію московскаго гарнизона для ученія драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ прежними учениками цыфирной школы. Въ 1744 г. у нихъ уже вовсе не было въ ученіи дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей ³⁾).

Въ 1744 г. 17 марта галицкая провинціальная канцелярія доносила прав. сенату, что бывший изъ галицкой провинціи цыфирной школы учитель Григорій Корсаковъ, «за малолѣтніемъ учениковъ, съ 1734 года (т. е. 10 лѣтъ) почти былъ праздно и для указаго опредѣленія присланъ въ

¹⁾ Ib. № 4975, стр. 31.

²⁾ Ib. № 9054.

³⁾ Ibid.

Москву въ пр. сенать» ¹⁾).

Постепенное уменьшеніе числа учениковъ въ цыфирныхъ школахъ можетъ быть опредѣлено на слѣд. примѣрѣ переславско-рязанской школы: 7 мая 1722 г. (при основаніи школы) въ нее собрано было 65 учениковъ ²⁾. Въ 1727 г. по вѣдомости, представленной въ синодъ, въ ней училось уже только 32 человѣка. Изъ 46 человѣкъ, перебивавшихъ въ ней съ 1722 г. обучено 4, выпущено въ канцелярскыя 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ арифметической школы самовольно» ³⁾. По рапорту же учителя Павлова, приведенному выше, въ томъ же 1727 г. у него училось только 15 чел. Не трудно рѣшить чему нужно вѣрить: официальной ли вѣдомости, поданной отдаленному начальству, или рапорту, поданному мѣстному воеводѣ.

Такъ разрушилась въ цыфирныхъ школахъ первая черта элементарнаго образованія-его всеобщность.

Принудительное образованіе должно быть бесплатнымъ: узаконеніе 1714 г. говоритъ что «съ учениковъ имъ (учителямъ) себѣ отнюдь ничего не имать». Содержаніе школы распределяется между церковію и государствомъ так. обр.: помещеніе для школы, разумѣется, со всѣми ея классными принадлежностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помещеніе для учителя, отводится духовенствомъ въ архіерейскихъ домахъ и въ «знатныхъ монастыряхъ». Въ этомъ смыслѣ даны были указы еще въ 1714 г. Стефану м. рязанскому, а отъ него разсланы предписанія по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ ⁴⁾. Мы

¹⁾ П. С. З. № 9054.

²⁾ Ист. Стат. Опис. Ряз. Дух. Сем. стр. 7.

³⁾ Пекарскій: «Наука и Лит.», стр. 117.

⁴⁾ Вотъ образецъ этихъ циркуляровъ, найденный въ Астрахани: «Вел—го Гос—ря и Вел—го князя Петра Ал—ча всея В. и М. и Б. Р. Сам—ца указъ Астраханское митрополіи казначею старцу Адаму Бахтеарову, Духовныхъ дѣлъ приказному Ивану Агаошникову, да дьяку Ивану Барминцову. Въ нынѣшнемъ 1714 г., мая въ 24 день прислана в. г—ря грамота с Москвы въ Казань изъ Патриарха духовнаго приказу за приписью дьяка Василія Павлова. Велѣно въ Астраханской митрополіи въ архіерейскомъ домѣ и въ знатныхъ монастырехъ и приказнаго чина дьячихъ и подьячихъ дѣтей цыфрн и гнометрн, а для того ученія прислано будутъ с Москвы въ Астрахань математическихъ школъ изъ учениковъ нѣсколько человѣкъ и та в—го г—ря грамота распечатана въ Казани и посылается при семъ его в—го г—ря

видѣли, что съ изданіемъ духовнаго регламента и съ освобожденіемъ дѣтей духовенства отъ обязанности посѣщать цыфирныя школы, духовное вѣдомство уже не признавало за собой обязанности давать имъ помѣщеніе ¹⁾. Однако мы видѣли также, что канцеляріи воеводскаго правленія продолжаютъ требовать помѣщенія для школы у духовнаго вѣдомства, какъ именно требовала воеводская канцелярія Переславля-Залѣскаго: «учителю Якову Степанову отвѣсть гдѣ надлежитъ школу»; и требованія эти были законны, потому что объ этомъ прямо не выражено ни въ высоч. повелѣніи 1721 г., ни въ сенатскомъ указѣ 1722 г.; напротивъ въ ук. 30 апр. 1720 г. именно упомянуто объ удержаніи прежней обязанности «опредѣлять школы въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерейскихъ домовъ нѣтъ въ монастыряхъ» ²⁾. Думать надобно, что помѣщеніе для учителей и школъ продолжали отводить въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ до самаго соединенія цыфирныхъ школъ съ гарнизонными. Хотя иногда приказывается учителямъ «квартиры себѣ и ученикамъ требовать отъ воеводы», но въ дѣйствительности эти же самые учителя получали квартиру въ монастыряхъ, а воевода долженъ былъ лишь снестись съ духовнымъ начальствомъ.

Государство съ своей стороны даетъ содержаніе школѣ, и учителямъ. Въ 3-мъ пунктѣ инструкціи переславскому учителю стоитъ: «сторожей, кому топить школы и для караулу школъ, по 3 человека солдатъ и въ школу бумаги, свѣчи и дрова, а именно въ ноябрѣ, въ декабрѣ, въ генварѣ, въ февралѣ мѣсяцахъ на день по 10 свѣчъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, бумаги въ годъ по три стоны... требовать отъ воеводы». Скоряковъ-Писаревъ въ своемъ письмѣ къ воеводѣ рязанскому прибавляетъ къ этому: «для обученія тѣхъ учениковъ извольте купить досокъ учебныхъ

указъ, и вамъ бы по полученіи сего е. в. г. указа о приѣхѣ той е. в. г. грамоты и учинить потомъ е. в. г. указъ во всемъ непременно. Дмитрій Неуцкоевъ. Справилъ Леонтій Березинъ.» (Матеріалы для исторіи училищъ въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1858. Мартъ; переп. изъ Астрах. Губ. Вѣдом.).

¹⁾ П. С. З. № 4975 (31 окт. 1726 г.).

²⁾ П. С. З. № 3575.

каменныхъ (т. е. аспидныхъ) и прочаго инструменту, который къ тому дѣлу принадлежитъ по объявленію онаго учителя числомъ, сколько учениковъ въ ученіи обрѣтаться будетъ; понеже безъ того инструменту учениковъ обучать невозможно». По смерти учителя Павлова въ числѣ школьнаго имущества оказались 9 логарифмъ, 9 скалъ, 39 циркулей, шесть перьевъ мѣдныхъ.

Что касается до содержанія учителей, то они въ цыфирныхъ школахъ получаютъ уже опредѣленное *жалованье*, чѣмъ эти школы предупредили народныя школы Зап. Европы. Это жалованье состоитъ въ «кормовыхъ деньгахъ» по 3 алтына и 2 деньги на день, т. е. по 36 р. въ годъ (содержаніе по тому времени не малое) изъ нештатныхъ губернскихъ сборовъ; но при постоянномъ стремленіи всѣхъ вѣдомствъ сбыть съ своихъ рукъ цыфирныя школы это жалованье выдавалось весьма неаккуратно и иногда нѣсколько лѣтъ сряду не выдавалось ¹⁾. Кромѣ этого жалованья учитель могъ получать съ ученика деньги только одинъ разъ при окончательномъ выпускѣ ученика изъ школы, именно по 1 рублю съ человека. Мѣра весьма странная, при очевидномъ стремленіи правительства сдѣлать ученіе даровымъ и обязательнымъ; при выпускѣ учитель выдаетъ ученику столь важное свидѣтельство, на которомъ основывается вся обязательность обученія, — тутъ-то ему псзволено брать деньги съ ученика.

Государство проявляло свое участіе въ элемент. школахъ и другимъ еще болѣе значительнымъ способомъ: пригтовленіемъ и выборомъ учителей. Въ 1714 г. предположено было взять учителей изъ математическихъ школъ московскихъ, т. е. отъ Сухаревой Башни. Но указъ 1715 г. назначаетъ ихъ изъ морской академіи: «взять изъ школы господина адмирала.» ²⁾ А такъ какъ въ дѣйствительности учителя были отправлены лишь въ 1716 г., то ихъ взяли изъ обонхъ морскихъ училищъ и петербургскаго и московскаго, какъ объ этомъ именно упоминается въ ук. 26 окт. 1744 г. Въ учителя могли быть посланы люди, изучившіе географію и геометрію. Думать надобно, что учителями въ цыфирныя шко-

¹⁾ П. С. З. № 5788.

²⁾ іб № 2971.

лы были отправлены не самые лучшие ученики морских академій, потому что ихъ ближайшая задача—приготовление офицеровъ морской службы, конечно, болѣе озабочивала начальство, чѣмъ вліяніе академіи на народное образованіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что эти учителя были несомнѣнно выше по своей образованности прежнихъ учителей приходскихъ школъ; за то первые неизмѣримо уступали вторымъ по своей численности.

Незначительность числа цыфирныхъ школъ объясняется ближайшимъ обр. недостаткомъ учителей. Лишь по недостатку приготовленныхъ лицъ правительство рѣшилось послать только по два человѣка на губернію. Такъ возвышеніе уровня образованія сокращаетъ объемъ его распространенія; здѣсь нагляднымъ обр. объясняется тотъ роковой законъ обратно-пропорціального отношенія между содержаніемъ образованія и его объемомъ. Всѣ благія предначертанія правительства начала XVIII в. должны были разбиться объ одно это препятствіе, которое такъ легко обходили приходскія народныя школы.

При новой системѣ т. е. системѣ профессиональнаго образованія трудно было ожидать, что для управленія общимъ народнымъ образованіемъ (и въ томъ числѣ элементарнымъ) устроено будетъ какое-либо вѣдомство народнаго просвѣщенія. Мы увидимъ ниже, что профессиональныя школы вѣдаются съ удобствомъ тѣми органами администраціи, къ которымъ относятся соотвѣтствующія профессіи. То обстоятельство, что въ цыфирныя школы ученики посланы изъ морскихъ академій, и подразумѣваемая цѣль учрежденія ихъ естественно отдавали ихъ подъ вліяніе морской академіи и потомъ адмиралтейской коллегіи. Но такъ какъ эти школы должны помѣщаться и устрояться въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ подпадали подъ надзоръ духовенства. Уплата жалованья учителямъ изъ губернскихъ доходовъ привлекала къ управленію ими губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ всеобщность обязательнаго обученія въ цыфирныхъ школахъ дѣлала недостаточными для управленія ими всѣ эти вѣдомства. Мы видѣли уже, что синодъ и адмиралтейская коллегія спорятъ между собою по поводу того,—подлежать ли отдачѣ въ эти школы дѣти духовенства. Поэтому въ уп-

равленіе ими должно было принять непосредственное участіе центральное правительство — сенатъ.

а) До 1720 г. школы дѣйствительно находились подъ такимъ разнообразнымъ управленіемъ, а именно:

При первоначальномъ учрежденіи ихъ законодатель не опредѣлилъ вѣдомства, которому онѣ подчиняются. Пришлось непосредственно управлять ими сенату. Это доказывается тѣмъ, что въ 1719 г. учителя московской и вологодской школъ непосредственно относились о ихъ нуждахъ въ сенатъ¹⁾. Управление школами каждой губерніи, въ зависимости отъ сената, возложено было или на губернаторовъ, или на особыя, специально — назначенныя лица; такъ для Петербургской губ. былъ назначенъ Скорняковъ—Писаревъ еще до своего директорства въ морской академіи. Неизвѣстно, былъ ли онъ назначенъ непосредственно сенатомъ; только и онъ прямо относился къ сенату съ своими представленіями²⁾.

Извѣстно, что при устройствѣ коллегій, не было предназначено специальной коллегіи для вѣдомства народнаго просвѣщенія и мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что такого учрежденія еще и не могло быть въ то время. Между тѣмъ сенатъ желаетъ себя избавить отъ непосредственнаго управленія всѣми подробностями въ провинціяхъ и вотъ указомъ 1720 г. апр. 30 завѣдованіе элементарными школами вообще поручено *адмиралтейской коллегіи*.

«По государеву указу въ сенатѣ опредѣлено: помянутыхъ школъ учителей и учениковъ вѣдать впредь во всемъ въ адмиралтейской коллегіи для того: по именному указу въ 1714 году ради ученія цыфр и нѣкоторой части геометріи посланы въ губерніи учителя изъ той коллегіи. Того ради быть имъ подъ вѣдѣніемъ полковника и отъ бомбардиръ—капитана Скорнякова—Писарева, который по Е. И. В.—ва указу и по опредѣленію оной коллегіи навигацкую школу вѣдаетъ».

Скорняковъ—Писаревъ принялъ управленіе петерб. морскою академією послѣ Матвѣева въ 1719 г. Въ адмпр. коллегіи первоначально арифметическія школы состояли въ вѣдѣ-

¹⁾ П. С. З. № 3447 и № 9054.

²⁾ Ib. № 3447.

нѣ «адмиралтейской *мундирной* конторы». Но съ 1721 г. (Февр. 4) для нихъ найденъ болѣе приличный департаментъ. Съ этого времени въ адмиралтейской коллегіи управленіе образованіемъ составило особую вѣтвь ея администраціи, подъ именемъ С.-Петербургской академической конторы, которой и были поучинены цыфрныя школы. Так. обр. порученіе школь Скорнякову-Писареву не имѣетъ уже характера личнаго порученія; управленіе имъ принадлежитъ ему по должности директора академіи. Подъ центральнымъ надзоромъ адмир. коллегіи мѣстный надзоръ за элементарными школами поручается *губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ*:

«Также по указамъ изъ той коллегіи (продолжаетъ упомянутый указъ) токмо губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ велѣть за учителями смотрѣть того накрѣпко, чтобъ въ томъ ученіи они учителя чинили прилежаніе и ученикамъ въ приниманіи и въ ученіи ихъ продолженія и обидъ и налоговъ никакихъ никому по прихотямъ своимъ отнюдь не чинили, а для того ученія оныя школы опредѣлитель въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерейскихъ домовъ нѣтъ, въ монастыряхъ, чтобъ тѣ ученики для училища дома себѣ имѣли по близости, а не въ дальнемъ разстояніи».

Так. обр. сложное управленіе цыфрными школами (начная снизу) состоитъ: изъ воеводъ, вице-губернаторовъ, губернаторовъ, академической канцеляріи (морской академіи), адмиралтейской коллегіи и наконецъ сената. Дѣятельность воеводъ и губернаторовъ въ отношеніи къ нимъ состояла: а) въ наблюденіи за исполненіемъ школьной обязанности жителями губерніи, производствѣ смотровъ и разбора и въ отсылкѣ учениковъ въ школы; б) въ наблюденіи за дѣйствіями учителей, чтобы они при приемѣ и ученіи не дѣлали притѣсненій ученикамъ и исполняли свою должность прилежно; в) въ заботахъ о помѣщеніи школы (согласно съ ук. 1714 г.), о доставленіи ей содержанія и выдачѣ жалованья учителямъ.

Но и эта длинная и, повидимому, правильная лѣстница властей не сразу привела къ упроченію порядка въ управленіи; и послѣ этого указа Скорняковъ-Писаревъ (т. е. академическая контора) продолжаетъ непосредственно сноситься съ сенатомъ. Въ 1721-мъ году Скорняковъ-Писаревъ обратился къ сенату съ жалобой, что учениковъ въ школы изъ провинцій не высылаютъ; сенатъ постановилъ:

«По тому его полковника... Скорнякова-Писарева доношенію разсмотрѣніе и указъ учинить въ адмиралтейской коллегіи, для того, въ 1720 г. по опредѣленію въ сенатѣ, велѣно тѣхъ учениковъ вѣдать во всемъ въ той коллегіи... и впредь ему полковнику Скорнякову-Писареву требовать указу изъ той коллегіи, а въ сенатѣ ему доношеній не подавать, а въ губерніи и въ провинціи послать подтвердительные печатные указы, дабы по посланнымъ изъ адмиралтейской коллегіи указамъ о тѣхъ ученикахъ и о прочемъ исполнили»¹⁾.

Сверхъ этихъ двухъ указовъ о передачѣ цыфирныхъ школъ въ вѣдомство адмиралтейской коллегіи въ ук. 1731 г. іюня 21²⁾ упоминается еще объ указѣ сената отъ 31 января 1721 г., по которому будто бы сенатъ опредѣлялъ быть цыфирнымъ школамъ подъ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи. По этого указа подъ означеннымъ числомъ въ П. С. Законовъ нѣтъ.

Но вскорѣ начинается печальная борьба разныхъ вѣдомствъ, при чемъ каждое старается освободить себя отъ цыфирныхъ школъ, начинавшихъ приходить въ упадокъ. Эта борьба есть точное указаніе на то, что при господствѣ профессиональнаго образованія элементарному нѣтъ мѣста; разные вѣдомства перебрасываются имъ, какъ мячикомъ, до тѣхъ поръ, пока правительство не примкнуло его къ военному вѣдомству, т. е. правильнѣе, пока совершенно не покончило съ нимъ.

Съ 1723 года, т. е. того рокового года для цыфирныхъ школъ, когда за разсортировкою всѣхъ гражданъ по профессіямъ, для нихъ не оставалось уже учениковъ, начинаются различныя соображенія на счетъ того, какому вѣдомству ихъ подчинить. Мая 29-го 1723 г. адмиралтейская коллегія доносила сенату, что Е. И. В.—во велѣлъ³⁾ учинить опредѣленіе въ сенатѣ о томъ: «цыфирнымъ школамъ гдѣ въ вѣдѣніи быть?» 16 сент. происходила конференція сената съ синодомъ; на ней вопросъ о присоединеніи цыфирныхъ школъ къ архіерейскимъ и слѣд. о полномъ подчиненіи первыхъ *духовному вѣдомству*, рѣшенъ лишь частнымъ образомъ; синодъ отвѣчалъ: такихъ школъ съ учителями къ ар-

¹⁾ П. С. З. № 3703, янв. 9, 1721 г.

²⁾ *Ив.* № 5788.

³⁾ Петръ, присутствуя 8 мая въ адмирал. коллегіи, получилъ отъ нея складную выписку объ этомъ. № 4975, 1726 г. окт. 31.

хіерейскимъ школамъ, кромѣ новгородской, приобщить иныя негдѣ, поуже въ прочихъ епархіяхъ архіерейскія школы еще не опредѣлены, а въ новгородской епархіи цыфирную съ архіерейскою школою соединить соглашено, токмо учителямъ той школы жалованья получать откуда они напередъ сего получали, а не отъ синода, дабы оное ученіе было подъ одною дирекціею, ибо при ученіи словесномъ и письменномъ могутъ обще и цыфирную науку принимать». Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ конференціи, сенатъ окт. 17 и выдалъ свой указъ ¹⁾).

Однакожь это партикулярное соединеніе цыфирныхъ школъ съ архіерейскими, въ которомъ предполагалось въ послѣдствіи и общее ихъ соединеніе, не было исполнено, какъ увидимъ ниже. Цыфирныя школы продолжали состоять подъ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи, несмотря на то, что къ концу царствованія Петра и въ слѣд. царствованія уже во многихъ мѣстахъ открыты были архіерейскія школы.

Указъ окт. 17-го 1723 г. столь мало считался рѣшеніемъ этого важнаго вопроса, что въ послѣдствіи адмиралт. коллегія жаловалась верховному тайному совѣту, что на донесеніе ея сенату, поданное въ слѣдствіе высочайшей воли, (т. е. на представленіе ея о перемѣнѣ вѣдомства цыфирныхъ школъ) «до февраля мѣсяца сего 1726 года указу не получила», послѣ неоднократныхъ требованій, и что эти требованія возвращены въ адмиралт. коллегію нерѣшенными когда сенатъ сравненъ былъ съ высшими 3-мя коллегіями ²⁾). По этому адмиралтейская коллегія обращается съ донесеніемъ въ верховный тайный совѣтъ, при чемъ уже сообщаетъ опредѣленный и, по ея мнѣнію, неизбѣжный планъ соединенія цыфирныхъ школъ съ архіерейскими подъ вѣдомство синода: «не повелѣно ль будетъ В. И. В-ва указомъ, вышеобъявленнымъ... школамъ и въ оныхъ обрѣтающимся учителямъ и ученикамъ быть въ вѣдѣніи прав. синода... По сему доношенію Ея И. В-во указала о соединеніи учрежденныхъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для ученія приказныхъ и прочихъ чиновъ людей дѣтей школъ со учреждающимся отъ синода

¹⁾ П. С. З. № 4326.

²⁾ П. С. З. № 4975. окт. 31. 1726 г.

семинарією и школами и бытіи обрѣтающимся въ опыхъ школахъ учителямъ и ученикамъ въ вѣдѣніи синодскомъ».

Конечно не трудно догадаться, что эта перемена вѣдомства цыфрныхъ школъ равняется закрытію элементарныхъ училищъ. Однако и эта передача элементарныхъ школъ въ синодское вѣдомство не состоялась.

Неизвѣстны причины, по которымъ это категорическое узаконеніе не было выполнено. Судя по словамъ адмиралтейской коллегіи, приводимымъ въ ук. 1744 г окт. 26, школы не были приняты въ вѣдѣніе синодское «для того, что тѣ школы до духовнаго правительства не подлежатъ». Хотя странно, что указъ, изданный конференціей сената и синода, былъ признанъ отъ синода не исполнимымъ, но мы должны довольствоваться этою причиною, не имѣя другой.

Неизвѣстно въ какомъ вѣдомствѣ оставались цыфрныя школы до 21 іюня 1731 г. ¹⁾ когда данъ былъ сенатскій указъ объ оставленіи ихъ по прежнему въ вѣдомствѣ адмиралтейской коллегіи. Изъ этого указа можно заключать только, что это межеумочное состояніе школъ было весьма тяжело для нихъ; повидимому учителямъ не выдавалось жалованья за это время:

«Определеннымъ въ губерніяхъ цыфрныхъ школъ учителямъ кормовыя деньги по указу 1714 года, на которые годы дачи имъ не было, выдать и впредь давать изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ по ассигнаціямъ штатсъ-конторы. А изъ губерній и провинцій прислать въ сенатъ вѣдомости немедленно, съ начала опыхъ школъ сколько человекъ и какимъ наукамъ и въ какое время обучились, *изъ того числа сколько куда употреблено*, сколько пинѣ на лицо и съ которыхъ годовъ учатся и до какихъ наукъ произошли. И впредь тѣмъ школамъ, по прежнему указу пр. сената генваря 31 прошлаго 1721 года (мы уже говорили, что такого указа нѣтъ въ П. С. З.) быть во всемъ подѣ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи, которой надѣ опыми школами имѣть прежнее смотрѣніе и о состояніи ихъ въ сенатъ репортовать».

Но адмиралтейская коллегія не находила ничего для себя лестнаго въ этой чести: при всеобщей разсортировкѣ учениковъ по разнымъ школамъ, число цыфрныхъ школъ съ каждымъ годомъ уменьшалось. Черезъ 13 л. послѣ приведен-

¹⁾ П. С. З. № 5788.

наго указа коллегія дѣласть новую и послѣднюю попытку сбыть съ своихъ рукъ умпрающее учрежденіе. Попытка кончилась удачно и существованіе элементарныхъ школъ прекратилось надолго. Если въ 20 годахъ не удалось присоединить цыфирныя школы къ духовнымъ, то въ 1744 г. адмиралтейская коллегія представляетъ: не присоединить ли ихъ къ *воспитымъ*, именно къ низшему разряду ихъ-гарнизоннымъ? Обстоятельства, оправдывающія, по мнѣнію коллегіи, этотъ проэктъ слѣд.: 1) учиться въ ихъ некому: однодворческіе, дворянскіе, посадскіе и духовные дѣти освобождены отъ цыфирныхъ школъ; «всѣхъ вышеобъявленныхъ чиновъ людей дѣти разпредѣлены по указамъ въ разныя школы и содержатся въ прочихъ командахъ». Остаются дѣти приказнаго чина и дѣти другихъ сословій, «которые сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ». Но опытъ показалъ, что подъяческихъ дѣтей учится только 8 человекъ во всей имперіи, а охотою опредѣляющихся не много болѣе. 2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цыфирныя школы частными распоряженіями уже соединены съ гарнизоннымъ, которыя учреждены указомъ 21 сент. 1732 г. и объемъ ученія которыхъ сходенъ съ объемомъ ученія цыфирныхъ школъ.

Сенатъ согласился съ доводами адмиралтейской коллегіи и распорядился произвести слитіе цыфирныхъ школъ съ гарнизоннымъ двумя способами: 1) тамъ, гдѣ есть учителя цыфирныхъ школъ и гарнизонныя школы, первые должны преподавать въ послѣднихъ, обучая какъ солдатскихъ дѣтей, такъ и дьяческихъ, буде найдутся. Въ такомъ случаѣ учреждается сложная подчиненность этихъ школъ: онѣ находятся собственно въ военномъ вѣдомствѣ, подчиняясь оберъ-комендантамъ и комендантамъ; но дальѣйшее, высшее вѣдомство ихъ раздвоится: о солдатскихъ дѣтяхъ рапортуютъ въ военную коллегію, а о дьяческихъ и прочихъ къ губернаторамъ и воеводамъ, а чрезъ нихъ въ сенатъ. 2) Тамъ, гдѣ есть цыфирныя школы, а гарнизонныхъ нѣтъ, онѣ остаются на прежнемъ основаніи подъ ближайшимъ наблюденіемъ губернаторовъ и воеводъ; но и въ эти училища могутъ быть опредѣляемы солдатскіе дѣти, если по близости нѣтъ гарнизонной школы. Въ обихъ случаяхъ учителя цыфирныхъ школъ получаютъ жалованье по прежнему

изъ губерскихъ нештатныхъ доходовъ. Такимъ образомъ въ сущности обѣ формы соединенія цифирныхъ школъ съ гарнизонными сводятся къ одной: въ первомъ случаѣ цифирныя школы соединяются съ гарнизонными, во второмъ гарнизонныя съ цифирными. И тѣ и другія изъемяются изъ вѣдомства адмиралтейской коллегіи и состоятъ подъ центральнымъ вѣдѣніемъ сената и военной коллегіи и подъ мѣстнымъ надзоромъ съ одной стороны губернаторовъ и восводъ, съ другой оберъ-комендантовъ и комендантовъ. Дальнѣйшее естественное теченіе хода образованія привело къ тому, что изъ смѣшаннаго типа военно-гражданскихъ школъ выработался одинъ чистый военный, начало общаго образованія поглощено вполне элементомъ профессиональнымъ, смѣшанныя школы въ послѣдствіи превратились въ просто-гарнизонныя ¹⁾).

Такова плачевная, но истинная исторія первой попытки организовать элементарное народное образованіе при профессиональной системѣ.

Неудачи цифирныхъ школъ не побудили правительство возвратиться къ реформѣ приходскихъ школъ. Въ послѣдующее время, при Аннѣ и Елизаветѣ, законодательство возвращалось къ старой системѣ приходскаго образованія лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Именно: при основаніи новыхъ колоній съ населеніемъ неподатнымъ принято было за общее правило учреждать элементарныя народныя школы при каждой церкви и вмѣстѣ съ основаніемъ церкви; здѣсь, какъ и въ старой системѣ, школы считаются необходимою принадлежностью церкви. Въ описываемое время было два случая основанія такихъ колоній: въ царствованіе Анны въ 1736 году и въ царствованіе Елизаветы въ 1751 году.

Указомъ 27 дек. 1736 основаны военныя поселенія для отставныхъ отъ службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, близъ

---

¹⁾ Замѣчательный актъ, которымъ завѣчалась страдальческая исторія цифирныхъ школъ, заслуживалъ бы того, чтобы привести его здѣсь вполне, какъ для оправданія нашей мысли о томъ, что среди профессиональной системы образованія не было мѣста для элементарнаго, такъ и потому, что этотъ актъ есть лучшая оффиціальная исторія цифирныхъ школъ. Но, боясь утомить читателя, мы отсылаемъ желающихъ къ № 9054 Полн. Собр. Закон., подъ которымъ помѣщенъ этотъ важный сенатскій указъ 26 окт. 1744 г.

восточной границы «на пустыхъ земляхъ», а именно по р. Волгѣ и ея притокамъ, на опустѣвшихъ степяхъ бывшихъ волжскихъ казаковъ, между Царицыномъ и Астраханью. Въ поселеніяхъ (при достиженіи ими извѣстной величины) должны быть построены церкви, къ которымъ опредѣляются ученыя священники; а при церквахъ учреждаются школы для обученія дѣтей поселенныхъ солдатъ грамотности. Учити должны тѣже священники и церковники; но за обученіе полагается имъ опредѣленное жалованье отъ правительства. Этою чертою колонистскія школы существенно отличаются отъ старыхъ приходскихъ. Обученные въ этихъ школахъ могутъ, по желанію, продолжать образованіе въ гарнизонныхъ школахъ ¹⁾).

На другой, южной окраинѣ Россіи основаны были колоніи при Елизаветѣ Петровнѣ изъ православныхъ эмигрантовъ переселявшихся изъ Турціи: сербовъ, болгаръ, волоховъ. Здѣсь учрежденіе школъ при церквахъ и вмѣстѣ съ церквами предложено было правительству въ проектѣ Хорвата, которому принадлежала инициатива этихъ колоній, въ числѣ прочихъ условій переселенія. Хорватъ предлагалъ дать поселеніямъ церкви, школы и духовенство по примѣру прочихъ полковъ и производить жалованье священникамъ по вѣсковому уставу. Сенатъ согласился основать и содержать на казенный счетъ только полковыя церкви; устройство же и содержаніе церквей и школъ («ежели имъ потребны будутъ») въ каждомъ поселеніи предоставляетъ самимъ колоніямъ.

Въ одномъ городскомъ сословіи, менѣе другихъ служебномъ, можно было отыскать нѣкоторую возможность возвращенія къ старой системѣ. Еще при Петрѣ правительство дѣлаетъ такую попытку въ инструкціи магистратамъ. Инструкція рекомендуетъ магистратамъ стараться, чтобы въ школахъ при церквахъ, «или гдѣ пристойно», обучались читать, писать и арифметикѣ дѣти не только состоятельныхъ гражданъ, но и бѣдныхъ, и преимущественно этихъ послѣднихъ; отъ нихъ «впередъ граду польза и вспоможеніе можетъ быть», а безъ обученія они будутъ «возрастать въ неупотребство и въ какой либо вредъ граду». По обученіи ихъ въ школы,

---

¹⁾ П. С. З. № 7136.

городское начальство должно стараться обучать ихъ мастерствамъ, для пользы городу. Очевидно, что инструкція имѣеть въ виду преимущественно сиротъ и нищихъ дѣтей. Государства, совершенно небрежущія объ элементарномъ общенародномъ образованіи, принуждаются силою вещей заботиться о первоначальномъ воспитаніи и образованіи нищихъ; необходимая связь образованія и призрѣнія проникаетъ какъ всю до-петровскую систему образованія, такъ и большую часть узаконеній екатерининской эпохи. Къ уясненію этой связи въ описываемую эпоху мы и обратимся теперь.

Г л а в а II. Связь элементарнаго образованія съ призрѣніемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ. Превращеніе монастырей въ сиротскіе дома и первоначальныя школы. Упадокъ общихъ мѣстъ призрѣнія. Казенныя учрежденія для образованія дѣтей ссыльныхъ. Цѣль «новокрещенскаго» и «инородческаго» образованія. Инородческія школы на юговостокъ и востокъ Европейской Россіи и въ Сибиріи. Составъ инородческаго образованія. Попытка организаціи спеціальнаго учительскаго института для инородцевъ. Паденіе инородческихъ школъ.

Отказавшись отъ надежды ввести элементарное образованіе на началахъ обязательности въ цѣломъ населеніи имперіи, правительство первой половины XVIII вѣка не могло вполне отстранить себя отъ элементарнаго образованія для нѣкоторыхъ ипешнихъ классовъ народа. Это не позволила ему старинная связь образованія съ двумя могущественными задачами управленія призрѣніемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ.

Такимъ образомъ рядомъ съ цифирными возникаютъ: 1) школы для бѣдныхъ и 2) новокрещенскія школы.

Извѣстно, что сначала церковь въ полуязыческой странѣ заботится объ образованіи въ тѣсной связи его съ призрѣніемъ; но съ теченіемъ времени у насъ эти задачи усвоются общинами. Теперь, въ началѣ XVIII в., исторія какъ бы возвращается къ своему началу: опять заботы о народномъ образованіи, соединенномъ съ призрѣніемъ, возлагаются на церковь.

Но формы пзмѣняются совершенно. Государство, отстраняя отъ себя активную роль (оно довольствуется лишь законодательными мѣрами и нѣкоторымъ административнымъ участіемъ), возлагаетъ самое дѣло на церковь, какъ ея обязанность. Установленіе и содержаніе школъ для бѣдныхъ сдѣлалось *обязанностью* церкви.

Впрочемъ это совершилось не вдругъ: первоначально государство рѣшилось создать собственные учрежденія для призрѣнія и воспитанія призрѣваемыхъ. Указами 1712, 1714, 1715 и 1720 годовъ ¹⁾ приказано было устроить «гошпитали» при церквахъ для подкидышей въ Москвѣ и другихъ городахъ ²⁾. На содержаніе гошпиталей ассигнуются государственные неокладные доходы; сколько можно догадываться по неяснымъ словамъ этихъ краткихъ узаконеній «гошпитали» устраиваются не для пріема только подкидышей, но и для общественнаго воспитанія въ нихъ. Но въ такомъ смыслѣ названные указы не были выполнены. Въ Москвѣ подкидышаемые младенцы оставались на попеченіи губернской канцеляріи. Эта послѣдняя пріискивала кормилицъ и раздавала имъ дѣтей на руки туда, гдѣ каждая изъ нихъ живетъ. Въ 1724 г. въ московской канцеляріи вѣдалось такихъ дѣтей 865 отъ полугода до 8 лѣтъ и кормилицъ при нихъ 218. Обычныя злоупотребленія, сопровождающія эту систему воспитанія, господствовали и въ то время: родныя матери являлись кормилицами и брали собственныхъ дѣтей; вмѣсто незаконныхъ дѣтей подставлялись законныя; законныхъ дѣтей крали у отца и матери и представляли начальству, чтобы взять ихъ себѣ на прокормленіе и получать на нихъ содержаніе ³⁾. Вскормленныхъ подростковъ отдавали въ ученіе мастерствамъ, а дѣвочекъ въ услуженіе ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ при такомъ способѣ призрѣнія о вліяніи государства на

---

¹⁾ П. С. З. №№ 2477, 2856, 2953 и 3502. Содержаніе всѣхъ этихъ законовъ почти тождественно, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они были дурно выполняемы.

²⁾ См. И. Е. Андреевскаго: «Полицейское право». Т. 1. Ч. 1. 374.

³⁾ См. документъ, выписан. С. М. Соловьевымъ изъ дѣлъ кабин. II, кн. 66. (Ист. Росс. Т. XVIII, стр. 204).

⁴⁾ «Въ воспоминаніе столѣтняго юбилея Спб. Воспит. Дома». 1872 стр. 30.

воспитаніе и образованіе дѣтей не можетъ быть п рѣчи; они не воспитывались государствомъ, а лишь вскармливались.

Въ слѣдствіе этихъ причинъ государство опять обратилось къ церкви; церковными учрежденіями, которыя спеціально призваны къ исполненію этой обязанности, объявлены монастыри. Еще въ древней Россіи за ними была признана эта миссія—призрѣвать сиротъ, бѣдныхъ, увѣчныхъ и старыхъ, что и было ихъ земнымъ, государственнымъ значеніемъ; теперь къ нимъ обращается государство, вмѣняя призрѣніе въ обязанность и регулируя ее. Обращеніе монастырей въ дома призрѣнія совершенно замѣчательнымъ именнымъ указомъ 1724 г. янв. 31-го, который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ общимъ уставомъ монастырскихъ учительскихъ институтовъ и школъ для бѣдныхъ. Указъ этотъ дѣлится на два опредѣленія, изъ которыхъ 2-е, посвященное образованію изъ Певскаго монастыря учительскаго института для среднихъ школъ сюда не относится; мы обращаемъ здѣсь вниманіе на опредѣленіе 1-е, въ которомъ изъ разныхъ монастырей образуется цѣлая система призрѣнія, первоначальнаго воспитанія и элементарнаго образованія. Учрежденія эти раздѣляются на три части: а) монастыри собственно для призрѣнія, именно большихъ старыхъ и увѣчныхъ; б) монастыри для первоначальнаго воспитанія дѣтей лишенныхъ семьи и в) монастыри для элементарнаго образованія мальчиковъ. Вторая изъ этихъ трехъ задачъ возложена на женскія монастыри. Они должны были принимать сиротъ обоюго пола и «обоихъ сортовъ, т. е. безъ призрѣнія послѣ родителей оставшихъ и подкидышей или явленныхъ такихъ» (незаконнорожденныхъ). Здѣсь сироты до 5 лѣтняго возраста остаются на вскармленіи—физическомъ воспитаніи (для чего при монастыряхъ для грудныхъ опредѣлены были кормилицы). Съ 5 лѣтъ дѣти начинаютъ обучаться грамотѣ вмѣстѣ оба пола въ тѣхъ же женскихъ монастыряхъ. По достиженіи 7 лѣтняго возраста мальчики выводятся изъ женскихъ монастырей въ особыя образовательныя учрежденія (тоже монастыри), а дѣвочки продолжаютъ свое образованіе тамъ, гдѣ его начали. Кругъ образованія ихъ составляютъ грамотность и слѣд. мастерства: пряжа, шитье, плетенье кружевъ. Для обученія этимъ мастерствамъ должны быть выписаны изъ Брабанта

дѣвѣнцы сироты, воспитанныя въ тамошнихъ монастыряхъ. Женскія монастыри, назначенныя для этой цѣли должны быть приспособлены къ ней и со вѣншей стороны: ходы къ церквамъ для постороннихъ должны быть устроены съ улицъ ¹⁾).

Мальчѣнки, какъ сказано, переводятся по достиженіи ими 7 лѣтняго возраста въ мужскіе монастыри, которые, повидному, должны были носить лишь имя монастырей, составляя въ сущности элементарныя училища для сиротъ. Указъ выражается объ этомъ такъ: «надлежитъ особливья *жилница* опредѣлить (посеже въ монастырѣхъ имя быть неприлично); къ чему выведенныя монастыри угодны будутъ». Эти *выведенныя* монастыри очевидно суть монастыри, стоящіе вѣн городскихъ населеннѣйшихъ пунктовъ и слѣдовательно вѣн городского шума. Кругъ образованія здѣсь состоялъ, кромѣ вѣры и заповѣдей Божіихъ, изъ арифметики и геометріи (т. е. обыкновенной программы, принятой въ Петровскихъ элементарныхъ школахъ).

Свѣдѣнія, изложенныя здѣсь и взятыя изъ ук. 1724 г. янв. 31, дополнены частію указомъ, который въ томъ же году въ маѣ получилъ въ Москвѣ капитанъ-гвардіи Баскаковъ. Указъ Баскакову лишь примѣняется къ Москвѣ общія опредѣленія, изложенныя въ узаконеніи 31 янв. Здѣсь для призрѣнія больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ назначены монастыри Вознесенскій и Чудовъ; для призрѣнія и воспитанія сиротъ-Поводѣвичій, для «школъ» т. е. элементарнаго училища для мальчѣнковъ предоставляется выбрать монастырь св. синоду. Устройство содержанія сиротъ въ женскихъ монастыряхъ предоставлено «произволенію» Баскакова, съ тѣмъ однакожь, чтобы это содержаніе имѣло сходство съ домашнимъ (чтобы учрежденія для призрѣнія сиротъ несли на себѣ характеръ семьи); но въ нихъ должно быть и дѣчто «лишнее», напр. чистота и бѣлье должны быть не таковы, какъ въ большей части семействъ низшаго класса. Исполняя этотъ указъ, Баскаковъ распредѣлилъ всѣхъ сиротъ Поводѣвичьяго монастыря на возрасты: $\frac{1}{2}$, годовой, годовой, двухлѣтній, трехъ и четырехлѣтній, пятилѣтній и шестилѣтній. Первый возрастъ находился въ рукахъ 18 кормилицъ; вто-

¹⁾ Ц. С. З. № 4450. Т. VII.

рой въ рукахъ 18 монахинь. Дѣти 4-го возраста поручались монахинямъ, изъ которыхъ каждой ввѣрялось трое сиротъ. Въ 5-мъ возрастѣ каждой по 4. Наконецъ для обученія грамотѣ дѣтей 6-го возраста назначено было 6 монахинь. Содержаніе сиротъ отпускалось и въ деньгахъ и въ отсыпномъ хлѣбѣ. Дѣтей первыхъ двухъ возрастовъ въ Поводѣвпчьемъ монастырѣ было по 36 въ каждомъ ¹⁾).

Что касается до источниковъ содержанія, то на это указываетъ отчасти слѣд. указъ, данный въ маѣ 1724 года св. синоду:

«Св. синодъ! деньги, собираемыя за штрафъ съ раскольниковъ, безъ указа нашего ни на какіе расходы не держите, понеже оныя нужны для строенія въ монастыряхъ и на ученіе сиротъ, пока вся экономія ваша окончится».

Это было послѣднее узаконеніе, въ которомъ мѣста призрѣнія, состоящія въ духовномъ вѣдомствѣ, предполагаются существующими и принимаются въ расчетъ. Думать надобно, что впослѣдствіи онѣ падаютъ и, лишь по мѣстамъ, основываются вновь. Такую частную мѣру о возстановленіи монастырскихъ домовъ призрѣнія мы находимъ въ именованномъ указѣ 1738 года, содержащемъ въ себѣ инструкцію для управленія Троицкаго Сергіева монастыря. Здѣсь законъ рекомендуетъ «не предавать забвенію» слѣд. двухъ общественныхъ золъ: сироты, оставшіеся безъ родителей, скитаются безъ всякаго призрѣнія, «не имѣя ни *пропитанія*, ниже *добраго наставленія и ученія*» и, возмужавши, уже не могутъ пристать ни къ какому ремеслу, даже и къ земледѣлію; потомъ рожденные виѣ брака часто умерщвляются своими матерями отъ страха и стыда. Въ слѣдствіе этого синоду предписывается выбрать близъ Сергіева монастыря удобное мѣсто и построить «сиротскій домъ», или обратитъ къ этому назначенію одну изъ женскихъ монастырей, для воспитанія малолѣтнихъ сиротъ и принятія незаконнорожденныхъ младенцевъ. Воспитаніе и образованіе, соединенное съ призрѣніемъ, распределяется здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ въ узаконеніи

¹⁾ Выписано (изъ дѣлъ кабин. II кн. № 66 и I кн. № 31) С. М. Соловьевымъ въ Ист. Рос. Т. XVШ, стр. 204.

1724 года: періодъ общаго воспитанія дѣтей обоаго пола продолжается до 10 лѣтняго возраста мальчиковъ, которые послѣ того, смотря по способностямъ, распредѣляются по разнымъ спеціальнымъ школамъ и ремесленнымъ заведеніямъ: или въ семинарію, или въ нисшія школы для обученія арифметикѣ и геометріи, или въ обученіе мастерствамъ, рисованію (иконописному и живописному), искусствамъ-рѣзному, столярному и др.. Дѣвочки продолжаютъ воспитываться въ сиротскомъ домѣ (или въ женскомъ монастырѣ), гдѣ, послѣ элементарнаго образованія, обучаются женскимъ ремесламъ. Онѣ остаются въ сиротскомъ домѣ «до возраста» безвыходно, какъ монахини; послѣ же могутъ быть выданы замужъ.

По образцу этого учрежденія синоду предписывается устроить подобныя же сиротскіе дома и въ другихъ епархіяхъ ¹⁾.

Узаконенія о призрѣніи и первоначальномъ образованіи и воспитаніи сиротъ и подкидышей, очевидно, вызваны были готовымъ образцомъ частной дѣятельности митроп. Іова. Ранѣе изданія узаконеній о госпителѣхъ и сиротскихъ домахъ, онъ устроилъ въ своей епархіи цѣлую систему мѣстъ призрѣнія, изъ которыхъ одно имѣетъ связь съ предметомъ нашего разсмотрѣнія: домъ для призрѣнія сиротъ и незаконнорожденныхъ, устроенный имъ въ Колмовѣ монастырѣ близъ Новгорода, на счетъ архіерейской казны. Исторіи народнаго призрѣнія въ Россіи ¹⁾ по справедливости относятся съ величайшимъ уваженіемъ къ этой мѣрѣ, предупредившей не только подобныя же учрежденія въ Россіи, но и во многихъ другихъ европейскыхъ странахъ. Къ сожалѣнію воспитательная и образовательная сторона учрежденій Іова вовсе незначительна. Учрежденія, созданныя м. Іовомъ, были совершенно частныя: если правительство обезпечило за ними доходы нѣкоторыхъ монастырей, то этимъ возвращалось лишь Іову право распоряженія монастырскими имуществами, тогда еще не вполне секуляризованными.

---

¹⁾ П. С. З. № 7660 (Т. X).

²⁾ Стога: «О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призрѣнія». П. Ханькова: «Историческій очеркъ правительственныхъ мѣръ по части общественнаго призрѣнія въ Россіи» (Ж. М. Ви. Д. 1851, ч. XXXVI).

Этимъ ограничиваются законодательныя мѣры и административныя распоряженія относительно монастырскихъ сиротскихъ домовъ и элементарныхъ школъ для бѣдныхъ. Законодательству трудно было примѣнить общія начала призрѣнія при обязательности профессій; только лица, происхождение которыхъ неизвѣстно (подкидыши) ¹⁾, и сироты дѣвочки могли безспорно воспользоваться общими учрежденіями для призрѣнія; всѣ остальные должны находить пріютъ въ учрежденіяхъ своей профессіи, въ своемъ сословіи. Таковы были воперв. сироты крѣпостныхъ (т. е. прежнихъ холоповъ и крестьянъ). До тѣхъ поръ пока владѣлецъ не отрекся заботиться о нихъ, государство не считало себя въ правѣ примѣнить къ нимъ начала общественнаго призрѣнія.

Вопросъ, возникающій отсюда, рѣшенъ сенатскимъ указомъ 1729 г., іюля 25 ²⁾, въ слѣдствіе частнаго представленія изъ Москвы объ уличныхъ мальчишкахъ бродягахъ. Разсортировавъ ихъ, сенатъ приказалъ отослать въ коллегію экономіи для содержанія и обученія только «вольныхъ» бродягъ, какое распоряженіе должно имѣть силу и на будущее время. вмѣстѣ съ этимъ сенатъ предполагалъ составить «точное опредѣленіе», т. е. полный уставъ о призрѣніи пойманныхъ бродягъ, незаконнорожденныхъ, сиротъ и солдатскихъ дѣтей (которые по справедливости поставляемы были наравнѣ съ сиротами); для этой цѣли сенатъ приказалъ собрать и доставить ему свѣдѣнія о состояніи гарнизонныхъ и другихъ школъ и госпиталей заторныхъ младенцевъ (т. е. тѣхъ мѣстъ призрѣнія незаконнорожденныхъ, о которыхъ было говорено выше).

Результатомъ предположенныхъ законодательныхъ работъ былъ рядъ мѣръ, посвященныхъ только судьбѣ солдатскихъ дѣтей и гарнизоннымъ школамъ. Правительство ревниво смотритъ чтобы лица, обязанныя службою, не потерялись для службы, попавши подъ попеченіе духовнаго начальства, въ его учрежденія для призрѣнія. Въ 1731 году былъ изданъ особый указъ о томъ, чтобы дѣти отставныхъ солдатъ, опредѣ-

---

¹⁾ Правительство при Петрѣ I весьма послѣдовательно учреждаетъ непосредственно отъ себя только «госпитали заторныхъ младенцевъ».

²⁾ П. С. З. № 5450 (т. VIII).

ленные въ богадѣльни, были возвращены изъ коллегіи экономіи въ военную коллегію, которая отсылаетъ малолѣтнихъ въ гарнизонныя школы, а годныхъ въ службу ¹⁾. Мало того: общественное призрѣніе и воспитаніе сиротъ получило чрезъ такое частное направленіе правительственныхъ мѣръ, видъ весьма спеціальній. Призрѣваемые *всякаго званія* должны быть отдаваемы въ гарнизонныя школы «для обученія грамотѣ и прочихъ наукъ» ²⁾. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и въ исторіи цыфирныхъ школъ система элементарнаго образованія подчиняется системѣ профессиональной: и школы для бѣдныхъ переходятъ, подобно цыфирнымъ, въ гарнизонныя солдатскія.

Но такъ какъ гарнизонныя школы суть заведенія, предназначенныя для обученія, а не для призрѣнія вмѣстѣ, то рождался вопросъ, что дѣлать съ тѣми сиротами, которыя еще не годятся для поступленія въ гарнизонныя школы? Еще въ 1723 г. было предписано «раздавать безродныхъ младенцевъ на воспитаніе съ вѣчнымъ за воспитателями укрѣпленіемъ» ³⁾. Но окончательно вопросъ этотъ (опять частнымъ образомъ относительно судьбы солдатскихъ дѣтей) рѣшенъ въ 1744 г. сенатскимъ указомъ 11 іюля ⁴⁾. Оригинальное содержаніе этого указа заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства съ нимъ.

Младенцевъ сиротъ или нищихъ («которые матерей, и родственниковъ и свойственниковъ у себя не имѣютъ, или колхотя и имѣютъ, да пропитанія своего у нихъ нѣтъ») отдавать помѣщикамъ («всякаго чина людямъ, имѣющимъ деревни») и купцамъ, имѣющимъ фабрики и заводы, кто согласится взять ихъ изъ платежа подушнаго оклада. Сироты отдаются «для воспитанія и дабы оныя вовсе безъ призрѣнія и пропитанія пропасть не могли». Но на какихъ же условіяхъ могли согласиться землевладѣльцы и фабриканты взять на себя попеченіе объ этихъ сиротахъ, съ платежомъ притомъ за нихъ подушныхъ денегъ? Вотъ на какихъ: «быть онымъ у нихъ вѣчно, равно какъ купленнымъ и крѣпостнымъ ихъ людямъ». Для

---

¹⁾ П. С. З. № 5757 (Т. VIII).

²⁾ Ук. 1736 г. іюля 26. П. С. З. № 7017 (Т. IX).

³⁾ П. С. З. № 4335 (Т. VII).

⁴⁾ П. С. З. № 8989 (Т. XII).

этого они записываются за владѣльцами въ перепись, пзъ которой выписп получаютъ владѣльцы. Мотивы такого страннаго распоряженія указаны сенатомъ слѣдующіе: «правительствующій сенатъ опредѣлилъ для того, что оныхъ въ школы за совершеннымъ малолѣтствомъ, отдавать не можно, а пропитанія не имѣютъ, п для содержанія таковыхъ казенныхъ сиротскихъ домовъ п на то суммы нѣтъ». Затѣмъ справедливо говоритъ сенатъ, что никто не возьметъ ихъ на пропитаніе п воспитаніе до урочныхъ 7 лѣтъ т. е. до опредѣленія ихъ въ гарнизонную школу, безъ всякаго вознагражденія; отъ этого для сиротъ возникла неизбежная перспектива или умереть съ голоду, или испортиться въ бродяжничествѣ («въ худыхъ поступкахъ обращаться»). Этого послѣдняго сенатъ еще не считаетъ единственною причиною для вмѣшательства въ ихъ судьбу со стороны государства; государственпый вредъ состоитъ въ томъ, что испорченные бродяги будутъ ускользать отъ государственныхъ налоговъ. Отсюда ясно, что общественныхъ учреждений для призрѣнія малолѣтнихъ уже не было. Начала, положенныя м. Ювомъ п Петромъ В., не только не развивались, но п совсѣмъ были забыты. Сенатъ въ 1744 г. имѣлъ право сказать: «казенныхъ сиротскихъ домовъ нѣтъ».

Замѣна призрѣнія рабствомъ очевидно было принята п продолжала практиковаться до конца елисаветинскаго царствованія, когда, наконецъ, правительство признало необходимымъ учредить мѣста призрѣнія п воспитанія при профессиональныхъ школахъ. Это п было рѣшено указомъ 1761 г. нояб. 6 оиать относительно солдатскихъ дѣтей: тѣ пзъ нихъ, которымъ семья не можетъ доставить пропитанія, должны быть опредѣляемы въ гарнизонныя школы, хотя бы п не достигли законнаго возраста 7 лѣтъ ¹⁾.

Изложенныя выше узаконенія касались дѣтей, лишенныхъ семьи или дѣтей ищущихъ родителей. Но правительству того времени представился случай, который показалъ, что государству приходится иногда примѣнять общественное призрѣніе п первоначальное воспитаніе къ такимъ дѣтямъ, которые имѣютъ достаточныхъ родителей. Это бываетъ тогда, когда семья не внушаетъ государству ни малѣйшаго довѣрія

¹⁾ П. С. З. № 11,354 (Т. XV).

въ томъ, что данное ею первоначальное воспитаніе будетъ сколько нибудь соответствовать «государственной пользѣ». Таковы дѣти ссыльныхъ, отправленные на мѣсто ссылки съ ихъ отцами. Ссылка цѣлыхъ семействъ за преступленія главы семейства примѣнялась иногда въ этотъ вѣкъ по особеннымъ мѣстнымъ соображеніямъ, именно съ цѣлю военной колонизаціи открытыхъ границъ на востокъ. Такъ въ 1739 г., авг. 26 данъ былъ указъ о подобномъ переселеніи семействъ преступниковъ въ Оренбургъ вмѣстѣ съ ихъ отцами, и о высылкѣ туда семействъ прежде сосланныхъ лицъ, если семейства не принадлежатъ помѣщикамъ по платежу подушнаго оклада. Въ 1748 году Оренбургская губернская канцелярія представляла сенату, что въ то время въ Оренбургѣ, Бердской слободѣ и Чернорѣченской крѣпости дѣтей ссыльныхъ мужескаго пола разныхъ лѣтъ было 188. Губернская канцелярія нашла необходимымъ имѣть о нихъ «довольное разсужденіе», исходящее изъ слѣдующихъ мотивовъ: дѣти ссыльныхъ (какъ и отцы ихъ) не записаны и по закону не должны быть записаны въ подушный окладъ, слѣдовательно они лица казенныя: «должны прочены быть къ казенному употребленію. Предназначаясь къ казенному употребленію они, въ особенности же маловозрастные, должны быть «воспитаны такъ какъ государственная польза требуетъ». Этого ожидать нельзя отъ ихъ отцовъ, «отъ которыхъ (дѣти) ничего нѣга, кромѣ худыхъ примѣровъ и продерзостныхъ поступковъ, видѣть не могутъ; по возрастѣ ихъ разбродиться и въ такія жъ непотребства будутъ впадать, каковыя отъ отцовъ ихъ происходятъ; а тако отъ нихъ не нѣга чего ожидать, какъ умноженія воровства и всякихъ непотребствъ, что по силѣ государственныхъ правъ предостерегать надлежитъ». Отсюда никакъ нельзя заключить, что нравственная польза дѣтей была единственнымъ побужденіемъ заботливости о нихъ, какъ увидимъ сейчасъ.

Результатъ этихъ разсужденій слѣдующій: въ Оренбургѣ учреждается школа, въ которую собираются всѣ дѣти ссыльныхъ отъ 7 до 15 лѣтняго возраста, изъ всѣхъ окружающихъ поселеній. Предметы обученія въ этой школѣ: русская грамота, чистое письмо, нотное пѣніе, исповѣданіе православной вѣры и первая часть арифметики. Учитель рус-

ской грамоты для этой школы на первых порах берется изъ тѣхъ учениковъ тамошней татарской школы, которые уже хорошо знают грамоту и письмо. Школа состоитъ въ вѣдомствѣ губернской канцеляріи. Для помѣщенія ея и учениковъ отводится казарма. Источники содержанія ея (учебныя пособія и содержаніе учениковъ) заимствуются изъ остатковъ губернскихъ доходовъ отъ некомплекта чиновниковъ, изъ доходовъ тамошней аптеки и изъ провіанта, доставляемаго мѣстною провіантскою копторою. Продовольствіе учениковъ приравнивается къ продовольствію учениковъ гарнизонныхъ школъ (дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ получаютъ по одному четвертку ржи, выше 10 лѣтъ по два въ мѣсяцъ): ученикамъ, обнаружившимъ большую даровитость и прилежаніе, можетъ быть назначено и денежное жалованье.

И эта школа, подобно школамъ для бѣдныхъ, не избѣжала вліянія профессиональной системы: это видно какъ изъ круга лицъ, дѣти которыхъ обязательно берутся въ нее, такъ и цѣли, для которой предназначаются ученики по окончаніи образованія. Дѣти ссыльныхъ, уже записанныхъ въ козакъ, не подлежатъ обученію въ ней: они приурочены уже къ наслѣдственной профессіи, — назначены къ службѣ ихъ отцовъ.

«Что же касается (говорить губернская канцелярія) до такихъ, которыхъ отцы, хотя и ссыльные, но уже по вѣрностямъ дѣйствительно въ козачьей службѣ находятся, то оныхъ всѣхъ въ предписанную школу не брать, но оставить ихъ впредь для комплекта козачьяго въ тѣхъ вѣрностяхъ, гдѣ отцы изъ козаками находятся, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они къ той же службѣ потребны будутъ».

Далѣе тѣ изъ дѣтей ссыльныхъ, о которыхъ заявитъ какой либо помѣщикъ, что они, по платежу подушнаго оклада, ему крѣпки, немедленно освобождаются отъ школы и передаются помѣщику; а этотъ послѣдній обязанъ вознаграждать казну за издержки, употребленныя ею на воспитаніе и обученіе его крѣпостныхъ. Такимъ образомъ здѣсь дѣйствуютъ интересы казны, а не интересы государства.

Для казеннаго же интереса предназначаются люди, прошедшіе чрезъ школу для ссыльныхъ: они должны («позже они не суть солдатскіе дѣти»), по достиженіи 18 лѣтняго

возраста поступать на гражданскую службу, на должности, положенныя по губернскому штату, сообразно съ понятіемъ и способностямъ каждаго. Тѣ изъ нихъ, которые окажутся негодными для гражданской службы, могутъ быть опредѣлены въ военную.

Мы сказали уже, что инородцы были счастливѣе господствующей народности; образованіе инородцевъ озабочивало государство въ то время, когда оно совершенно оставило всѣ попытки къ распространію элементарнаго образованія среди русскаго населенія. Причины этого понятны: образованіе инородцевъ цѣнилось какъ образованіе инородцевъ; цѣль образованія лежитъ не въ немъ самомъ, а въ стороннихъ религіозныхъ интересахъ. Таково начало элементарнаго образованія въ самомъ русскомъ народѣ въ эпоху его первоначальнаго просвѣщенія христіанствомъ. Теперь тоже самое совершается въ меньшемъ размѣрѣ на окраинахъ Россіи.

Эти религіозныя цѣли выполняются или тѣмъ, что образованіе въ христіанскихъ школахъ приготовляетъ учениковъ дѣтей инородцевъ къ воспріятію христіанства, или тѣмъ, что дѣти принявшихъ христіанство, образовываясь въ школахъ, усваиваютъ внутреннюю силу его. Первый путь правительство избирало рѣдко; оно шло преимущественно вторымъ путемъ и потому школы миссіонерскія, по справедливости, называются «новокрещенскими».

Но религіозная цѣль въ новокрещенскихъ школахъ XVIII в. уже не была единственною. Инородческое образованіе, находясь въ рукахъ государства, а не одной только церкви, направляемо было государствомъ и къ другой цѣли, къ распространенію *русской* цивилизаціи среди полудикихъ племенъ, подчиненныхъ русскому государству, т. е. къ распространенію между ними русскаго языка и русской письменности. Это считалось лучшимъ средствомъ ассимиляціи племенъ нерусскихъ. Поэтому миссіонерскія школы, по справедливости, въ то же время могутъ быть названы и инородческими. Обѣ эти цѣли, повидимому столь сходныя, находятся, однако, во внутреннемъ противорѣчій: такъ предъ христіанскою вѣрою, особенно въ православномъ ея исповѣданіи, нѣтъ исключительныхъ національностей («нѣтъ ни іудеевъ ни эллиновъ»); она напротивъ, укрѣп-

ляетъ національности, сообщая высокія христiанскія понятiя на народномъ языкѣ. Народный языкъ считается, съ другой стороны, лучшимъ условiемъ для успѣха проповѣди. Между тѣмъ государственныя цѣли ассимиляціи инородцевъ требуютъ именно скорѣйшаго распространенiя между ними языка господствующей націи. Хотя въ дѣйствительности та и другая цѣль примыряются жизнию и крещеныя инородцы всего скорѣе сближаются съ господствующею націею по языку и правамъ; но въ законодательной сферѣ, тѣмъ не менѣе, противорѣчіе этихъ цѣлей было источникомъ большихъ затрудненій. Къ этому слѣдуетъ присовокупить неясность и двойственность самихъ религіозныхъ задачъ.

Объ названныя цѣли были указаны правительству нач. XVIII в. (но безъ всякой попытки примырить ихъ противоположности). Посошковъ въ отрывкѣ уже приведенномъ нами выше, рекомендуетъ правительству учрежденіе миссіонерскихъ школъ среди Мордвы, именно для распространенiя христiанства (а не для утвержденiя въ вѣрѣ крещенныхъ: «а иные выучась грамотѣ, познають св. христiанскую вѣру, возжелаютъ и креститися»). Другой проектъ, принадлежащій Симанову, рекомендуетъ учрежденіе школъ среди той же Мордвы для обѣихъ религіозныхъ задачъ (и для утвержденiя въ христiанствѣ и для распространенiя его), предлагаетъ обучать какъ крещенныхъ, такъ и некрещенныхъ.

«Въ градскихъ уѣздахъ, пишетъ онъ, живутъ язычницы Мордва, не вѣдущія Бога и погибаютъ въ невѣрiи, а многіе изъ нихъ и дѣти ихъ извѣчайны славянскому языку и обычаемъ и живутъ между христiанъ, токмо нѣтъ въ нихъ славянороссійской грамоты ученiя; а которые и крещены и тѣ за невѣдѣнiемъ писанiя держатся древнихъ своихъ обычаевъ и въ вѣрѣ заблуждаются..... Егда познають писаніе (продолжаетъ онъ) и въ немъ уразумѣютъ истиннаго Бога, тогда самовольно (т. е. добровольно) обратятся къ крещенiю, обратятся и прочихъ къ вѣрѣ христiанской и будетъ непзлаголаанная ангеломъ въ небесехъ радость и веселіе челоувѣкомъ на землѣ, а св. прав. сподѣ возвеличенъ отъ Бога».

Составитель проекта совершенно упускаетъ изъ виду другое, государственное значеніе инородческаго образованiя. Онъ предлагаетъ обучать дѣтей инородцевъ не для ознаком-

ленія ихъ съ русскимъ языкомъ и письменностію, и поэтому именно рекомендуетъ набирать въ школу уже знающихъ русскій языкъ и даже штрафовать тѣхъ родителей, которые будутъ ложно утверждать, что дѣти ихъ не знаютъ порусски. Симановъ предполагаетъ обязательное обученіе для дѣтей Мордвы, однако не всеобщее. Это очевидное противорѣчіе двухъ требованій примиряется у него слѣдующимъ страннымъ образомъ: въ школу набираются дѣти 12 л. и ниже по одному съ 10 мордовскихъ дворовъ.

Образованіе, которое предполагается давать въ этихъ школахъ, преимущественно-религіозное. А такъ какъ такой характеръ имѣло издревле народное русское образованіе, то оно цѣлкомъ примѣняется къ крещенымъ и некрещенымъ мордвинамъ; образованіе это состоитъ изъ азбуки, часослова и псалтыри (по крайней мѣрѣ эти книги Симановъ рекомендуетъ раздавать ученикамъ безденежно).

Такое образованіе сообщается въ школахъ, которыя содержатся на счетъ мордовскаго населенія по равной разкладкѣ хлѣба и харчей на всякіе 10 мордовскихъ дворовъ; затѣмъ учебныя пособія раздаются безденежно. Казенный расходъ на книги возвращается отчасти изъ штрафовъ съ родителей, укрывающихъ дѣтей отъ школы. Школы не должны быть отдалены отъ мѣста жительства семействъ учениковъ (требованіе столь важное и постоянно забываемое законодательствомъ XVIII в.); причина этого, указываемая проектомъ та, чтобы отцы могли чаще видѣться съ дѣтьми свободно, «понеже не будутъ о дѣтяхъ своихъ туженія имѣть». Столь вѣрная педагогическая мысль не должна, повидному, примѣняться къ миссіонерскимъ школамъ, которыя именно рассчитываютъ на разрывъ съ преданіями семьи-ея язычествомъ и инородчествомъ. Но Симановъ очевидно вѣрилъ въ силу вліянія школы и, какъ мы видѣли, рассчитывалъ на обращеніе къ вѣрѣ христіанской родителей посредствомъ дѣтей. Такія школы, само собою разумѣется, должны быть многочисленны; по этому проектъ и предлагаетъ, въ видахъ экономіи, воспользоваться для нихъ опустѣвшими мордовскими избами и постоялыми дворами. Учителя для школъ тѣже, которые были учителями и въ древне-русскихъ элементарныхъ школахъ, попы и дьяконы; но такъ какъ въ странѣ

полуязыческой приходо́въ не могло быть много, то и обязанности учителей возлагаются не на приходское духовенство, а на вдовыхъ (т. е. заштатныхъ) поповъ и дьяконовъ. Главное управленіе миссіонерскими школами возлагается на св. синодъ и, подъ его вѣдѣніемъ, на мѣстнаго епископа. Ближайшее завѣдованіе ими Симановъ принималъ на себя. Синодъ распредѣляетъ, съ утвержденія государя, окончившихъ курсъ по своему усмотрѣнію. Этимъ послѣднимъ пунктомъ проэкта Симановъ отдалъ дань направленію законодательства XVIII в., придавъ и миссіонерскимъ школамъ служебный (именно церковный) характеръ ¹⁾.

Такимъ образомъ проэктъ Посошкова и Симанова рекомендуютъ правительству учрежденіе школъ на мѣстахъ инородцевъ для распространенія между ними исключительно церковнаго образованія посредствомъ принудительныхъ мѣръ относительно родителей, съ оставленіемъ школъ въ управленіи духовнаго начальства и съ назначеніемъ въ нихъ учителей изъ лицъ духовныхъ. Посмотримъ какъ выполнило правительство всѣ части этихъ проэктовъ, и прежде всего относительно учрежденія школъ.

Хотя проэктъ поданы были еще при Петрѣ, но не видно, чтобы правительство приняло въ 20-хъ годахъ XVIII в. какія либо мѣры къ учрежденію школъ среди инородцевъ. Первую законодательную мѣру (если не считать переписки синода и сената съ Тихономъ митрополитомъ Казанскимъ, которая не привела ни къ какимъ опредѣленнымъ мѣрамъ) по этому вопросу мы встрѣчаемъ въ 1732 году. Она касалась образованія астраханскихъ инородцевъ; какъ видно,

---

¹⁾ Описан. докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ св. синода. Прилож. XVI. Общая мысль проэкта изложена Симановымъ 1723 г. февр. 27 предъ синодомъ, который отнесся съ видимымъ недовѣріемъ къ составителю проэкта и потребовалъ отъ него между прочимъ сказку о томъ: «онъ самъ гдѣ учился и отъ кого? и знаетъ ли которую науку школьную?» Симановъ 8 марта откровенно отвѣчалъ, что «онъ изучился грамотѣ въ нижегородскомъ уѣздѣ въ Макарьевѣ монастырѣ Желтоводскомъ отъ дѣда своего роднаго іеромонаха Сергія Власова) а въ школьномъ ученіи не бывалъ; производитъ де онъ отъ ученія божественныхъ книгъ». Синодъ забылъ, что такіе просвѣтителі инородцевъ, какъ Стефанъ Пермскій и Гурій Казанскій, тоже въ школахъ не бывали и свои знанія и свою могучую дѣятельность производили только отъ божественныхъ книгъ.

иниціативною правительственною дѣятельностію въ этомъ направленіи исторія обязана Кирплову, подобно какъ послѣдующее развитіе мѣръ Исплюеву, двумъ замѣчательнымъ администраторамъ 1-й пол. XVIII в. 1732 г. февр. 14 данъ былъ сенатскій указъ:

«Въ Астрахани при Ивановскомъ монастырѣ, для обученія *новокрещенныхъ калмыцкихъ дѣтей* русской и калмыцкой грамотѣ, училышу быть и, для лучшей къ тому ученію охоты, тѣмъ ученикамъ жалованье давать противъ солдатскихъ дѣтей, которые учатся въ гарнизонныхъ школахъ, а кои будутъ въ наукѣ выходить къ совершенному знанію читать и переводить съ русскаго на калмыцкой съ калмыцкаго на русской, тѣмъ чинить сверхъ того прибавку по разсмотрѣнію и на содержаніе ихъ употребить нынѣ въ Астраханской губерніи изъ немоложенныхъ въ штатъ доходовъ до 300 рублей и сколько изъ того числа въ нынѣшнемъ 1732 году издержано будетъ и на сколько человекъ, въ сенатъ репортовать, по которому впредь основательное опредѣленіе въ штатѣ учинено будетъ» ¹⁾.

Изъ этого указа можно видѣть, что здѣсь правительство преслѣдовало не столько миссіонерскія цѣли, сколько свои чисто государственныя; для цѣлей администраціи пужны были люди, знающіе хорошо калмыцкій и русскій языкъ. О дальнѣйшей судьбѣ астраханской школы мы ничего не знаемъ. Знаемъ только, что она дѣйствительно была учреждена и сдѣлалась разсадникомъ другихъ школъ среди калмыковъ: еще въ 1741 г. лучшими учителями въ калмыцкихъ школахъ въ Ставрополѣ были присланные изъ Астрахани.

Въ 1737 г., когда калмыцкая княгиня Анна Тайшина приняла христіанскую вѣру съ своими калмыками и зайсанами, то правительство перевело ее для жительства въ Саратовскую губ. на рѣку Токъ (Ставрополь). При этомъ коллегія иностранныхъ дѣлъ, у которой въ вѣдомствѣ состояли эти инородцы, представила въ сенатъ проектъ относительно устройства калмыковъ на новомъ мѣстѣ и между прочимъ утвержденія ихъ въ православной вѣрѣ посредствомъ образованія. Къ сожалѣнію самое представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ его подробностяхъ, не извѣстно намъ. Но

---

¹⁾ П. С. З. № 5960 февр. 14, 1732.

пзъ сенатскаго указа 18 апр. 1737 г. ¹⁾ видно, что коллегія представляла, кромѣ заведенія школы, перевести на калмыцкій языкъ новый завѣтъ и другія священныя и богослужебныя книги; сенатъ рѣшилъ отнестись о томъ въ св. синодъ. Съ своей же стороны сенатъ назначаетъ для перевода священныхъ книгъ и для миссіонерской дѣятельности бывшаго переводчикомъ при умершемъ ханѣ Петрѣ Тайшнѣ, Ивана Кондакова. Онъ долженъ состоять подъ начальствомъ духовнаго лица, которое будетъ назначено для тойже цѣли и «такъ какъ онъ былъ въ наукѣ», то можетъ, по мнѣнію сената, замѣнять духовное лицо въ обученіи крещенныхъ калмыкъ.

Изъ послѣдующихъ узаконеній ²⁾ видно, что тогда же въ 1737 г., вѣроятно по рѣшенію св. синода, при трехъ, учрежденныхъ для калмыковъ въ Ставрополѣ, церквахъ, опредѣлено быть одному архимандриту, 3-мъ священникамъ и 7 церковникамъ, съ ежегоднымъ жалованьемъ первому по 300 р., священникамъ по 200, церковникамъ по 100 р. Въ исполненіе этого распоряженія казанскій архіерей и выслалъ въ Ставрополь священниковъ и церковниковъ.

Но другія предположенія, выраженные въ ук. 1737 г., не были выполнены, а именно школа не была учреждена, или по крайней мѣрѣ не была достаточно организована до іюля 1741 г. Въ 1737 г. вопросъ былъ рѣшенъ только голословно: завести школу; но «только на какомъ тѣхъ школьничковъ пропитаніи содержать и тоя школу постройть и проче потребное къ тому ученію пзъ какой суммы завести, о томъ въ указахъ не изображено, и суммы на то особливой не опредѣлено.» Въ 1741 году опять иностранная коллегія представляетъ сенату о необходимости завести тамъ школу; поводомъ къ тому послужило донесеніе въ коллегію полковника Змѣева. Въ немъ Змѣевъ увѣряетъ, что съ одной стороны «калмыки желаютъ обучать дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму; нынѣ уже (говоритъ онъ) сама княгиня Тайшина и многіе калмыки желаютъ, дабы школу завести и калмыцкихъ ребятъ обучать и приводить въ истинное позна-

¹⁾ П. С. З. № 7228.

²⁾ П. С. З. № 8394.

ніе съ прилежнымъ наставленіемъ» Съ другой стороны Змѣевъ доноситъ, что распоряженіе 1737 г. не только не помогло калмыцкому образованію, но отдалило возможность приступа къ нему, потому что присланные изъ Казани священники и причетники калмыцкаго языка не знаютъ; а между тѣмъ на ихъ расходуются большія суммы, которыя могли бы быть употреблены на заведеніе школы. Въ Ставрополѣ же и до прибытія этихъ священниковъ и причетниковъ были уже на лицо свои учебныя силы въ лицѣ прибывшихъ изъ Астрахани школьничковъ: Ляхова и Бестужева, бывшихъ еще при Петрѣ Тайшинѣ, и въ лицѣ какого—то протопопа Чубовскаго. Всѣ эти лица умѣютъ по калмыцки говорить и писать, бываютъ непрестанно въ стѣнахъ и улусахъ при крещенныхъ калмыкахъ и тамъ на калмыцкомъ языкѣ обучаютъ христіанскому закону, молитвамъ и крестному знаменію. По мнѣнію Змѣева слѣдовало бы часть жалованья, назначеннаго священникамъ и причетникамъ, присланнымъ изъ Казани, употребить на основаніе школы, которую и отдать въ завѣданіе Чубовскаго. Какъ коллегія, такъ и сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. На содержаніе школы назначено 500 рублей изъ жалованья духовенства. Обучать велѣно русскому и калмыцкому языкамъ и грамотѣ (т. е. живому и письменному употребленію этихъ языковъ). Такимъ образомъ въ законодательномъ порядкѣ вторично рѣшенъ вопросъ о заведеніи школы въ Ставрополѣ, и въ оба раза съ очевиднымъ преобладаніемъ интересовъ государственныхъ надъ религіознымъ.

Наконецъ школа была учреждена дѣйствительно, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ, именпо на 10 учениковъ, съ жалованьемъ каждому по 12 руб. въ годъ. Все это видно изъ донесенія, присланнаго въ сенатъ оренбургскимъ губернаторомъ Неплюевымъ отъ 8 мая. 1744 г.

Этотъ знаменитый администраторъ восточныхъ окраинъ Россіи рѣшился окончательно направить образованіе на дѣло обрусѣнія инородцевъ. Цѣль, поставленная имъ, слѣд: «ученіе калмыцкаго языка подъ рукою и время отъ времени выводить имъ изъ обычая». Удобнымъ средствомъ для этого онъ считалъ: расширить калмыцкую школу, принявъ въ нее отъ 20 до 30 учениковъ, «а буде пожелаютъ, то и больше».

Въ число учениковъ принимать преимущественно дѣтей болѣе вліятельныхъ лицъ въ калмыцкомъ населеніи, владѣльческихъ и лучшихъ зайсанскихъ дѣтей, конечно съ тою надеждою, что обрусѣвшіе въ школѣ дѣти этихъ лицъ впоследствии окажутъ больше вліянія на развитіе русской цивилизаціи среди своихъ соплеменниковъ и подчиненныхъ. Обученіе въ школѣ должно состоять «изъ русскаго чтенія, письма и добрыхъ обычаевъ». Школа должна быть изъята изъ исключительнаго завѣдованія духовенства; обученіе собственно должно находиться въ рукахъ нарочно приисканнаго учителя; лица духовныя должны быть только законоучители. Обученіе закону Божію должно производиться послѣ того, какъ ученики обучены русскому языку. Окончательная цѣль школы не миссіонерская: ученики вышедшіе изъ нея, не непременно предназначаются къ поступленію въ духовное званіе, имъ предоставляется, по желанію, быть и «въ свѣтлыхъ чинахъ», чѣмъ по мнѣнію Неплюева, поощрится ихъ охота къ ученію.

Сенатъ вполне согласился съ представленіемъ Неплюева. Онъ предоставилъ выборъ учителя или самому Неплюеву, или ставропольскому коменданту по соглашенію съ протопопомъ Чубовскимъ; штатъ содержанія школы, учителя и приобрѣтенія учебныхъ пособій, составленный Неплюевымъ, утвердилъ. Затѣмъ опредѣленіе подробностей по тѣмъ частямъ проекта, которыя касаются духовенства и преподаванія закона Божія, сенатъ предоставилъ синоду, указавъ, однако, этому послѣднему главныя начала, которыя кажутся сенату необходимыми. По мнѣнію сената слѣдуетъ назначить въ Ставрополь церковничьихъ дѣтей изъ Казанской губ., съ тѣмъ, чтобы они нѣкоторое время здѣсь изучали калмыцкій языкъ, и могли быть произведены здѣсь во священники и назначаемы законоучителями въ школу; знанія калмыцкаго языка для законоучителей требовалъ и Неплюевъ. Руководительство въ дѣлѣ преподаванія закона Божія и сенатъ оставляетъ за тѣмъ же протопопомъ Чубовскимъ, котораго синодъ долженъ снабдить инструкцію. Духовенство, обучающее въ школѣ, получаетъ земельныя надѣлы ¹⁾).

Такъ выразился двойственный характеръ инородческихъ

¹⁾ П. С. З. № 9110.

школъ по отношенію къ астраханскимъ инородцамъ: образованіе признано важнымъ орудіемъ сколько для пропаганды русской цивилизаціи, столько и для пропаганды православной вѣры; но администрація колеблется въ попыткахъ примиренія этой двойственности.

Этимъ и ограничиваются краткія свѣдѣнія объ учрежденіи школъ въ Астраханскомъ краѣ; гораздо болѣе сохранилось свѣдѣній объ учрежденіи школъ въ Казанскомъ краѣ.

Въ центрѣ инородческаго населенія восточной Россіи дѣло образованія инородцевъ обратило на себя вниманіе правительства позже (именно съ 1735 г.), чѣмъ въ Астраханской окраинѣ. Но за то заботы мѣстныхъ церковныхъ управителей, а въ слѣдствіе этого, и св. синода предупредили за долго законодательныя и административныя мѣры государства. Въ самой Казани преданія, оставленныя святителемъ Гуриемъ, нашли себѣ подражателя въ митр. Тихонѣ.

Краткія свѣдѣнія о дѣятельности Тихона сообщаются лишь въ описаніи синодальнаго архива и повторяются потомъ изслѣдователями инородческаго вопроса ¹⁾. Судя по этимъ свѣдѣніямъ, онъ учредилъ въ Казани инородческую школу въ 1707 г. Первый приступъ къ дѣлу былъ довольно удаченъ: въ школѣ было уже 32 мальчика, изъ которыхъ въ два года къ 1709 г. 5 прошли весь принятый тогда курсъ элементарнаго ученія (съ часословомъ и псалтыремъ включительно), 20 обучены часослову; остальные 7 умерли. Учительскую должность отправляли «архіерейскій пѣвчій и 8 малолѣтнихъ солдатъ». Но здѣсь тотчасъ и оказалось, что Симановъ былъ правъ, предлагая строить школы для инородцевъ на мѣстахъ ихъ родины и не прерывать сношеній школьничковъ съ ихъ семействами; въ 1709 г. было найдено, «что оныя поокрещенныя дѣти, будучи въ Казани безъ отцовъ и матерей своихъ, зачали помрять и другіе заболѣли». Но крайней мѣрѣ по этой причинѣ гр. П. М. Апраксинъ нашелъ нужнымъ распустиить учениковъ по домамъ ²⁾. Трудно сказать, какое отношеніе къ учрежденію этихъ школъ имѣло

¹⁾ Е. А. Маловъ: О поокрещенскихъ школахъ въ XVIII в. Прав. Обзор. 1868 іюль. Н. А. Фирсовъ: Инородческое населеніе, стр. 133.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ Арх. св. синода стр. 368.

тогдашнее правительство: мы знаем только, что содержаніе учителей, школы и учениковъ было отъ казны (учитель пѣвчій получалъ по 6 ден. на день, малолѣтніе солдаты по 1 денгѣ на человѣка, вѣроятно тоже на день, и по 1½, четв. мукы ржаной въ мѣсяцъ; ученики получали больше: по 2 ден. на день человѣку и столько же мукы въ мѣсяцъ, и полное одѣяніе); что эта дѣятельность митрополита не обходилась безъ содѣйствія государства доказывается прошеніемъ Тихона Петру В. отъ 1721 года, въ которомъ митрополитъ, вызывая содѣйствіе правительства къ новому учрежденію школъ, между прочимъ пишетъ: «а прежніе новокрещенскіе дѣти, которыя въ школахъ словесной грамотѣ учились въ Казанѣ, и учителемъ ихъ трактamentъ и провіантъ даванъ былъ изъ вашего в. государя казны» ¹⁾). Это можетъ относиться равно какъ къ школамъ 1707-1709 г., такъ и къ школамъ 20-хъ годовъ; потому что Тихонъ, и по распущеніи школы Апракспнымъ, не оставлялъ заботъ объ образованіи широдцевъ; по словамъ его донесенія въ синодъ, онъ посылалъ іеромонаха Алексѣя въ Уржумскій, Яранскій, Санчурскій и Царевококшайскій уѣзды и этотъ послѣдній набралъ 20 чел. годныхъ къ ученію, «а отцы ихніе отдавать ихъ нехотѣли».

Въ упомянутомъ прошеніи Петру В. митрополитъ требуетъ отъ государства полного устава широдческихъ школъ въ Казани: «новокрещеннымъ дѣтямъ, которыя отобраны угодныя ко ученію славенскія грамоты, гдѣ ихъ въ школахъ учить и отколѣ ко ученію книги требовать? и ежели удобныхъ ко ученію, а отцы ихъ отдать не похотятъ, по неволѣ брать ли? Еще же учителемъ ихъ и имъ откуда довольствоваться пищею и трактamentомъ?» Синодъ передалъ просьбу Тихона на усмотрѣніе сената и, получивъ отъ сената одобреніе проэкту его, потребовалъ отъ него подробнѣйшихъ свѣдѣній о миссіонерскомъ вопросѣ, между прочимъ послѣдующимъ предметамъ:

«Отобранныхъ къ ученію славенскія грамоты того новокрещеннаго народа дѣтяхъ сколько отбрано и отобрать должно и коликое къ тому и какого званія требуются книги и что чего на трактamentъ

¹⁾ Ibid. Прилож. XXVIII (стр. СССXI).

и на прочее ихъ содержаніе въ годъ надобно, и гдѣ удобно ихъ учить, и коликимъ при нихъ учителямъ потребно быть и сколько человѣкъ таковыхъ новокрещенныхъ дѣтей напередъ сего, въ какое время чего изучено и кто при нихъ были учителя и каковымъ трактamentомъ и изъ какихъ доходовъ довольствоваться».

Так. об. вмѣсто отвѣта Тихонъ получилъ вопросы. Такой же обмѣлъ вопросовъ повторился въ концѣ 1721 и нач. 1722 г. Въ дек. того же 1721 г. синодъ потребовалъ отъ казанскаго митрополита свѣдѣній: отъ чего крещенные изъ магометанской вѣры вновь обращаются въ нее. Этимъ случаемъ Тихонъ вновь воспользовался, чтобы напомнить правительству о слѣдующихъ предметахъ: «новокрещенскихъ дѣтей въ школы ко ученію по сколку человѣкъ каждого рода (народа?) должно отобрать? Отцевъ и ихъ самихъ какимъ награжденіемъ къ тому склонить и по чему каждой персонѣ давать? Школы со всякими принадлежащими потребами откуда будутъ довольствоваться?»¹⁾ Мысль самого Тихона очевидно клонится къ тому, что бы слить дѣло инородческаго образованія съ профессиональнымъ духовнымъ: «надлежитъ, пишетъ онъ, ради истиннаго познанія христіанскаго закона и *произведенія во священныи чинъ* со увѣщаніемъ отобрать нѣсколько человѣкъ дѣтей ихъ и изучить славенской грамотѣ, но къ тому отцы и дѣти ихъ приступить не хотятъ, но развѣ склонять какимъ довольнымъ награжденіемъ». Въ это время учрежденіе спеціальныхъ духовныхъ училищъ уже было рѣшено духовнымъ регламентомъ; поэтому попытка основанія самостоятельныхъ инородческихъ школъ, повидному, отложена до основанія архіерейской школы въ Казани, что и послѣдовало въ 1723 г. Правда, что самъ Тихонъ и подчиненные ему мѣстные дѣятели несомнѣнно начали дѣло образованія инородцевъ раиѣе, чѣмъ правительство приняло тѣ законодательныя мѣры, о которыхъ мы скажемъ ниже. Уже въ 1731 г. казанскій митрополитъ выслалъ учителей въ Свіяжскъ для новокрещенской школы. На Алексѣя Рафьскаго, архимандрита тамошняго монастыря, были возложены труды организаціи этой школы. Учителямъ назначено было

---

¹⁾ *ibid.* Прил. XXIX (стр. СССXIII и СССXIV).

жалованье, по никакнхъ другихъ источниковъ содержанія не указано, а потому Алексѣй 24 окт. 1731 г. спрашивалъ: «на какомъ пхъ трактamentѣ содержать..., понеже безъ опредѣленнаго пмъ трактamenta при тѣхъ новокрещенскихъ дѣлахъ содержаться весьма невозможно, пбо, кромѣ жалованья, другихъ никакнхъ доходовъ надѣяться и получать пмъ будетъ не откуда». Въ дѣйствительномъ существованіи свѣяжской школы не только въ это время, но можетъ быть и ранѣе, не оставляетъ сомнѣнія проектъ того же Алексѣя, поданный въ 1732 г., при чемъ онъ увѣдомляетъ, что въ школѣ 20 челов. учениковъ и спрашиваетъ содержать ли *по прежнему*, выдавая одежду, обувь и пищу, на деньги опредѣленные отъ дому архіерейскаго къ новокрещенскимъ дѣламъ; «понеже оныя студенты требуютъ себѣ за ученые дни для утѣшенія сверхъ пищи и одежды, и отъ денегъ по частп». ¹⁾ По несомнѣннымъ свидѣтельствамъ о правительственной организаціи инородческаго образованія относятся уже къ архіерейской школѣ, въ которой инородческихъ дѣтей при жизни Тихона было 13, затѣмъ. (при Силвестрѣ) считалось до 10, при Лукѣ Канашевпчѣ 18 человекъ. Обучаемы они были «въ надежду священства» ²⁾.

Такимъ образомъ казалось, что и инородческое образованіе будетъ поглощено новою профессиональною системою и потеряетъ характеръ элементарнаго, при чемъ миссіонерскія и колонизаціонныя цѣли могли достигаться только отдаленнымъ непрямымъ путемъ. Другаго пути не видѣли ни мѣстные дѣятели, ни правительство до 1735 г. Тотъ же знаменитый миссіонеръ Алексѣй Рафѣскій въ 1732 г., марта 23, въ представленіи синоду о новокрещенскихъ дѣлахъ, говоритъ, что инородцы, прежде обучавшіеся «въ надежду священства», произведены уже во священныи чинъ и что на мѣсто пхъ нужно набрать еще 20 человекъ. Тѣмъ изъ инородцевъ, которые, по окончаніи курса въ школѣ, поступаютъ на приходы въ «инородческія жилища», дать слѣдующую льготу: не взыскивать съ нихъ при опредѣленіи пошлпнъ за произведеніе и посвященіе ³⁾.

¹⁾ Е. А. Маловъ о новокр. школахъ (изъ рук. Казан. дух. Академіи)

²⁾ Н. А. Опрсовъ, стр. 139.

³⁾ Е. А. Маловъ о новокр. школахъ (изъ рукопис. Казан. дух. акад.).

Но важность природческаго вопроса не позволила покончить съ нимъ тогда же посредствомъ такого компромисса. Царствованіе Анны, столь замѣчательное вообще въ исторіи народнаго образованія, къ удивленію, ознаменовало себя п тѣмъ, что обратило дѣло образованія природцевъ въ задачу правительства; мы указывали уже на это по поводу калмыцкихъ школъ. По представленію казанскаго губернатора и митрополита Пларіона о томъ же, о чемъ не разъ уже представлялъ Тихонъ, для образованія казанскихъ природцевъ (кромѣ магометанъ, т. е. Татаръ), а именно: Вотяковъ, Мордвы и Чувашъ, устроивается наконецъ цѣлая система школъ: центральная школа въ Казани—въ Федоровскомъ монастырѣ, остальные по уѣздамъ: въ казанскомъ уѣздѣ—двѣ школы: одна въ Елабугѣ дворцовомъ с. (нынѣ городъ), другая въ Царевкокшайскѣ; въ свѣжскомъ уѣзд. одна въ гор. Цивильскѣ ¹⁾. Цѣль образованія въ этихъ школахъ есть обученіе природцевъ славенороссійскому языку; поэтому школы эти, не имѣя исключительно-религіознаго характера, назначаются не для однихъ новокрещенныхъ, но и некрещенныхъ дѣтей численныхъ выше природцевъ. При этомъ весьма замѣчательно, что для некрещенныхъ назначается одна центральная школа въ Федоровскомъ монастырѣ; въ остальныхъ могутъ учиться какъ крещенныя такъ и некрещенныя дѣти. Въ центральной школѣ число учениковъ опредѣлено, именно отъ каждаго природческаго племени (Мордвы, Вотяковъ и Чувашъ) по 10 человекъ, т. е. всего 30 чел. Хотя и въ прочихъ школахъ положено тоже по 30 чел., но указъ прибавляетъ: сколько по охотѣ для того «ученія пожелаютъ». Въ центральной школѣ положено принимать дѣтей отъ 10 до 15 л., а въ уѣздныхъ отъ 7 до 15 л.; можетъ быть предполагалось, что пзъ уѣздныхъ некрещенныхъ дѣти могутъ поступать въ центральную школу. Но можетъ быть здѣсь проглядываетъ и другой мотивъ: крещенныя дѣти должны быть ранѣе взяты пзъ среды своихъ полуязыческихъ семействъ, чѣмъ некрещенныя дѣти язычниковъ, которыхъ, оче-

---

¹⁾ Объ удобствахъ выбора именно этихъ мѣстъ для миссіонерскихъ школъ см. Е. А. Малова: О новокр. школахъ (Прав. Обзор. 1868 г. июль, стр. 355—356.)

видно, правительство не предполагало обращать въ христiанство чрезъ школу насильственно. Въ каждой школѣ полагается по 2 учителя, съ жалованьемъ по 30 руб. каждому въ годъ. Управленіе экономическое, а можетъ быть и педагогическое, ввѣряется въ каждой школѣ коммиссару и приемъ смотрителю и писарю; коммиссаръ получаетъ такое же жалованье, какъ и учителя. Высшее управленіе остается въ рукахъ духовенства, какъ видно изъ послѣдующей судьбы этихъ школъ. Содержаніе школъ заимствуется изъ доходовъ церкви, а именно съ вѣчныхъ памятей, которыя, впрочемъ, уже прежде подчинены финансовому управленію государства. На первый годъ изъ суммы, собираемой съ вѣчныхъ памятей съ казанской губ., должно быть отпущено 2000 р., за тѣмъ на остальные годы по штату—1378 р. и 20 коп. Училищные дома строятся отъ казны: школа состоитъ изъ двухъ избъ, соединенныхъ сѣнями (одна изъ нихъ для учениковъ, другая для учителей), и изъ надворныхъ строеній. На содержаніе каждаго ученика отпускается по 7 р. въ годъ. Нельзя не замѣтить, что всѣ эти цифры для тогдашняго времени не только достаточны, но, по сравненію съ содержаніемъ другихъ школъ (напр. цифирныхъ), и роскошны. Не забыта была и медицинская часть содержанія школъ: для всѣхъ 4-хъ вмѣстѣ полагается одинъ лекаръ ¹⁾).

Не смотря на то, что и мѣстные администраторы и высшее правительство церковное и государственное согласно признали настоятельную необходимость и крайнюю важность инородческаго образованія, указъ 1735 г. до конца царствованія Анны не былъ приведенъ въ исполненіе. По крайней мѣрѣ, когда въ 1740 г. (сент. 11) былъ данъ сенату именной указъ о сформированіи чрезвычайной комиссіи для обращенія новокрещенныхъ къ христiанской вѣрѣ, то въ 21 пунктѣ его повелѣвается учредить тѣже 4 школы, какъ и что новое: «для обученія инновѣрческихъ дѣтей учредить 4 школы: первую въ Казани въ Федоровскомъ монастырѣ... и т. д. Хотя подобныя повторенія въ законодательствѣ XVIII в. случались нерѣдко (несмотря на то, что и предшествующія узаконенія уже входили въ дѣйствіе: послѣдующій законъ болѣе подроб-

¹⁾ П. С. З. № 6695.

ный включалъ въ себя первый, какъ часть свою); но мы не имѣемъ фактическихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ существованіи инородческихъ школъ казанскаго края между 1735 и 1740 годами; при томъ же указъ 1740 года игнорируетъ подробности учрежденія 1735 г., «а на какомъ основаніи оныя школы учредить и сколько въ которой учителей и учениковъ содержать, по чему имъ изъ положенной суммы жалованья платить и о прочемъ о всемъ въ синодѣ учинить штатъ и для апробаціи подать въ кабинетъ намъ немедленно». Новый законъ дополняетъ учрежденіе 1735 г. указаніемъ на составъ и цѣль инородческаго обученія: предназначая школы для новокрещенныхъ дѣтей, а не для язычниковъ, онъ предполагаетъ обучить ихъ «русской грамотѣ по алфавиту и слогахъ букваря съ десятисловіемъ, часослова, псалтыри и катихизиса и скорописному», т. е. утверждаетъ старый кругъ элементарнаго образованія съ добавленіями къ нему, сдѣланными въ началѣ XVIII в. (катихизисъ и скоропись) и съ удержаніемъ вполнѣ его религіознаго характера. Сообразно съ тѣмъ другая цѣль инородческихъ школъ-ассимиляція инородцевъ чрезъ русское образованіе совершенно теряется изъ виду, и даже преднамѣренно устраняется: «однакожь при томъ за ними (учениками) смотрѣть (продолжаетъ указъ), чтобы они и своихъ природныхъ языковъ не позабыли»¹⁾. Зачѣмъ это нужно было правительству? Конечно за тѣмъ, чтобы воспитанники школъ могли быть болѣе пригодными миссіонерами, могли распространять христіанскую вѣру на своихъ природныхъ языкахъ. Такъ и здѣсь колеблются цѣли правительства по отношенію къ инородческимъ школамъ. Для всѣхъ расходовъ по миссіи и въ томъ числѣ на образованіе инородцевъ назначено 10,000 р.

Этотъ именной указъ требовалъ, для своего примѣненія, обыкновенной законодательной разработки въ сенатѣ и синодѣ; разработка эта и продолжалась до іюля 1742 года, когда (7 іюля) представленъ былъ наконецъ сенатомъ докладъ, составленный изъ мнѣній синода и заключеній самаго сената, на высочайшее утвержденіе. Штатъ составленный синодомъ былъ апробованъ: школы должны быть открыты въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и по ук. 1735 г., кромѣ одной прежде

¹⁾ П. С. З. № 8236.

назначенной въ Цывилскѣ, а теперь перенесенной въ Свіязскѣ въ Богородицкій монастырь. Другія измѣненія въ прежнемъ уставѣ слѣд.: лекарей для всѣхъ школъ назначается два п, въ каждой школѣ, по лекарскому ученику; лекаря, завѣдующіе каждыи двумя школами, обязаны были не только лечить, но учить: «наипаче коп изъ тѣхъ способные усмотрятся, обучить нѣсколькихъ хоть кровопускаію». Книгъ для отпуска по штату назначено было синодомъ на 546 р.: сенатъ распорядился, чтобы онѣ были отпущены изъ московской типографіи, изъ тѣхъ, которыя употребляютъ на «подносы» (для подарковъ) ¹⁾.

Изъ высочайше утвержденного доклада сената 1749 г. (сент. 28), видно, что на содержаніе всѣхъ 4-хъ школъ назначено 2427 р. въ годъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ по указу 1735 года. Изъ него же видно, что «чины», получающіе это жалованье, уже «дѣйствительно обрѣтаются», т. е. уже назначены на должности.

Время дѣйствительнаго открытія этихъ школъ неизвѣстно. Повидимому безъ всякой связи съ этими законодательными работами, казанскій епископъ Лука Кашевичъ, ок. 1740 г. открылъ новокрещенскую школу въ Зилантовѣ монастырѣ, «гдѣ сыновья Татаръ, Чувашъ и Черемисъ, въ числѣ 80 чел., обучались русскому языку, закону христіанскому, псалтири и скорому письму подъ надзоромъ ректора семинаріи» ²⁾. Ни мѣсто школы Кашевича, ни составъ учениковъ, ни число ихъ, ни наконецъ характеръ управленія не соответствуютъ опредѣленіямъ указовъ 1735—1740 годовъ. Что Кашевичъ дѣйствительно не считалъ удобнымъ выполнение этихъ узаконеній, доказывается тѣмъ, что въ 1743 г. Сильвестръ Гловацкій, архимандр. свіязскаго Богородицкаго монастыря и извѣстный ревнитель обращенія инородцевъ, доносилъ св. синоду, что «въ строгіи 4-хъ новокрещенскихъ школъ въ казанской епархіи чинится всесовершенная остановка» и что Кашевичъ подавалъ (неизвѣстно куда) прошеніе, въ слѣдствіе чего отпущъ суммъ по штату (666 р.) на свіязскую

¹⁾ П. С. З. № 8579.

²⁾ Е. А. Маловъ изъ «краткой исторіи гор. Казани» М. Рыбушгина. Казань 1850 г. ч. 1 стр. 120.

школу былъ приостановленъ. Однако черезъ два года послѣ этого въ Свияжскѣ уже была открыта предполагаемая школа (быть можетъ преобразована изъ прежде существовавшей здѣсь еще при Алексѣѣ Раифскомъ):

«Въ свияжскомъ Богородицкомъ монастырѣ для ученія славяно-россійской грамотѣ новокрещеннымъ дѣтямъ по штату на 50 (30?) челов. учреждены всѣ школы и для жительства имъ, также учителямъ, смотрителямъ каменные покои и, для очищенія гнуса, баня, за вѣдомомъ преосв. Луки, еп. казанскаго, отведены, и къ тому принадлежащее строеніе яко то: хлѣбня, поварня, погребъ и для больныхъ изба, на счетъ опредѣленныхъ на оное строенія суммы вновь построено, которыми школами и жплыми каменными покоемъ могутъ они, безъ употребленія казеннаго интереса, быть довольными безъ нужды; въ которыхъ школахъ оныхъ разныхъ народовъ новокрещенныхъ дѣтей 30 чел. славянороссійской грамотѣ уже обучаются; къ которымъ учитель, смотритель дѣйствительно опредѣлены, и достальныя въ опредѣленное число изъ новокрещенскихъ дѣтей сего года набраны и въ школахъ опредѣлены быть имѣютъ безъ упущенія» ¹⁾.

Въ Елабугѣ и Царевкокшайскѣ, по словамъ Е. А. Малова, школы основаны не ранѣе конца 1749 г. Въ Оedorовскомъ же монастырѣ (въ Казани) школа, кажется, вовсе не была открыта.

Тотъ же писатель, основываясь на неуказываемыхъ имъ источникахъ, говоритъ, что когда, около 1753 г. Лука Кашевичъ основалъ церковь Захаріи и Елизаветы въ Казани, и построилъ при ней школы деревянные для новокрещенныхъ учениковъ, то «въ эти вновь построенныя школы собраны были ученики инородческіе изъ всѣхъ 4 новокрещенскихъ школъ, и такимъ образомъ казанскія новокрещенскія школы сдѣлались единственною центральною школою для Казанскаго края». Причины такого распоряженія Е. А. Малову остаются неизвѣстными. Повѣрить этого факта мы не имѣемъ возможности. По счету того же писателя (почерпнутому изъ отрывочныхъ рукописныхъ свѣдѣній) всѣхъ обучившихся въ этихъ школахъ въ первую половину XVIII в. было 250.

Еще при Петрѣ В., въ другомъ концѣ Казанскаго края образованіе инородцевъ начато такъ же мѣстною церковною

¹⁾ Докум., изд. Шаповымъ въ ст. «Лука Кашевичъ, еп. Казан.» (Прав. Собес. 1858 г. дек.).

властію. Современникъ Тихона, Вятскій еп. Алексѣй подалъ 30 дек. 1720 г. въ кабинетъ государя прошеніе о томъ, чтобы в ему данъ былъ такой же указъ, какой получилъ Тихонъ объ обращеніи ипородцевъ: «попозже и въ его епархіи обрѣтаются тому же подобныя (какъ въ казанской епархіи) Отяки, которыхъ безъ указу приводитъ къ тому (т. е. въ христіанскую вѣру) не смѣтъ». Синодъ, которому было передано прошеніе, между прочимъ, предписалъ Алексѣю: для дѣтей новокрещенныхъ устроить училищныя дома «въ которыхъ бы отроковъ учить безденежно и по казеннымъ книгамъ, аще будутъ отъ маломожныхъ» ¹⁾. Этотъ указъ 1721 г. есть самое раннее правительственное распоряженіе объ учрежденіи ипородческихъ школъ; но къ сожалѣнію намъ совершенно неизвѣстно—приведенъ ли былъ этотъ указъ въ исполненіе и въ какихъ размѣрахъ.

Наоборотъ въ Оренбургѣ намъ извѣстно существованіе татарской школы; но неизвѣстны вовсе начала, на которыхъ она была основана. Въ представленіи Оренбургской канцеляріи 1748 г., о которомъ мы упоминали, говоря о школахъ для ссыльныхъ, предлагается взять на первый случай учителей для предполагаемой школы изъ учениковъ татарской школы, «которые грамотѣ и письму довольны» ²⁾.

Таковы были мѣры къ учрежденію школъ въ Казанскомъ краѣ.—Ипородческій сѣверъ менѣе обращалъ на себя вниманіе правительства и мы не знаемъ ни одной мѣры, клонящейся къ образованію сѣверныхъ ипородцевъ Европейской Россіи (за исключеніемъ одного указа, касающагося образованія учителей для ипородческихъ школъ, о которомъ скажемъ ниже). Въ Сибири заботы объ этомъ взяло на себя мѣстное епархіальное начальство, повидному, безъ всякаго участія со стороны центральнаго правительства. Способъ дѣйствія принять здѣсь совершенно обратный тому, кото-

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода, стр. 143 и Ист. Рос. іер. Т. 1, стр. 577. Е. А. Маловъ сообщаетъ о двухъ указахъ изъ св. синода еп. Алексѣю въ 1721 г., ссылаясь на «замѣтку г. оберъ-прокурора св. синода, графа Д. А. Толстаго, объ описаніи синод. Архива (Сѣверная Почта 1867, № 35) и на Ист. Рос. іер. Но Описаніе синод. Архива и Ист. іерархіи говорятъ объ одномъ и томъ же указѣ св. синода.

²⁾ И. С. З. № 9553.

рый принятъ былъ въ Европ. Россіи: въ монгольской школѣ, основанной въ Иркутскѣ архимандритомъ Антоніемъ Платковскимъ въ 1725 г. не инородцы обучались русскому языку, какъ въ Ставрополѣ и Казани, а русскіе обучались инородческому языку—монгольскому. Поэтому при учителяхъ русскихъ учителя были инородцы, большею частию ламы, совершенно не знавшіе по русски, такъ что при урокахъ требовался переводчикъ ¹⁾). Такъ какъ эта школа совершенно выходитъ изъ разряда инородческихъ и есть школа духовно-миссіонерская, то здѣсь говорятъ о ней неумѣстно; ея мѣсто въ исторіи профессиональнаго духовнаго образованія. Такой же системѣ слѣдовалъ и митрополитъ Тобольскій Филофей Лещинскій, который въ 1707 г., отправляя миссію въ Монголію, отправилъ вмѣстѣ съ нею двухъ «остроумныхъ юпошей»; они были оставлены при дворѣ Кутухты для изученія монгольскаго языка и буддѣйской вѣры ²⁾). Но самая сильная дѣятельность по распространенію русскаго образованія и православной вѣры кипѣла на крайнемъ концѣ русскаго востока въ Камчаткѣ. Въ 1750 г. возвратился въ Петербургъ изъ Камчатки ревностный миссіонеръ-архимандритъ Іоасафъ Хотуицевскій и тамъ донесъ, «что все Камчадалы, благодатию Божією, св. крещеніемъ окрещены, научены и состоятъ въ вѣрѣ...и болѣе приводятъ изъ язычества въ вѣру христіанскую некого. Дѣти новокрещенныхъ въ ученіи російской грамотѣ, письма и пѣнія церковнаго рачтельнѣе преуспѣваютъ російскихъ отрочатъ и могутъ обучившіеся изъ нихъ ученіемъ свою братью довольствовать безъ нужды». Что это не была похвальба собственною дѣятельностью, доказывается свѣдѣніямъ, которыя получилъ на мѣстѣ преемникъ Хотуицеваго, по камчатскому миссіонерству, іеромонахъ Пахомій съ 1756 по 1761 годъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ Камчаткѣ было 13 школъ, а въ нихъ учащихся 284 отъ 5 до 22 лѣтъ отъ роду ³⁾). Вотъ все свѣдѣнія о мѣрахъ къ учрежденію школъ, которыя намъ

¹⁾ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1863 № 38 прилож. «Управленіе святителя Иннокентія».

²⁾ Сулоцкаго: «Филофей Лещинскій».

³⁾ Матеріалы для истор. христ. просвѣщ. Сибиря. Ж. М. Н. Пр. 1854 г., мартъ стр. 51 и 52.

удалось собрать за время отъ нач. XVIII в. до нач. царствованія Екатерины.

Изъ обзора этихъ мѣръ видно, что правительство совершенно отступило отъ началъ, указанныхъ ему проэктами, особенно же проектомъ Спманова. Школы учреждались не на мѣстѣ жительства инородческаго населенія въ селахъ, а въ городахъ. Мѣстная администрація еще болѣе централизовала ихъ, какъ это сдѣлалъ въ Казани Лука Кашашевичъ. Бѣдственныя послѣдствія этой системы оказались уже въ самомъ началѣ вѣка въ 1709 г. и остались тѣми же въ самомъ концѣ существованія казанскихъ школъ, какъ о томъ опредѣленно говоритъ Щербатовъ (слова котораго мы приведемъ ниже). Отъ такого порядка отступаютъ, кажется, только камчатскія миссіонерскія школы. Затѣмъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какое именно образованіе государство стремилось дать инородцамъ и какія мѣры принимало оно, чтобы приготовить для этихъ школъ учителей. Тогда окончательно уяснится для насъ—почему и эта послѣдняя форма элементарнаго образованія исчезаетъ ко 2-й половинѣ XVIII вѣка.

Законъ не точно опредѣляетъ—какое именно образованіе предполагается давать въ инородческихъ школахъ, рисуя его неопредѣленными чертами, то напоминающими старое элементарное образованіе, то превышающими его. Въ общемъ составъ элементарнаго образованія инородцевъ пзмѣнялся смотря потому, какой взглядъ на его цѣль преобладалъ въ данномъ случаѣ: при господствѣ религіознаго взгляда составъ образованія, кромѣ старыхъ предметовъ русскаго элементарнаго образованія, включаетъ въ себя и изученіе инородческихъ языковъ; при господствѣ государственныхъ цѣлей, напротивъ, инородческіе языки совершенно изгоняются изъ школы. Въ первомъ духѣ составленъ указъ 1735 г. для казанскихъ школъ; во второмъ утвержденный сенатомъ докладъ Неплюева для ставропольской школы. Неясность цѣлей образованія, отражаясь на неопредѣленности состава его, не могла не дѣйствовать губительно на судьбу школъ.

Въ дѣйствительности размѣры этого образованія опредѣлялись временными и случайными причинами. Судя по Словамъ Дм. Зинovieва, въ казанской инородческой школѣ

(около 1786 г.) обучаются російской грамматикѣ, т. е. букварю съ десясословіемъ, часослову, псалтыри и катихизису, также и скорописному пьесму. При томъ наблюденіе имѣется, чтобъ они и своихъ природныхъ языковъ не позабывали» ¹⁾).

Хотя такой составъ образованія вообще весьма мало возвышается надъ уровнемъ элементарнаго, но положеніе инородческихъ школъ въ центральныхъ городахъ и предназначеніе учениковъ ихъ къ занятію священническихъ и учительскихъ должностей, невольно извлекало инородческія школы изъ разряда элементарныхъ. Мы увидимъ какъ это обстоятельство было причиною паденія инородческихъ школъ.

Столь же мало законъ опредѣляетъ—имѣеть ли это образованіе принудительный характеръ для инородцевъ. Здѣсь опять наступало проявленіе личнаго усмотрѣнія мѣстной администраціи и дѣйствіе случайныхъ причинъ. Инородцы болѣе пассивнаго характера: Вотяки, Мордва, Чуваши, Черемисы, по волеизъявленію, добровольно отдавали дѣтей въ школы; напротивъ, инородцы магометане сильнымъ сопротивленіемъ русской православной пропагандѣ возбуждали насильственные мѣры со стороны мѣстныхъ архіереевъ. Мы видѣли уже, что и кроткій Тихонъ насильственно отнималъ дѣтей отъ родителей и постоянно спрашивалъ сподѣ: набирать ли дѣтей силою или употреблять различныя средства приманки, т. е. дѣйствовать путемъ косвеннаго принужденія. Изъ сподѣ, ни сенатъ не высказались опредѣленно. Особенно же прославился этимъ казан. епископъ Лука Кашаевичъ. О немъ писатель XVIII в. выражается такъ: «какъ особливо татары не столь приклонны къ благочестію, то онъ убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми притѣсненіями... набирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ лавокренскія училища... чрезъ что столько ихъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нестерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія» ²⁾. Дѣло дошло до того, что правительство, опасаясь всеобщаго

---

¹⁾ Топогр. опис. гор. Казани и его уѣзда М. 1788 г. стр. 39—40 (см. у Е. А. Малова).

²⁾ Слова Платона Любарскаго приводимыя изъ его рукописи, «сборн. древност. Каз. епархіи» Е. А. Маловымъ.

возстанія ипородцевъ Казанскаго края, припуждено было перевести Луку изъ Казани въ Бѣлгородъ.

Не смотря на то, что указы 1735—1740 годовъ выдѣлили дѣло образованія ипородцевъ изъ системы профессиональнаго духовнаго образованія, наклонность перваго ко второму обнаруживается какъ въ управленіи новокрещенскими школами, такъ въ составѣ учителей и учениковъ и служебномъ назначеніи этихъ послѣднихъ по выходѣ ихъ изъ школы.—Управление 4-хъ ипородческихъ школъ, Казанскаго края первоначально не находилось въ рукахъ мѣстной епархіальной власти; оно поручено было особому учрежденію по дѣламъ крещенныхъ ипородцевъ—«новокрещенной конторѣ», состоявшей изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Но это продолжалось не долго, именно съ 1742 по 1749 годъ. Сама контора нашла для себя обременительнымъ, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, управлять образованіемъ ипородцевъ и ходатайствовала предъ синодомъ, чтобы это управленіе передано было мѣстному епископу (тогда Лукѣ Капашевичу); ходатайство основано было на слѣд. интересныхъ соображеніяхъ: «понеже гдѣ новокрещенскія четыре школы построены, тамъ обрѣтаются духовные правители и при монастыряхъ власти, такожде священно-и церковнослужители и ихъ дѣти и состоятъ въ полной командѣ у епархіальнаго архіерея». Т. е. контора не видѣла никакой разницы между невокрещенскими школами и духовными семинаріями. Ходатайство ея было уважено.

И дѣйствительно учителя этихъ школъ брались оттуда же и назначались тѣмъ же путемъ, какъ и учителя семинарій. Единственный источникъ откуда миссіонерскія школы могли брать учителей, по мнѣнію самаго правительства, есть духовныя семинаріи. Это есть одна изъ цѣлей, для которыхъ правительство и основывало семинаріи. Именной указъ 1738 г. (объ основаніи Троицкой семинаріи) указываетъ какъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ своихъ слѣдующій:

«Шужда требуетъ для обращенія и крещенія невѣрныхъ, обрѣтающихся внутри государства нашего, т. е. Мордвы, Чувашъ, Черемисъ и прочихъ тѣмъ подобныхъ народовъ, которыхъ легко можно привести ученіемъ святымъ въ вѣру христову, еслибъ учительные свя-

щеники были, и архіереи бѣ въ епархіяхъ своихъ къ тому тщанію и прилежность по своему званію имѣли...¹⁾).

Правда, что правительство стремилось по временамъ создать спеціальныя учительскіе институты для миссіонерскихъ школъ; но попытки эти тотчасъ отступали безслѣдно предъ указаніями опыта. Въ 1740 г. данъ былъ изъ кабинета указъ синоду, въ которомъ выражается, что «для обученія православію и приведенія въ вѣру греческаго неповѣданія мордовскаго, чувашскаго, лопарскаго и самайскаго народовъ надлежитъ употребить такихъ людей, которые бѣ языки ихъ знали». Въ виду этой общей цѣли предписывалась слѣдующая мѣра: выбрать 30 человекъ изъ Казанской и 15 изъ Архангелогородской губерній и выслать ихъ въ синодъ для приготовленія въ школахъ, по назначенію синода, къ будущей миссіонерской дѣятельности. При этомъ весьма замѣчательно, что выборъ производится изъ лицъ всѣхъ сословій, какъ и слѣдовало ожидать, когда идетъ дѣло о такомъ призваніи, которое не состоитъ ни въ какой связи съ утвердившимися общественными профессіями. Но выборъ этотъ производится съ слѣдующими условіями: изъ дѣтей поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ избираются лица безъ всякихъ ограниченій; изъ купеческихъ избираются только дѣти такихъ купцовъ, которыхъ торговыя обороты не превышаютъ 150 р. Изъ шляхетства дѣти «убогихъ» шляхтичей; т. е. для образованія пновѣрцевъ избираются изъ классовъ свѣтскихъ только такія лица, потеря которыхъ не чувствительна для сословія, къ которому принадлежатъ ихъ отцы. Остальныя условія выбора слѣд.: избираемые должны имѣть не менѣе 15 лѣтъ, должны быть грамотны, т. е. должны умѣть читать и писать порусски, и наконецъ должны знать пновѣрческіе языки своей мѣстности. Приготовленіе ихъ къ учительству среди инородцевъ есть приготовленіе къ духовной службѣ; они изучаютъ «что до священства принадлежитъ»; именно ученіе о таинствахъ церковныхъ, истолкованіе заповѣдей и проч. Учительство между инородцами, по взгляду правительства, отождествляется съ отправленіемъ діаконскихъ и священ-

---

¹⁾ П. С. З. № 7660.

пическихъ должностей: «произвести ихъ въ діаконы и священники и отпустить для опредѣленія въ тѣхъ губерніи; чтобъ они помянутымъ народамъ, на ихъ языкахъ, могли проповѣдь чинить» ¹⁾).

Такъ какъ Казанская и Архангелогородская губерніи были, преимущественно, инородческія, то приготовленіе для нихъ миссіонеровъ совершенно сливалось съ другою задачею, т. е. приготовленіемъ священниковъ вообще для этихъ губерній и потому въ особомъ центральномъ учрежденіи для приготовленія инородческихъ учителей не было нужды. Поэтому синодъ, получивъ изложенный именной указъ, не рѣшился его выполнить и представилъ въ томъ же году кабинету (мая 1-го), что по его мнѣнію дѣло это удобнѣе можетъ быть выполнено на мѣстѣ въ означенныхъ двухъ губерніяхъ: «можно всему тому, что до священнической должности слѣдуетъ, обучать въ Казанской и Архангелогородской епархіяхъ, подъ присмотромъ тамошнихъ архіереевъ, ибо тѣ архіереи люди ученые». Другія препятствія, указываемыя синодомъ, слѣд.: въ Петербургѣ при св. синодѣ нѣтъ школъ; обученіе должно быть «не краткое», какимъ оно будетъ по необходимости, когда вызванные ученики будутъ жить въ въ столицѣ; содержаніе учениковъ на мѣстѣ обойдется дешевле, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Содержаніе это должно быть назначено изъ губернскихъ доходовъ. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ синода ²⁾). Былъ ли выполненъ указъ 1740 г. хотя въ такомъ измѣненномъ видѣ, не знаемъ; скорѣе можно думать, что нѣтъ, потому что архіерейскія школы (семінаріи) совершенно удовлетворяли той же цѣли.

Въ частности относительно Казанскаго края можно сказать съ увѣренностью, что особаго учительскаго института для инородческихъ школъ основано не было. Новокрещенская контора чрезъ 10 лѣтъ, послѣ изданія закона о приготовленіи учителей, именно въ 1750 г., назначила учителямъ въ казанскія школы: одного священника, одного іеродиакона и 5 церковниковъ; «осаго за не отысканіемъ, опредѣлить некого, а чтобы тѣ учителя ихъ новокрещенскіе языки могли сами

¹⁾ П. С. З. № 8004.

²⁾ П. С. З. № 8090.

знать, таковыхъ конторѣ-новокрещенскихъ дѣлъ отыскать и опредѣлить не откуда». Синодъ, узнавъ объ этомъ, хотя не одобрялъ такого неудовлетворительнаго выбора и требовалъ назначенія учителей «доброжелательныхъ, въ чтеніи и скорописи искусныхъ и знающихъ новобрческіе языки», но не указывалъ откуда взять такихъ учителей. Казанскій епископъ, исполняя это предписаніе, по отношенію къ одной изъ инородческихъ школъ—свѣяжской, «вмѣсто бывшихъ при оной на время учителей» назначилъ новыхъ дѣйствительныхъ. Но откуда же взяты они? Это были «обучавшіеся въ казанской семинаріи и окончившіе риторикъ, того же города Свѣяжска дьяконы: соборной Рождественской церкви Терситіи Худяшевскій, которые по добросостоятельству ихъ и по довольномъ знаніи въ наукахъ оказались въ томъ послушаніи быть весьма достойными и къ обученію тѣхъ новокрещенскихъ дѣтей способными»¹⁾.

Если по составу учителей новокрещенскія школы сблизались съ профессиональными духовными, то тотъ же характеръ инородческаго образованія еще болѣе открывается изъ того, какое назначеніе ожидало самихъ учениковъ. «Послѣ обученія посвящали учениковъ новокрещенскихъ школъ или прямо въ дѣйствительныя причетники, или же сперва посылали только править причетническую или пономарскую должность, а послѣ уже дѣлали ихъ дѣйствительными причетниками, и при томъ большую часть ставленниковъ—учениковъ казанскихъ новокрещенскихъ школъ посылали на причетническія должности къ городскимъ казанскимъ церквамъ, а также къ церквамъ подгородныхъ сель или слободъ близъ Казани»²⁾.

Во всемъ этомъ образованіе инородцевъ въ XVIII в. имѣетъ ближайшее сходство съ христіанскимъ образованіемъ самихъ русскихъ при первомъ принятіи христіанства: и тогда набирали дѣтей въ школы, гдѣ учило духовенство пре-

---

¹⁾ «Лука Канашевичъ, еп. Казан.» ст. Шапова (Правосл. Собесѣд. 1858 г. декабрь).

²⁾ Е. А. Маловъ: «О новокрещ. школахъ» (Правосл. Обзорѣн. 1868 г. іюль). См. также указаніе на частные случаи назначенія учениковъ на церковныя должности.

мущественно началамъ вѣры, и тогда изъ учениковъ этихъ школъ выходили новые христіанскіе пастыри; результатомъ же было укрѣпленіе элементарнаго образованія въ каждой приходской общинѣ. Но за этими видѣнными чертами сходства открываются черты существенныхъ различій: образовавшіеся въ первоначальныхъ школахъ шли въ тотъ же народъ; между тѣмъ какъ ученики новокрещенскихъ школъ XVIII в. выходили навсегда изъ народа; отсюда какъ упадокъ самыхъ школъ такъ и ничтожность вліянія учениковъ, вышедшихъ изъ этихъ школъ на распространеніе началъ христіанскаго образованія среди своихъ соплеменниковъ. Между тѣмъ мы сказали уже, что ученики и древнихъ школъ христіанскихъ и новыхъ природческихъ уходили одинаково большею частію въ духовное званіе. Въ чемъ же здѣсь разница? Въ томъ, что въ древней Руси духовная профессія не составляла еще сословія, а въ XVIII в. это послѣднее выдѣлилось совершенно изъ разрядовъ прочихъ жителей государства. Только этотъ смыслъ, а отнюдь не смыслъ личнаго и частнаго обвиненія должны имѣть слѣд. слова историка новокрещенскихъ школъ, которыми онъ хочетъ объяснить паденіе природческаго образованія къ концу XVIII в.: «вышедшіе изъ новокрещенскихъ школъ ученики и занявшіе главнымъ образомъ высшія священнослужительскія мѣста не оказали никакого благотворнаго вліянія на массы своихъ соплеменниковъ, потому что оторвались отъ своей народной среды, да и не могли произвестъ вліянія, такъ какъ и самая школа не давала имъ надлежащаго христіанскаго развитія. Она приготовляла ихъ главнымъ образомъ не на должности народныхъ учителей, а на должности причетниковъ»¹⁾.

Къ началу царствованія Екатерины отдѣльное существованіе природческихъ школъ съ ихъ специальнымъ духовнымъ характеромъ сдѣлалось аномалією. Ихъ отдѣльное призваніе должно было слиться съ общими задачами духовныхъ школъ. Природческія школы должны были закрыться: личная воля императрицы поддержала ихъ существованія, но не могла сообщить имъ жизни. Въ 1764 г. мѣстное начальство хода-

---

¹⁾ Е. А. Маловъ: «О новокр. школахъ XVIII в.» (Ирав. Обр. 1868 г. июль).

тайствовало о закрытіи ихъ предъ синодомъ; а синодъ и сенатъ вмѣстѣ представляли о томъ же государынѣ. Основанія этого представленія, изображенныя синодомъ, весьма резонны съ своей точки зрѣнія, т. е. составляютъ необходимый результатъ условій образованія вообще въ XVIII в.:

«Въ новокрещенскихъ жительствовахъ при церквахъ изъ священно-и церковпослужителей довольно уже есть такихъ, кои ихъ вновѣрческіе языки (для которыхъ новокрещенскія дѣти въ означенныхъ школахъ обучаемы были) знаютъ, и для того имѣющихся нынѣ въ оныхъ школахъ тѣхъ новокрещенскихъ дѣтей въ дома къ отцамъ и къ родственникамъ ихъ отпустить, а которые изъ нихъ обучались и въ церковный причетъ годны, таковыхъ, по силѣ прежнихъ указовъ, къ церквамъ опредѣлить».

Сказавъ потомъ, что учителей духовныхъ персонъ и чиновниковъ, состоявшихъ при школахъ, слѣдуетъ отослать обратно туда, откуда они были назначены, синодъ продолжаетъ, что впредъ новокрещенскія дѣти «буде пожелаютъ» могутъ быть обучаемы росіійскою грамотою при своихъ церквахъ мѣстными священниками, діаконами и церковпослужителями, «равно какъ и прочія русскія малолѣтнія дѣти по желаніямъ своимъ у таковыхъ обучаются». Т. е. синодъ, предоставивъ приготовленіе учителей для инородцевъ духовнымъ школамъ, иншему инородческому образованію хочетъ возвратитъ его элементарный и слѣдовательно общепародный и свободный характеръ. Еслибы на это можно было разсчитывать, еслибы можно было быть увѣреннымъ, что образованіе среди инородцевъ дѣйствительно укоренилось, то мысль синода была бы безусловно вѣрною; но Екатерина не признала этого и потому повелѣла: «школъ не отрѣшать; а имъ (родителямъ—инородцамъ) дать на волю дѣтей въ школахъ (т. е. городскихъ новокрещенскихъ), или при приходскихъ церквахъ обучать и инкому принужденія не чинить. А при томъ Е. И. В. согласна и съ тѣмъ, что которые изъ нихъ росіійскою грамотою и письму обучаются, таковыхъ о производствѣ годныхъ въ священно-и церковпослужители поступать по прежнимъ указамъ» ¹⁾.

¹⁾ П. С. З. № 12126.

Мы не знаемъ укрѣпилось ли элементарное образованіе въ инородческихъ приходахъ; но городскія инородческія школы съ того времени продолжали свое существованіе въ жалкомъ видѣ. Объ этомъ свидѣтельствуесть современный (той эпохѣ) писатель: «Одинъ казанскій архіерей учредилъ для дѣтей (инородцевъ) училище, изъ котораго хотѣлъ въ священники ихъ однородцевъ имъ посвящать, но изъ самаго сего произошло: взятые юноши въ училищѣ не имѣли никакого призрѣнія, и почти съ голоду большая ихъ часть помрала. Сіе произвело, что они стали съ огорченіемъ ихъ отдавать, отъ чего послѣдовали взятки, а потомъ и паденіе сей школы» ¹⁾.

Еще въ 1786 году въ казанской школѣ обучались 80 чел., какъ свидѣтельствуесть тогдашній писатель Дм. Зинovieвъ ²⁾; но въ самомъ концѣ XVIII в. инородческія казанскія школы сами собою пчезли безъ всякаго законодательнаго уничтоженія ихъ, такъ что даже годъ ихъ прекращенія не можетъ быть опредѣленъ съ точностью; полагають, что это былъ 1800 годъ ³⁾.

Такъ заключилъ въ XVIII в. попытку распространенія между инородцами востока православной вѣры и русской цивилизаціи путемъ школъ. Какъ школы для бѣдныхъ слились съ гарнизонными, такъ инородческія школы слились съ духовными; и здѣсь профессиональная система образованія оказала свое разрушающее вліяніе на успѣхи общаго элементарнаго образованія. Повторяемъ, что этому послѣднему, равно какъ и всякому общему образованію, не было мѣста при профессиональной системѣ, которая одна господствовала въ эпоху отъ Петра I до Екатерины II.

---

¹⁾ Щербатовъ: «Статистика въ разсужденіи Россіи». (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1859 кн. 3).

²⁾ «Топографич. описаніе гор. Казани и его уѣзда». М. 1788; см. цитату В. А. Малова: «о новокрещ. школахъ»).

³⁾ Этотъ годъ указываетъ Рубышкннъ («Кратк. ист. гор. Казани»); напротивъ г. Щаповъ—1797-й годъ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Глава III. Сословное начало образования. Профессия, какъ существенный признакъ понятія-сословіе. Отношеніе законовъ о профессиональномъ образованіи къ сословному строю общества на западѣ Европы и у насъ. Узаконенія о наследственности духовной профессіи и исключительномъ доступѣ въ духовныя школы для дѣтей священно-церковнослужителей. Попытки организовать сословіе гражданскихъ чиновниковъ законами о дьяческихъ и подьяческихъ школахъ; стремленіе частныхъ вѣтвей гражданской службы къ наследственности. Организация наследственного класса военно-служащихъ низшихъ чиновъ чрезъ исключительный доступъ въ гарнизонныя школы. Вліяніе «морской гвардіи» (морской академіи) и сухопутной гвардіи (сухопутнаго корпуса) на организацію дворянскаго сословія; частныя вѣтви высшей военной службы. Почему сословіе городскихъ обывателей организуется безъ вліянія законовъ объ образованіи?

Новая система образованія, начавшаяся вмѣстѣ съ XVIII вѣкомъ, есть система профессиональная; возникновеніе и развитіе ея въ XVIII вѣкѣ тѣсно связано съ возникновеніемъ и развитіемъ сословіи.¹⁾

---

¹⁾ Связь профессій съ сословіями отмѣчается не нами въ первый разъ. Штейнъ замѣчаетъ: «So wie sich bei steigender Gesittung die Nothwendigkeit und damit die Selbstständigkeit derjenigen Funktionen zeigt, welche der Inhalt des geistigen Berufes bilden, so scheidet er sich vom dem Gesamtleben aus und fordert und erzeugt im Namen seiner geistigen Berechtigung einen ihm eigenen speciell für ihn bestimmten Besitz, der die wirthschaftliche Grundlage der selbständigen Berufsfunktion bildet und der daher ein Eigenthum der Berufsgenossen ist. Sowie das geschieht, ist der Beruf eine zugleich öffentlich rechtliche Thatsache mit bestimmtem Recht, bestimmter Macht, bestimmter innerer Ordnung; und diesen mit eigenem Besitz, Macht und Ordnung ver-

Такимъ образомъ мы переходимъ здѣсь къ новому порядку явленій въ области государственнаго устройства и управленія, который существенно отличается отъ допетровскаго. Всѣмъ извѣстно, что родовыя и сословныя начала имѣли наименьшее приложение къ государственнымъ формамъ древней Руси: переворотъ XVIII в. совершенно измѣнилъ эти отношенія. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать достоинство этого переворота относительно русскаго государственнаго права вообще. Мы должны здѣсь поставить на видъ только факты, доказывающіе вновь мысль, за которою вообще мыслѣдимъ, а именно мысль о зависимости государственныхъ органовъ отъ отправления и обратно. Если задачи образованія и прирѣнія способны были создать приходскую общину, а отнятіе этихъ функций—уничтожить ее; если завѣдованіе тѣмъ же въ болѣе широкихъ размѣрахъ этихъ задачъ могло создать сильныя корпораціи, а отнятіе этихъ функций повело къ уничтоженію ихъ, то тотъ же самый законъ въ чертахъ еще болѣе рельефныхъ выступаетъ въ исторіи сословій.

Въ частности русскія сословія, преимущественно же дворянское и духовное, одолжены своею организаціею главнымъ образомъ законами о профессиональномъ образованіи.

Обращаясь къ этому весьма существенному вопросу, мы встрѣчаемся прежде всего съ большимъ препятствіемъ къ удовлетворительному рѣшенію его, а именно съ теоретическою неясностію понятія—сословіе. Для нашей цѣли существенно необходимо преодолѣть это затрудненіе, представивъ въ самомъ сжатомъ видѣ связь понятія о сословіи съ понятіемъ о профессіи.

Въ понятіе сословія включается четыре признака, изъ которыхъ каждый столь важенъ для этого понятія, что отсутствіе одного совершенно разрушаетъ самое понятіе. Эти

---

schonen Beruf nennen wir der Stand. Jeder geistige Beruf wird daher stets zu einem Stande; der Stand ist die Form der Anerkennung und des Daseins des öffentlichen Berufes. Indem nun dieser geistige Beruf sich selbst wieder in bestimmte grosse Funktionen theilt, entstehen die Berufsarten, welche im obigen Sinne die Stände sind». Das Bildungswesen. 1 Th. (1868), S. 153. Въ послѣдующемъ изложеніи понятія о сословіи мы отмѣтимъ тѣ пункты, въ которыхъ это понятіе не соответствуетъ опредѣленію, какое далъ ему Штейнъ.

признаки слѣдующіе: корпоративность, профессія, наследственность и признаніе со стороны государства. Сословія называются обыкновенно корпораціями; и это совершенно основательно. Извѣстно, что сословія зарождались повсюду путемъ образованія корпорацій¹⁾. Происхожденіе европейскихъ сословій совершается на глазахъ исторіи, которая показываетъ, что разрозненные элементы высшаго сословія въ западной Европѣ существовали съ незапамятныхъ временъ; но изъ нихъ образуется сословіе только тогда, когда они смыкаются вмѣстѣ подъ формою корпораціи-рыцарства. Рыцарство есть высшее учрежденіе, дающее твердый обликъ такому явленію, которыя безъ него могли разрѣшиться въ разнообразныя формы, въ нѣсколько классовъ. Равнымъ образомъ городское сословіе образуется, еще болѣе нагляднымъ образомъ, путемъ корпорацій. Крестьянское населеніе, со времени его прикрѣпленія, отнюдь не составляетъ никакого сословія, потому что не имѣетъ никакого корпоративнаго устройства, хотя, по противоположности съ другими сословіями, и оно неправильнымъ образомъ часто называется сословіемъ.

До сихъ поръ нѣтъ никакой разницы между корпораціями и сословіями. Но рѣшительную разницу между ними ставитъ слѣд. черта: сословіемъ называется такая корпорація, которой цѣль составляетъ личную профессію ея членовъ.

Общественныя задачи, преслѣдуемыя въ корпораціяхъ, не составляютъ профессіи; цѣль корпораціи чистой не можетъ составить личный интересъ ея членовъ. Въ тѣхъ же корпораціяхъ, которыя превращаются въ сословія, общественная цѣль становится личною. Это совершается двоякимъ путемъ: или лица, по единству занятій, смыкаются въ общество; или люди, составившіе общество для преслѣдованія общественныхъ цѣлей, обращаютъ эти послѣднія въ свои личные задачи; въ частномъ примѣрѣ: первымъ путемъ образовалось въ Европѣ городское сословіе, вторымъ дворянское (военная защита государства, принятая на себя нѣкоторыми, сдѣлалась личнымъ занятіемъ членовъ этого общества). Об-

---

¹⁾ Мы сейчасъ увидимъ, что этому вовсе не противорѣчитъ родовое происхожденіе сословій.

ществениыя задачи, превращенныя въ личныя, называются профессіею въ собственномъ смыслѣ.

Въ наши дни профессія можетъ обойтись безъ всякой корпораціи: люди, преданные одному занятію, могутъ вовсе не входить между собою ни въ какія личныя общенія, благодаря литературѣ и общественнымъ школамъ. Но мы говоримъ о другихъ временахъ, объ эпохѣ образованія сословій. Тогда неизбежность общенія (и въ силу этого основаніе особыхъ учреждений, корпорацій) не можетъ подлежать сомнѣнію. Рѣшительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить образованіе цеховъ ¹⁾.

Но такія товарищества, которыхъ связь есть профессія, далеко еще отъ понятія сословія. Для этого послѣдняго необходимо требуется новый признакъ — наследственность профессіи. Уже изъ того, что задачи профессиональныхъ корпорацій суть личныя задачи, слѣдуетъ, что переходъ профессіи въ наследство есть дѣло не только легкое, но и необходимое. Въ эпохи болѣе раннія, когда еще домашнее образованіе преобладаетъ надъ общественнымъ, каждый отецъ передаетъ своимъ дѣтямъ знанія, которыя онъ самъ имѣетъ, по весьма понятной причинѣ: спеціальныя знанія и основанная на нихъ профессія есть тотъ капиталъ, который отецъ оставляетъ сыну. Къ этому присоединяется предрасположеніе къ извѣстнымъ спеціальнымъ занятіямъ, основанное на постоянно повторяющихся впечатлѣніяхъ во младенчествѣ. Далѣе наследственность занятія вызывается даже сторонними лицами, которыя привыкаютъ приписывать извѣстныя занятія фамиліямъ. Этимъ обусловливается тотъ фактъ, что въ древнѣйшее время избраніе лицъ на государственныя профессіи (должности) обыкновенно совпадаетъ съ наследственностью ихъ. Всѣмъ извѣстный примѣръ этого представляетъ передача княжеской власти у русскихъ въ вѣчевую эпоху.

Повторяемъ отдѣлить личную профессію отъ наследственности весьма трудно: такія корпораціи, которыя хотѣли вос-

---

¹⁾ Что сословія именно имѣли характеръ профессиональныхъ корпорацій, для убѣжденія въ этомъ достаточно однихъ названій древнихъ кастъ востока и сословій классическаго и средневѣковаго міра: жрецы, воины, купцы, земледѣльцы, дедалиды, халкиды, гошеты, эгиворен, аргадеи, milites и т. д.

пользоваться для своихъ цѣлей всею личною энергіею своихъ членовъ, но вмѣстѣ и отстранить вторженіе въ себя личнаго эгоизма ихъ, такія корпораціи постановляли безбрачіе основнымъ условіемъ вступленія въ нихъ; таковы монашескія общества и нѣкоторые рыцарскіе ордена. Это есть единственное средство отстраненія послѣдственности при личномъ характерѣ преслѣдованія общественныхъ задачъ. Этимъ крайнимъ средствомъ католическое духовенство удачно отстранило отъ себя опасность сдѣлаться кастою.

Личная послѣдственность профессіи тѣмъ неизбежна, что она тѣсно соединяется съ обыкновенныхъ правомъ преслѣдованія преимуществъ по закону: большая часть профессій, не только экономическхъ, но и духовныхъ можетъ быть осуществлена не иначе, какъ при обладаніи извѣстными родами преимуществъ; такъ для осуществленія военной профессіи въ древнія времена считалось безусловно необходимымъ обладаніе конемъ и извѣстными родами оружія: тотъ лишался воинскаго званія, кто не могъ имѣть этихъ вещей.

Однако до сихъ поръ мы говоримъ только о послѣдственности личной профессіи, но не правъ на нее; въ сословіи же, по общепринятому представленію о немъ, передаются по наследству права и преимущества. Наслѣдовать отцовскую профессію не значитъ наследовать сословное положеніе его; это послѣднее могло и не быть. Требуется, чтобы въ наследство переходило и положеніе лицъ въ корпораціи. Здѣсь мы доходимъ до послѣдней черты этого понятія, по нашему мнѣнію самой важной, именно признація со стороны государства правъ за наследственною корпораціею на ея профессію.

Присутствіе личнаго эгоизма (неизбѣжнаго при профессіяхъ) побуждаетъ такія корпораціи исключать всякихъ постороннихъ конкурентовъ отъ исполненія тѣхъ же задачъ, или, проще, отъ тѣхъ же занятій. Свободный доступъ въ такія корпораціи прекращается. Право на исполненіе задачи корпораціи пріобрѣтается только частнымъ путемъ наследованія. Отсюда являются средневѣковыя узаконенія: «*constitutionibus caveatur, quod milites fieri nequeant, qui de genere militum non nascuntur*». Очевидно, что такое право исключительнаго доступа къ профессіи не можетъ оставаться долго на степени факта; оно превращается въ право обычное,

или формулируется въ законъ, т. е. иначе говоря признается за извѣстною корпораціею всѣмъ остальными корпораціями и классами волею или неволею. Если этого признанія нѣтъ въ обществѣ, то всѣ изложенныя нами выше элементы сословія вовсе не могутъ сами по себѣ создать сословіе.

Такимъ образомъ сословіемъ называется корпорація, въ которой наследственная передача извѣстныхъ занятій считается правомъ ея.

Очевидно, что въ понятіи сословія тѣсно сливаются два элемента—частный и публичный. Государственный строй, основанный на сословіяхъ представляетъ обыкновенно наиболѣе ясный типъ смѣшенія публичныхъ началъ съ частными; ибо здѣсь люди заимствуютъ право на публичную дѣятельность не изъ государственнаго права, а изъ другой области юридическихъ отношеній, приобретаютъ его по рожденію; съ другой стороны общественная дѣятельность здѣсь есть въ тоже время личная профессія. Сословная организація, достигнувъ господства въ извѣстномъ обществѣ, обыкновенно сама укрѣпляетъ тѣ элементы, на которыхъ она создалась: такъ устраиваются общественныя школы не просто спеціальныя (профессіональныя), но именно сословныя; доступъ въ нихъ открывается только для лицъ принадлежащихъ къ извѣстному сословію. Обратное: лица, не получившія этого образованія лишаются сословныхъ правъ; къ тому же вело избраніе другой профессіи. Отсюда вообще предосудительность нѣкоторыхъ занятій для лицъ высшихъ классовъ: презрѣніе къ труду.

Извѣстно, что почти исключительное господство сословнаго строя обществъ въ западно-европейскихъ государствахъ начало ослабѣвать съ XVI в., по мѣрѣ очищенія и выдѣленія публичныхъ началъ отъ частныхъ. Тогда новыя государства признали своею задачею избавить себя отъ стѣсненія со стороны частныхъ кровныхъ элементовъ, предоставивъ этимъ послѣднимъ исключительную сферу—область частныхъ отношеній. Для этого кромѣ прямыхъ мѣръ, относящихся къ правамъ сословія, государства принесли не менѣе рѣшительныя мѣры косвенныя, относящіяся къ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ создаются сословія; сюда относятся мѣры по народному образованію. Чтобы разорвать старинную и роко-

вую связь сословіи съ профессіями, государство основываетъ общественныя спеціальныя школы, въ которыя вступать позволяется всякому; этимъ облегчается для всѣхъ доступъ къ извѣстнымъ профессіямъ фактически, т. е. ограждается свобода профессіи. Сынъ можетъ пойти въ общественныя школы то, что соотвѣтствуетъ его личнымъ дарованіямъ и наклонностямъ болѣе, чѣмъ кругъ знаній, сообщенныхъ ему отцемъ, и так. обр. можетъ избрать не отцовскую профессію. Государству помогаетъ въ этомъ случаѣ безконечное развѣтвленіе задачъ и профессіи, съ усложненіемъ жизненныхъ отношеній и съ успѣхами науки. Для такихъ задачъ уже не годились прежнія простыя средства домашняго и сословнаго образованія. Этимъ путемъ государство достигаетъ почти вполне уничтоженія сословіи безъ всякой законодательной отмѣны ихъ. Когда членамъ сословіи уже не принадлежитъ никакая исключительная профессія, тогда сословія теряютъ совѣтъ духъ и характеръ тѣхъ учрежденій, которыя назывались этимъ именемъ прежде. Политическія права ихъ отпадаютъ сами собою и для нихъ остается лишь имя. Въ настоящее время сословія не связаны уже съ профессіями; но за то онѣ и составляютъ лишь тѣнь прежнихъ сословіи.

Въ то время, какъ такая работа совершается на западѣ Европы, привѣтствуемая всѣми лучшимъ умамъ того времени, на востокѣ Европы, подъ кажуцимися формами подражанія, совершается нѣчто совершенно противоположное. И здѣсь государство создаетъ спеціальныя школы и даже проповѣдуетъ, что цѣль его та, чтобы профессіи выполнялись лучше: духовныя школы строятся, «въ надежду лучшаго священства», военныя—для поднятія военной профессіи. По результату именно этихъ мѣръ по народному образованію было не уничтоженіе, а созданіе сословіи.

Въ вопросѣ о русскихъ сословіяхъ, наука еще вовсе не условилась: то голословно приписываютъ Петру честь созданія сословіи, если съ уваженіемъ къ памяти Петра соединяютъ уваженіе къ сословной формѣ общества; то говорятъ, что сословія «суть созданія царской эпохи», и слѣд. лишь приняты и признаны Петромъ и его преемниками. Намъ кажется, что юридическія понятія, даже и въ области государственнаго права, могутъ достигать извѣстной степени точно-

ств; если понятие сословія, анализированное выше, приближается къ требуемой точности, то мы безъ большаго труда могли бы разрѣшить спорный вопросъ о древне-русскихъ сословіяхъ, прилагая къ до-петровскимъ классамъ тѣ признаки, которые составляютъ необходимое содержаніе понятія о сословіи.

Находя эту работу слишкомъ далекою отъ нашей задачи, предоставимъ ее другимъ исследователямъ ¹⁾, ограничиваясь здѣсь однимъ указаніемъ, что по нашему мнѣнію, хотя до XVIII ст. классы общества распредѣлялись уже по профессіямъ и б. ч. передавали эти профессіи наследственно, но къ нимъ не прилагаются два существенныхъ признака понятія сословія; именно: они не составляли корпорацій и за ними не были признаны исключительныя права на профессію, а равно и соединенныя съ этимъ политическія и личныя права ²⁾.

¹⁾ Мы отстраняемъ отъ себя этотъ вопросъ тѣмъ охотнѣе, что въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ исследователей исторіи общественныхъ состояній (хотя иногда мимоходомъ) укрѣпляютъ уже въ наукѣ слѣд. мысль: «до Петра В... у насъ не существовало дворянство, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія, общественной группы, члены которой связаны сознаниемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ». (Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство» стр. 2).

²⁾ Относительно профессіи государственной службы слѣдуетъ замѣтить, что хотя обыкновенно профессія эта передавалась по наследству, но опредѣляющимъ моментомъ вступленія въ нее было не происхожденіе, а назначеніе со стороны государства: дворянинъ становился дворяниномъ не съ момента рожденія, а съ того момента, когда онъ былъ верстанъ на службу: дворянинъ перестаетъ быть дворяниномъ, какъ скоро онъ оставленъ отъ службы; государство, ограждая свои права на служилыхъ людей, запрещаетъ принимать въ холопы дворянъ, пока они не оставлены; оставные могутъ поступать въ холопы (Суд. Ц. 81). Соответственно съ этимъ устраиваются и формы поземельной собственности, связанная съ служебной профессіей: форма помѣстій долго преобладаетъ надъ вотчинной формою: помѣстья первоначально не наследуются, а жалуются каждый разъ, хотя обычай утвердилъ, что дѣтямъ жалуются надѣлы б. ч. изъ помѣстья отца.

Служилый классъ былъ открытъ для доступа всѣмъ, кого царь принимаетъ на службу; таковы: вновь набираемыя лица во дворѣ царя и царяны: стрелянные, конюхи, сытники и т. д., таковы: иноземцы, рейтары, драгуны, казаки, пушкарки, затинщики и др. Всякій изъ нихъ, получивши за службу помѣстный окладъ, и даже безъ него, ничѣмъ не отличался по юридическому положенію отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Указъ ц. Алексѣя

Духъ законодательства XVIII в. о профессіяхъ и профессиональномъ образованіи, повидимому, есть духъ, отрицающій возможность происхожденія изъ профессіи сословій. Его

Млх. 1651 г. предписываетъ воеводѣ Хитрову «раздать денежно жалованье стрѣльцкимъ и казацкимъ дѣтямъ, которыхъ отцы казаки и стрѣльцы въ 1650 г. поверстаны въ дѣти боярскіе». Послѣ этого понятно, какой смыслъ имѣеть указъ 1640 г., которымъ положено, что люди, которыхъ отцы не были боярскими дѣтьми, не могутъ получать помѣстья и записываться въ списки служащихъ. Очевидно, что здѣсь полагаются лишь предѣлы для власти царя назначать на службы, а не утверждается, что права на службу приобрѣтаются до рожденію. Приведенный указъ 1651 г. указываетъ, что и въ этомъ значеніи узаконеніе 1640 г. не исполнялось.

Понятно, какъ отсутствіе одной этой черты совершенно разрушаетъ понятіе сословія въ примѣненіи къ служилымъ классамъ; понятно, какъ это лишаетъ значенія и всѣ другіе элементы сословія, существовавшіе уже на лицо. Во первыхъ военная профессія не была исключительнымъ правомъ дворянскаго сословія. Профессію эту дѣлили съ дворянами всѣ остальные классы общества: участіе народнаго ополченія въ войнахъ у насъ съ древнѣйшихъ временъ именно предотвращало возможность образованія дворянскаго сословія. Даже въ Московскій періодъ число «посохи» превышало численность дворянскихъ полковъ.— Не будучи исключительною, профессія не могла сдѣлаться и наследственной; а наследованіе ся допускается только подъ условіемъ дѣйствительнаго вступленія въ нее. Особенно же разрушается чрезъ то всякая корпоративная связь между служилыми людьми: обыкновенно, въ доказательство того, что порода была до временъ Петра (или правильнѣе Федора Алексѣевича) важнѣйшимъ условіемъ для занятія государственной службы, указываютъ на мѣстничество; но это простое недоразумѣніе. Въ Польшѣ король и послѣдній шляхтичъ были равны другъ другу въ качествѣ шляхтичей. Поэтому уничтоженіе мѣстничества при Федорѣ не устранило возможность образованія дворянскаго сословія, а открыло ее.

Понятно, почему никто изъ защищающихъ мысль о существованіи сословій до Петра не могъ указать до сихъ поръ на какія либо исключительныя права какъ сословныя для всѣхъ служивыхъ людей, такъ и личныя для членовъ этого класса. Права гербовъ не принадлежали никому. Правами на провинціальное управленіе, на представительство въ законодательныхъ собраніяхъ (право, которое въ Польшѣ почти исключительно принадлежало шляхетству) пользуются не одни дворяне (управленіе въ провинціяхъ у насъ принадлежало если не чиновникамъ, то преимущественно тяглому населенію; право представительства на земскихъ соборахъ всѣмъ). Наоборотъ тѣ ограниченія правъ, которыя возникали на западѣ и въ Польшѣ изъ исключительности сословной организаціи, у насъ не существовали: занятія торговлею и промыслами у насъ доступны были дворянамъ безъ опасенія потерять дворянскія права (которыхъ впрочемъ не было).

Въ концѣ XVIII в. подъ яснымъ вліяніемъ польскаго института шля-

исходный пунктъ слѣд.: профессію занимаетъ тотъ, кто приготовился къ ней спеціальнымъ образованіемъ.

Такъ относительно духовной профессіи, и до Петра склонявшейся къ сословной наслѣдственности, направленіе законодательства XVIII в., повидимому, ярко выразилось въ указѣ 1718 г., касавшемся славяно-греко-латинской академіи, указѣ «достохвальнѣйшемъ, на общую духовную пользу из-

хетства замѣчается и у насъ ясный поворотъ къ образованію изъ служащихъ высшаго сословія. Всѣмъ извѣстно, что оно и возникаетъ у насъ въ концѣ XVIII в. подъ именемъ шляхетства. Съ тѣхъ поръ оно является юридическимъ учрежденіемъ съ особыми правами и обязанностями и рѣзко отграничивается отъ остальныхъ классовъ. Между тѣмъ извѣстно, что въ 1-й пол. XVIII в. не было никакого прямого узаконенія объ образованіи этого сословія. «Такая немаловажная перемена, говоритъ Миллеръ, съ великимъ по всей Россіи единомысліемъ учинилась безъ особаго указа, безъ обнародованнаго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія. И только да извѣстно, что перемена сія послѣдовала по возвращеніи Государя изъ перваго его въ чужіе края путешествія».

Факты, повидимому доказывающіе существованіе духовнаго сословія до Петра, слѣд. обр. группируются г. Знаменскимъ (въ книгѣ: «Приходское Духовенство»): «дѣти духовенства, съ дѣтства воспитывая въ себѣ наклонность къ церковному служенію употребляли самыя энергическія успія отстоять свои родовыя церковныя мѣста отъ всякаго искательства постороннихъ лицъ... Въ XVI в. порядокъ занятія церковныхъ должностей т. е. по праву рожденія является уже весьма обыкновеннымъ и распространеннымъ повсюду. Стоглавый соборъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже узаконяетъ его. Напр. выражая свою заботу объ образованіи духовенства, онъ велитъ священникамъ учить ихъ дѣтей, дабы имъ, «пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническаго чину». Или еще частіе опредѣляетъ: «который попъ или дьяконъ овдовѣетъ и будетъ у него или зять или братъ, или племянникъ, а на его мѣсто въ поны поставите». Въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII в. священниками б. ч. значатся уже лица духовнаго происхожденія, при чемъ нерѣдко встрѣчаются такіе приходы, гдѣ отецъ числится первенствующимъ священникомъ, а сынъ вторымъ, причетники тоже отецъ съ сыномъ, а иногда и весь причтъ состоитъ изъ одного семейства». Соборъ 1667 дѣлаетъ выговоры архіереямъ за то, что они не ставятъ лицъ духовнаго происхожденія.

Здѣсь собраны какъ акты церковнаго законодательства, такъ и свидѣтельства о фактическомъ состояніи занимающаго насъ вопроса. Послѣднія не имѣютъ для насъ значенія (потому что мы признали уже фактическую подготовку сословія до Петра). Посмотримъ какой смыслъ имѣютъ первые. Они положительно запрещаютъ посвященіе нѣкоторыхъ лицъ въ духовный санъ, а именно соборъ 1667 запрещаетъ ставить бѣглыхъ крестьянъ и рабовъ. Относительно всѣхъ прочихъ лицъ подобныхъ запрещеній нѣтъ. Очевидно, что запрещеніе это мотивировано соображеніями взятыми не изъ области пу-

данномъ», по отзыву современника. Въ немъ приказывалось посвятить воспитанниковъ московской академіи во священники и діаконы на вакантныя мѣста къ церквамъ соборнымъ и лучшимъ приходскимъ и въ силу этого «такowymъ мѣстамъ быть непродажнымъ». Дворы и дома, построенные прежними священниками, переходившіе по наслѣдству въ ихъ родъ (что вмѣстѣ съ тѣмъ влекло и наслѣдственность профессіи), должны быть окуплены прихожанами изъ церковныхъ денегъ и отданы безденежно (конечно въ пользованіе) новымъ священникамъ получившимъ образованіе въ академіи ¹⁾.

Хотя въ силу этого указа нѣкоторые школьники дѣйствительно, съ большимъ издержкамъ и волокитой, получили эти мѣста, но не считаютъ своего положенія вѣрнымъ; «причтна сему обычаю прежній о наслѣдствѣ церковей, продажею и куплею стяжаемомъ, неразумительный введенный и непокорство прихожанъ, которые по родству, знаемости и по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ священниковъ и дяконовъ». И такъ, повидному, новый указъ объявлялъ войну прежнимъ порядкамъ наслѣдственности профессіи.

блжнаго права, а частнаго: принятіе рабовъ и бѣглыхъ крестьянъ ведетъ къ нарушенію частныхъ правъ владѣльцевъ ихъ, ибо за тѣмъ необходимо слѣдовало освобожденіе. Извѣстно, что и это постановленіе вовсе не соблюдалось. Относительно прочихъ классовъ не встрѣчается такихъ ограниченій. Общія ограниченія для всѣхъ классовъ относительно выхода изъ извѣстнаго состоянія не прострались на выходъ въ духовное званіе и дѣйствительно всѣмъ извѣстно, что не только въ XVII в., но и въ нач. XVIII в. посвященіе посадскихъ людей въ попы было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Если соборы поощряютъ избирать на духовныя должности дѣтей духовныхъ лицъ, то этимъ не имѣютъ въ виду узаконить исключительный доступъ къ церковнымъ должностямъ по происхожденію, потому что тотъ же Стоглавый соборъ, оставляетъ за прихожанами право выбора. Эти поощренія имѣютъ тотъ смыслъ, что въ духовный санъ должны быть избираемы лица наилучше приготовленныя, каковыя и предполагались дѣти духовныхъ лицъ. Если опредѣляющимъ моментомъ для занятія профессіи гражданской службы было назначеніе отъ правительства, то здѣсь существеннымъ моментомъ продолжаетъ быть избраніе приходской общины до самаго XVIII в.

Лишь одинъ классъ общества рѣзко обособился въ древней Руси; это классъ посадскихъ людей; еще допетровское правительство запретило какъ входъ въ него, такъ и выходъ изъ него.

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. снн. Приб. СССХІV-СССХІІ.

Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вооружился и противъ правъ избранія священниковъ прихожанами, представляя замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ усмотрѣнію начальства; а усмотрѣніе начальства должно сообразоваться исключительно съ тѣмъ, приготовилось ли извѣстное лице къ данной профессіи. Итакъ опредѣляющимъ моментомъ въ выборѣ профессіи является профессиональное образованіе. Очевидно все будетъ зависетьъ отъ того, кто допускается къ извѣстному профессиональному образованію. При свободѣ доступа ко всѣмъ профессіямъ, сословный строй разрушается; если же классы общества будутъ распределены каждый для полученія извѣстныхъ профессиональныхъ знаній, то не только не разрушаются готовые элементы для образованія сословія, но сословія могутъ быть созданы тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было.

Къ этому именно и приводятъ два принципа, господствующіе въ законодательствѣ XVIII в., преимущественно въ 1-й половинѣ его, а именно: 1) всякій долженъ учиться тому, что составляетъ профессію его отца; 2) отсюда само собою слѣдуетъ, что никто сторонній не можетъ быть допущенъ къ этой профессіи. Первый принципъ выраженъ въ большомъ рядѣ узаконеній съ совершенною ясностію, второй выраженъ не такъ отчетливо, потому что самъ собою вытекаетъ изъ перваго: однако и онъ въ чистомъ видѣ является въ нѣсколькихъ законодательныхъ мѣрахъ и административныхъ распоряженіяхъ. Обратимся къ первому и изложимъ относящіяся сюда узаконенія въ порядкѣ профессій.

Относительно духовной профессіи въ 1708 г. данъ указъ изъ монастырскаго приказа: «поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ (т. е. славяно-латинской академіи и эллино-греч. школѣ). А которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ: и ихъ въ попы и въ дьяконы на отцовы мѣста и никуда не посвящать, и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилого чина (т. е. солдатства), принимать не велѣно»¹⁾. Что не учившихся не велѣно ставить въ попы—это понятно, въ виду

---

¹⁾ П. С. З. № 2186 (январь, 15).

взложенной цѣли правительства достигать, по возможности, наилучшаго отправления профессіи; но почему же не вѣлно принимать ихъ на другія профессіи, къ которымъ можетъ быть они оказались бы годными? Очевидно потому, что каждый долженъ готовиться къ своей родительской профессіи. Здѣсь въ первый разъ намѣчпваются границы духовнаго сословія, но намѣчпваются еще нетвердо, еще не искусною рукою. На службѣ церкви состоятъ не одни священники и дьяконы. Эту ошибку тотчасъ исправляетъ указъ 1710 г., который, повторивъ содержаніе указа 1708 г., прибавляетъ, что учиться въ духовныхъ школахъ должны не только поповы, дьяконозны, но «ц пономаревы, дячковы и сторожевы и просфпрны дѣти»; при этомъ опять повторяется: «которые (изъ нихъ) въ тѣхъ школахъ учтться не похотятъ ихъ по томужъ, опрч солдатскаго чина, ни въ какіе чины не принимать» ¹⁾. Однако собраные въ духовную школу ученики не сразу могли привыкнуть къ мысли, что будущая профессія для нихъ обязательна съ момента поступленія въ профессиональную школу. Это въ особенности нужно сказать объ ученикахъ москов. академіи, которая основана была ранѣе господства въ законодательствѣ профессиональной системы и сама долго не могла обратиться въ духовную школу. Ученики ея, получивъ въ ней общее образованіе, по ихъ мнѣнію достаточно. уходили изъ нея и выбирали себѣ разныя профессіи. Поэтому указъ 1718 г. поспѣшилъ разъяснить имъ ихъ положеніе съ полною ясностью и строгостью. Подчинивъ учениковъ академіи вѣдѣнію монастырскаго приказа, «кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ» (т. е. указавъ ей въ первый разъ сословно-духовное ея значеніе), указъ продолжаетъ объ ученикахъ: «а которые прежде сего отъ того ученія отстали и записывались въ разные чины, также которые вновь будутъ отставать, и тѣхъ сыскивать и отсылать въ тѣ школы изъ монастыр. приказа, съ наказаніемъ, а за прогульные дни данное имъ жалованье у нихъ вычитать» ²⁾.

---

¹⁾ П. С. З. № 2308 (нояб. 11).

²⁾ *ibid.*, № 3182 (марта 15).

Извѣстно, что съ узаконеніями о преобразованіи государственнаго устройства, т. е. съ узаконеніями о коллегіяхъ 1719-1721, совпадаютъ важнѣйшія мѣры, относящіяся къ организаціи сословій. Духовный регламентъ напр. не есть только учредительный актъ синода, но и полный организаціонный актъ духовнаго сословія. Поэтому для насъ чрезвычайно важно знать, какъ отнеслось это узаконеніе къ опредѣленію отношеній между духовною профессіею и приготовленіемъ къ ней. Въ гл.: «о домахъ училищныхъ» регламентъ объ ученикахъ даетъ «сіе разсужденіе: должны вси протопопы и богатшіи и иніи священники дѣтей своихъ присылать во академіи. Мощно тоежъ указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людямъ: а о дворянѣхъ, какъ собственная воля будетъ царскаго величества»¹⁾. Здѣсь не оставляется никакого сомнѣнія, что дѣти духовенства должны учиться только въ духовныхъ школахъ, однако вмѣстѣ выражается надежда, что таже профессія привлечетъ и лицъ изъ другихъ классовъ. Но само собою очевидно, насколько основательна эта надежда, если каждый классъ общества, точно такъ же какъ и духовный, будетъ требовать отъ своихъ сочленовъ непремѣннаго приобрѣтенія образованія по своей профессіи. А такъ и было въ дѣйствительности.

Говоря о цыфирныхъ школахъ, мы уже указывали, какія естественныя послѣдствія возникли изъ постановленій духовн. регламента относительно права дѣтей духовенства посѣщать какія бы то ни было другія школы, кромѣ архіерейскихъ. Почти всѣ дѣти духовныхъ, бывшіе въ цыфирныхъ школахъ, оставили ихъ. Синодъ объявлялъ, что «они потребны ко учреждаемой отъ синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ»; мы знаемъ уже, что синодъ просилъ указа отъ сената, чтобы «въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ не имать»; что царь согласился на докладъ синода отъ 19 нояб. 1721 г., что церковническихъ дѣтей нужно учить исключительно въ архіер. школахъ, что сенатъ (указомъ 1722 г., окт. 8), а синодъ (двумя указами 31 мая и 17 августа того же года) подтвердили, что дѣти лицъ духовныхъ (въ тѣхъ границахъ этого класса, которые указаны закономъ о 1-й ревизіи) «духовнымъ регламентомъ одолжены

¹⁾ Регл. Духов. изд. 1722 стр. 53.

(обязаны) учиться въ архіер. школахъ» съ тѣмъ, чтобы потомъ именно ихъ производить въ попы и во дьяконы, что тѣмъ самымъ они освобождены не только отъ арифметическихкихъ но и всѣхъ «прочихъ свѣтскихъ наукъ» ¹⁾).

Когда первая ревизія начала проводить съ особенною ясностью гранцы между прежними неопредѣленными классами, отводить межи для новыхъ сословій, то начала, положенныя въ основаніе ея, встрѣтили наибольшія затрудненія въ классѣ лицъ, служащихъ при церкви.—Однимъ изъ этихъ главныхъ началъ было слѣд.: только тѣ лица, которыхъ ревизія застанетъ на мѣстѣ дѣйствительно служащими при церквяхъ, включаются изъ записи въ подушный окладъ, т. е. не попадаютъ ни въ сословіе городскихъ обывателей, ни въ крѣпостной сельскій классъ. Эти лица и ихъпотомство предназначаются къ образованію духовнаго сословія. А именно: дѣти такихъ лицъ освобождаются отъ подушнаго оклада «для того, что имъ быть при тѣхъ церквяхъ во дьячкахъ и пономаряхъ и *изъ нихъ же* учить въ школѣ и производить на убылыя мѣста въ попы и во дьяконы» ²⁾).

Съ тѣхъ поръ правительство уже никогда не ставило вопроса: кого нужно готовить къ духовной профессіи «въ надежду священства». Напр. когда св. синодъ озаботился разсылкою книгъ, необходимыхъ для этой профессіи, то велѣлъ по нимъ учить «въ архіерейскихъ школахъ церковническихкихъ дѣтей въ надежду священства опредѣленныхъ». Вместе съ тѣмъ синодъ угрожаетъ, что если церковническія дѣти, уволенные отъ подушнаго оклада и опредѣленныя учиться «во оныхъ школахъ для произведенія во священство», не захотятъ этого, «пріобщить ихъ къ числу такихъ церковничьихъ дѣтей, которые во оной подушной окладъ включены» ³⁾).

Но сопротивленіе, оказанное жизнію, заставило правительство повторять это не одинъ разъ. Такъ Петръ 1, издавая въ 1723 г. указъ объ обязательности духовнаго образованія, понималъ эту обязательность въ специальномъ смыслѣ,

---

¹⁾ П. С. З. № 3854, 4105, 4021, 4973. См. выше отдѣлъ о цифирныхъ школахъ.

²⁾ *ibid.* № 3932 (1722 г. апр. 4).

³⁾ *ibid.* № 4021 (31 мая 1722 г.).

т. е. въ томъ смыслѣ, что дѣти духовныхъ набираются «неволею» для того, чтобы «учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства какъ духовнымъ регламентомъ опредѣлено» ¹⁾).

Такъ окончилась дѣятельность законодательства при Петрѣ относительно правъ приобрѣтенія духовной профессіи. Повидимому послѣ Петра до царствованія Анны изложенныя принципы ослабѣли на практикѣ. Этимъ объясняется грозный синодскій указъ 1731 года ноября 18; синодъ, получивъ извѣстіе, что многіе священники отдають своихъ дѣтей въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе, а не въ семинаріи для приготовленія къ духовной службѣ, приказываетъ отнюдь не дѣлать этого «подъ лишеніемъ чиновъ своихъ и подѣ безпощаднымъ наказаніемъ» ²⁾. Тоже распоряженіе вновь подтверждено въ 1732 г. синодскимъ указомъ ноября 28 ³⁾. Что въ этихъ узаконеніяхъ предупреждается не уклоненіе отъ школы и ученія вообще, а именно отъ школы и ученія специально—духовныхъ, это разъясняетъ указъ, данный за подписью кабинетъ министровъ, сената и синода о разборѣ дѣтей духовенства при рекрутскомъ наборѣ 1736 г. Въ немъ именно велѣно дѣтей архіерейскихъ дворянъ, монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ и церковниковъ опредѣлять въ подъячіе и въ гарнизонныя школы, а дѣтей священно-служительскихъ и причетническихъ, еще не годныхъ ни въ церковную, ни въ военную службу, оставить «въ вѣдомствѣ св. синода для опредѣленія въ школы (т. е. архіерейскія) и произведенія на мѣсто оставленныхъ при церквахъ» ⁴⁾.

Этотъ же принципъ еще болѣе уясняется такими узаконеніями, которыя предоставляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ свободу выбора профессіи дѣтямъ духовныхъ лицъ: къ такимъ случаямъ относится во первыхъ освобожденіе отъ обязательной профессіи въ томъ случаѣ, когда лица духовнаго происхожденія, подлежавшія рекрутскому набору, откупаютъ отъ военной службы, или ставятъ за себя рекрута. Тогда

¹⁾ П. С. З. № 4291 (сент. 1); указъ этотъ будетъ изложенъ полнѣе ниже въ отдѣлѣ объ обязательности профессиональнаго образованія.

²⁾ ib. № 5882 (нояб. 18).

³⁾ ib. № 6267.

⁴⁾ ib. № 7070 (сент. 28).

имъ предоставляется право или записаться въ подьячіе и въ такомъ случаѣ обучиться арифметикѣ и геометріи (какъ наукамъ спеціальнымъ для приказнаго чина) или поступить въ въ духовенство (и въ такомъ случаѣ обучиться грамматикѣ и риторикѣ), или записаться въ купечество и въ цехи (и въ послѣднемъ случаѣ не подвергаться никакому обязательному образованію) ¹⁾.

Второй случай—это освобожденіе отъ обязательнаго выбора профессіи дѣтей духовенства въ казачьихъ земляхъ. Когда въ 1737 г. велѣно было произвести повсемѣстный смотръ дѣтямъ духовныхъ лицъ, то между прочимъ воронежское епархіальное начальство намѣрено было произвести такой смотръ и дѣтямъ духовныхъ лицъ, служащихъ въ Донскомъ войскѣ. Управители архіерейскаго дома потребовали ихъ въ Воронежъ. Нѣкоторыя станціи, а именно расположенныя по Хопру, Дону и Бузулуку, допустили взять «сказки» о нихъ за подписью священниковъ и станцныхъ атамановъ; но относительно личной явки дѣтей въ Воронежъ отвѣчали отговоркою «за дальнимъ разстояніемъ и опасными пограничными мѣстами». Задняя мысль ихъ и совсѣмъ другія опасенія выразились въ добавленіи къ этому, а именно, что они тогда поѣдутъ въ Воронежъ, когда изъ Черкаска (главной станціи войска) отправятся туда священнослужители съ своими дѣтьми. Изъ Черкаска же пришелъ въ Воронежъ болѣе ясный и отчетливый отвѣтъ: «издавна де у нихъ священники и діаконы и церковные причетники были и нынѣ есть всѣ изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей» и что изъ «священническихъ, дьяконовскихъ и прочихъ церковныхъ дѣтей, многіе, по возрастѣ, воспринимаютъ подлинно казачью службу». Т. е. войско объявляетъ, что у него нѣтъ наслѣдственнаго духовнаго сословія, что какъ занятіе духовной профессіи доступно для всѣхъ казаковъ, такъ и для дѣтей лицъ духовныхъ открыта прямая дорога въ казачье званіе. Это тотъ порядокъ выбора профессіи, который, какъ мы отмѣчали, господствовалъ во всѣхъ краяхъ Россіи въ до-петровское время. Другія губерніи и провинціи, не имѣвшія такого корпоративнаго устройства и отдѣльнаго начальства, не могли дать отпора

---

¹⁾ П. С. З. Ж 7169 (февр. 6).

законодательнымъ опредѣленіямъ XVIII в. Мнѣніе же могущественнаго войска сенатъ не могъ не принять въ соображеніе и рѣшилъ; что тамъ священно-и церковнослужительскія дѣти и сами церковники не должны быть ни переписываемы, ни пересматриваемы ¹⁾.

Когда при слѣдующемъ разборѣ въ 1746 (т. е. при 2-й ревизіи) опять возникъ тотъ же вопросъ о казацкомъ духовенствѣ, и синодъ представилъ его на усмотрѣніе сената, то этотъ послѣдній опять нашелъ, что:

«По силѣ объявленнаго 1737 г. указа (дѣтей духовныхъ) не переписывать и смотровъ имъ не чинить, а быть имъ на прежнемъ основаніи въ войсковомъ порядкѣ, ибо хотя, по духовному регламенту и указамъ, священно-и церковнослужительскимъ дѣтямъ въ школахъ архіерейской, для обученія въ надеждѣ священства быть должно, но прежде ихъ Донскихъ казачьихъ городковъ онымъ разборомъ и взятія въ школы не бывало....; оныя всѣ издавна имѣлись и нынѣ имѣются изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей, всѣ служатъ на войсковомъ ихъ жалованьѣ, и по возрастѣ восприимаютъ казачью службу и служатъ».

Но св. синодъ, въ своемъ отношеніи сенату представлялъ вмѣстѣ и о затрудненіи, возникающемъ изъ этого порядка: «безъ обученія въ священствѣ быть не могутъ». Сенатъ нашелъ самый благоразумный выходъ изъ этого: если кандидаты на убылыя мѣста, представляемые изъ Донскихъ городковъ найдены будутъ неспособными къ произведенію во священство, въ такомъ случаѣ «св. пр. синодъ благоволилъ приказать: изъ семинарствъ Воронежской или другихъ епархій достойныхъ туда опредѣлять, копмъ тамъ и обучать *желающихъ* дѣтей, въ надежду священства, позволить» ²⁾. Этимъ сенатъ указываетъ, что государство и церковь желая видѣть на извѣстныхъ профессіяхъ лицъ специально приготовленныхъ, могутъ не обязывать, извѣстную часть гражданъ пріобрѣтать наслѣдственные профессиональныя знанія, а слѣдовать другимъ болѣе вѣрнымъ путемъ; этотъ путь есть конкуренція правительства съ общинами и сословіями въ назначеніи лицъ на должности и основаніе правительствомъ школъ. Къ сожалѣнію такая мудрая мысль не примѣнялась въ XVIII в.

¹⁾ П. С. З. № 7331 (іюля 20).

²⁾ П. С. З. № 9299 (іюля 30).

не только къ духовному сословію, но и ко всѣмъ остальнымъ. Только казачьи городки, благодаря ихъ исключительному положенію, были счастливѣе.

И въ этомъ частномъ случаѣ мнѣнія правительственныхъ органовъ были далеко неодинаковы. Повидимому мысль сената была ясна и тверда; однако св. синодъ истолковалъ ее иначе: оиъ отъ 31 іюля далъ указъ восной коллегіи, по которому «производимымъ въ священническіе и дьяконовскіе чины, по сплѣ пм. всл. указовъ и духовнаго регламента, въ школьномъ обученіи надлежитъ быть не отмѣнно»; поэтому войско донское должно выбрать изъ тамошнихъ священно-и церковнослужительскихъ дѣтей столько, сколько нужно для полнаго замѣщенія открывающихся вакансій, выслать ихъ въ епархіальную семинарію, и содержать тамъ на своемъ коштѣ. Почему именно изъ дѣтей лицъ духовныхъ, синодъ не объясняетъ, хотя уже въ 1737 г. совершенно ясно было обнаружено, что въ казачьихъ городкахъ во священники и дьяконы производятся лица казачьяго званія; синодъ говорилъ очевидно по привычкѣ, утвердившейся уже въ законодательствѣ съ 1708 года. Затѣмъ высылка дѣтей въ Воронежъ совершенно противорѣчитъ рѣшенію сената. Это сознавалъ и самъ синодъ и потому прибавилъ, что если это «возмнится имъ (казакамъ), по ихъ къ тому необыкновенности, тягостно и негодно, то позволить имѣть въ Черкасскѣ или въ другомъ, по ихъ разсмотрѣнію пристойномъ мѣстѣ семинарію жъ, или училищный домъ и содержать оный на своемъ коштѣ». Учителя они могутъ просить у воронежскаго архіерея, или пусть выберутъ сами и пришлютъ для освидѣтельствованія къ архіерею. Это, конечно, существенно, измѣняетъ дѣло; здѣсь вмѣняется лишь въ обязанность войску завести и содержать у себя школу. Однако сенатъ нашелъ все это распоряженіе синода неправильнымъ, признавая, что обязанность открывать школу, или назначать учителей лежитъ на правительствѣ, а такъ какъ все это «войску донскому въ отягощеніе и за невозможность признается», то сенатъ отмѣнилъ указъ синода и возстановилъ свое рѣшеніе отъ іюля 30 ¹⁾).

---

¹⁾ П. С. З. № 9329 (сент. 4).

Подобнымъ же образомъ правительство должно было рѣшить вопросъ и относительно духовенства Яицкаго войска въ 1755 г. И тамъ казанскій еп. Лука началъ вводить общіе порядки, хотѣлъ открыть духовное правленіе и уже назначилъ туда протопопа, священниковъ и приказныхъ. Военная коллегія, узнавъ объ этомъ, обратилась къ сенату, который и приказалъ возстановить старые порядки (производства священниковъ изъ казаковъ). Но съ Яицкимъ войскомъ видимо меньше церемонилсъ; сенатъ прибавляетъ: «въ прочемъ же для собственной и общей того войска пользы изъ священно-и церковнослужительскихъ и *прочихъ кто пожелаетъ* дѣтей потребному числу, въ надежду священства, и въ казанской семинаріи обучаемымъ быть; чего для и надлежащее о томъ его преосвященству разсмотрѣніе учинить» ¹⁾.

Итакъ въ узаконеніяхъ о казачьемъ духовенствѣ отрицательнымъ образомъ выразились ясно обѣ стороны раскрываемой нами мысли, т. е. мысли о томъ, что духовная профессія является какъ исключительная обязанность дѣтей духовныхъ лицъ и какъ исключительное право ихъ. Будемъ слѣдить, какъ въ дальнѣйшемъ теченіи законодательства выяснялась первая половина этой мысли, теперь пока занимающая насъ главнымъ образомъ.

Въ то самое время, когда, повидимому, окончательно утвердилось положеніе, что дѣти духовныхъ лицъ не могутъ избирать никакой другой профессіи, кромѣ духовной (въ противномъ случаѣ подлежатъ рекрутчинѣ), въ это самое время законодательство дѣлаетъ значительный шагъ въ сторону. Въ ук. 1737 г. сент. 25 о переписи всѣхъ дѣтей духовныхъ лицъ, предоставляется обучившимся въ семинаріи довольно широкій выборъ профессіи. Сказавъ, что окончившіе полный курсъ духовнаго образованія имѣютъ право тотчасъ занять мѣста при церквахъ, указъ продолжаетъ: «а кто изъ нихъ въ духовномъ чинѣ быть не пожелаетъ, такихъ отсылать къ губернаторамъ и воеводамъ, для опредѣленія въ гражданскую службу, гдѣ они, увидѣвъ въ тѣхъ дѣлахъ практику, могутъ знатные чины заслужить». И потомъ, говоря объ окончившихъ уже прежде курсъ, но оста-

¹⁾ ib. № 10460. (сент. 12).

ющихся въ праздности, указъ велить опредѣлить ихъ «по желаніямъ». Такимъ образомъ это узаконеніе можетъ навести на мысль, что дѣти духовныхъ лицъ обязаны приобрѣтать образованіе вообще, а не непременно специально-духовное и что рекрутчинѣ подлежатъ только тѣ изъ нихъ, которые *ничему* не учились и *ни въ какихъ* школахъ не были. Но во первыхъ этотъ указъ находится въ противорѣчій съ самимъ собою; онъ же подтверждаетъ распоряженіе указа 1736 г., чтобы «вновь школы заводитъ и дѣтей ихъ (духовныхъ) обучать, дабы впредь неученыхъ въ *духовныхъ чинахъ* уже не было» ¹⁾. Во вторыхъ онъ находится въ полномъ противорѣчій какъ съ предшествующими узаконеніями (особенность указомъ 10 нояб. 1721, и истекающими изъ него, которые указаны выше), такъ и съ послѣдующими, и именно такими, которые имѣютъ въ виду опредѣлить собственно условія доступа къ духовной профессіи.

Если въ законодательствѣ является иногда нѣкоторая непоследовательность, уклоненіе въ сторону, то практика, разъ направленная, шла неуклонно по одному пути и привела въ пол. XVIII вѣка къ твердому положенію, что дѣти духовныхъ должны готовиться только къ духовной профессіи. Еще при Петрѣ московская славяно-латинская академія подняла споръ съ госпиталемъ и его начальникомъ «Бидло» (Бидлоо) за своихъ учениковъ. 1722 г. февр. 25 префектъ Гедсонъ Грембецкій жаловался на доктора, что онъ лучшихъ учениковъ славяно-латинскихъ школъ «къ себѣ призываетъ и записываетъ во анатомическое ученіе», въ чемъ по словамъ Гедсона выражается презрѣніе къ запретительному указу е. и. в. Этотъ запретительный указъ данъ былъ въ 1719 г. изъ штатсъ-конторы. По объясненію Бидлоо, онъ дѣйствительно «укомплектовывалъ» свои школы учениками, изучившими латинскій языкъ въ славяно-латинской школѣ до этого указа; но такъ какъ онъ слышитъ отъ многихъ учениковъ московской академіи, «что они добродушно желаютъ быть въ хирургической наукѣ», то онъ просилъ бы снять съ него запрещеніе 1719 года. Докторъ умолчалъ, что онъ и послѣ указа уже самовольно снялъ съ себя запреще-

---

¹⁾ П. С. З. № 7385 (сент. 25).

ніе. Синодъ погребовалъ у него отчета по чьему позволенію онъ это дѣлалъ и сколько именно учениковъ принялъ. Бидлоо счелъ за лучшее молчать и уже Грембецкій за него донесъ синоду, что съ 1719 по 1722 годъ гошпиталь перемапль изъ академіи 108 человекъ ¹⁾).

Однако, не смотря на такую категорическую постановку дѣла, именно медицинская профессія, во все послѣдующее время XVIII в., составляла единственный узаконенный выходъ для дѣтей духовныхъ лицъ. Она составляла единственное исключеніе среди всѣхъ другихъ профессій, запрещенныхъ для нихъ (кроме солдата и податныхъ состояній; мы не говоримъ здѣсь о случайныхъ вызовахъ изъ духовныхъ школъ учениковъ для разныхъ порученій, по распоряженію государства). Этимъ объясняется кажущаяся странность указа 1736 г. (сент. 28), приведеннаго отчасти выше: указъ этотъ, назначая дѣтей священниковъ и прочихъ служителей церкви къ занятію мѣсть при церквяхъ, прибавляетъ неожиданно: «а изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ, по прежнимъ указамъ, опредѣлять въ хирургическую науку, а изъ той науки достойныхъ въ полки въ лѣкарни, какъ и напредъ сего чинилось» ²⁾). Хотя, по мѣрѣ преуспѣянія сословнаго духа, духовное начальство хотѣло закрыть и эту единственную вылазку, но это ему не удалось. Въ 1755 г. медицинская канцелярія просила синодъ выслать ей нѣсколько семинаристовъ для изученія медицины, но синодъ такое требованіе отклонилъ «для нѣкоторыхъ указныхъ и настоящихъ резонновъ». Однако медицинская канцелярія упорно настаивала на своей просьбѣ и въ слѣд. году, просила чтобъ ей выслали желающихъ до 50 чел., хотя не сразу, а постепенно. Синодъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться, предоставивъ епархіальнымъ начальствамъ и ректорамъ семинарій сдѣлать выборъ изъ тѣхъ, которые «во священствѣ и въ прочемъ церковномъ причтѣ быть не хотятъ» ³⁾).

---

¹⁾ Описаніе догум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ св. пр. синода стр. 677—678.

²⁾ П. С. З. № 7070 (сент. 28).

³⁾ ib. № 10521 (марта 11, 1756 г.).

Полагая, что этихъ указаній совершенно достаточно для убѣжденія въ томъ, что духовная профессія узаконеніями объ образованіи была поставлена обязанностию для дѣтей священниковъ и причетниковъ, перейдемъ къ другой половинѣ ея т. е. положенію, что тѣже самыя узаконенія сдѣлала духовную профессію правомъ ихъ, изъ пользованія которыхъ исключаются всѣ другія лица. Никто, кромѣ дѣтей священниковъ и причетниковъ не можетъ имѣть доступа къ духовному образованію. Предупреждаемъ, что принципъ этотъ не былъ выраженъ въ такой строгости, какъ первый; но насъ интересуютъ не буквы а духъ узаконеній и необходимыя логическія послѣдствія ихъ, принятая практикою. Первоначально воспрещеніе принимать въ духовныя школы лицъ происходящихъ не отъ священниковъ и причетниковъ, считалось духовнымъ начальствомъ не за право, а за стѣсненіе и состоялось вопреки его желаніямъ; впоследствии, когда сословный духъ сдѣлалъ успѣхи, само духовное начальство стало отказывать въ приѣмѣ въ свѣдн школы лицъ стороннихъ. Въ самомъ началѣ столѣтія, именно 9 янв. 1701 г.:

«По вел. госуд. указу велѣно въ Сибири изъ дворянъ Андрею Городецкому (которому велѣно быть въ Софейскомъ домѣ у архіерея приказнымъ челоѣкомъ), для утвержденія и расширенія словесъ Божіихъ, на софейскомъ дворѣ, или гдѣ прилично, построить училище поповскихъ, дьяконскихъ и церковниковыхъ дѣтей, робятокъ учить грамотѣ, а потомъ славенской граматикѣ и прочимъ на славенскомъ языкѣ книгамъ и катихизисъ православной вѣры, печатанный въ Москвѣ въ прошломъ 204-мъ году могли совершенно знать и удостоится въ чинъ священства, народъ учить» ¹⁾.

Новый митрополитъ Филофей, прибывъ въ Сибирь, нашелъ, что основанія предположенной школы не таковы, какъ бы ему желалось и потому 31 дек. 1702 года представилъ государю челобитную, въ которой между прочимъ просилъ, чтобы «учениковъ пошудить, которые до того понадобятся *отъ всякаго чина дѣти*», или какъ объясняетъ біографъ Филофея: «быть въ нихъ (школахъ) дѣтямъ не духовнаго только сословія, но и другихъ» ²⁾. Петръ отвѣчалъ на все

¹⁾ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 45 и слѣд. Прибавленія («Челобитная Филофея Лещинскаго»).

²⁾ «Филоф. Лещинск. митр. Тобольск.» стр. 13.

обстоятельно в большей части просьбъ Лещинскаго удовлетворилъ, но относительно этого пункта «было воспрещено набирать въ школы дѣтей изъ другихъ сословій, кромѣ духовнаго» ¹⁾. Петръ настоятельно приказывалъ митрополиту заботиться, чтобы дѣти духовныхъ «вся, аже попу или діакону надобно знать, пзучилсь» ²⁾.

Это частное распоряженіе, конечно, не имѣло никакихъ основаній мѣстныхъ, собственно касающихся Сибири. Здѣсь только въ частномъ случаѣ Петръ выразилъ свой общій законодательный взглядъ на дѣло. Послѣ представился ему случай выразить тоже въ болѣе общемъ смыслѣ. Въ «Архивѣ Прав. Сената» приводится содержаніе одного именного указа 1716, янв. 24, которое, не смотря на краткость указанія на него, не можетъ подлежать сомнѣнію; вотъ это указаніе:

«Списокъ 12 школьникамъ славянолатинской науки, записавшимся до указа, съ собственноручною высочайшею резолюціею: «доучиться» и собственноручный указъ о штрафованіи записавшихся въ школы послѣ указа 18 іюля 1715 г.» ³⁾.

Государь позволяеть только доучиться тѣмъ изъ недорослей-служилыхъ людей, которые поступили въ московскую славяно-латинскую академію до указа 1715 г., предоставляя себѣ впоследствии распорядиться ихъ судьбою; поступившіе же послѣ этого указа, не только извлекаются изъ школы но и подвергаются штрафу. Къ указу 1715 относится слѣд. свѣдѣніе, которое занесъ въ исторію сл. гр. л. академіи г. Смирновъ: «рассказываютъ, что въ 1717 г. Петръ вытребовалъ въ Петербургъ 213 недорослей, учившихся въ москов. академіи и самъ сдѣлалъ имъ назначеніе: однихъ помѣстилъ въ морскую академію, другихъ въ гвардію, многихъ отправилъ въ чужіе края для изученія разныхъ наукъ и языковъ» ⁴⁾. На этомъ указѣ основываются тѣ распоряженія, по которымъ записавшіеся въ славяно-латинскую академію посылались на

¹⁾ Ibid.

²⁾ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1866 г.

³⁾ Архивъ пр. сената № 392 (Сиб. 1872).

⁴⁾ Ист. Моск. С. Г. Л. Акад. стр. 234.

три года «въ галерную, т. е. въ ваторжную работу» ¹⁾. Онъ даетъ смыслъ тѣмъ анекдотическимъ сказаніямъ о томъ же, которыя сохранились до насъ: «за самовольное опредѣленіе недорослей, вмѣсто навигацкой школы, въ законоспасское училище государь послалъ провинившихся бить сванъ подъ пеньковые анбары, стропившіеся на Мойкѣ. Когда никакія представленія не могли умплоствить царя, Феодоръ Матвѣичъ Апраксинъ придумалъ просить прощеніе вповзатыхъ самыхъ оригинальнымъ образомъ» ²⁾ (мы не ведемъ разсказа далѣе, по совершенной его извѣстности). Словомъ дѣти служилыхъ людей, за поступленіе въ московскую академію учиться, отсылались въ ваторжную работу на срокъ.

Понятно, что и начальство славяно-латинской академіи не обходилось безъ нѣкоторыхъ чувствительныхъ предупрежденій по этому поводу; ясно, отчего академія рѣшилась отказывать, когда само правительство прислало къ ней недорослей для первоначальнаго лишь обученія (какъ, впоследствии, оно хотѣло отправлять въ московскій университетъ 7 лѣтнихъ малютокъ), вовсе не предназначая ихъ къ духовной профессіи. Когда въ 1725 г. изъ герольдмейстерской конторы прислано было «значительное число недорослей въ славяно-русскую школу при московской академіи, то ректоръ Геденъ отказалъ имъ и отвѣчалъ конторѣ, что въ той школѣ происходятъ въ ученіи токмо духовныхъ персонъ дѣти, которые бы могли въ духовный чинъ происходить» ³⁾. Къ такой исключительности приходило профессиональное образованіе тѣмъ легче, что пздержки на содержаніе школъ возлагались уже на сословія.

Такимъ образомъ при Петрѣ высшій классъ, призванный къ военной и высшей гражданской службѣ, былъ лишенъ права приобрѣтать профессиональное духовное образованіе. Вскорѣ послѣ Петра это же воспрещено было для класса, призваннаго къ высшей военной профессіи. 1728 г. іюля 7 сніодъ, по доношенію коллегіи экономіи, далъ указъ, чтобы:

---

¹⁾ Веселаго: «Очеркъ ист. морс. кад. корп.», стр. 23—24.

²⁾ Ibid.

³⁾ Смирновъ: «Ист. моск. сл. гр. л. академіи», стр. 179.

«Обрѣтающихся въ московской славено-греко-латинской академіи въ школахъ солдатскихъ дѣтей обуча, отослать въ полки въ службу и впредь для обученія принимать таковыхъ, о которыхъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ отцы ихъ служатъ, отъ командировъ прислано будетъ письменное увѣдомленіе, что они пышъ и впредь въ полки не надобны» (трудно догадаться, когда въ полкахъ могутъ быть не надобны солдаты).

Въ тоже время запрещено было совершенно принимать въ академію дѣтей «помѣщиковыхъ людей» и крестьянъ вообще (т. е. вѣроятно и казенныхъ); тѣхъ изъ нихъ, которыхъ этотъ указъ засталъ въ академіи, велѣно «отрѣшнить, а впредь таковыхъ не принимать» ¹⁾. Что касается до солдатскихъ дѣтей, то съ устройствомъ гарнизонныхъ школъ, уже никто изъ нихъ и никогда не могъ попасть ни въ какую другую школу, кромѣ гарнизонныхъ. Для образованія же крестьянскихъ дѣтей, какъ мы уже знаемъ, вовсе не было мѣста среди профессиональной системы, что было чрезвычайно важно для духовной профессіи, которая до Петра черпала дѣятели именно изъ этого класса.

Так. обр. когда вокругъ духовенства фактически замыкался роковой кругъ, то уже изъ за этого круга не могло быть никакого прилива свѣжихъ элементовъ внутрь его. Оставалось разсчитывать на собственные силы и потому понятно, какой жизненный вопросъ былъ для специальныхъ школъ, чтобы отцы отдавая своихъ дѣтей въ школу. Въ 1732 г. славяно-греко-латин. академія жалуясь синоду, что священники, діаконы и причетники дѣтей своихъ не отдаютъ, «а солдатскихъ—де и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ и крестьянскихъ дѣтей, по ук. св. синода, принимать запрещено», ставить на видъ, что «ученіе распространеніемъ пресѣкается» ²⁾.

Принципъ, излагаемый нами, сдѣлался съ тѣхъ поръ общимъ принципомъ законодательства; онъ признается имъ молча и выражается въ немъ лишь по своимъ послѣдствіямъ и приложениямъ. Такъ въ указѣ объ управленіи Троицкаго монастыря, гдѣ изложенъ отчетливо взглядъ законодательства на характеръ и значеніе духовныхъ семинарій, слѣд. обр.

¹⁾ Ист. Росс. Иерархія Т. I, стр. 429.

²⁾ П. С. З. № 6066.

рѣшается вопросъ о томъ, кто имѣеть доступъ въ нихъ; «набрать учениковъ въ ту семинарію до 200 чел., выбирая способнѣйшихъ къ наукамъ изъ священническихъ и прочихъ церковниковыхъ и тутошнихъ монастырскихъ слугъ и дѣтей, которые уже обучены читать и писать» ¹⁾).

Такой же смыслъ имѣють узаконенія 1739 г. янв. 8 и 16-го, посвященныя собственно опредѣленію правъ на занятіе духовной профессіи. Въ нихъ говорится, что хотя трудно въ настоящее время снабдить всѣ церкви «учительными священниками», по огромности государства и количеству въ немъ церквей (которыхъ въ то время считалось до 16,000), «однакожь, по крайней мѣрѣ такихъ надлежитъ выбирать во священники, которые бы законъ христіанской основательно знали и ко чтенію священнаго писанія прилежали и по возможности разсудить могли, что читають». Выборъ священниковъ все еще, по обычаю, былъ предоставленъ прихожанамъ, и узаконеніе 1739 г. не отнимаетъ у нихъ этого права, но только ограничиваетъ его тѣмъ, что прихожане могутъ избирать не прямо священниковъ, а по два или по три кандидата; прихожане, имѣя въ виду высказанныя условія, очевидно, не должны стѣсняться тѣмъ, какого происхожденія избираемый. Такой смыслъ дѣйствительно можно бы извлечь изъ этого узаконенія, если бы указъ не прибавлялъ далѣе слѣд. соображенія: «послѣ генералитетской переписи церковниковъ и ихъ дѣтей не токмо (не) умалилось, но и прибыло слишкомъ 57,000 чел., и по такому ихъ множеству, ежели синодъ свое радѣніе, такожь и архіереи въ епархіяхъ своихъ прилагать будутъ, то не токмо всѣ церкви удовольствованы быть могутъ добрыми священнослужителями, но и затѣмъ останется ихъ довольно, *изъ которыхъ* выбравъ молодыхъ людей, можно употреблять въ школы».... Затѣмъ синодъ обязывается немедленно выслать въ епархіи учительныхъ священниковъ, «чтобы они ставленниковъ и *прочихъ* поповскихъ и дьяконовыхъ и причетническихъ дѣтей съ крайнимъ прилежаніемъ обучали».... ²⁾ Такая же самая фраза о ставленникахъ и прочихъ поповскихъ, дьяконовскихъ и при-

¹⁾ П. О. З. № 7660 (сент. 21).

²⁾ Ibid. № 7734 (янв. 16).

четническихъ дѣтяхъ повторена въ ук. синода февр. 8 того же года ¹⁾).

Исслѣдователь, имѣющій въ виду эти указанія изъ области законодательства и административной практики, не можетъ сомнѣваться въ полномъ господствѣ принципа, что только лица духовнаго происхожденія имѣютъ доступъ къ профессионально-духовному образованію. Увѣренность въ этомъ не можетъ быть подорвана фактическими указаніями на то, что въ разное время, въ разныхъ духовныхъ школахъ было большее или меньшее число лицъ не духовнаго происхожденія. Указанія эти объясняются двумя обстоятельствами: во перв. тѣмъ, что нѣкоторые изъ заведеній не сразу утратили свой общій характеръ, полученный ими въ допетровскія времена; во втор. тѣмъ, что въ специальныхъ школахъ ишіе элементарные и приготовительные классы замѣняли общее образованіе равное для всѣхъ. Такъ начало сословности сохранялось преимущественно и особенно долго въ московской славяно-греко-латинской академіи. Историкъ ея г. Смирновъ нашелъ въ ней и во второмъ періодѣ ея жизни (т. е. въ 1-й пол. XVIII в.) многихъ воспитанниковъ не духовнаго происхожденія, начиная отъ дворянъ до разночпичевъ. И дѣйствительно по официальнымъ памяткамъ еще въ 1744 г. «въ оной, какъ извѣстно, не однихъ священноцерковнослужителей, но и великаго числа людей дѣти въ обученіи находятся» ²⁾). Но какъ объяснить это? Можно ли, въ виду изложенныхъ прямыхъ узаконеній и фактовъ, сдѣлать изъ этого такой выводъ, какой дѣлаетъ историкъ академіи? Онъ говоритъ: «бывъ центромъ духовнаго образованія, академія не отказывала въ свѣтѣ ученія и лицамъ изъ другихъ сословій и это было сообразно съ волею Петра и его преемниковъ». Высшая причина такихъ распоряженій, конечно, была та, что свѣтскія училища еще не были довольно распространены, но нельзя не видѣть въ семъ благотворнаго намѣренія правительства—сообщить посредствомъ духовнаго воспитанія всѣмъ сословіямъ начала строгой нравственности и духъ православія, который всегда служилъ надежнымъ опло-

¹⁾ П. С. З. № 7749 (февр. 8).

²⁾ П. С. З. № 8904 (марта 16).

томъ престола и отечества» ¹⁾. Вѣдшая причина и была единственною причиною; она заключается въ томъ, что правительство, не имѣя для *элементарнаго и приготовительнаго образованія никакихъ* учебныхъ заведеній, или предоставляло служилымъ людямъ пріобрѣтать его дома какъ съумѣютъ, или распредѣляло ихъ по такимъ спеціальнымъ школамъ, которыя заключали въ высшихъ классахъ и начала общаго образованія. Мы уже упоминали, что послѣ также воспользовалось правительство и московскимъ университетомъ. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что правительство предоставляло дѣтямъ другихъ сословій избирать себѣ профессионально-духовное образованіе и духовную профессію: мы увидимъ ниже, что въ узаконенный срокъ всѣ они должны были являться или въ свои профессиональныя школы, или на свою службу. Именно такой смыслъ имѣетъ слѣд. слова въ доношеніи спасскаго архим. Теофлакта: «некому учениковъ, которыхъ, по указу государеву, велѣно со всякаго чина принимать, беречь, чтобъ взявъ его государево жалованье, не бѣгалъ отъ школъ» ²⁾, т. е. здѣсь разумѣются недоросли, получающіе въ академіи приготовительное образованіе. Въ этомъ историкъ академіи могъ бы убѣдиться изъ того факта, который онъ самъ приводитъ тутъ же, а именно: что въ 1737 г. въ академію были *присланы* недоросли изъ дворянскихъ фамилій и что такъ какъ между ними оказалось 73 чел. моложе 12 л., то указомъ императрицы велѣно было отпустить ихъ по домамъ впредь до того времени, когда они достигнутъ узаконенныхъ 12 л. и тогда они могутъ поступить въ академію. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что собственно профессиональное образованіе начиналось для дворянскихъ дѣтей съ 16 лѣтняго возраста. Но обученіе дворянъ и разночинцевъ и въ высшихъ классахъ академіи продолжалось только до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка: въ 1748 г. Блюментростъ представлялъ на усмотрѣніе сената вопросъ: откуда брать ему учениковъ для медицинскихъ школъ, когда въ слав. греко-латинскомъ училищѣ разночинскихъ дѣтей болѣе

---

¹⁾ Ист. моск. слав. гр. лат. акад., стр. 178—179.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ, хр. въ арх. св. синода, прил. стр. СССХVI.

вѣтъ, а священно-церковнослужительскихъ дѣтей отпускать не велѣно» ¹⁾).

Московская академія, какъ мы знаемъ, при основаніи свосмъ, вовсе не была разсчитана на профессиональную систему: она была первымъ русскимъ университетомъ по составу наукъ и слушателей; память объ этомъ не исчезала долго въ XVIII в. Но другія духовныя школы, возникшія въ XVIII в., явились вскорѣ по основаніи ихъ сословными и потому, если въ нихъ находимъ воспитанниковъ не духовнаго происхожденія, то лишь въ самомъ началѣ жизни этихъ школъ; такъ «первые воспитанники славенской александровской школы были изъ всѣхъ сословій», говоритъ г. Чистовичъ. Но изъ какихъ? «По большей части служительскіе дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подьяческіе, посадскіе и монастырскіе келейники» ²⁾). Тотъ же писатель отмѣчаетъ слѣд. интересный фактъ въ періодъ 1726—1788 г.: «изъ дѣтей разночинцевъ и монастырскихъ служителей не многіе оканчивали полный курсъ, но больш. частью выходили изъ писшихъ классовъ, обучившись чтенію, письму и арифметикѣ въ такой степени, которая необходима для писца въ присутственномъ мѣстѣ, управителя въ небольшомъ имѣніи и купеческаго приказника въ торговыхъ заведеніяхъ» ³⁾); т. е. для этихъ лицъ спеціальная школа нужна была какъ элементарная въ своихъ писшихъ классахъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что границы духовнаго сословія опредѣлялись не вдругъ, масса лицъ подчиненныхъ церкви (монастырскихъ слугъ, архіерейскихъ дворянъ, приказныхъ духовныхъ приказовъ) выдѣлялась къ другимъ классамъ медленнымъ рядомъ узаконеній въ продолженіи всей 1-й пол. XVIII в.—Точно такъ же, но въ пропорціи гораздо меньшей мы находимъ стороннихъ воспитанниковъ въ новгородской школѣ, гдѣ «изъ подчиненнаго синодскаго вѣдѣнія обучаются болѣе 500 чел., а отъ разночинцевъ свѣтской команды съ 30 человекъ» ⁴⁾). Тоже можно допустить, впрочемъ по догад-

¹⁾ С. М. Соловьевъ: Ист. Росс. т. XXII, 334—335.

²⁾ Ист. С.-Петерб. Акад. Чистовича.

³⁾ Ibid. стр. 44—45.

⁴⁾ П. С. З. № 4326 (1723 г., окт. 17).

камъ только, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и въ первоначальной ростовской епар. школѣ, начало которой относится къ 1702 году.

Отрицательная сторона разбираемаго начала по отношенію къ духовному сословію переходитъ въ положительную сторону того же начала по отношенію къ другимъ классамъ: никто изъ другихъ классовъ не можетъ избрать духовное званіе конечно потому, что каждый, принадлежащій къ этимъ классамъ долженъ слѣдовать своей профессіи.

Но такъ какъ въ числѣ тѣхъ классовъ, которымъ было прямо запрещено переходить въ духовную профессію, не былъ упомянутъ классъ дьяковъ и подъячихъ, то мы начнемъ съ него. Гражданская служба, выдѣлившись въ особую профессію, сдѣлалась обязательною для дѣтей дьяческихъ и подъяческихъ. Когда въ 1716 г. рѣшено было приготовить людей для высшей гражданской службы, то для этой цѣли велѣно выбрать «молодыхъ подъячихъ» и отослать въ Крелевецъ ¹⁾. Сенатъ, приводя это въ исполненіе, велѣлъ набрать 40 чел., выбравъ ихъ изъ приказовъ и губерній (напр. изъ архангелогородской губ. 2 человекъ). При этомъ въ первый разъ всѣ дьяки и подьячіе извѣстной мѣстности приводятся въ связь между собою; государство разсматриваетъ ихъ, какъ корпорацію, на которую возлагается обязанность содержать въ Кенигсбергѣ выбранныхъ молодыхъ подъячихъ на свой счетъ: общество подъячихъ даетъ имъ подмогу на проѣздъ и прогоны, начальство собираетъ въ губерніяхъ и приказахъ съ оставшихся подъячихъ 250 ефимковъ. Этотъ сборъ съ подъячихъ повторяется каждый годъ, «пока выбранные въ наукѣ будутъ» ²⁾.

Но изъ этихъ распоряженій еще не видно, что *всѣ* подьячіе должны слѣдовать своей наслѣдственной профессіи. Въ этомъ отношеніи указъ 1721 г. рѣшительнѣе; тогда велѣно было «учинить школу, гдѣ учить подъячихъ ихъ дѣлу, куда бы приказные люди дѣтей своихъ *новинны* были (должны были) отдавать, такожъ и съ стороны, кто похочетъ

---

¹⁾ *ibid.* № 2986 (январь 25).

²⁾ *Ibid.* № 2997 (февраль 19).

быть приказнымъ» ¹⁾. Здѣсь профессія подъячихъ признается ихъ обязанностию, но еще не исключительнымъ правомъ ихъ. Съ совершенною ясностью обязанность дѣтей подъячпхъ заниматься только дѣломъ ихъ отцовъ опредѣляется узаконеніемъ 1744 г. (которое, конечно, окончательно освящаетъ лишь порядки, утвержденные съ 1716 года). Въ сенатскомъ указѣ этого года рѣчь идетъ о дѣтяхъ оставшихъ подъячпхъ т. е. такихъ лицъ, которые оставивъ службу, тѣмъ самымъ наводили на администрацію сомнѣніе въ принадлежности своей къ какой либо профессіи. Сенатъ устраняетъ это сомнѣніе: онъ распоряжается, чтобы такихъ дѣтей, если они уже способны къ службѣ, опредѣлять къ приказнымъ дѣламъ въ губернскія и воеводскія канцеляріи, а малолѣтнихъ, на которыхъ можно надѣяться, что они обучатся приказнымъ дѣламъ, оставлять при отцахъ; объ этихъ оставленныхъ при отцахъ сообщается въ губернскія и воеводскія канцеляріи, «дабы оныя по возрастѣ и по обученіи потому жъ къ приказнымъ дѣламъ опредѣлены быть могли». Тѣ изъ дѣтей приказно-служителей, которые, по своему возрасту, уже не годятся для школы, но по своимъ свѣдѣніямъ, не могутъ занять должностей въ приказахъ, должны быть отосланы въ военную коллегію для опредѣленія въ солдаты. Такимъ образомъ и здѣсь предстоялъ тотъ же единственный исходъ, какъ и для дѣтей духовныхъ лицъ ²⁾.

1755 г. состоялся весьма важный указъ о томъ откуда наполнять классъ приказно-служителей. Въ это время изъ разныхъ губерній посылались жалобы, что за отборомъ въ солдаты приказныхъ, въ канцеляріяхъ не стало людей и въ дѣлахъ случилась остановка. Сенатъ, основываясь на прежнихъ узаконеніяхъ (1721 г. ноября 10, 1727 г. марта 20, 1737 г. окт. 31) старается отклонить жалобы назначеніемъ штата для служащихъ во всѣхъ канцеляріяхъ и конторахъ. Но чтобы предотвратить остановку въ дѣлахъ, сенатъ принимаетъ слѣд. двѣ мѣры: 1) еще въ 1732 г. указомъ сент. 21 позволено было взять въ канцеляріи вѣскольکو дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ не дворянъ, въ слѣдствіе недо-

¹⁾ П. С. З. № 3845 (сент. 10).

²⁾ П. С. З. № 8975 (ноября 20).

статка служащихъ въ гражданской службѣ. Теперь они-то прежде всего должны были возвратиться къ своей природной (т. е. военной) службѣ. Сенатъ, въ виду крайней необходимости, соглашается оставить ихъ по прежнему въ канцеляріяхъ; однако это не распространяется на дѣтей ихъ, которые остаются въ гражданской службѣ лишь въ крайнемъ случаѣ, если въ канцеляріяхъ все еще не будетъ доставать людей; но пзъ дѣтей оставляются только такіе, которые окажутся совершенно неспособными къ военной службѣ. Наконецъ, если и при этомъ не будетъ доставать надлежащаго числа приказныхъ, то оставить «до указу» и такихъ дѣтей служилыхъ людей, которые годны въ военную службу. За тѣмъ всѣхъ остальныхъ отослать немедленно въ войска.

2) Вторая мѣра, принятая сенатомъ для обезпеченія канцелярій не столь случайна и болѣе прочна: «впредь, съ сего времени, говорятъ сенатъ, секретарскихъ и прочихъ нижнихъ приказнаго чина людей дѣтей ихъ, кои не изъ дворянъ, до будущаго разсмотрѣнія ни въ какую службу, кромѣ приказной отнюдь никуда не опредѣлять, подѣ опасеніемъ за то, кто въ противность сего учинитъ, штрафа; а въ содержаніи и о опредѣленіи ихъ къ приказнымъ дѣламъ поступать по вышеозначеннымъ же 1721, 1727 и 1737 годовъ указамъ неотмѣнно». Мы знаемъ, что узаконеніе 1721 г. нояб. 10 постановляетъ условіемъ для занятія приказной должности специальную школу приказную, гдѣ приказные должны учтться «ихъ дѣлу».

Двумя указанными распоряженіями сенатъ обнимаетъ обѣ стороны мысли, насъ занимающей: первымъ изъ нихъ воспрещается входъ въ сословіе приказныхъ для лицъ стороннихъ; вторымъ воспрещается дѣтямъ приказныхъ выходъ въ другія сословія. Для этой послѣдней цѣли сенатъ въ томъ же указѣ требуетъ «вѣдомостей», въ которыхъ бы было показано, начиная съ 1722 г., сколько гдѣ состояло приказныхъ служителей и дѣтей ихъ мужскаго пола, сколько куда выбыло при какихъ случаяхъ и по какимъ указамъ и сколько теперь состоитъ на лицо; вмѣстѣ съ тѣмъ требуются свѣдѣнія, гдѣ были учреждены, по сплѣ прежнихъ указовъ, школы для обученія дьячыхъ и подъяческихъ дѣтей арифметикѣ и прочимъ наукамъ приказной специальности, на какомъ эти шко-

лы содержаніи, гдѣ сколько было учителей и учениковъ, до какого времени продолжалось существованіе этихъ школъ и гдѣ онѣ закрыты и по какимъ распоряженіямъ; если же гдѣ продолжаютъ существовать на прежнемъ основаніи до сихъ поръ, то сколько въ нихъ учениковъ и учителей. Так. обр. сенатъ, очевидно, держался прежней мысли законодательства, что какъ поступленіе въ дьяческія школы обязательно для дѣтей приказныхъ, такъ выучившіеся въ этихъ школахъ обязаны поступить на службу подъячими въ приказы и канцеляріи.

Но мы видѣли, что въ ук. 1721 г. въ дьяческія школы открывался доступъ и другимъ, «кто пожелаетъ». Но кто же могъ пожелать? Податнымъ классамъ это было воспрещено; духовнымъ, какъ мы уже знаемъ, тоже запрещено подъ угрозою солдатства. Дворяне, какъ увидимъ ниже, сами не хотѣли идти даже на высшія должности по гражданской службѣ въ коллегіи, не смотря на то, что правительство поощряло это. Остались одни солдатскія дѣти, которымъ дѣйствительно, карьера приказнаго могла казаться привлекательною. Дѣйствительно, съ разрѣшенія самаго правительства, солдатскія дѣти изъ гарнизонныхъ школъ иногда назначаемы были въ канцеляріи и конторы гражданского вѣдомства. И вотъ сенатскій указъ 1755 г. разъясняетъ намъ, что это не только экстраординарная мѣра, но что и для этихъ лицъ, попавшихъ въ исключительное положеніе, переходъ на должности въ канцеляріяхъ отнюдь не составлялъ перехода изъ одного (военнаго) сословія въ другое (приказное). Правительство разсматривало ихъ лишь прикомандированными къ гражданскимъ дѣламъ; помянуваніи въ нихъ надобности здѣсь, ихъ тотчасъ требуютъ къ исполненію ихъ собственной профессіи; дѣти ихъ разсматриваются, какъ «служилые», т. е. военные. Оставляя нѣкоторыхъ изъ нихъ въ гражданской службѣ въ виду крайней необходимости, сенатъ ни мало не рѣшается тѣмъ и на будущее время перемѣны въ ихъ сословномъ положеніи ¹⁾.

Так. обр. къ половинѣ XVIII в. классъ лицъ, занимающихся гражданской службою, получилъ всѣ характерные

¹⁾ П. С. З. № 10473 (окт. 11).

признаки сословія, подъ вліяніемъ узаконеній о спеціальному образованіи гражданскихъ чиновниковъ. Если потомъ во 2-й половинѣ XVIII и въ XIX в. этотъ классъ не удержалъ сословнаго характера, то лишь по той причинѣ, что учрежденіе юридическихъ школъ (отдѣльныхъ отъ школъ дворянскихъ) не было поддержано, что само правительство принуждено было открыть въ военныхъ школахъ отдѣленія юридическія и въ слѣдствіе этого, поощрять дворянскихъ дѣтей всѣми мѣрами какъ къ изученію этихъ наукъ, такъ и къ выбору профессіи гражданскихъ чиновниковъ. Законодательство же первой половины XVIII в. придавало этому классу строгосословную организацію.

Не только гражданская служба вообще, но и отдѣльные частные виды ея стремились въ 1-й пол. XVIII в. выдѣлиться въ особые наследственныя профессіи, которыя, подъ вліяніемъ законовъ о профессиональномъ образованіи, стремились перейти въ отдѣльныя сословія. Чѣмъ болѣе извѣстный родъ службы требовалъ спеціальныхъ знаній, школьной подготовки, тѣмъ болѣе классъ лицъ, преданныхъ этой службѣ, близокъ былъ къ сословной организаціи. Напр. горная служба наполнялась до 1734 лицами шляхетскаго званія, которые для изученія горнаго дѣла отсылались, по назначенію правительства, изъ Петербурга на Уралъ. Но эти лица, «для отдаленія домовъ и родственниковъ», обучались неохотно и обучившись, старались освободиться отъ навязанной имъ профессіи. Поэтому въ 1736 г., въ инструкціи Татищеву, правительство сдѣлало слѣд. распоряженіе: тѣхъ изъ дворянъ, которые уже отправлены на Уралъ, испомѣстить въ Пермь, близъ Строгоновскихъ деревень, назначивъ имъ столько же земли, сколько они имѣли въ русскихъ городахъ, «дабы имъ вѣчно во услугахъ при тѣхъ заводахъ остаться и своихъ дѣтей въ то употреблять». Но такъ какъ, по мнѣнію правительства, этихъ лицъ будетъ недостаточно, то оно принимаетъ слѣдующую мѣру: «дабы довольствоваться (заводы) тамошними обывателями, - того ради устройте вамъ хорошую школу и брать въ оную тамо дворянскихъ, подъяческихъ и неслужащихъ церковниковъ дѣтей и оныхъ съ прилежаніемъ тому обучать»¹⁾. Здѣсь, при первомъ основаніи спеціальной школы, въ нее

¹⁾ П. С. З. № 6559 (марта 23).

должны поступить лица разныхъ званій; но всѣ они, разъ поступивши въ школу, а черезъ нее на службу, навсегда со всѣмъ потомствомъ своимъ отдають себя новой профессіи, какъ обнаруживается изъ этого же самаго узаконенія и изъ послѣдующихъ.

Такъ какъ профессиональное образованіе пріобрѣтается не черезъ школу только, то законодательство, при случаѣ, допускаетъ не требовать дѣтей горно-служащихъ въ школу, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда знаніе профессіи ихъ легче можетъ быть ими пріобрѣтено другимъ путемъ. Это именно выражено въ указѣ 1733 г. По этимъ самымъ обнаружился еще яснѣе взглядъ правительства, что профессія должна быть изучаема и усвояема дѣтьми по наслѣдству отъ родителей ¹⁾. Изъ дальнѣйшаго хода законодательства видно, что правительству не удалось скоро достигнуть осуществленія мысли, изложенной въ узаконеніи 1734 года, что оно до самой 2-й пол. XVIII в. принуждено было отправлять на заводы изъ шляхетскаго корпуса лицъ, получившихъ элементарное и пригтовительное образованіе, съ тѣмъ чтобы они на заводахъ, а лучшіе изъ нихъ за границею пріобрѣтали специальное образованіе. Но и тогда правительство считало это временною мѣрою «до тѣхъ поръ пока при заводской школѣ обучены будутъ языкамъ и математическимъ наукамъ дѣти офицерскія и мастерскія», какъ сказано о томъ въ узаконеніи 1761 года ²⁾.

Такая же склонность частныхъ профессій къ сословности, подъ вліяніемъ законовъ о профессиональномъ образованіи, замѣчается и въ медицинской профессіи. Уже по указамъ Анны Іоановны велѣно было дѣтей всѣхъ служащихъ въ медицинской канцеляріи готовить къ медицинской дѣятельности и для этого не брать ихъ въ гарнизонныя школы и учить при ботаническихъ садахъ на счетъ медицинской канцеляріи ³⁾. Окончательное сформированіе наслѣдственной медицинской профессіи относится къ 1758 году, когда медицинская канцелярія представила сенату, «чтобы указомъ по-

¹⁾ П. С. З. № 6840.

²⁾ П. С. З. № 11185 (января 12).

³⁾ П. С. З. № 7128 (1736 г., декабрь 20).

вѣдѣно было: дѣтей, оставшихся послѣ умершихъ въ службѣ докторовъ, штабъ-лекарей, лекарей, аптекарей, подлекарей и прочихъ аптекарскихъ служителей не опредѣлять на службу ни въ какія другія команды, но только въ вѣдомство медицинской канцеляріи, гдѣ отцы ихъ служили». Для этого медицинская канцелярія должна, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, опредѣлять ихъ въ медико-хирургическую и фармацевтическую науки; матери ихъ обязываются подпискою, что подготовятъ своихъ сыновей къ профессиональному образованію благопрістойнымъ (домашнимъ) обученіемъ и добрымъ воспитаніемъ. Тѣ изъ нихъ, которыя не захотятъ дать такой подписки, лишаются пенсіи. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ медицинской канцеляріи ¹⁾).

Довольно долго законодательство не отличало ясно среди военно-служащихъ двухъ классовъ; довольно долго всѣ прежніе служилые люди Московскаго государства продолжали жить въ общихъ условіяхъ, какъ бытовыхъ, такъ и юридическихъ; до начала 30-хъ годовъ, т. е. до царствованія Анны этотъ порядокъ сохранялся почти неизмѣнно. Начало отличій нашего военного класса замѣчается, правда, съ перваго десятилѣтія XVIII в. Въ первый разъ отличены одиодворцы не только отъ служилыхъ людей вообще, но и отъ всѣхъ классовъ общества именно тѣмъ, что дѣти ихъ освобождаются отъ обязательнаго посѣщенія цыфирныхъ школъ, благодаря тому, что ихъ профессія—составлять ландмилицію.

Затѣмъ въ знаменитую эпоху 20-хъ годовъ, эпоху всеобщаго разграниченія сословіи, служилый классъ разбитъ на два разряда повидному вишнейю, но въ существѣ очень важною чертою; а именно: дѣти всѣхъ нижнихъ военныхъ чиновъ должны, по указу 1720 г., явиться на смотръ къ мѣстнымъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ; а шляхетскіе дѣти людей всякихъ чиновъ—въ Петербургѣ, въ военную коллегію. При этомъ весьма замѣчательно, что дѣти офицерскіе включаются въ высшій разрядъ, который состоитъ, кромѣ нихъ, изъ дѣтей рейтарскихъ, драгунскихъ, солдатскихъ, пушкарскихъ, стрѣлцкихъ, приставовъ, разсылщиковъ и «прочихъ служивыхъ всякихъ чиновъ людей» ²⁾).

¹⁾ П. С. З. № 10872 (август. 26).

²⁾ П. С. З. № 3631 (авг. 23).

Это различіе мѣстъ явкп означаетъ собою различіе родовъ службы, или профессій, для которыхъ готовятся дѣти лицъ, принадлежащихъ къ тому, или къ другому классу: одни должны поступать въ морскую гвардію (или академію) и въ сухопутную гвардію (или дворянскую школу военной профессіи); другіе въ мѣстныя войска и ихъ школы. Это именно открывается изъ послѣдующихъ узаконеній.

Когда высшій классъ (шляхетство) ко временамъ царствованія Анны организовался, то потребовалось дать организацію и высшимъ служилымъ людямъ. Организація эта начинается съ того, что дѣти солдатъ, хотя бы и отставныхъ, должны быть опредѣлены годные въ службу, а малолѣтныя въ гарнизонныя школы. Указъ этотъ (о немъ мы упоминали по поводу школъ для бѣдныхъ)¹⁾ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ касается собственно дѣтей такихъ отставныхъ солдатъ, которые опредѣлены въ богадѣльни, содержимыя на счетъ капиталовъ духовенства, т. е. коллегіи экономіи. Эта послѣдняя должна отослать ихъ въ военную коллегію, причемъ мотивъ закона уясняется такъ: правительство боится, чтобы дѣти служилыхъ, не затерялись совсѣмъ и не попали въ другія профессіи. Но такъ какъ гарнизонныя школы организованы были окончательно только въ слѣд. году, то и организація класса высшихъ служилыхъ людей должна быть отнесена къ тому же времени. Въ этотъ классъ входятъ дѣти офицерскіе не изъ шляхетства, драгунскіе, солдатскіе, и людей «прежнихъ службъ», а именно: рейтарскіе и городскихъ казаковъ, стрѣльцовъ, приставовъ, разсыльщиковъ «и прочихъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей дѣти»,—словомъ дѣти всѣхъ тѣхъ изъ служилыхъ, которые не попали въ подушный окладъ и дѣти родившіяся послѣ того, какъ отцы ихъ взяты въ службу. Побужденіемъ, которое руководило законодателемъ при организаціи гарнизонныхъ школъ, служить слѣд. обстоятельство: хотя, говоритъ законодатель, «тѣ всѣ принадлежатъ къ нашей военной службѣ, но, многіе изъ нихъ, выучась грамотѣ, отбывая отъ службы, вступаютъ въ купечество, и въ цехи, и въ дома разныхъ чиновъ въ людямъ и въ прочіе чины, а иные укрываясь скрываются межъ дворовъ».

---

¹⁾ П. С. З. № 5757 (мая 17). См. выше стр. 55—56.

Очевидно, эта хрупкая разсыпается. Какими же мѣрами правительство разсчитываетъ собрать ее? Сборомъ всѣхъ дѣтей въ школы: «указамп...опредѣлить для собранія и обученія солдатскихъ дѣтей...школы,...дабы оныя шли сперва въ назначенныя школы, и въ военную службу»...Для этого подвергаются смотрамъ у губернаторовъ и воеводъ всѣ, не достигшіе 15 лѣтъ и потомъ всѣ отправляются для ученія въ гарнизонныя школы.—Законъ этотъ, не имѣя обратнаго дѣйствія (на записанныхъ уже прежде на фабрики, въ цехи, въ купечество, или у штатскихъ дѣлъ), равно не простирался на недорослей однодворцевъ, относительно всѣхъ остальныхъ на будущее время имѣетъ слѣд. силу: «впредь съ сего 1732 г..... ни въ какіе другіе чины и фабрики и нкуда изъ тѣхъ служивыхъ чиновъ дѣтей..., безъ особенныхъ нашихъ указовъ, не опредѣлять и не принимать»... Равнымъ образомъ воспрещается, и по окончаніи ими образованія въ гарнизонныхъ школахъ, опредѣлять ихъ къ какимъ либо земскимъ дѣламъ въ губерскія канцеляріи. Они должны дѣйствительно исполнять ту профессію, къ которой готовились ¹⁾. Но такъ какъ гарнизонныя школы, имѣя опредѣленные штаты, не были разсчитаны на такое количество дѣтей, какое могло оказаться въ этомъ классѣ, то правительство вскорѣ (въ 1735 г.) принуждено было распорядиться принимать въ школы сверхъ комплекта, лишь бы только всѣ дѣти были помѣщены въ нихъ.

Когда такимъ образомъ было опредѣлено, что дѣти людей этого класса могутъ быть опредѣлены только въ гарнизонныя школы, то, казалось бы, нѣтъ никакой нужды опредѣлять въ отношеніи къ нему второе начало сословности, — не было нужды говорить, что никто другой не можетъ имѣть доступа къ этимъ школамъ и къ этой профессіи; потому что кому могла показаться лестною эта профессія? Кто могъ поставить себѣ потомственную солдатскую службу соблазнительною цѣлію своихъ пожеланій? Но въ тѣ дни существовали классы, еще ниже поставленные и потому тотъ же законъ 1735 г. снѣшить преградить доступъ въ гарнизонныя школы всѣмъ, кромѣ солдатскихъ дѣтей: «накѣнко смотрѣть, при-

¹⁾ П. С. З. № 6188 (сент. 21).

казывается онъ, дабы оныя подлинно были служилыхъ людей дѣти. А ежели кто изъ нихъ явятся помѣщичьи и дворцовые и монастырскіе, каковыхъ по ея и. в. указу въ школы опредѣлять не велѣно, такихъ всѣхъ, и кои хотябъ и въ школы были опредѣлены, по свидѣтельству, отдавать тѣмъ, чьи они были, по прежнему» ¹⁾).

Узаконенія о нисшей военной профессіи и образованіи, ведущемъ къ ней, уясняютъ намъ общее начало законодательства XVIII в., касающееся всѣхъ профессій вообще, именно слѣд.: лица разныхъ классовъ не только должны готовиться къ отцовской профессіи и тѣмъ фактически предрасполагать себя къ занятію только этой профессіи; но получивши известное профессиональное образованіе, не могли занять по закону другой профессіи, кромѣ той, къ которой, готовились. Въ 1744 г. былъ поднятъ военною коллегіею вопросъ о 10 школьничкахъ, взятыхъ, по указу сенатской канторы, изъ гарнизонной канцеляріи въ губернскую для исправленія подъяческой должности. Военная коллегія требуетъ возвратить ихъ въ школу по прежнему, потому что «такіе обученные потребны ко опредѣленію въ полки въ писари и въ другіе чины, въ коихъ всегдашняя обстоитъ нужда». Армія и гарнизоны комплектуютъ писарскіе и другіе тому подобныя чины тѣми школьничками «безъ требованія, какъ прежде бывало, отъ герольдіи подъячихъ». Сенатъ воспрещаетъ впредь брать учениковъ гарнизонныхъ школъ въ подъячіе гражданской службы, но тѣхъ, которые взяты уже, возвращать не велѣлъ ²⁾).

При такой ясной постановкѣ дѣла не было надобности законодательству работать далѣе надъ организаціею этого класса и условій подготовки къ нему. Ему предстояло лишь рѣшить нѣкоторые частныя вопросы (однако существенно важныя для вопроса о профессиональномъ образованіи). Мы уже видѣли отчасти и подробнѣе увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что тотъ, кто по тупости или лѣности неспособенъ усвоить себѣ профессиональныя знанія, выбрасывается изъ своего сословія и что всѣ эти выброски попадаютъ въ солдатство;

---

¹⁾ П. С. З. № 6767 (іюня 9).

²⁾ П. С. З. № 8965 (іюня 12).

но теперь рѣчь идетъ о самомъ солдатствѣ; если и здѣсь найдутся лица, которыя не въ состояніи усвоить себѣ знаній, предназначенныхъ для этого класса, то что тогда? Тогда готовить ихъ къ мастерствамъ, тоже необходимымъ въ войскахъ: слесарному, кузнечному, плотничному, столярному, портному «и прочимъ художествамъ, какія при арміи и полкахъ потребны и по воинскому штату опредѣлены» ¹⁾).

Какъ въ гражданской службѣ частныя вѣтви ея стремились обособиться въ наслѣдственныя профессіи, такъ подобное этому происходитъ и въ высшей военной службѣ. По морскому регламенту опредѣлено: «плотничьихъ и прочихъ мастеровыхъ людей дѣтей обучать грамотѣ, цыфри и планъ-геометріи, дабы потомъ могли быть добрыми мастерами». Затѣмъ по именному указу 1723 г. велѣно: «мастеровыхъ людей дѣтей, которые обучаются въ академіи цыфри, по окончаніи ихъ наукъ, усматривая по остротѣ, опредѣлять къ корабельнымъ мастерствамъ, а въ подъячіе и къ инымъ постороннимъ дѣламъ, кромѣ оныхъ мастерствъ, относить не опредѣлять» ²⁾).

Мы видѣли уже, что изъ общаго класса писавшихъ служилыхъ людей, исключены были, путемъ организаціи профессиональнаго образованія, однодворцы и ихъ дѣти, единственный классъ съ самаго начала столѣтія освобожденный отъ всякаго образованія, конечно потому, что ихъ служба казалась не требующею никакой умственной подготовки. Однако къ половинѣ вѣка замѣтили, что и эта хранища начинаться разваливаться. Въ 1752 г. правительство заявило, что «нынѣ изъ однодворцевъ многіе, не хотя быть въ службѣ, просятъ свои опредѣляться въ губернскія и воеводскія канцеляріи въ приказные чины», отчего при укомплектованіи ландмилицкихъ полковъ однодворцами почти никогда не бываетъ «во взятьѣ» умѣющихъ грамотѣ и писать. И противъ этого зла тоже универсальное средство-організація особыхъ однодворческихъ школъ, особаго однодворческаго образованія. Такія школы и учреждаются тѣмъ же указомъ. При этомъ достойно вниманія, что въ однодворческія школы забираютъ

---

¹⁾ П. С. З. № 7627 (1738 г. авг. 6).

²⁾ С.м., въ ук. 1751 г. (П. С. З. № 9888, окт. 4).

ся не всѣ дѣти однодворцевъ поголовно, а только «отцовъ и матерей не имѣющихъ и скитающихся межъ дворъ (которыхъ подушный окладъ остается въ допмкѣ)». Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь сказывается старая привилегія однодворцевъ не быть образованными. Остальные не берутся обязательно въ школу, потому что отъ 7 до 15 л. должны помогать своимъ родителямъ добывать подушный окладъ. Затѣмъ желающіе могутъ содержать дѣтей въ школѣ на своемъ коштѣ. Но все однодворцы и только однодворцы ¹⁾).

Изъ ук. 1758 г. видно, что въ самомъ концѣ разсматриваемаго времени тотъ же принципъ наследственнаго усвоения частныхъ видовъ военной профессіи путемъ школы сохранялся въ полной силѣ. Сенатъ, требуя свѣдѣній о всѣхъ гарнизонныхъ школахъ и числѣ учениковъ въ нихъ, требуетъ ихъ не отъ одного начальства сухопутныхъ строевыхъ войскъ, но и отъ адмиралтейства, отъ артиллеріи, отъ канцеляріи стросній, начальства ладожскаго канала, канцеляріи стросній государственныхъ дорогъ; причемъ онъ снова напоминаетъ, чтобы «солдатскіе дѣти въ школы опредѣляемы были и мимо оныхъ нигде не употреблялись» ²⁾. Мы знаемъ дѣйствительно, что напр. Ладожскій каналъ имѣлъ свою отдѣльную школу для дѣтей служащихъ именно при немъ, и что попытка отсылать дѣтей служащихъ въ ладожской командѣ въ с.-петербургскую гарнизонную школу, оказалась неудачною, между прочимъ именно потому, что дѣти не получали въ ней надлежащаго спеціальнаго образованія.

Такъ собирались въ школы разсыпавшіеся въ разныя стороны донетровскіе и новые классы. Послѣ всего сказаннаго значително уясняется вопросъ о послѣдней и важнѣйшей «храмшѣ»-дворянствѣ, и потому намъ объ ней достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Высшіе слои служащихъ по гражданскому и военному вѣдомству выдѣляются и составляютъ сословіе шляхетское, или дворянское. Намъ интересуетъ здѣсь не то, откуда взялось понятіе дворянства, вопросъ удовлетворительно рѣшенный самымъ названіемъ:

---

¹⁾ П. С. З. № 9972 (1752 г. апр. 13).

²⁾ П. С. З. № 10901 (ноябр. 18).

«шляхетство», а то, какими юридическими мѣрами изъ нѣсколькихъ элементовъ служилого класса создано ограниченное закономъ въ нѣкоторыхъ правахъ и обязанностяхъ особое сословіе? Что оно создано ранѣе манифеста 1762 г., что оно первоначально основано на обязанностяхъ а потомъ уже на правахъ, въ этомъ почти никто не сомнѣвается; но безошибочно можно сказать, что до сихъ поръ не найдено, какія именно мѣры привели къ тому въ этомъ періодѣ. Говорятъ дворянство создается наложеніемъ на нѣкоторые классы общихъ повинностей-обязательной службы и обязательнаго образованія ¹⁾. Но служба была обязательна для всѣхъ неподатныхъ классовъ; мы видѣли это на примѣрѣ духовнаго сословія, класса дяковъ и подъячихъ и класса инспихъ служивыхъ. Точно также образованіе было обязательно и для тѣхъ и для другихъ и для третьихъ. Намъ кажется, что дворянское сословіе организовано тѣми законодательными мѣрами, которыя сдѣлали для него обязательнымъ *известную* службу и *известное* образованіе, или иначе говоря опредѣленную профессію.

Для дворянскаго сословія эта профессія есть высшая военная и высшая гражданская служба. Эта высшая служба есть гвардія сухопутная и морская и гражданская служба въ коллегіяхъ. Морская академія въ петровскихъ узаконеніяхъ называется морскою гвардіею; сухопутная гвардія первоначально была академіею, до тѣхъ поръ, пока шляхетный корпусъ не создалъ окончательно *корпуса* дворянства. Затѣмъ въ остальныхъ частяхъ войска и администраціи высшіе чины оберъ-офицерскій и ассессорскій приводятъ къ дворянству; отсюда правительствомъ или производится въ дворянство по достиженіи известнаго чина, или приказываетъ никого не производить въ эти должности, кто не изъ шляхетства. Почему именно чинъ коллежскаго ассессора даетъ дворянство? Чины были, какъ известно, первоначально должностями; служба въ коллегіи (но не въ канцеляріи) есть высшая служба.

---

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны обязательности образованія для дворянъ вообще, вопросъ этотъ, разсмотрѣвъ отчасти г. Романовичемъ-Славатинскимъ («Дворянство въ Россіи», стр. 169 и слѣд.) и предлежитъ еще въ другомъ мѣстѣ нашему разсмотрѣнію.

Когда въ 1715 г. Петръ далъ указъ; «которые есть въ Россіи *знатныхъ особъ* дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ 10 лѣтъ и выше выслать въ школу с.-петербургскую... и чтобъ оныя подоросли высланы были нынѣшнюю зимою» ¹⁾, то подъ именемъ «знатныхъ» онъ не разумѣлъ однихъ вельможъ, а употреблять этотъ терминъ (случайно поавніиися подъ руку) для обозначенія будущаго сословія. Итакъ первая общая обязанность всѣхъ знатныхъ, отличающая ихъ отъ незнатныхъ служилыхъ же, есть обязанность поступать въ «морскую гвардію» (такъ называлась тогда морская академія). Разсѣянная хрaмпна въ первый разъ собрана была въ залахъ академіи.

Но такъ какъ не всѣ тѣ, которыхъ Петръ трактовалъ знатыми, могли вмѣщаться въ этихъ залахъ, то была другая гвардія, которая также была школою. Мысль о томъ, что дворянство организуется сначала, какъ гвардія и что служба въ гвардіи была для него профессиональною школою, — мысль эта несомнѣнно утверждается самимъ законодательствомъ: «хотя и вѣчподостойныя памяти дядя нашъ (говоритъ Анна Пвановна въ манифестѣ объ учрежденіи кадетскаго корпуса 1731 г.), государь Петръ В. неусынными своими трудами въ такое уже совершенное состояніе привелъ, что оружіе россійское дѣйствія свои всему свѣту храбростью и искусствомъ показало, а для произвожденія (т. е. для приобрѣтенія военнаго образованія) опредѣлено было указомъ Его Величества (мы не имѣемъ теперь этого указа) *все младое шляхетство въ гвардію сначала писать и тѣмъ путемъ яко школою далѣе дослуживатъся*» ²⁾... Такое отношеніе организаціи дворянскаго сословія къ высшей военной профессіи продолжалось до тѣхъ поръ пока не являлся сухопутный кадетскій корпусъ (эта петпнная академія сухопутной гвардіи); эта же система всплыла наружу опять, когда узаконеніями Анны Леопольдовны была ослаблена обязанность дворянъ представлять своихъ дѣтей въ дворянскія школы: по указу 1741 г. марта 2, «дворянскихъ дѣтей, которые уже въ урочные годы возраста своего пришли, надлежало въ военную службу по прежнимъ примѣрамъ *опредѣ-*

¹⁾ П. С. З. № 2968 (дек. 20).

²⁾ П. С. З. № 5811 (іюля 29).

лѣтъ въ полки лейбъ-гвардіи.» Этимъ, по словамъ Елизаветы Петровны, учинено недорослямъ послабленіе, и они бѣгутъ наукъ, «надлежащмъ юности мѣтамъ» ¹⁾. «При гвардейскихъ полкахъ учреждены были также школы, въ которыхъ обучались малолѣтки, записанные въ полки» ²⁾ Мы видѣли уже что первоначальное распредѣленіе дворянъ по арпометическимъ школамъ вскорѣ было отмѣнено не по желанію дворянства, а по особымъ соображеніямъ законодательной власти ³⁾. Дѣти лицъ, состоявшихъ въ высшей государственной службѣ, должны были готовиться къ высшей же государственной службѣ. Уже были приведены факты, свидѣтельствующіе о томъ, что имъ не позволялось избирать другой школы, ведущей къ другой профессіи, что они подлежали за то каторжной работѣ.

Впослѣдствіи, когда профессиональное образованіе стало различаться отъ элементарнаго и приготовительнаго, правительство позволяло пріобрѣтать эти послѣднія гдѣ и какъ угодно; но тѣмъ строже требовало, чтобы всѣ дѣти происходящіе изъ шляхетства пріобрѣли спеціальныя знанія, требующія ихъ будущимъ родомъ службы. Такъ какъ выборъ профессіи былъ строго воспрещенъ ⁴⁾, то поступленіе во всякія другія школы, соединенное съ выборомъ профессіи, кромѣ назначенныхъ для служилыхъ людей, строго преслѣдовалось. Частныя узаконенія, регулировавшія эту сословную образованность будутъ указаны ниже въ отдѣлѣ объ обязательности образованія. Теперь остановимся на второмъ изъ двухъ началъ, въ которыхъ выражается сословность профессіи.

Развитіе начала, что только дворянскіе дѣти могутъ по лучать образованіе, ведущее къ занятію высшихъ мѣстъ по службѣ военной и гражданской, совершается нагляднымъ образомъ на глазахъ исторіи. При первоначальномъ основаніи

¹⁾ П. С. З. № 8683 (11 дек. 1742 г.)

²⁾ Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство въ Россіи», стр. 171.

³⁾ См. выше инструкцію учителю Павлову.

⁴⁾ Въ 1736 г. былъ данъ слѣд. указъ сената о незаписѣ впредь въ купечество недорослей изъ дворянъ: «недоросля Домажирова для опредѣленія въ с.-петербургскій гарнизонъ отослать при указѣ въ воен. коллегію; а къмъ онъ въ купечество опредѣленъ, за то на оныхъ бурмистрахъ и секретарѣ взять штрафа 100 рублей». «П. С. З. № 6945 (мая 3).

навигацкой школы (Сухаревой Башни), въ нее велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьяческихъ и подъяческихъ, взъ домовъ боярскихъ, и другихъ чиновъ ¹⁾. Это было въ то время (1701—1715 г.), когда ни составъ новыхъ сословій, ни отношеніе къ нимъ профессиональнаго образованія, еще не были рѣшенными фактами, когда еще въ эту школу велѣно было набирать «добровольно хотящихъ» и только «иныхъ паче и со принужденіемъ». Но вскорѣ при морской школѣ установилось раздѣленіе учениковъ на двѣ школы; дѣти лицъ высшихъ служилыхъ классовъ («разночинцевъ») получали при школѣ образованіе только элементарное въ высшихъ классахъ т. е. въ школахъ русской и цыфирной; научась здѣсь читать, писать и арифметикѣ, «этими они оканчивали свое ученіе и назначались въ писаря къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейство въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и. т. п. Дѣти дворянскіе «шляхетскіе» изъ русской и цыфирной школъ поступали въ высшіе классы для дальнѣйшаго обученія» ²⁾. Уже тогда, при смотрахъ дѣтей знатныхъ, Петръ такъ распредѣлялъ недорослей: дѣтей самыхъ богатыхъ лицъ отправлять для ученія за границу; другихъ дворянскихъ дѣтей моложе 20 л. назначать въ навигацкую школу, остальныхъ во фронтъ въ гвардейскіе полки солдатами.

Съ 1715 г., т. е. въ эпоху уже отмѣченную нами какъ время разграниченія всѣхъ сословій, законы о допущеніи къ спеціальному гвардейскому образованію приняли болѣе твердый тонъ: въ морскія академіи и московскую и петербургскую велѣно принимать только дворянскихъ дѣтей, и притомъ достаточныхъ дворянъ, «хотя бы они не имѣли ни какихъ приуготовительныхъ знаній» ³⁾. Здѣсь для этихъ послѣднихъ устроены были элементарныя школы цыфирныя и русскія. Только крайняя необходимость, т. е. слишкомъ большая масса не знающихъ грамоты заставляла Матвѣева отослать нѣкоторое количество ихъ въ ближнюю цыфирную новгородскую школу. Мы знаемъ уже, что одновременно съ преобразова-

¹⁾ Веселого: «Очеркъ ист. морск. кадет. корп.», стр. 8.

²⁾ *ibid.*, стр. 12.

³⁾ *ibid.* стр. 36.

ніемъ морской академіи, когда она окончательно дѣлается дворянскою, именно въ 1716 г. явилось то узаконеніе о цифирныхъ школахъ, по которому дворянскихъ дѣтей запрещено было опредѣлять въ цифирныя школы.

Что морская академія въ то время могла помѣстить у себя дѣтей почти всѣхъ лицъ болѣе высшихъ классовъ, то это, какъ ни кажется страннымъ, однако утверждено свидѣтельствомъ очевидца-современника. Весбергъ пишетъ: «во всемъ пространномъ російскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не представляла въ академію сына или ближняго родственника». Такъ какъ границы высшего сословія еще не были точно опредѣлены и терминъ «дворянство» не вполне усвоенъ законодательствомъ, то законъ и теперь замѣняетъ прежній терминъ «знатныхъ» людей терминомъ «царедворцевъ» (которымъ обозначаются вовсе не придворные). Говоря о томъ, кто долженъ содержать морскую академію, правительство въ 1719 г. положило собирать деньги съ «царедворцевъ». Этотъ терминъ далеко не совпадаетъ съ усвоеннымъ впоследствии терминомъ дворянство; въ дворянство вошли весьма многіе незнатные люди; для нихъ лицъ болѣе бѣдныхъ преимущественно назначалась московская морская школа.—Окончательно дворянскій характеръ морской академіи опредѣлился при преобразованіи ея въ морской кадетскій шляхетный корпусъ въ 1752 г., когда москов. Сухарева Башня была уничтожена, при чемъ изъ учениковъ ея переведены въ петербургскій корпусъ только дворянскіе дѣти; дѣти разночинцевъ опредѣлены въ мастерскія школы при адмиралтействахъ ¹⁾.

Для другихъ высшихъ спеціальныхъ вѣтвей военной службы: инженерной и артиллерійской необходимо требовалось спеціальное образованіе. Но такъ какъ одинъ изъ этихъ родовъ службы (инженерный) вовсе не имѣлъ представителя въ допетровскихъ классахъ общества, а другой (артиллерійскій) въ старыя времена довольствовался практическимъ изученіемъ дѣла пушкарями, то открывается интересный процессъ сообщенія этимъ профессіямъ сословнаго характера. Относительно инженернаго искусства довольно нетрудно было

---

¹⁾ Веселаго: «Оч. ист. морск. кад. корп.» стр. 115.

рѣшить вопросъ, кто долженъ изучать его. Въ первомъ указѣ объ учрежденіи инженерной школы въ москвѣ 1712 г. ¹⁾ положено было содержать въ ней двѣ трети дворянскихъ дѣтей. Такъ опредѣлился сначала ея преимущественно дворянскій характеръ; но уже въ слѣд. году, въ виду крайней трудности набрать положенное по штату число учениковъ, сенатскимъ указомъ велѣно было набрать недостающихъ 77 чел. изъ всякихъ чиновъ людей, при чемъ изъ «царедворцевъ» дѣтей велѣно брать такихъ, за отцами которыхъ числилось до 50, но не выше, дворовъ (болѣе богатые предназначались для морской службы) ²⁾. Однако мало по малу эта новая профессія сдѣлалась исключительно дворянскою; въ инженерную школу, особенно петербургскую (открытую въ 1719 г.), поступали преимущественно дѣти знатнѣйшихъ фамилій. Но законодательство продолжало разсматривать инженерную профессію ниже морской и стремилось приурочить ее къ особому низшему классу дворянства. 1734 года велѣно было набрать для нея учениковъ изъ «небогатаго шляхетства».

Совсѣмъ не такъ просто можно было порѣшить съ артиллерійскою профессіею. Подъ именемъ пушкарей разумѣлся въ древней Руси одинъ изъ классовъ низшихъ служилыхъ людей. Нужно было опредѣлить, въ какомъ отношеніи будетъ стоять эта профессія къ сословнымъ раздѣленіямъ новой Россіи. При основаніи артиллерійской школы въ 1712 г. Петръ велѣлъ сенату (указамъ 6 и 9 марта) отдать въ артиллерійскую науку 20 молодыхъ дворянъ. Но такъ какъ это число очевидно не могло быть полнымъ комплектомъ учениковъ школы, то нужно думать, что число дворянскихъ дѣтей здѣсь составляло меньшинство. И дѣйствительно уже въ концѣ царствованія Петра «въ артиллерійскую школу принимались, кромѣ дворянъ, сыновья артиллерійскихъ служителей и арсенальныхъ мастеровыхъ, подъ названіемъ «пушкарскихъ дѣтей». Они жили постоянно въ школѣ и, по выпускѣ изъ оной, назначались въ мастеровые, или въ полковые писаря, но на

---

¹⁾ П. С. З. № 2467 (января 16).

²⁾ П. С. З. № 2739 (ноября 19).

службу въ артиллерію ни въ какомъ случаѣ не выпускались» ¹⁾. Последнее замѣчаніе показываетъ, что дворянскіе и пушкарскіе дѣти соединялись, но не смѣшивались въ одной школѣ, что какъ образованіе ихъ, такъ и будущая профессія были различны. Дворянскій характеръ скоро и очевидно началъ преобладать и здѣсь. Даниловъ въ своихъ запискахъ ²⁾ говоритъ, что въ московской артиллерійской школѣ въ его бытность въ ней (т. е. въ 1736 г.) было записано дворянъ до 700 челов. Судя по этому выраженію можно бы, подумать, что кромѣ дворянъ туда никто и не принимался; однако такой выводъ еще преждевременно: тотъ же Даниловъ ³⁾ о петербургской артиллерійской школѣ свидѣтельствуетъ, что въ чертежномъ отдѣленіи ея въ трехъ классахъ было положено по 10 чел. дворянъ въ каждомъ; «да въ той же школѣ было на казенномъ содержаніи изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, 60 человекъ». Чертежное отдѣленіе было именно дворянское: въ него «опредѣляли преимущественно дѣтей дворянъ и офицеровъ» ⁴⁾. Пушкарскіе дѣти составляли собственно «арифметическую и другихъ наукъ школу», т. е. такое же элементарное училище, какъ и нисніе классы морской академіи, и инженерной школы. Въ 1745 г. велѣно было произвести разборъ сверхштатныхъ учениковъ артиллерійской московской школы; при этомъ въ школѣ велѣно оставить способныхъ къ наукѣ изъ шляхетства и артиллерійскихъ служителей, а дѣтей разночинцевъ и солдатскихъ отослать въ гарнизонную школу, «потому что, прибавляетъ сенатъ, въ артиллерійскую школу кромѣ дворянъ никого и опредѣлять не слѣдовало» ⁵⁾. Так. обр. кромѣ дворянъ въ артиллерійскую школу допускались только пушкарскіе дѣти, получившіе эту профессію по наслѣдству.

Въ 1758 (при назначеніи въ директоры обѣихъ школъ и инженерной и артиллерійской гр. П. И. Шувалова и преобразованіи ихъ) обѣ школы обратились въ исключительно

---

¹⁾ Н. Мельницкій: «Сборн. свѣд. о военно—учебн. заведеніяхъ въ Россіи,» т. I, ч. I, стр. 2 и слѣд.

²⁾ стр. 52.

³⁾ стр. 57.

⁴⁾ Н. Мельницкій: «Сборн. свѣд.» т. 1, стр. 17.

⁵⁾ С. М. Соловьевъ: Ист. Р. ХХП, 334.

дворянскія: штатъ для соединенной школы назначенъ былъ въ 150 человекъ, «всеѣ пзѣ дворянъ» ¹⁾.

Исчисленныя высшія профессіи военной службы не могли поглотить всей массы высшихъ классовъ; болѣе значительная масса поступала прямо въ военную службу—въ гвардію; это и было для нея рыцарскою практическою школою. Учрежденныя при гвардіи школы не считались еще существеннымъ условіемъ для усвоенія этой профессіи. Такъ продолжалось до 1731 г., т. е. до учрежденія *Рыцарской Академіи* (подъ этимъ названіемъ первоначально открыты были классы теоретическихъ наукъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса). Само собой разумѣется, что въ это заведеніе, возникшее уже въ ту эпоху, когда границы шляхетскаго сословія были достаточно опредѣлены, и для такой профессіи, которая несомнѣнно принадлежала высшему сословію, въ это заведеніе, говоримъ, съ самого основанія его никто не могъ поступать, кромѣ шляхетства. Побужденіемъ къ учрежденію рыцарской академіи было слѣд.: «весьма нужно, дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ въ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практикѣ годны были» ²⁾. Даже допущеніе лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства въ корпусъ требовало особаго упоминанія въ актѣ учрежденія его.

Императоръ Петръ III., воздвигнѣи куполь надъ собранною храмною дворянства, хотѣлъ весьма послѣдовательно завершить это зданіе соединеніемъ всеѣхъ трехъ дворянскихъ корпусовъ: морскаго, сухопутнаго и инженерно-артиллерійскаго ³⁾. Въ этомъ распоряженіи не было никакой практической надобности для успѣховъ образованія; въ немъ проявилось только стремленіе придать послѣднія виѣшнія формы единства уже образовавшемуся дворянскому сословію. Предположеніе императора не было выполнено за его смертію: корпусы остались, по прежнему, отдѣльными корпусами. Но для успѣховъ сознанія о единствѣ дворянскаго сословія не было и существенной нужды въ исполненіи этого проэкта.

¹⁾ Н. Мельницкій: «Сборн. свѣд.» т. 1, 36.

²⁾ П. С. З. № 5915 (іюля 29).

³⁾ П. С. З. № 11515.

Въ указѣ о соединеніи корпусовъ отдѣльно трактуется о такихъ школахъ при нихъ, которыя назначены были для не дворянскихъ дѣтей: правительство сочло нужнымъ объяснить эту аномалію и объяснить ее слѣд. образомъ: сказавъ о необходимости штурманской школы при морской академіи, Петръ продолжаетъ: «въ сію школу дворяне опредѣляемы быть не могутъ, но прочимъ разночинцамъ позволяетя». При артиллерійскомъ корпусѣ «заведена также недавно школа для солдатскихъ и другихъ не дворянскихъ дѣтей въ томъ намѣреніи, чтобъ получать изъ ней способныхъ къ разнымъ до артиллеріи принадлежащимъ мастерствамъ людей». И эта школа оставляется въ штатѣ изъ 150 чел. «не дворянъ (повторяетъ законъ), но солдатскихъ дѣтей и всякихъ разночинцевъ». Наконецъ «при сухопутномъ кадет. корпусѣ также учреждена стараніемъ нашимъ школа изъ солдатскихъ дѣтей и тому подобныхъ», — тоже для обученія разнымъ мастерствамъ нужнымъ въ войскѣ

Если для высшихъ родовъ военной службы было довольно легко собрать дѣтей лицъ, уже исполнявшихъ эти профессіи, то не столь удобно было присоединить къ этой же профессіи высшую гражданскую службу. Это было осложненіемъ профессіи, съ которымъ не легко могли справиться понятія того общества, привыкшаго къ болѣе простымъ формамъ. Здѣсь правительство шло въ явный разрѣзъ съ своимъ собственнымъ началомъ: узаконять посредствомъ школы наследственную передачу профессій. Когда Петръ I, въ генеральномъ регламентѣ и въ инструкціи герольдмейстеру, приказалъ раздробить каждую фамилію «знатныхъ и среднихъ дворянъ» на двѣ части, изъ которыхъ одна большая ($\frac{2}{3}$) должна готовиться къ «службѣ на землѣ и морѣ», а другая къ «экономіи и гражданству» ¹⁾ то естественно всѣмъ знатымъ и среднимъ эта вивсекція должна была показаться противосестественною. Имъ казалось, что эта несчастная треть фамиліи должна оставить въ наследство своимъ потомкамъ подьяческую дѣятельность. Фамиліи имѣли полное основаніе бояться этого, зная уже, что школа непременно ведетъ къ потомственному закрѣпленію въ извѣстной профессіи. На-

---

¹⁾ П. С. З. № 3896. (февр. 5).

прасно Петръ по табели о рангахъ старательно приравнивалъ дворянское обученіе въ коллегіяхъ къ годамъ службы въ высшихъ чинахъ гвардіи ¹⁾). Напрасно онъ еще въ генеральномъ регламентѣ писалъ: «сего фампліямъ знатымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить, ибо кромѣ сего пути никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведеиъ быти не можетъ.»

Отвращеніе отъ подобнаго оборота дѣлъ не ослабѣвало, а возрастало съ теченіемъ времени, т. е. съ усиѣхами дворянскихъ понятій въ обществѣ. Когда въ шляхетномъ корпусѣ дворянское образованіе совмѣстило въ себѣ между прочимъ и юриспруденцію, то казалось бы это могло примирить рѣзкое понятіе о сословномъ характерѣ дворянской военной профессіи съ такою подмѣсю къ ней; но на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ не то. По рапорту Мниха о кадетск. корпусѣ 7 янв. 1733 г., въ немъ изъ 245 російскихъ дворянъ юриспруденціи учился только 11 чел., а изъ 324 всего числа учениковъ, юристовъ оказалось 28 ²⁾); еще въ 1740 г. сенатъ принужденъ былъ назначить обязательное число кадетовъ 24 чел. для изученія юриспруденціи, что еще разъ было повторено въ 1748 г. ³⁾). Сенатъ въ 1737 г. принужденъ былъ войти съ особымъ докладомъ въ кабинетъ о мѣрахъ привлеченія къ штатской службѣ дворянскихъ недорослей. Для этого, по его мнѣнію, особенно необходимо, чтобы дворяне, состоя юнкерами въ коллегіяхъ и въ сенатѣ, назывались «дворянами», въ сенатѣ-сенатскими, а въ коллегіяхъ-коллежскими, «чѣмъ наиболѣ могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе приказныхъ людей отъ себя отвести ⁴⁾ (т. е. ихъ перестанутъ другіе позорить именемъ приказныхъ людей). Но приказный-все приказный; трудно было отграничить дворянскій составъ канцеляріи (который учась служилъ) отъ прочихъ служащихъ приказныхъ. Прав. сенатъ принужденъ былъ распорядиться: «приказнымъ служителямъ въ сенатѣ, въ коллегіяхъ

¹⁾ П. С. З. № 3890 (янв. 24).

²⁾ Чт. въ Общ. П. и Др. Росс. 1862, в. 1, стр. 172.

³⁾ П. С. З. № 9532 (сент. 12).

⁴⁾ П. С. З. № 7201 (марта 6).

и канцеляріяхъ запретить, чтобъ никакимъ невѣжествомъ и ругательнымъ словамъ вышеписанныхъ дворянъ отнюдь не озлобляли, а которые явятся сему противны, такіе нещадно назаны быть имѣютъ». И наоборотъ сенатъ долженъ былъ объявить «новоучрежденнымъ сенатской канцеляріи, коллегій и канцеляріи дворянамъ, чтобъ они природу свою оказывали чрезъ добрыя поступки и честное обхожденіе и учтивость ко всѣмъ канцелярскимъ служителямъ имѣли, что имъ не мало споспѣшествовать будетъ для ихъ опредѣленнаго обученія; а которые злословятъ дерзнуть тѣ штрафованы будутъ равномерно, какъ и прочіе за ихъ преступленіе» ¹⁾. Въ 1740 г. сенатъ, разсматривая докладъ о юнкерахъ сенатскихъ, синодскихъ, коллежскихъ и канцелярскихъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ за неспособность и лѣность опредѣлилъ въ полевые полки въ солдаты; а о другихъ говоритъ самъ, что они къ наукамъ прилежность имѣютъ, но «къ приказнымъ дѣламъ прилежности не имѣютъ и не хотятъ (быть въ приказныхъ), а желаютъ всѣ въ военную службу, о чемъ и правит. сенатъ сами просилъ». Сенатъ рѣшился подать сообщеніе въ кабинетъ, не повелѣноль будетъ отдать ихъ для окончанія наукъ въ кадет. корпусъ и морскую академію, потому что, продолжаетъ сенатъ, «къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучить ихъ никакъ невозможно, а только оныя время свое продолжаютъ, а нѣкоторые уже изъ нихъ за 20 л. возраста своего пришли и поженлись». Переходя все къ большому обобщенію этой мысли сенатъ находитъ, что «нынѣ дѣйствительно усмотрѣно, что не только изъ великопомѣстныхъ и знатныхъ, и изъ посредственныхъ и подлыхъ (дворянъ) къ приказному обученію охоты не имѣютъ». Эти посредственные и подлые дворяне болѣе прилежатъ и тѣются къ военной службѣ, смотря на то, какъ «происходятъ» эту службу ихъ братья другіе дворяне». Въ силу всего это сенатъ рѣшился впредь опредѣлять къ приказнымъ дѣламъ только такихъ, которые сами охотно пожелаютъ къ приказнымъ дѣламъ, а не неволею, и притомъ имѣть ихъ половину или $\frac{1}{2}$ того числа, какое было предъ тѣмъ ²⁾. Подобное же распоряженіе повторено было

¹⁾ П. С. З. № 7248 (мая 11 1737 г.).

²⁾ ib. № 8043 (марта 14).

сенатомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; тогда сенатъ приказалъ вообще не держать при коллегіяхъ никого, кто обнаруживаетъ принадлежаніе къ наукамъ, только «не къ приказнымъ» и отсылать такихъ для окончанія образованія въ кад. корпусъ и въ морскую академію ¹⁾).

Такъ правительство постепенно отступало назадъ предъ трудностью вынормировать такую мѣру, которая противорѣчила основнымъ началамъ законодательства XVIII в.

Въ русской литературѣ у однихъ и тѣхъ же писателей, утверждающихъ, что Петръ вызвалъ къ государственной дѣятельности новыхъ людей, сломивъ древнюю породу, какъ главное условіе доступа къ отравленію государственныхъ должностей, нерѣдко встрѣчается рядомъ съ этимъ положеніемъ другое, а именно, что Петръ и его преемники организовали сословія. Между этими двумя положеніями есть радикальное противорѣчіе. Существенный признакъ сословія заключается именно въ томъ, что право на общественную дѣятельность пріобрѣтается наследственно (по рожденію). Нѣкоторымъ оправданіемъ для этого противорѣчія служитъ то, что Петръ въ своей административной практикѣ часто обращался за содѣйствіемъ къ лицамъ самымъ пещороднымъ; но законодательная дѣятельность его самага и его преемниковъ стремилась неуклонно и привела (своими мѣрами по профессиональному образованію) къ тому, что фактическіе зародыши сословія превратились въ юридическую организацію ихъ.

Важнымъ возраженіемъ противъ нашей мысли можетъ служить организація городского сословія, которое несомнѣнно представляетъ полный образецъ строгаго сословнаго учрежденія, а между тѣмъ нимало не подвергалось вліянію законовъ о народномъ образованіи. Единственная попытка за все это время устроить специальное образованіе для городскихъ классовъ принадлежитъ Петру В. въ регламентѣ главнаго магистрата: «позже академіи и школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по е. ц. в. высокому соизволенію и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по своей возможности въ дѣйствованіе пронзвестъ; того ради надлежитъ магистрату учреж-

¹⁾ П. С. З. № 8149 (іюня 25).

денія того не пренебрегать, но по должности всякое къ тому вспоможеніе чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и арифметики обучатся будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе». ¹⁾ Въ вѣдомостяхъ, которыя магистратъ долженъ былъ представить о состояніи городовъ и числѣ жителей, велѣно было особо показывать «ученыхъ и другихъ людей». Но дальше этихъ годовъ опредѣленій законодательство не пошло и мы увидимъ ниже почему. Такимъ образомъ это сословіе организуется совершенно независимо отъ законовъ о народномъ образованіи.—Но слѣдуетъ помнить, что только т. н. *духовныя* (geistliche по немецкой терминологіи) профессіи удобно переходятъ въ сословія подъ вліяніемъ законовъ объ изученіи и приобрѣтеніи профессіи. Экономическія же профессіи могутъ перейти въ сословія совершенно независимо отъ законовъ объ обученіи, въ силу стремленія къ корпоративности, присущаго самому духу всякой экономической дѣятельности. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что посадскіе люди и въ XVII в. представляли уже налицо многія черты сословной организаціи.

Изъ предыдущаго надѣмся видѣть, что правительство, заботясь о наилучшемъ выполненіи профессіи, наилучшимъ способомъ къ тому признало допускать людей къ изученію и приобрѣтенію профессіи по наслѣдству и слѣд. русскія сословія организуется главнымъ образомъ чрезъ узаконенія о профессиональномъ образованіи. Мы говоримъ: *главнымъ образомъ*, потому что въ понятіи—сословіе находятся и другіе признаки кромѣ профессіи; однако въ профессіи заключается центръ тяжести этого понятія.

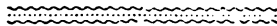

Профессіи, всегда склонныя къ наслѣдственности, могутъ не переходить въ сословія только при томъ единственномъ условіи, если выборъ ихъ совершается въ дѣлахъ, сравнительно зрѣлыхъ, послѣ предварительнаго общаго образованія. Только общее образованіе можетъ уяснить для

---

¹⁾ Регл. Гл. Магистр. изд. 1743, стр. 14—15 (гл. XXI).

человѣка его спеціальныя способности и опредѣлять его свободную волю въ ту или другую сторону практической дѣятельности. Въ немъ та сила, которая освобождаетъ человѣка отъ условій, данныхъ ему пзвнѣ его происхожденіемъ и положеніемъ. Поэтому всякому можетъ показаться весьма страшнымъ, что тотъ самый XVIII-й вѣкъ, который принесъ намъ образованіе, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою развитія сословія. Секретъ разрѣшается тѣмъ, что правительство начала XVIII вѣка не смѣетъ вовсе въ виду общаго (человѣческаго, гуманнаго) образованія. Цѣлью его мѣръ по народному образованію было не образованіе, а государственная служба. Къ этой мысли, самой существенной для предмета нашего изслѣдованія, мы переходимъ теперь.

Глава IV. Сущность и формы профессиональнаго образованія. Различіе задачъ государственной дѣятельности по народному образованію въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Прозвѣты о распространѣніи народнаго образованія, поданные русскому правительству. Образованіе не составляетъ цѣли дѣятельности государства въ первой пол. XVIII в.; утилитаризмъ государственный и частный. Происхожденіе системы исключительно-профессиональнаго образованія; необходимыя уступки ея общему элементарному; образованіе приготовительное. Формы профессиональнаго образованія: образованіе духовное въ двоякомъ объемѣ его; образованіе юридическое въ нисшей и высшей его формѣ: вторженіе юриспруденціи въ подъяческую науку; образованіе военное въ нисшей и высшей формѣ. Начало различія между профессиональнымъ и сословнымъ образованіемъ. Отношеніе профессиональной системы образованія къ воспитанію: замѣна воспитанія дисциплиною и школьныхъ наказаній уголовными. Воспитальные институты Теофана Прокоповича.

«Въ концѣ XVII в. наука (образованіе) была призвана какъ мудрость царскихъ должностей родительница, всякихъ благъ изобрѣтательница и совершительница, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются: и благо намъ, что предъки наши увѣровали въ такое обширное, великое значеніе науки! Наука призывалась не только какъ изобрѣтательница

ви́шнихъ благъ, подательница средствъ для достиженія ви́шнихъ цѣлей, ви́шнихъ выгодъ и удобствъ; она прпзы- валась прежде всего какъ мудрость.... Приобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній пзвѣстнымъ разрядомъ гражданъ... необходимо для государства; но такое приобрѣтеніе свѣдѣній далеко не псчр- пываетъ всей пользы отъ науки происходящей, еще не есть приобрѣтеніе мудрости гражданской (?) необходимой для прав- ственнаго преуспѣянія общества... Наша обязанность не отчая- ваться въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія, а быть достойными своихъ предковъ, которые, увѣровавши разъ въ пользу, необ- ходимость науки, не теряли этой вѣры.... Они не теряли ее въ первой половинѣ XVIII в., когда наука прищмалась ме- дленно, когда, въ слѣдствіе необходимаго (?) закона, сначала старались пзвлечь пзъ науки только одну ви́шнюю матерьяль- ную пользу» ¹⁾).

Этими словами нашего знаменитаго историка, сказанпы- ми уже около 20 л. назадъ, мы желаемъ опредѣлить отча- сти то противоположеніе, въ которое наша литература ставитъ обыкновенно понятіе объ образованіи, овладѣвшее обще- ствомъ въ нач. XVIII в. и то понятіе о немъ, которое сло- жилось въ концѣ XVII в. Лучшіе представители литературы всѣхъ отѣиковъ ощущаютъ видимо большую неловкость, опредѣляя цѣль образованія, постановленную обществомъ и законодательствомъ въ нач. XVIII в. Признавая эту цѣль не достойною образованія, часто хотятъ выгородить изъ отвѣт- ственности за постановку ея законодательство (особенно же законодательство Петра) и взвалить ее безраздѣльно на вы- носливныя плечи полудикаго полуверсальскаго общества рус- скихъ высшихъ классовъ въ XVIII в. Подобнаго рода такти- ка началась уже въ то время, которое и составляетъ пред- метъ несогласій. Уже тогда Кантемиръ въ одномъ изъ обличеній современнаго ему общества, сказавъ, что воспитаніе имѣетъ болѣе творческой силы, чѣмъ сама природа, про- должаетъ:

И зналъ то мудрымъ умомъ монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,

---

¹⁾ С. М. Соловьевъ: «Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ». Ж. М. Н. Пр. 1855, февраль.

Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить младенцевъ...
Но скоро полезныя презрѣнны бывають
Дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкають.
Главнѣе воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнать, младенско зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезень
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезень
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.

Однако люди болѣе внимательные къ исторической истинѣ, хотя и жаркіе поклонники Петра, избѣгаютъ этой дѣтской тактики. С. М. Соловьевъ не объявилъ себя солидарнымъ съ мнѣніями Кантемира.

Человѣкъ, отдавшій всю жизнь изученію исторіи русскаго образованія въ XVIII в., Пикарскій¹⁾, въ заключеніе обзора прозектовъ о мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, говоритъ: «при разсмотрѣніи этихъ предположеній нетрудно замѣтить, что въ нихъ прежде всего высказывалась потребность въ образованныхъ людяхъ для замѣщенія различныхъ должностей въ государствѣ, и что въ этихъ людяхъ чувствовался тогда великій недостатокъ. Так. обр. просвѣщенію придавалось значеніе лишь потому, что съ помощію его надѣялись достать болѣе знающихъ людей, чѣмъ тѣ, которые тогда имѣлись подъ руками. Цельзя не сознаться, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, несомнѣнно заключало въ себѣ что-то случайное и непрочное, и это необходимо должно было неблагоприятно вліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи, такъ какъ при такомъ направленіи *капризный произволъ*, а также *поверхностность*, отсюда *легкомысленное и неуважительное отношеніе къ наукамъ*, наконецъ *распущеніе къ ея употребленію*, если только не имѣла она тотчасъ же понятнаго для многихъ примѣненія на дѣлѣ,—все это могло быть являющимся, прямо вытекающимъ изъ такого взгляда на просвѣщеніе»²⁾.

¹⁾ Исторія имп. академіи наукъ. Т. 1 стр. XXVІІ.

²⁾ Впрочемъ ниже мы укажемъ другое мнѣніе Пикарскаго, въ которомъ

Слова, знаменательныя въ устахъ писателей, иногда ведущихъ свѣтъ русскаго просвѣщенія отъ творческой десницы Петра, создавашаго его изъ ничего. Намъ вѣтъ надобности защищать Петра отъ жаркихъ поклонниковъ его. Наука не нуждается въ предупрежденіи: *sine ira et studio*, она сама уничтожаетъ *et iram et studium*. Примиреніе съ протекшими фактами жизни есть точное пониманіе ихъ. Мы знаемъ уже, что такое подразумѣвалось подъ мудростью въ концѣ XVIII в. Это есть общее образованіе среднее и высшее.

Образованіе, преслѣдуемое въ 1-й пол. XVIII в., есть образованіе профессиональное. Это послѣднее не только не составляетъ антипода образованію въ собственномъ смыслѣ, но не есть даже уклоненіе отъ здравыхъ началъ его. Оно столь же необходимо, какъ и общее, для выраженія полной идеи образованія. Антипатичныя черты, отмѣчаемыя въ системѣ образованія XVIII в., суть результаты не профессиональнаго образованія, а его отношенія къ общему (т. е. его исключительности).

Но прежде опредѣленія этого отношенія, мы должны отвѣтить на вопросы: кому принадлежитъ направленіе образованія къ профессиональной его формѣ: обществу, или законодательству (въ частности принадлежитъ ли мысль о такомъ образованіи самому Петру и одному ему) и какую именно цѣль имѣло наше законодательство въ своихъ постановленіяхъ о народномъ образованіи.

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патріархомъ Адрианомъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что «евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе божеское чловѣкамъ паче всего въ жизни сей надобно»; намъ вѣтъ надобности подозревать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патріархомъ ¹⁾; по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго класса общества было столь же

онъ совершенно сходится съ людьми 1-й пол. XXIII в. относительно значенія образованія для Россіи того времени.

¹⁾ Пекарскій: «Ист. ак. наукъ» Т. I, стр. XVII.

необходимо, какъ другія профессиональныя формы для другихъ классовъ. Это именно и выражаетъ Петръ въ слѣд. словахъ: «и изъ школы бы во всякія потребности людей, благоразумно учася, пропсходили въ церковную службу, и въ гражданскую, воспитовати, знати стросніе и докторское и врачевское искусство»¹⁾. Т. е. образование, въ глазахъ Петра явилось не въ своемъ существенномъ единствѣ, а въ частныхъ профессиональныхъ формахъ своихъ, какъ образование духовное, юридическое, военное, художественное (архитектура) и медицинское.

Эту мысль Петръ дѣлялъ со многими прогрессивными умами того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить взглядъ Петра со взглядами всѣхъ тѣхъ прожектеровъ, которые въ нач. XVIII в. подавали русскому правительству массы соображеній о развигиі образования на Руси. По самой сущности дѣла, составители прожектовъ большею частію принадлежали не къ русской народности, а къ образованнымъ людямъ или востока (Греціи и южной Руси), или запада (Германіи). Понятіе о цѣли образования у первыхъ существенно рознится отъ понятія о томъ же у вторыхъ. Первые, сохраняя болѣе живыя преданія о необходимости общаго образования, придаютъ ему однако характеръ исключительно религіозный и тѣмъ, поммо воли своей, вмѣсто общаго образования, рекомендуютъ специально-духовное. Такъ одинъ изъ нихъ, рекомендуя для школы греческій языкъ, какъ «главу прочихъ языковъ», тѣмъ обличаетъ свое греческое происхожденіе, или по крайней мѣрѣ принадлежность къ греческой церкви²⁾, по его мнѣнію цѣль образования есть «прославленіе Св. Троицы». Распределеніе классовъ и составъ наукъ, рекомендуемые имъ, тѣ самыя которые приняты были въ южно-русскихъ среднихъ школахъ, со времени преобразования Петра Могилы и которые усвоены были въ семинаріяхъ великорусскихъ. Такимъ образомъ этотъ проектъ подъ именемъ общаго образования, опредѣляетъ одну изъ профессиональныхъ формъ его, которая и была усвоена зако-

¹⁾ Н. Устряловъ: Ист. Петра В. Ш, 511—512.

²⁾ По мнѣнію Пекарскаго это былъ грекъ (Ист. Ал. Наукъ. т. I.). Но съ такою же вѣроятностію можно предположить, что это былъ одинъ изъ южнорусскихъ ученыхъ.

водательствомъ и практикою; слѣдовательно напрасно говорятъ, что «этотъ проэктъ не имѣлъ въ петровскія времена никакого примѣненія». Ко времени образованія коллегіи начинается рядъ другихъ проэктвъ, въ которыхъ уже понятіе о единой сущности образованія совершенно теряется. Одинъ безыменный составитель проэкта опредѣляетъ цѣль образованія слѣд. обр.: «къ коллегіямъ, якоже къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ все такія достойныя персоны имѣть можетъ»... Конечно для дѣйствія государственной машины рѣшительно все равно къ какой національности принадлежатъ орудія, приводяція ее въ движеніе, но составителю проэкта казалось выгоднѣе имѣть ихъ изъ природныхъ подданныхъ, между прочимъ именно въ слѣдствіе относительной дешевизны этихъ послѣднихъ. Для такой цѣли и только для этой составитель проэкта рекомендуетъ установить академіи для шляхетной юности, академіи, «въ которыхъ юность не токмо всемъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всемъ прочимъ ученіямъ, яко фортификаціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ выучиться могутъ» ¹⁾. Такимъ образомъ если первый проэктъ указываетъ одну форму профессиональнаго образованія, именно образованіе духовное, второй указываетъ другую, именно образованіе дворянское, преимущественно военное. Впрочемъ у составителя этого послѣдняго проэкта было нѣкоторое понятіе о разчлененіи профессиональнаго образованія: «на такихъ академіяхъ говоритъ онъ, можно каждому понятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію наученъ быть можетъ, еже въ чюжихъ земляхъ большей части юности удастся. А вышеупомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учинены быть могутъ».

Другой такой же секретъ, какъ въ малое время російскихъ молодыхъ людей въ совершенство поставитъ чрезъ обученіе и воспитаніе, имѣлъ особенный успѣхъ. Совершенство о которомъ здѣсь говорится состоитъ въ томъ, чтобы царь могъ нанюхать все гражданскіе и воинскіе чины въ колле-

¹⁾ *ibid* стр. XXIII.

гяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и проч. «своими природными подданными и могъ получить собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ кунеческихъ людей, художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ». ¹⁾ Проектъ этотъ представленъ царю тѣмъ самымъ Генрихомъ Фикомъ, который впоследствии такъ жестоко заплатился за свою страсть къ проектамъ, 11 іюля 1718 г.; Петру, вѣроятно, понравилась въ немъ полнота, обнимающая собою большую часть профессій, именно государственно-служебныхъ и экономическихъ. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что этотъ третій проектъ опредѣляетъ преимущественно лишь одну третью профессію, именно профессію гражданской службы (экономическая, какъ увидимъ, въ понятіяхъ людей нач. XVIII в. тѣсно сливалась съ этою послѣднею). Именно такой смыслъ придавъ проекту самимъ Петромъ, который написалъ на немъ: «сдѣлать академію, а нынѣ прислать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія кто (вѣроятно: какія можетъ); сіе учинить сего году начало». Въ мысляхъ Петра академія прежде всего носила приказно-юридическій характеръ.

Итакъ три прожектера рекомендуютъ, подъ видомъ общаго образованія, отдѣльныя профессиональныя формы его; и впрочемъ изъ нихъ не возвысился до указанія на другую высшую цѣль образованія, на то значеніе его, которое такъ твердо выразилъ XVIII-й вѣкъ въ терминахъ: «людность» и «мудрость».

До какой степени въ глазахъ этихъ просвѣтителей Россіи человѣческое образованіе было ничтожно предъ другими задачами государства, это самымъ циническимъ образомъ высказалъ Vockerodt, составившій въ 1738 г. свой очеркъ Россіи при Петрѣ В. Сказавъ, что Петръ извлекъ свое духовенство изъ такого невѣжества, которое превосходило невѣжество свроейскаго духовенства въ самые темные вѣка папства, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ: «политично ли поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ»? И отвѣчаетъ, что неполитично: образованное духовенство противопоставило ему въ

---

¹⁾ *ibid* стр. XXIV.

его другихъ реформахъ гораздо болѣе сильную оппозицію, чѣмъ какую онъ могъ бы встрѣтить въ невѣжественномъ клирѣ ¹⁾. Иасъ, конечно, занимаетъ здѣсь не историческая неправда объ оппозиціи Петру со стороны образованнаго или духовенства, а дикая мысль о вредѣ образованія для кого бы то нибыло.

Изъ всей этой толпы изобрѣтателей секретовъ какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ, блестящее исключеніе составляетъ величайшій умъ той эпохи Лейбницъ; его понятіе объ образованіи, рекомендованное имъ Петру, столь же отличается отъ миѣній представленныхъ выше, и въ послѣдствіи усвоенныхъ у насъ, на сколько «воинскія экзерциціи» разнятся отъ изученія философіи, не смотря на то, что и Лейбницъ платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распространенному въ ту эпоху. Въ запискѣ о распространеніи наукъ въ Россіи, относящейся къ дек. 1708 г., онъ опредѣляетъ свое участіе къ распространенію просвѣщенія въ Россіи желаніемъ «содѣйствовать сколько нибудь общему благу и усовершенствованію людей, а также славы Божіей».—Въ ней цѣль образованія опредѣляется такъ: «истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т. е. состояніе постояннаго удовлетворенія, на сколько это возможно для человѣка..; средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастья, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по его образу и подобию. Юношество можно такъ вести чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; между тѣмъ взрослыхъ, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія» ²⁾.

Какія средства ведутъ къ этой цѣли? или иначе какую организацію образованію въ Россіи хотѣлъ бы придать Лейбницъ? ³⁾ Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Лейбницъ

¹⁾ Russland unter Peter dem Grossen, herausgeg v. Hermann. Leipzig. 1872; I. 17.

²⁾ См. у Герье: «Отношенія Лейбница къ Петру В.» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1870, евр., стр. 372).

³⁾ Въ отвѣту на этотъ вопросъ весьма мало можетъ служить старѣй-

въ запискѣ (которую относятъ къ 1716 г.), поданной имъ царю.

Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейбницъ даетъ характеръ общаго образованія лишь первому, приписывая второму спеціальній характеръ, а третьему считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соответствуетъ школа, второму университетъ, третьему академія наукъ.—Его школа, однако, не есть школа элементарная; не отъ азбуки переходитъ онъ къ спеціальному образованію; его школы (которыя онъ рекомендуетъ учредить при монастыряхъ) суть гимназіи. Удивительно только то, что онъ для такого широкаго образованія назначаетъ весьма короткій срокъ: дѣти, предназначенныя къ ремесламъ и торговлѣ, обучаются въ школѣ до 12 или 14 лѣтняго возраста, а готовящіяся къ высшимъ профессіямъ до 18 лѣтняго возраста. Этимъ прежде всего отличается схема Лейбница отъ усвоенной и практикованной тогда въ Россіи. Образованіе заключается: въ нравственномъ воспитаніи, изученіи языковъ и приобрѣтеніи реальныхъ знаній (Künste). Оставляя пока въ сторонѣ воспитательное значеніе школы, мы встрѣчаемся съ интереснымъ въ высшей степени распредѣленіемъ матеріала, образующаго собственно умъ: языки русской, латинскій, нѣмецкій, греческій, французскій (или итальянскій) и еврейскій распредѣляются такъ: для дѣтей, которыхъ будущая профессія есть ремесло (и, вѣроятно, земледѣльческій трудъ) образованіе должно ограничиться русскимъ языкомъ; для готовящихся къ торговой профессіи латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, для предназначенныхъ къ свѣтскимъ т. н. «ученымъ» профессіямъ—образованіе должно заканчиваться греческимъ и французскимъ языкомъ; для готовящихся къ духовной дѣятельности сверхъ всѣхъ прочихъ

ная изъ записокъ Лейбница о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, которую г. Герье относитъ къ 1697 г.; въ этомъ неоконченномъ отрывкѣ Лейбницъ говоритъ о какомъ то «ученомъ образованіи», состоящемъ изъ изученія исторіи, математики и языковъ: еврейскаго, латинскаго, греческаго и нѣмецкаго, «особенно же латинскаго».. (Ж. Н. Пр. 1870, янв. стр. 17). На этомъ отрывкѣ нельзя основать ни мнѣнія о Лейбницѣ, какъ приверженцѣ классическаго образованія, ни мнѣнія о немъ какъ защитникѣ реального образованія (такъ какъ была попытка втянуть Лейбница въ споры, нынѣ волнующіе русское общество и журналистику).

необходимъ еврейскій языкъ. Но отъ кого не скроется, что так. обр. Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессиональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія. Здѣсь именно Лейбницъ платитъ дань своему вѣку. Эта же склонность къ раннему введенію въ образованіе профессиональных началъ замѣчается и въ составѣ наукъ и искусствъ, изъ которыхъ слагается реальный элементъ образованія; эти науки и искусства слѣд.: «католицизмъ, основанія логики, музыка, арифметика, рисованіе, ручныя работы (какъ, напр. токарное искусство и рѣзба) геометрія, главныя основанія хозяйства, фехтованіе, верховая ѣзда, смотря по свойствамъ и склонностямъ каждаго». Но распредѣленіе этихъ знаній для каждаго ученика, очевидно, опредѣляется не склонностями, а будущею профессіею (не имъ избранною); такъ указанныя ремесла предназначаются для будущихъ ремесленниковъ, фехтованіе и верховая ѣзда для будущихъ офицеровъ и т. д. Общими предметами для всѣхъ вѣроятно остаются законъ божій и математика.

За то Лейбницъ въ спеціальное образованіе вводитъ элементъ общій.—Спеціальное образованіе дѣлится у него на два существенныхъ вида: одинъ для военной службы, другой для гражданской и духовной. Для готовящихся къ первой практическою школою должны служить гарнизоны и гавани; для готовящихся ко вторымъ учреждаются *Ritteracademien*¹⁾, (терминъ, которымъ Лейбницъ обнаружилъ, что онъ предназначаетъ ихъ только для высшаго сословія); здѣсь—то, предъ факультетскими занятіями, каждый долженъ «посвятить нѣкоторое время общему образованію», именно изученію математики и механики. Факультеты, проектируемые имъ суть: богословскій, юридическій и учительскій (педагогическій). Въ частности юридическій факультетъ долженъ заключать два отдѣленія: собственно юридическое (гдѣ изучается юстиція практически) и политическое, для готовящихся къ высшимъ

---

¹⁾ Въ Россіи Лейбницъ предлагалъ основать университеты между прочимъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Астраханн.

должностямъ администраціи; здѣсь изучается государственное право и всеобщая исторія ¹⁾)

Наконецъ образованіе на своей высшей ступени (въ академіяхъ) достигаетъ снова характера общности ²⁾). Это высшій идеальный образъ науки, изъ котораго для школьнаго обученія берутся лишь частныя, отрывочныя средства. Однако школьное обученіе должно имѣть въ виду эту идеальную цѣль, потому что въ ней выражается то возможное совершенство человѣческаго развитія, къ которому въ концѣ концовъ должно стремиться образованіе юношества. «Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе», а потому преподается богословіе, результаты котораго проявляются въ достиженіи истинной любви къ Богу и ближнему; существа духовныя составляютъ предметъ пневматики; человѣческій разумъ (Verstand) есть предметъ логики; исправленіе наклонностей воли есть предметъ пѣнки; науки, посвященныя изученію человѣческаго тѣла суть медицина и хирургія. Познаніе о другихъ людяхъ и законахъ отношеній къ нимъ сообщается въ исторіи и правѣ естественномъ и государственномъ. Наконецъ къ общему образованію Лейбницъ присоединяетъ науки естественныя, которыя разумѣетъ подъ двумя формами географіи и астрономіи. Уже затѣмъ Лейбницъ указываетъ науки прикладныя (между которыми, къ удивленію, онъ помѣщаетъ математику, а именно геометрію и ариметику), механику, физику и химію и для отдохновенія музыку. На изученіе языковъ онъ смотритъ только, какъ на средство, пріобрѣтенія и распространенія знаній. Не смотря на видимые недостатки этой схемы наукъ самой въ себѣ и въ особенности въ приложеніи ея къ Россіи, проектъ Лейбнища безконечно выше другихъ тѣмъ, что указываетъ въ образованіи совсѣмъ другую цѣль, или пра-

¹⁾ Герье: Ж. М. Н. Пр., 1870 апр. 381—382.

²⁾ Мы рѣшаемся не согласиться съ г. Герье, въ томъ, что записка (или письмо Лейбнища къ Петру) о коллегіяхъ трактуетъ объ университетскомъ обученіи, какъ потому, что здѣсь прямо идетъ рѣчь о коллегіи народнаго просвѣщенія, которая по мысли Лейбнища было въ то же время академіею наукъ; такъ и потому, что система наукъ, излагаемая въ ней, вовсе не согласна съ факультетскимъ распредѣленіемъ ихъ, представленнымъ выше. Излагаемая здѣсь система наукъ есть высшая схема знаній, рекомендуемая

вплѣче видѣть цѣль въ самомъ образованіи, а не подчинять его другимъ цѣлямъ.

Лейбницъ представлялъ эту систему наукъ именно въ виду интересовъ Россіи; несомнѣнно, что на Россію онъ смотрѣлъ, какъ на *tabula rasa*; онъ хотѣлъ и считалъ возможнымъ испытать на ней примѣнимость высшихъ представлений о человѣческой цивилизаціи; но онъ зналъ такъ же, что для Россіи того времени, для обновленія ея въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, были крайне необходимы профессиональныя знанія. Однако именно для Россіи того времени насущною потребностью онъ считалъ «улучшеніе нравовъ и большую кротость» народа и средствомъ для этого признавалъ воспитаніе и обученіе. Пекарскій старается доказать, что мысли Лейбница не имѣли почти никакого практическаго значенія для Россіи въ эпоху реформы ея; кажется, что это совершенно излишне, потому что взглядъ нашего законодательства того времени на сущность и цѣль образованія и взглядъ Лейбница на тотъ же предметъ находятся на двухъ противоположныхъ полюсахъ. И мудро ли, что правительство того времени въ числѣ своихъ основныхъ задачъ не считало распространенія образованія, если писатель нашего времени рѣшается сказать, что «просвѣщеніе, если говорить откровенно, было бы *излишнею тягостью* при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія въ старину»¹⁾. До такой жалкой крайности можетъ дойти никому не нужное желаніе защищать дѣятельность нашего правительства нач. XVIII; авторъ «исторіи просвѣщенія» съ умѣлъ найти такое положеніе, въ которомъ бы «просвѣщеніе было *излишнею тягостью*», и одною этою фразою доказалъ, что нашему современному образованію еще долго не приблизиться къ цѣли, указанной Лейбницемъ около 200 лѣтъ назадъ.

Въ этихъ словахъ, звучащихъ такъ странно, есть однако сторона истины, а именно: въ пол. XVIII в. народное образованіе не включено въ составъ задачъ государственнаго

не какъ средство образованія юношества, а какъ цѣль изученія со стороны высшей интеллигенціи общества, которая имѣетъ внѣшнее корпоративное учрежденіе въ академіи наукъ.

¹⁾ Слова Пекарскаго: «Наука и Литература» I, стр. 33.

управленія, какъ самостоятельная часть его. Проблескъ сознанія о томъ, что государство должно заботиться о народномъ образованіи, не зависимо отъ непосредственнаго приложенія его къ государственной службѣ, — проблескъ, отмѣченный намъ въ исторіи конца XVII в., погасъ. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становится себя источникомъ и цѣлю всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благоприятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства.

Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи; говоря точнѣе, *образованіе вовсе не ставилось цѣлю законодательной и административной дѣятельности государства*: государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботится объ обученіи, а не объ образованіи; ремеслу можно обучать, но не образовывать на немъ человѣка; образованіе умственныхъ силъ человѣка и, необходимое послѣдствіе его, образованіе воли (воспитаніе) не было въ виду у государства той эпохи. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются; вотъ почему намъ приходилось и придется говорить не разъ о такихъ мѣрахъ, которыя не имѣютъ повидимому ничего общаго съ народнымъ образованіемъ.

Правительство, выдавая въ нач. 1700 года Тессингу привилегію на торговлю въ Россіи книгами, учебнымъ пособіями и картинами, опредѣляетъ, что книги эти должны быть «математическія, архитектурныя и всякія по военной части», и что содержаніе этихъ книгъ должно служить «къ навѣвающей похвалѣ россійскому царствію межъ европейскими монархи... и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію» ¹⁾. Цѣль, къ

¹⁾ П. С. З. № 1751 (февр. 10).

которой стремилось законодательство Петра и его ближайших преемниковъ въ своемъ отношеніи къ народномъ образованію, выражается въ слѣд. началахъ: «чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, пзучились» (какъ сказано въ резолюціи на прошеніе Тобольскаго митрополита Филофея); «учить подъячихъ ихъ дѣлу» (ук. 1721 г., нояб. 10). Самое отчетливое уясненіе цѣли образованія даютъ намъ Петръ и Ософанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ; здѣсь законодатель, начиная рѣчь о пользѣ образованія, пишетъ:

«Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства російскаго, когда оно не имѣло правильного себѣ *ученія* и какъ несравненно умножилась его сила и надѣ чаяніе велика и и страшна стала, когда державный нашъ монархъ е. в. Петръ 1-й обучилъ оне изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачевствѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тожь разумѣть о управленіи церкви, когда цѣль свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію» ²⁾

Актъ учрежденія кадетскаго корпуса съ одной стороны подтверждаетъ, что такова именно была цѣль петровскихъ законовъ о народномъ образованіи, съ другой стороны свидѣтельствуетъ, что правительство и при Аннѣ продолжало руководиться тѣмъ же взглядомъ. Сказавъ, что Петръ сдѣлалъ для дворянъ гвардію школою и тѣмъ поднялъ военное образованіе и искусство, актъ продолжаетъ:

«Такожь и въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ (т. е. въ высшей и писней гражд. службѣ) не меньше старанія прилагать изволилъ посылкою для обученія въ чужіи краи и потомъ (въ) государствѣ указомъ опредѣлялъ въ всѣхъ коллегіяхъ изъ шляхетства быть коллегіи юнкерамъ, дабы изъ нихъ, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ чрезъ секретарство до высшихъ градусовъ производить могли, и напоследокъ академію наукъ учредилъ». Затѣмъ, переходя къ изложенію цѣли, для которой учреждается кад. корпусъ, законодатель такъ излагаетъ эту цѣль: «хотя воинское дѣло понынѣ еще въ настоящемъ порядкѣ содержится, однакожь, дабы такое славное и государству збѣ потребное дѣло навящше въ искусствѣ производилось,

²⁾ Дух. реглам., изд. 1721 г., ст. 41—42.

весьма нужно, дабы шляхетство *отъ младыхъ лѣтъ* къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были, того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ» и т. д.

По государство не есть такой нравственный институтъ, который можетъ разсчитывать на постоянное самоотверженіе подданныхъ; опредѣляя службу себѣ цѣлю образованія частныхъ лицъ, оно должно было вызвать къ жизни какой либо личный стимуль, указать личную пользу въ образованіи для гражданъ. Это не трудно было сдѣлать при сословномъ характерѣ образованія: если въ сословіи наследственно передаются права на общественную дѣятельность, то въ немъ государственная цѣль дѣятельности сливается съ частною. Всякій долженъ учиться для себя, чтобы не итти къ ищей профессіи, въ ищее сословіе. Эта личная цѣль постоянно и указывается законодательствомъ. Такъ ученикамъ медицины оно указываетъ «къ наукѣ такъ склоняться, дабы случай, (который) по ея. п. в—ва высочайшей милости имѣють доброму научиться, не упустили, пбо чрезъ то неточію ея п. в—ва службы впредь пмп исправлены да будутъ, но и они собственное свое благополучіе впредь получать» ¹⁾. Такъ, поощряя учиться военно-служилыхъ людей, законодатель съ укоромъ замѣчаетъ, что они не хотятъ учиться не смотря на то, «что мы по высокоматерному своему милосердію, желая имъ всякаго добра, повелѣли учредить школы» и дать жалованье пенсумнымъ, «чтобъ всѣ малолѣтніе служилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучилсь, кто къ какимъ наукамъ приклонность имѣть будетъ, дабы со временемъ не токмо государству полезны быть, но и сами себѣ чрезъ тѣ науки довольное пропитаніе не сыскать могли» ²⁾.

Не трудно понять, что эта личная цѣль есть цѣль внѣшняя, т. е. цѣль, которую ставятъ себѣ человекъ какъ членъ семьи, общества, государства, или наконецъ какъ существо матеріальное. Эта цѣль есть «пропитаніе», кусокъ хлѣба въ б. или м. обширныхъ размѣрахъ этого понятія. И она лежитъ въ самомъ существѣ профессиональнаго образованія, на-

¹⁾ П. С. З. № 6852 (дек. 24, 1735 г.).

²⁾ П. С. З. № 6949 (1736 г. мая 6).

значеннаго къ служенію ви́шнимъ интересамъ чело́вѣка и общества (духовная профессія какъ профессія, а не исповѣдничество, есть также дѣятельность ви́шняя, служебная). То, что можетъ указать чело́вѣку въ его профессіи высшую общечело́вѣческую цѣль, повести его при исполненіи профессіи далѣе «добычи», дастся не профессиональнымъ образованіемъ, а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ *все* образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ.

Итакъ въ образованіи правительство видѣтъ одинъ интересъ службы, а частныя лица одни интересы матеріальной выгоды.

Хотя наклонность къ системѣ исключительно профессиональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ 1-хъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія системы развитія его въ обществѣ, законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессиональнымъ образованіемъ; въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. стоятъ не рѣшительно одна противъ другой три формы общаго образованія; 1) форма, основанная на изученіи классическихкихъ языковъ (которая утвердилась въ московской академіи), 2) форма основанная на изученіи математики (которая усвоена исключительно Сухаревой Башнейю) и 3) форма, основанная на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (которая представляема была «разноязычными школами». Когда послѣдняя отпала, какъ не пригодная ни къ какому роду службы ¹⁾,

---

¹⁾ Петръ, упитоживъ общеобразовательную разноязычную школу въ Москвѣ, «предоставилъ родителямъ заботу сообщать своимъ дѣтямъ начальныя свѣдѣнія или посредствомъ частныхъ учителей, или въ лютеранскихъ московскихъ школахъ, или чрезъ католическихъ патеровъ. Всѣ свои заботы онъ направилъ къ тому, чтобы сдѣлать свое дворянство способнымъ къ инженерному искусству и навигаціи, и основалъ, наконецъ, въ Москвѣ и Петербургѣ различныя академіи, въ которыхъ юношество изучало эти объ науки и математику. *Посль этого его ревность къ наукамъ затихла* на долгое время и если онъ что нибудь дѣлалъ для развитія ихъ, то это касалось только физическихъ и хирургическихъ опытовъ, въ которыхъ онъ находилъ особое удовольствіе». Такъ говоритъ современникъ Петра, Vockerodt (въ «Russland unter Peter dem Grossen». herausg. v. Hermann. Leipzig 1782 г.)

то двѣ первыя: классическое и математическое образованіе соперничаютъ между собою, при чемъ всякое представленіе объ общемъ образованіи утратилось и эти двѣ господствовавшія формы его приурочены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ общества, превратились въ образованіе духовное и свѣтское и наконецъ каждое изъ нихъ разбилося на мелкія группы по профессіямъ, сословіямъ и классамъ. Такъ утвердилась эта господствующая и характерная система того времени, которую намъ пришлось уже отчасти уяснить при изложеніи новой системы элементарнаго образованія (цифирныхъ школъ); здѣсь однако мы должны отмѣтить тѣ комбинаціи, въ которыя невольно вступало профессиональное образованіе съ общимъ, уничтожить которое вполне не могла профессиональная система ради собственнаго существованія; нельзя же учиться фортификаціи, не зная грамоты. Комбинаціи эти слѣдующія. Профессиональное образованіе или совершенно исключаетъ общее, если конкуренція этого послѣдняго вредна для перваго, или допускаетъ предварительно одно элементарное образованіе (при низшихъ профессіяхъ), или наконецъ обращаетъ общее образованіе въ приготовительное къ профессиональному (при высшихъ профессіяхъ).

Первый способъ отношеній къ общему образованію представляетъ напр. узаконеніе 1735 г. о горныхъ школахъ. В. Н. Татищевъ представляетъ кабинетъ-министрамъ, между прочимъ, слѣд: «обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 л. въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать». Побужденія къ такой странной мѣрѣ, пдущей въ разрѣзъ съ общемою системою принужденія, служитъ слѣд. соображеніе: «понеже такого возраста (дѣти) многія заводскія работы перправляютъ и при добычѣ мѣдныхъ рудъ носятъ руду на пожери и въ прочихъ легкихъ работахъ и *у мастеровъ въ наукахъ* бываютъ, и послѣ отцовъ заводское дѣло на себѣ пріемлютъ; а ежели такого возраста рабочихъ людей дѣти отлучены будутъ въ школы, и отъ того впрередъ заводовъ размножатъ будетъ негѣмъ» ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь профессія легче можетъ быть изучена практикою, а всякое образованіе, даже элементарное (для котораго назначается

---

¹⁾ П. С. З. № 6840 (дек. 12).

самая ранняя молодость) вредить профессіи. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ Татищева.

Гораздо болѣе важнѣе приложеніе того же начала мы видѣли въ отношеніи къ классу городскихъ обывателей, которые, ради занятій за прилавкомъ, уволены были отъ элементарнаго образованія ¹⁾. Наконецъ еще болѣе важное и особенно пагубное примѣненіе это начало нашло въ крестьянскомъ населеніи, котораго профессія вовсе не требуетъ никакого образованія и потому «крестьянскихъ дѣтей въ школы принимать не велѣно».

Но такъ какъ лишь весьма грубыя, ремесленные профессіи могутъ обойтись безъ грамотности, то большая часть вдовъ профессиональнаго образованія допускала, а потомъ и требовала предварительнаго элементарнаго образованія. Первоначально это образованіе сообщалось въ самыхъ спеціальныхъ школахъ, при которыхъ и полагались первоначально особые нисшіе классы, обыкновенно называемыя тогда «россійскими школами». Здѣсь безъ измѣненія продолжалась старая донетровская система элементарнаго обученія: «чтеніе шло общепринятымъ освященнымъ древностію порядкомъ; оно начиналось азбукою, продолжалось часословомъ и псалтыремъ и оканчивалось гражданскою печатью» ²⁾.

Впослѣдствіи, приблизительно съ царствованія Анны, признано было удобнѣйшимъ возложить элементарное образованіе на попеченіе и обязанность семьи. Возрастъ всякаго человѣка, призваннаго къ общественной профессіи (кроме самыхъ нисшихъ профессій) и общественному образованію, распределенъ былъ на слѣд. эпохи: 1) отъ рожд. до 7 л. (младенчество), періодъ на который государство не заявляетъ никакихъ притязаній. Оно въ первый разъ свидѣтельствуется гражданъ въ 7 лѣтъ. 2) отъ 7 до 12 л. есть время назначенное для приобрѣтенія элементарнаго образованія въ семействахъ: «чтобъ они (дѣти) при томъ другомъ смотрѣ, по послѣдней мѣрѣ уже дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать обучены были» ³⁾.

¹⁾ См. выше въ отд. о цифирныхъ школахъ,

²⁾ Веселаго: «Ист. Морск. Корп.» стр. 12.

³⁾ П. С. З. № 7248 (мал 11. 1737 г.).

Въ духовномъ сословіи срокъ, съ котораго наступалъ періодъ элементарнаго образованія и которымъ оканчивался онъ, не былъ строго и повсемѣстно опредѣленъ. Уже послѣ дух. регламента, въ 1723 г., синодъ опредѣлилъ собирать въ школы всѣхъ дѣтей отъ 7 до 18 л.¹⁾); но 7 лѣтніе являлись только на смотръ и потомъ отпускались домой для обученія грамотѣ. И въ этомъ сословіи по постановленіямъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII в., ученики, представленные въ первый разъ на смотръ должны быть обучены грамотѣ. Если смотръ захватилъ ихъ безграмотными, то родителямъ и родственникамъ ихъ назначается (за подинскою) срокъ, къ которому они должны обучить дѣтей грамотѣ и вновь представить ихъ, подъ угрозою штрафа до 10 рублей, въ случаѣ неисполненія (т. е. если дѣти опять останутся безграмотными)²⁾. Несмотря на эти угрозы, элементарное домашнее обученіе шло плохо: на смотръ являлось много неграмотныхъ, или притворившихся неграмотными (по справедливой догадкѣ автора «Очерка ист. владимірской семинаріи»)³⁾. Срокъ окончанія элементарнаго образованія опредѣлялся практикою довольно однообразно; напр. во псковской епархіи «требовалось, чтобы поступившіе въ семинарію дѣти были не менѣе 12

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ, хр. въ арх. св. сип. № $\frac{640}{608}$

²⁾ Смирновъ: «Ист. троицкой лавр. семинаріи», стр. 26—28. Въ 1742 псковскій епископъ Стефанъ издалъ такое распоряженіе: 1) для обученія славянскою грамотѣ отдавать, отцамъ, родственникамъ и свойственникамъ, кромѣ дѣтей сирыхъ и самыхъ бѣдныхъ, съ тѣмъ, чтобы, по обученіи этой грамотѣ, дѣти представлены были для обученія латыни. 2) Отдавать на извѣстные сроки, смотря потому, кто что знаетъ, но ни въ какомъ случаѣ срокъ не долженъ простираться далѣе 3-хъ лѣтъ. 3) Кто таковыхъ дѣтей къ сроку не представитъ, того штрафовать. 4) Кто будетъ уволенъ въ домъ для обученія, на какой срокъ, съ какимъ обязательствомъ, о томъ немедленно рапортовать его преосвященству». (Князевъ: «Очеркъ ист. пск. семин.»).

³⁾ На смотрѣ, который произвелъ Платонъ, еп. владимірскій въ 1750 г., изъ 862 мальчиковъ «на приѣмномъ экзаменѣ многіе явились незнающими грамоты, которыхъ приказано было въ $\frac{1}{2}$ года обучить и снова представить въ семинарію. Въ Кинешемскомъ. напр. уѣздѣ изъ 50 дѣтей оказалось 26 неграмотныхъ.... Намъ кажется (продолжаетъ авторъ), что многіе отцы и матери строго наказывали своимъ дѣтямъ не отвѣчать на приѣмномъ ихъ архіерейскомъ экзаменѣ, потому что мудреное дѣло, чтобъ изъ 50 дѣтей 26 вовсе не умѣли читать». Влад. Епарх. Вѣдом. 1865 № 14.

лѣтъ¹⁾. Еще въ 1740 г., по поводу судьбы лицъ, откупившихся отъ военной службы и обязанныхъ, по указу кабинета приобрести специальное духовное образованіе для занятія должностей по церковной службѣ, кабинетъ предписывалъ синоду «имѣть довольное разсужденіе о томъ, «отъ какихъ лѣтъ такого (полнаго духовнаго) обученія взыскивать, а прочихъ отъ дальнѣйшихъ наукъ освободить надлежитъ, и положить тому указные годы, надлежащее опредѣленіе учинить»²⁾. Наконецъ регламентъ новгородской семинаріи 1740 опредѣлялъ набирать въ семинарію такихъ, «которые уже обучены читать и писать въ русскомъ языкѣ, а именно отъ 10 до 11 лѣтъ»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ тогоже регламента 12 лѣтній возрастъ признается крайнимъ предѣломъ элемент. образованія: до сего времени, говоритъ регламентъ, содержали при семинаріи такихъ учениковъ, которые читать и писать по русски не обучены; всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ, «чтобы они своихъ дѣтей до возраста ихъ въ 12 л. всему тому конечно обучили» и представили въ семинарію для обученія прочимъ наукамъ.

Хотя государство предоставило элементарное образованіе семьѣ и само непосредственно не участвовало въ заботахъ о немъ, но по временамъ сознавало необходимость регулировать домашнее элементарное обученіе. Такъ въ 1722 Θεодосіи, архіеп. новгородскій предложилъ синоду слѣд.: «въ С.-Петербургѣ люди духовнаго и мірскаго чина обучаютъ дѣтей С.-Петербургскихъ жителей словесной граматѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно граматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они учащіе всѣ ли такового находятся искусства, о томъ св. пр. синоду неизвѣстно. Чего ради надлежитъ быть имъ подъ присмотромъ и едѣніемъ учителя, обрѣтающагося при троицкомъ александро-невскомъ монастырѣ Иродіона Тихонова». Синодъ приказалъ приходскимъ священникамъ сыскать всѣхъ такихъ учителей и объявить имъ, что они должны явиться на экзаменъ къ Тихонову; явились

¹⁾ Князевъ: «Отч. истор. пск. сем.», 61.

²⁾ П. С. З. № 8199 (авг. 9).

³⁾ П. С. З. XLIV, ч. 2-я, стр. 6.

архіерейскіе пѣвчіе, дьячки, дѣти пхъ и дворовые служители. Экзаменаторъ, запретивъ преподаваніе неспособнымъ, остальнымъ далъ инструкцію, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей чтенію и письму ¹⁾).

Въ томъ же регламентѣ новгородской семинаріи предписывается учреждать элементарныя школы по уѣздамъ спеціально для дѣтей духовенства. Эта обязанность возлагается на начальство семинаріи, чтобы отцы не отговаривались, что школы нѣтъ и они учителей сыскать не могутъ; въ школахъ должна преподаваться русская грамотность; въ учителя избираются такіе священники и причетники, «которые въ правогаголаніи и провозисаніи знаютъ силу»; плата учителямъ назначается примѣнительно къ тому, что платили до сего времени ученики учителямъ, разумѣется въ приходскихъ школахъ ²⁾).

3) Возрастъ отъ 12 до 16 л. (или 15) назначается на пріобрѣтеніе *приготовительнаго* образованія. Это тотъ добавокъ къ элементарному образованію, который обязанъ былъ своимъ существованіемъ Петру и который онъ хотѣлъ сдѣлать обязательнымъ для всего населенія въ цифирныхъ школахъ. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что законодательство разсматривало эту форму образованія, какъ элементарную, хотя она заключаетъ въ себѣ существенныя признаки спеціального образованія. Теперь она сдѣлалась для большей части высшихъ профессій *приготовительною*. Неизмѣнною основою *приготовительнаго образованія* арифметика и геометрія оставались до царствованія Екатерины II: «чтобъ оныя (недоросли) всеконечно до другаго смотра... арифметикѣ и геометріи со основаніемъ обучены были» ³⁾. Но кромѣ этой основы оно заключало въ себѣ обязательно законъ Божій и необязательно иностранныя языки. Знаніе «арткуловъ нашей православной католической вѣры греческаго исповѣданія» признано «само собою разумѣющимся должнымъ и пужифйшимъ» знаніемъ. Но въ дѣйствительности это знаніе, какъ видно, вовсе не разумѣлось само собою. Около 1743 г. св. синодъ замѣтилъ,

¹⁾ Чистовичъ: «Ист. С.-Петербур. дух. акад.», стр. 12.

²⁾ П. С. З. Т. XLIV, ч. 2, стр. 11.

³⁾ П. С. З. № 7171 (1737 г., февр. 9).

что «дворяне и прочихъ чиновъ люди дѣтей своихъ обучаютъ россійскихъ книгъ только читать часовника и псалтыри, а потомъ употребляютъ въ разныя свѣтскія науки, каждый по своему намѣренію; а чтобъ прямо знать всеблагаго Бога и нашу къ нему должностъ и догматы православныя христіанскія вѣры, въ чемъ истинный путь спасенія нашего состоятъ, того едва ли кто обучать тщится». Это заставило св. синодъ обратиться вѣдѣніемъ къ пр. сенату, съ требованіемъ публиковать печатными указами во всероссійское государство объ исполненіи этой обязанности дворянами и людьми прочихъ чиновъ. Но при этомъ св. синодъ предлагаетъ начать обученіе закону Божию съ самаго начала элементарнаго обученія («съ начала обученія россійскихъ книгъ чтенію»); объемъ требуемыхъ знаній опредѣляется букваремъ и катихизисомъ (Ееофана Прокоповича). Впрочемъ синодъ желаетъ, чтобъ «и другія книги церковныя читать тщились». Мѣры, гарантирующія дѣйствительное исполненіе этой обязанности, придуманныя синодомъ, состоятъ а) въ наблюденіи и понужденіи со стороны свѣтскаго начальства, всякаго въ своей командѣ, и со стороны священниковъ каждаго въ своемъ приходѣ; б) въ публикаціи испрашиваемаго указа каждый годъ или по крайней мѣрѣ въ два года разъ; в.) въ экзаменѣ при опредѣленіи на службу (или въ спеціальную школу) прежде всего изъ букваря и катихизиса. Пр. сенатъ, соглашаясь съ разсужденіями св. синода, съ своей стороны придумалъ болѣе сильную карательную мѣру, предписавъ штрафовать родителей, «или конъ въ ихъ должности», которые не будутъ исполнять опредѣленіе св. синода по небрежности и нерачительности, деньгами: шляхтичей по 10 рублей, прочихъ по 2 рубля каждый разъ. Наблюденіе и наложеніе штрафа предоставляется губернаторамъ и воеводамъ ¹⁾).

Въ составѣ пригтовительнаго образованія это единственныи предметъ, обнаруживающій всѣ свойства общаго образованія; въ изученіи его не предвидѣлось никакой сторонней цѣли; цѣль его для всѣхъ равнозначительная—«христіанскую должностъ и догматы православныя наша вѣры узнать и въ томъ бы право поступать.»

---

¹⁾ П. С. З. № 8726 (апр. 20).

Что касается до изученія иностранныхъ языковъ (которые, какъ мы упоминали уже, обозначаются обыкновенно среднее общее образованіе), то оно предоставлено было свободному произволу родителей высшихъ сословій. Они обязаны были обучить арифметикѣ и геометріи «съ крѣпкимъ обязательствомъ»; объ иностранныхъ же языкахъ говорится, что имъ «по своему изволу учить стануть». Здѣсь разумѣются новые иностранные языки, которые въ духовномъ сословіи замѣняются классическими, и преимущественно латинскимъ. Съ лучшею организаціею общественныхъ школъ (именно съ основаніемъ сухопутнаго корпуса), иностранные языки сдѣлались въ нихъ обязательною частью приготовительнаго образованія, но только какъ средство пріобрѣтенія профессиональныхъ знаній, въ виду крайняго недостатка учителей изъ русскихъ: «ежели такпхъ учителей, говорить уставъ кад. корпуса, которые бѣ російскому языку искусны, довольное число найти не можно, то во всѣхъ классахъ надлежитъ сначала обучать иностраннымъ языкамъ французскимъ и нѣмецкимъ, понеже молодые люди скорѣе опые языки, изъ которыхъ имъ науки разумѣть, перенимать могутъ, нежели учителя въ надлежащемъ совершенствѣ имъ по російски о наукахъ толковать»¹⁾. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что для профессионально-военнаго и юридическаго образованія приготовительное образованіе получаетъ иной оттѣнокъ, чѣмъ для духовнаго: тамъ существенно подготовляющимъ предметомъ служитъ математика, здѣсь классическіе языки. Нельзя не сознаться, что это весьма сообразно съ сущностью дѣла.

Но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что общаго образованія въ строгомъ смыслѣ ни тамъ ни здѣсь нѣтъ. Два предмета, всегда считавшіеся могущественными и единственными факторами общаго образованія разъединены; общеобразовательная сила ихъ была парализована односторонностью и той и другой формы образованія. Что такая система не въ состояніи была замѣнить общее образованіе, это наиболѣе опредѣляется служебною ролью, назначенною для общеобразовательныхъ предметовъ въ отношеніи къ будущему специально-

---

¹⁾ П. С. З. № 5881 (1731 г. нояб. 18).

му образованію. Болѣе подробное уясненіе различныхъ комбинацій приготовительнаго и профессиональнаго образованія можно извлечь изъ дальнѣйшихъ замѣчаній о специальныхъ формахъ образованія.

Такимъ образомъ профессиональное образованіе не предугреждалось общимъ. Каждый съ отроческихъ лѣтъ наклонялся къ той или другой вышней цѣли образованія. А это и было вполю того, что ремесло оставалось ремесломъ; къ нему не приходило значеніе человѣческой образованности; хотя профессиональное и общее образованіе составляютъ формы одного и того же образованія; но первое безъ втораго совершенно терлетъ значеніе образованія и дѣлается ремесломъ. Отторженное отъ общаго профессиональное образованіе получило тотъ отталкивающій характеръ, который наша литература нерѣдко приписываетъ ошибочно самому профессиональному образованію ¹⁾.

Только въ самомъ концѣ описываемаго времени послышались въ нашемъ законодательствѣ отдѣльныя и робкія мнѣнія, что до извѣстнаго срока все должны учиться одинаково, не готовясь еще ни какой службѣ. Представителемъ такихъ мнѣній въ законодательныхъ сферахъ едва ли не нужно признать одного Ив. Ив. Шувалова.

Обращаемся къ изложенію формъ профессиональнаго образованія. Не имѣя понятія объ образованіи самомъ въ себѣ вовсе, законодательство и администрація имѣли въ виду слѣд. цѣли: приготовленіе извѣстнаго круга лицъ къ церковной службѣ, приготовленіе другихъ лицъ къ гражданской службѣ съ различными подраздѣленіями ея, и наконецъ приготовленіе къ военной службѣ. По этимъ тремъ существеннымъ группамъ мы и будемъ разсматривать формы профессиональнаго образованія, выраженныхъ въ законодательствѣ и практикѣ XVIII в. Но здѣсь слѣдуетъ предупредить, что такое точное представленіе дѣла примѣняется вполнѣ не ко

---

¹⁾ Тѣ начала общаго образованія, которыя, положены были въ учрежденіи Аг. Наукъ и Петерб. и Московскаго университетовъ съ гимназією, будутъ указаны, какъ подготовка къ екатерининской системѣ общаго образованія. Въ настоящую же эпоху академію велѣно было «сдѣлать» для приготовленія коллежскихъ чиновниковъ.

всей эпохѣ. Во время полной организаціи сословій, сословія сами создаютъ для себя объемъ и содержаніе образованія и вмѣсто военнаго, церковнаго, юридическаго, медицинскаго и пр. образованія, является образованіе дворянское, сословно-духовное, приказное и проч.; къ каждому изъ нихъ примѣшиваются уже элементы, не прямо ведущіе къ пзвѣстной профессіи, но необходимые для сословія.

1. Духовное образованіе представляетъ собою наиболее интересный образчикъ отношеній общаго образованія къ профессиональному. И по самой сущности этой профессіи и по историческимъ случайностямъ, профессиональнымъ духовнымъ образованіемъ сдѣлалось то, что прежде называлось и было общимъ образованіемъ. Цѣль профессіи—духовное просвѣщеніе пастыи. Въ прежнія времена преимущественно въ духовенствѣ сосредоточивается просвѣтительная дѣятельность государства. Оставшіяся отъ XVII в. общеобразовательныя школы гуманическихъ наукъ сдѣлались спеціально—духовными. Это суженіе общаго образованія въ границы одной профессіи есть наилучшее доказательство пзложеннаго взгляда на сущность и цѣль образованія вообще.

Въ петровскую эпоху законодательство не сразу опредѣлило, какіе предметы входятъ въ кругъ этой формы образованія. Въ 1708 и 1710 г. было приказано дѣтямъ свящ. и церк. служительскимъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ ¹⁾). Но этимъ мало опредѣляется составъ собственно спеціального образованія; нѣсколько яснѣе онъ указываетъ въ резолюціи Петра на прошеніе Филофея Ленцискаго: чтобы «православной вѣры катихизисъ достаточно зналъ и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣлъ» (т. е. зналъ тѣ части ученія вѣры, которыя согласно признаются церковно). И такъ это просто богословское образованіе. Но узаконенія самаго Петра о цыфирномъ образованіи, обязательномъ и для дѣтей духовенства, съ одной стороны, и предписаніе учиться имъ только въ школахъ латинскихъ и греческой усложнили это простое понятіе ²⁾). Духовный регла-

¹⁾ П. С. З. №№ 2186 и 2308.

²⁾ Такъ какъ не только до изданія дух. регламента, но и послѣ этого архіерейскія школы слывали еще съ цыфирными, то понятія о духовн.

ментъ, узаконяя однажды навсегда объемъ духовнаго образованія, старался разрѣшить это осложненіе, устанавливая слѣд. «чинъ ученія»: 1) грамматика кунно съ географіею и исторіею, 2) арифметика и геометрія, 3) логика и діалектика («едино то двоупменное ученіе»), 4) риторика кунно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ, 5) физика въ соединеніи съ краткою метафизикою, 6) политика краткая Пурфендорхова («аще оная потребна судится быть и можетъ она присовокупитися къ діалектикѣ»), 7) богословіе. По распределенію регламента на первыя 6 наукъ назначается по одному году на каждую, на богословіе два. Здѣсь, повидимому, только послѣдній предметъ имѣеть спеціальное значеніе. Дѣйствительно нѣсколько подобную схему общаго образованія можно наблюдать уже въ изложеніи Крыжанича и привлегіи московск. академіи XVII в.

Однако расположеніе частей этого «чина», ясно указываетъ, что старая схема общаго образованія потеряла различныя пзмѣненія, обращаясь въ спеціальную форму образованія одного изъ сословіи. Первыя двѣ группы составляютъ прпготовительное образованіе. Здѣсь къ обычному составу его высшей математикѣ, прибавляется грамматика, которая въ схемѣ Прокоповича имѣеть значеніе не грамматики отечественнаго языка, а изученія иностранныхъ языковъ, «понеже по регуламъ грамматическимъ нуждно есть дѣлать экзерпции, сіе есть обучатися въ переводахъ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся и вопреки съ языка того на мой языкъ». Подъ иностранными языками разумѣется собственно языкъ латинскій; греческій же и еврейскій допускаются условно, «если будутъ учителя». Допущеніе исторіи и географіи въ составъ прпготовительнаго образованія есть значительный шагъ впередъ. Но законодатель пони-

---

образованіи еще не были опредѣленно выработаны (это переходное состояніе мы изложимъ при разсказѣ о спеціальныхъ школахъ). Однако и тогда, именно съ 1722 г., въ рязанской напр. школѣ «изъ числа собранныхъ учениковъ дѣти подъяческія, служительскія и причетницкія назначались исключительно для арифметическаго ученія, дѣти же священнослужителей, въ надеждѣ священства, преимущественно обучаемы были чтенію, писъму, пѣнію и основнымъ началамъ христ. вѣры». Арх. Макаріа: «Ист.-ст. Опис. Рязан. Дух. Семин. стр. 7.

малъ, что это «ученіе пространное есть» и потому экономія времени заставляла его предписать страшный способъ обученія имъ: оно должно быть соединено съ обученіемъ грамматики: «могутъ нѣкая ученія двое или трое вдругъ одного часа и однимъ дѣломъ подаватися напр. учя грамматики, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію...; можно велѣть ученикамъ переводить (съ одного языка на другой) по части географію или исторію». Изученіе географіи должно идти впередъ изученія исторіи («исторію честь безъ вѣденія географскаго есть какъ бы съ завязанными глазами по улицамъ ходить»); по этому году, назначенный на грамматику, раздѣляется на двѣ половины: въ первую половину учить съ грамматикою географію, во вторую исторію. Впрочемъ въ первую половину года назначается и особый день недѣли собственно на географію, именно на знакомство съ общею картою частей свѣта и глобусомъ («показывать циркулы планисферіа и универсальную ситуацію міра»). Для переводовъ изъ исторіи рекомендуется Юстинъ.

Таковъ составъ приготовительнаго образованія. Нужно отдать великую честь Прокоповичу, что онъ яснѣе всѣхъ людей своего вѣка понялъ и выразилъ великое значеніе общаго образованія въ той неблагодарной работѣ, какая выпала на его долю—сжимать общее образованіе въ одну изъ формъ профессиональнаго, производить ту амальгаму несоединяющихся веществъ, которая долго, слишкомъ долго предлагается русскому народу подъ именемъ образованія.

Въ той системѣ образованія, которая «съ младыхъ лѣтъ, предназначаетъ дѣтей къ профессіи и ремеслу едвали можно отрицать дѣйствительную пользу историческихъ знаній, тогда какъ при разумной системѣ общаго образованія, образовательное достоинство этихъ знаній подвергается сомнѣніямъ.

Въ наши дни Штейнъ, указывая на опасности къ которымъ ведетъ профессиональное образованіе (узкость взгляда, неспособность видѣть ничего за предѣлами своей специальности, поставленіе частныхъ цѣлей на мѣсто общихъ), указываетъ вмѣстѣ, какъ на противоядіе противъ этого зла, на введеніе въ приготовительное образованіе исторіи, потому что «исторія указываетъ намъ на достоинства того, о чемъ

думали и что дѣлали другіе» ¹⁾: въ другихъ, болѣе грубыхъ формахъ, выражаетъ это значеніе исторіи и географіи Теофанъ Прокоповичъ для учениковъ, которыхъ ожидаетъ тотчасъ замкнутый кругъ, профессіи, имѣющій сопровождать ихъ до могилы: «и се вельми полезно: пбо ученицы великое ко ученію возымѣютъ добротство, когда невеселое языка ученіе, толь веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено, пмъ будетъ; и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ, и еще при берегѣ почитай училищномъ не мало драгихъ товаровъ обрящутъ».

Собственно-профессіональное, духовное образованіе заключаетъ въ себѣ пять слѣдующихъ группъ. Повидному логика, риторика и метафизика съ физикою вовсе не относятся къ нему и составляютъ также общеобразовательные предметы. Но профессія будущихъ служителей церкви состоитъ въ томъ, чтобы истинны религіи распространять посредствомъ проповѣди. По мнѣнію законодателей XVIII в. къ этому именно подготовляетъ изученіе логики, риторики и философіи. Оттого эти науки не введены ни въ какое другое спеціальное образованіе. Цѣль и вѣнецъ всей этой системы и приготовительныхъ и спеціальныхъ знаній составляетъ богословіе, которое, по мнѣнію законодательства, состоитъ въ изученіи священнаго писанія и сочиненій св. отцовъ, а не схоластическихъ построеній иновѣрныхъ учителей (не «по чуждымъ сказкамъ, многаяжды бо лгутъ господа оныя и чего не бывало приводятъ»). Учителю предоставляется учить «по своему вѣдѣнію», т. е. составлять самому курсъ науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ назначить особенное время для ознакомленія учениковъ съ источниками, «чтобъ они извѣстны сами были, а не сумнили бы, правду ли говорить, или лжетъ учитель ихъ».

Мы видимъ изъ этого обзора, что въ форму духовнаго образованія перелилось почти цѣлкомъ прежнее общее; поэтому можно бы подумать, что духовное сословіе (благодаря духовности своей профессіи) составляетъ исключеніе, что оно получаетъ общее образованіе подъ именемъ профессиональнаго. Но мы знаемъ уже, что именно со времени изданія духовнаго регламента, ясно сознано было различіе наукъ

¹⁾ Steia: «Bildungswesen». S. 158.

«святѣй церкви потребныхъ» отъ «арифметическихъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ». Петербургская семинарія, на запросъ имп. Елизаветы, о состояніи семинаріи въ 1740 г. отвѣчала, что въ ней семинаристы обучаются—одни по русски читать и писать, другіе—латинской и греческой грамматицѣ, переводамъ и арифметикѣ, третьи шитикѣ, риторикѣ, географіи и исторіи и пыѣють потомъ поступать къ нѣкоторымъ началамъ еврейскаго языка, также философіи и богословія; при этомъ отчетъ счелъ нужнымъ прибавить: «понеже тые наншаче діалекты и науки приличны духовному чину и удобнѣйшій способъ подають къ достодолжному исполненію званія ихъ» ¹⁾.

Таковъ высшій объемъ образованія требуемый законодательствомъ отъ духовной профессіи. Практика не могла выполнить сразу этого требованія; ни правительство не давало учителей, ни общество учениковъ. Уже на другой годъ по изданіи регламента, правительство должно было опредѣлить второй меншій объемъ этого образованія и издать слѣд. указъ: «понеже совершеннѣйшихъ ученій богословскаго и философскаго, такожъ и нужнѣйшихъ языковъ искусства, еще за скудостью довольныхъ (т. е. годныхъ) къ сему учителямъ, преподавать невозможно, того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковнопческихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ «Перваго ученія отрокомъ» книжицамъ, букварями именуемымъ». Къ этому изученію грамотности и общихъ началъ вѣры присоединяется требованіе изучать славенскую грамматику, по примѣру новгородскихъ школъ, и наконецъ арифметику, которая признается «не излишнею» (какъ уступка требованіемъ Петра): «и арифметическаго ученія тщаться не оставлять, но и о томъ усердно радѣть» ²⁾. Такой объемъ образованія дѣйствительно и былъ примененъ первоначально въ архіерейскихъ школахъ: «весь курсъ ученія въ архіерейскихъ школахъ того времени ограничивался умѣньемъ читать по часослову и псалтыри и знаніемъ заповѣдей, и обыкновенно распредѣлялся такъ: 1) азбука, 2) часословъ, 3) псалтырь, 4) заповѣди. Исключеніе изъ этого составляли школы эллино-

¹⁾ Исторія С.-Петербур. акад., стр. 21.

²⁾ П. С. З. № 4021 (1722 г. мая 31).

греческая, подвѣдомая московской типографіи, славяно-латинская и кievская школы» ¹⁾).

Двойкій объемъ профессионально-духовнаго образованія удержался и послѣ Петра, съ тою разницею, что оба круга образованія дѣлаются опредѣленнѣе. А именно высшій объемъ образованія въ эпоху послѣдующую явнымъ образомъ становится отчетливѣе. Математическое образованіе отчисляется отъ него, какъ спеціальнѣйшій признакъ военнаго и приказнаго образованія: упомянутый выше именной указъ 1737 года о дѣтяхъ духовныхъ лицъ, откупившихся отъ военной службы, обязываетъ тѣхъ пзъ ихъ, которые пожелаютъ въ духовенство, обучиться грамматикѣ и риторикѣ и, по желанію, философіи; тѣхъ же, которые хотятъ вступить въ приказный чинъ, заставляеть изучить арифметику и геометрію ²⁾). Затѣмъ въ томъ же году правительство освобождаетъ отъ рекрутчины тѣхъ пзъ дѣтей священническихъ и причетническихъ, которые обучены «латинскаго и греческаго діалектовъ, грамматикѣ, реторикѣ и другихъ высшихъ наукъ» ³⁾). Указъ слѣд. года объ основаніи троицкой семинаріи и уставъ новгородской семинаріи 1740 г. составляютъ второй (послѣ дух. регламента) учредительный актъ семинарій вообще; въ нихъ опредѣляется слѣд. курсъ этихъ заведеній: латинскій, греческій и (если возможно) еврейскій языки, грамматика, риторика, философія и богословіе. Впрочемъ эта масса знаній должна быть направлена къ одной цѣли «къ совершенному познанію и истинному почитанію всемогущаго Творца и создателя всѣхъ Бога и къ утверженію православнаго исповѣданія нашего христіанскаго закона, къ наставленію исполненія божественныхъ заповѣдей» ⁴⁾). Равнымъ образомъ и нѣшнее духовное образованіе опредѣляется точнѣе: священниковъ, которые далеко не всѣ могли быть образованы въ школахъ, велѣно учить при посвященіи заповѣдямъ Божиимъ, преданіямъ церковнымъ, съ толкованіемъ св. писанія, т. е., какъ объясняетъ тотъ же указъ, обучать должности священниче-

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода, № 668
607

²⁾ П. С. З. № 7169 (февр. 6).

³⁾ П. С. З. № 7385 (сент. 25).

⁴⁾ П. С. З. № 7660 (сент. 21), и т. XLIV, ч. 2.

ской, выбирая изъ св. писанія, и изъ вселенскихъ соборовъ ¹⁾. Тогда же кабинетъ предписалъ синоду раздѣлить духовное образованіе на высшее и низшее: первое для занятія священническихъ и другихъ высшихъ должностей, второе для причетниковъ ²⁾.

Такъ опредѣлена въ законодательствѣ до Екатерины эта форма профессиональнаго образованія. Тщетно потомъ, при Екатеринѣ и долго спустя, законъ хотѣлъ разграничить здѣсь часть общеобразовательную отъ части спеціальной. Последняя тяготѣетъ надъ первою и въ силу сословнаго характера образованія и въ силу того, что общее образованіе продолжаетъ считаться лишь подготовительнымъ къ спеціальному.

Но сословный характеръ образованія, особенно укрѣпившійся съ эпохи царствованія Анны, былъ причиною того, что чистота профессиональнаго образованія, возмущена была примѣсю такихъ знаній, которыя были необходимы для домашняго обихода сословія. Такъ именно смотрѣли въ духовномъ сословіи на обученіе математикѣ: въ троицкой лаврской семинаріи уже со втораго года ея существованія «начальство лавры признало нужнымъ ввести въ курсъ ученія арифметику, геометрію и тригонометрію»; эти предметы не были признаны обязательными для всѣхъ учениковъ; для чего же они были нужны? Духовный соборъ лавры разсудилъ, что «помянутое обученіе для знанія находящихся въ монастырѣ къ приказному порядку и прочихъ нужнѣйшихъ искусствъ, за немѣнѣемъ таковыхъ людей, весьма Троицкому монастырю надобно» ³⁾. Такую же цѣль имѣло обученіе семинаристовъ поконисен ⁴⁾. Подобно тому, какъ и прочія сословія старались приурочить къ мастерствамъ и ремеслу такихъ членовъ своихъ, которые никакъ не въ состояніи пріобрѣсти требуемыхъ профессиональныхъ знаній, подобно этому поступало и духовное сословіе; духовное начальство, увольняя нѣкоторыхъ семинаристовъ по «малоумію» отъ ученія, обязываетъ подписками какъ ихъ самихъ, такъ и роди-

¹⁾ И. С. З. № 7734 (1739 г., янв. 16).

²⁾ И. С. З. № 8199 (1740 г. авг. 9).

³⁾ Смирновъ: Ист. троиц. лавр. семина., стр. 56.

⁴⁾ Смирновъ: Ист. тр. лавр. семина.

телей, что «они стараться будутъ обучаться честнымъ ка-кимъ нибудь художествамъ, какъ напр. иконописному, или другому чему» ¹⁾; впрочемъ для духовнаго сословія трудно было придумать «ниго чего», кромѣ иконописи, приличнаго духовному званію.

2. Законодатель въ 1721 г. далъ спеціальное опредѣленіе вышему юридическому образованію въ слѣд. формахъ: «учить подъячихъ ихъ дѣлу, а именно: цифиря и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя». Въ частности «къ сею ученію опредѣляются слѣд. науки: арифметика, формы книгамъ, табеля, стиль письма и прочее, что доброму подъячему надлежитъ» ²⁾.

И въ послѣдующее время законодательство настаивало, чтобы подъяческіе дѣти отдаваемы были «въ обученіе приказныхъ дѣлъ» ³⁾. Но было ли организовано дѣйствительно это подъяческое образованіе, неизвѣстно. Объ этомъ не зналъ уже самъ сенатъ въ концѣ описываемой эпохи: въ 1755 г. онъ требовалъ (какъ мы видѣли) справки-существуютъ ли гдѣ школы для обученія дяческихъ и подъяческихъ дѣтей арифметикѣ «и прочему». Наоборотъ достовѣрныя извѣстія указываютъ, что единственный хотя и слабый контингентъ учениковъ цифирныхъ школъ составляли дяческіе и подъяческіе дѣти ⁴⁾. Это доказываетъ, что собственно дяческія школы или нигдѣ не были открыты, или открыты въ немногихъ мѣстахъ; въ противномъ случаѣ въ эти, а не въ цифирныя школы должны были поступать дѣти дяковъ и подъячихъ. Так. обр. арифметика и геометрія, которыя должны были служить приготовительнымъ образованіемъ для собственно подъяческаго, сдѣлались главнымъ содержаніемъ профессионально-подъяческаго образованія; такъ и здѣсь общее образованіе (именно та математическая его форма, которую предполагалась распространять чрезъ цифирныя школы) переходить въ спеціальное.

Одновременно съ этимъ послѣднимъ организуется высшее юридическое образованіе. Генеральный регламентъ дастъ

¹⁾ Ркп. арх. Яросл. дух. сем.

²⁾ П. С. З. № 3845 (нояб. 10).

³⁾ П. С. З. № 8975 (іюля 20, 1744 г.).

⁴⁾ См. выше стр. 31 и 32.

ему слѣд. незатѣйливые размѣры: допускаются при коллегіяхъ «нѣкоторые удобные люди», избирающіе службу въ канцеляріяхъ и конторахъ, заранѣе (къ практическому занятію дѣлами) и обучаются здѣсь «прилежнымъ списываніемъ дѣлъ въ письмѣхъ и въ ариѳметикѣ». Секретари должны смотрѣть, чтобы коллегіи юнкеры «обучались какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ въ ономъ коллегіи» ¹⁾). Однако это самому законодателю казалось не очень опредѣленнымъ и потому въ томъ же указѣ 1721 г. (ноября 10), которымъ велѣно учить подьячихъ ихъ дѣлу, Петръ прибавилъ: «также учить опредѣленнымъ въ коллегіи молодымъ дворянамъ и сіе въ сенатѣ опредѣлить» ²⁾), т. е. сенату представлено было опредѣлить, какой составъ образованія назначается для молодыхъ дворянъ, готовящихся къ высшей гражданской службѣ. Такое болѣе точное опредѣленіе его начинается съ слѣд. 1722 г., когда на него было обращено вниманіе въ двухъ законодательныхъ актахъ; инструкціи герольдмейстеру и табели о рангахъ. Въ первой предписывается учредить краткую школу для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ ³⁾), для чего изъ каждой дворянской фамиліи выдѣляется указная часть. Тождество этого «гражданскаго и экономическаго» образованія съ послѣдующимъ коллежскимъ не подлежитъ сомнѣнію; такъ что же это за образованіе? Это образованіе юридическое въ собственномъ смыслѣ и съ нимъ соединенное экономическое. Здѣсь въ первый разъ встрѣчается это соединеніе, которому суждено было удержаться навсегда въ юридическомъ образованіи. Точнѣе составъ этого образованія опредѣляется въ табели о рангахъ; «а именно: что касается до праваго суда, такъ же торгамъ виѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи», словомъ, опредѣляетъ законодатель, «что коллежскимъ правденіямъ надлежитъ» ⁴⁾).

Однако составъ коллежскаго образованія окончательно выясненъ законодательствомъ только въ 1737 г. Еще въ началѣ этого года сенатъ и кабинетъ предписывали коллеж-

¹⁾ Генер. регл. гл. 36.

²⁾ П. С. З. № 3845.

³⁾ П. С. З. № 3896 (февр. 5).

⁴⁾ П. С. З. № 3890.

скимъ дворянамъ обучаться «прпстойнымъ наукамъ къ шляхетству и гражданству» ¹⁾; въ маѣ данъ былъ сенатскій указъ, посвященный подробной организаціи этой вѣтви образованія; въ немъ обученіе дворянъ раздѣлено на двѣ группы: во перв., подъ руководствомъ секретарей каждой экспедиціи по принадлежности, они должны были учиться всему «что касается до приказнаго порядку и знанія указовъ и нравъ государственныхъ, уложенія и прочаго; къ тому жъ, чтобъ чисто и хорошо писать обучены были»; т. е. главный предметъ ихъ образованія есть изученіе дѣйствующаго права и канцелярскихъ порядковъ. Во втор. по два дни въ недѣлю они должны были обучаться ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и граматикѣ, при чемъ на граматикѣ назначается одинъ день, а другой—на всѣ прочія науки ²⁾.

Такой же самый составъ образованія указывается и общимъ уставомъ о коллежескимъ юнкерахъ, который издавъ сенатомъ въ 1752 г.; и въ этомъ уставѣ главнымъ содержаніемъ юридическаго образованія является обученіе «письму и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ съ самыхъ нижнихъ приказныхъ дѣлъ и что касается до знанія государственныхъ правъ»; цѣль обученія: «дабы уже сами могли дѣйствительно править приказныя дѣла». Составъ теоретическаго образованія, служащаго лишь добавкомъ къ практическому, нѣсколько измѣняется: юнкера должны учиться ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, географіи и геодезіи, т. е. математическая сторона образованія усилена на счетъ филологической ³⁾.

Само собою разумѣется, что это образованіе не могло быть одинаковымъ при всѣхъ коллегіяхъ, во всѣхъ вѣтвяхъ административной службы. Въ 1740 г. президентъ коммерцъ-коллегіи вошелъ съ докладомъ въ сенатъ о томъ, что «весьма потребно, и къ приращенію коммерцъ-коллегіи прозойти можетъ, чтобъ молодые люди въ коммерческихъ при коллегіи дѣлахъ обучены были, дабы они впродъ въ такихъ дѣлахъ надлежащее искусство имѣли и нужды бы не было по-

¹⁾ П. С. З. № 7201 (марта 6).

²⁾ П. С. З. № 7248 (мая 11).

³⁾ П. С. З. № 9928 (января 20).

стороннихъ искать». Поэтому коммерцъ-коллегія просить четырехъ кадетъ, которыхъ будетъ стараться обучить такимъ образомъ, «дабы они довольное къ поправленію коммерціи искусство получили и къ коллежскимъ дѣламъ способны и достойны были» ¹⁾. Также коммерцъ-коллегія въ 1755 г. нашла, что юнкерамъ ся необходимо, «сверхъ обращенія ихъ при дѣлахъ и обученія арифметикѣ, геометріи и проч. наукъ, для лучшаго понятія коммерціи» знать французскій и нѣмецкій языки, исторію и географію. Сенать согласилась съ этимъ и приказала юнкерамъ этой коллегіи посѣщать послѣ объѣда 4 дня въ недѣлю классы академіи наукъ. Наставная на изученіи ими франц. и нѣм. языковъ, сенать лишь глухо упомянула о «прочихъ наукахъ» ²⁾.

Разнообразіе состава юридическихъ знаній становилось тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе спеціальныхъ свѣдѣній требовалъ извѣстный родъ службы; разнообразіе это было такъ велико, что сенать не могъ установить общаго производства юнкеровъ на службу по старшинству и достоинствамъ. Слѣдующія коллегіи допускали юнкеровъ на службу только по своему вѣдомству: мануфактуръ-коллегія, потому что юнкера ея «должны имѣть какъ о совершенномъ обращеніи мануфактуръ, такъ и въ знаніи дѣлающихся въ нихъ матерій и прочаго особенное искусство»; бергъ-коллегія съ монетною канцеляріею вмѣстѣ «для ихъ какъ въ горныхъ дѣлахъ, такъ и въ сплавкѣ золота и серебра и мѣди искусства»; юстицъ и камеръ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, потому что «они дѣла отправляютъ на нѣмец. языкѣ» ³⁾. Эти послѣднія коллегіи, т. е. коллегіи по дѣламъ лифляндскимъ и эстляндскимъ представляли особое затрудненіе для дѣйствіи общей нормы русскаго юридическаго образованія; затрудненія представлялъ не одинъ нѣм. языкъ, но главнымъ образомъ то обстоятельство, что завоеванныя остзейскія провинціи сохраняли свое отдѣльное право и жили въ экономическихъ условіяхъ, во многомъ не сходныхъ съ общими порядками имперіи. Поэтому въ 1761 году сенать нашолъ нужнымъ послать

¹⁾ П. С. З. № 8267 (окт. 25).

²⁾ П. С. З. № 10389 (апр. 3).

³⁾ П. С. З. № 10267 1754 г. (іюля 26).

въ присутственныя мѣста остзейскихъ провинцій юнкеровъ «для наученія тамошнихъ правъ, экономическихъ регуловъ, такового въ мызахъ изчисленія и прочихъ тамошнихъ обыкновений», и при этомъ для изученія нѣм. языка» ¹⁾).

При основаніи кадетскаго корпуса, назначеннаго для приготвленія дворянъ къ обоимъ родамъ ихъ профессіи, т. е. какъ къ военной, такъ и гражданской высшей службѣ, юридическое образованіе было выдѣлено не довольно старательно; ²⁾ пзъ распредѣленія классовъ въ корпусѣ, по которому развѣтвленіе двухъ специальностей замѣтно начинается со втораго класса, можно замѣтить, что къ юридическому образованію отнесены слѣд. науки: исторія, обученіе «правильному въ письмѣ складу и стилю» (т. е. русской языкъ), риторика, юриспруденція, мораль, геральдика и (какія то) прочія политическія науки ³⁾. Впрочемъ полная спеціализація допущена была только въ первомъ классѣ, въ которомъ составъ обученія въ подробности намъ не извѣстенъ.

Это выдѣленіе специальностей совершено законодательствомъ въ указахъ 1740 г. (авг. 11) и 1748 г. (сент. 26). Въ 1740 г. сенатъ приказалъ отдѣлить 24 челов. кадетъ «великороссійской націи» пзъ тѣхъ, которые обнаружатъ большую склонность къ статскимъ дѣламъ, и обучать ихъ одной юриспруденціи и ариѳметикѣ, — наукъ «нужныхъ къ гражданской службѣ»; избранные въ юридическую классъ, освобождаются уже отъ другихъ наукъ, воинскихъ экзерцицій и содержанія карауловъ. Въ 1748 г. сенатъ вошелъ въ болѣе обстоятельное разсужденіе, чему именно должны быть обучаемы эти юристы; и нашелъ, что «не бесполезно есть, чтобъ онымъ пзъ кадетовъ, обучающимся юриспруденціи, для знанія россійскихъ гражданскихъ правъ въ нѣкоторыя дни слушать уложеніе, уставы, регламенты и указы». Канцеляріи кадетскаго корпуса быхъ посланъ указъ, чтобы кадеты, предназначенные къ гражд. службѣ, «между прочихъ наукъ», слушали каждую недѣлю по два дни уложеніе, гене-

---

¹⁾ П. С. З. №11283 (іюня 28).

²⁾ П. С. З. № 5915.

³⁾ Мельницкій: «Сборн. свѣд. о военн. учебн. зав.» I. стр. 9.

ральный регламентъ, «и прочіе, подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ уставы и регламенты и указы» ¹⁾).

Таково широкое разнообразіе понятія о юридическомъ и экономическомъ образованіи, выработанное въ 1-й пол. XVIII в. Однако нѣтъ большихъ затрудненій ориентироваться въ немъ. Опредѣлимъ прежде всего то отношеніе, въ которомъ находится здѣсь специальное образованіе къ общему. Мы видѣли уже, что по общей нормѣ, установленной съ 1737 г., элементарное образованіе должно быть приобретаемо каждымъ недорослемъ дома въ періодъ времени отъ 7 до 12 л. Съ 12 л. дома, или въ общественныхъ школахъ приобретается приготовительное образованіе до 16 л. Но въ томъ же году законодательство сдѣлало исключеніе изъ этой общей нормы для тѣхъ, которые предназначаются къ юридическому образованію. Изъ недорослей отъ 15 до 17 л., явившихся на смотръ въ С.-Петербургъ, должны быть выбраны знающіе русскую грамоту—читать и писать для опредѣленія въ коллегіи-юнкера. Так. обр. здѣсь довольствуются однимъ элементарнымъ образованіемъ, а сообщеніе приготовительнаго правительствомъ беретъ уже на себя вмѣстѣ съ специальнымъ. Отношеніе приготовительнаго образованія къ специальному въ коллегіяхъ и въ кад. корпусѣ устраивается двумя различными способами. При коллегіяхъ первое сообщается одновременно со вторымъ. Къ первому отнесена математика чистая и прикладная и географія (подъ которою впрочемъ чаще разумѣется геодезія). Для этихъ наукъ отводятся извѣстные, относительно немногіе часы, большею частію два дня изъ 6 учебныхъ дней недѣли. Въ кадетскомъ корпусѣ напротивъ приготовительное образованіе предваряетъ собою специальное. Мы видѣли, что для обученія гражданскимъ и экономическимъ наукамъ отдѣляются такіе кадеты, которые уже обнаружили склонность къ статскимъ дѣламъ. Приготовительное образованіе, общее для готовящихся къ военной и гражданской службѣ, состояло изъ двухъ отдѣловъ: обученія русскому и латинскому языкамъ, арифметикѣ, геометріи, географіи и грамматикѣ. Благодаря этому обстоятельству, т. е. довольно правильному отношенію между приготовительнымъ

---

¹⁾ П. С. З. № 9532 (сент. 21-го 1748 г.).

и общимъ образованіемъ, здѣсь допущенъ былъ правильный переходъ отъ перваго ко второму, т. е. нѣкоторая свобода въ выборѣ профессіи. «При переводѣ кадетъ въ 1-й классъ говорятъ г. Мельницкій, составлялся совѣтъ изъ начальства корпуса и учителей для опредѣленія: кто къ какимъ наукамъ показываетъ болѣе наклонности» ¹⁾. Между тѣмъ при коллегіяхъ, гдѣ предназначеніе къ спеціальному образованію начинается на границахъ элементарнаго, ничего подобнаго быть не могло: человѣкъ, не обнаруживавшій наклонности къ юридическимъ знаніямъ, отдавался въ солдаты наравнѣ съ неспособнымъ; по предложенію сената 1737 г. неспособные «къ гражданству» только тогда отсылаются въ военную коллегію, когда обнаружатъ эту неспособность въ продолженіи всего курса своего юридическаго образованія; а по рѣшенію кабинета для такого испытанія назначается лишь одинъ годъ, послѣ чего неспособные сдаются въ солдаты. Но въ 1740 г. сенатъ понялъ, что неспособность можетъ быть спеціальная, неспособность къ извѣстной профессіи и тогда позволилъ отправлять такихъ для полученія военнаго образованія въ кадетскій корпусъ и морскую академію; а въ слѣдствіе этого приказалъ и опредѣлять къ изученію приказныхъ дѣлъ только такихъ, которые охотою пожелаютъ ²⁾).

За отчисленіемъ наукъ, входящихъ въ составъ приготовительнаго образованія, въ системѣ спеціальнаго остаются: юриспруденція, мораль, исторія и въ частности—для нѣкоторыхъ родовъ государственной службы,—иностранные языки и геральдика.

Что называется здѣсь юриспруденціей? Узаконенія, приведенныя выше, достаточно ясно рѣшаютъ этотъ вопросъ; она состоитъ: а) въ изученіи дѣйствующихъ кодексовъ права: уложенія ц. Алексѣя Мпх., регламентовъ (преимущественно генеральнаго) и указовъ, б) въ знаніи приказныхъ дѣлъ, т. е. практическаго изученія дѣлопроизводства. Знаніе этихъ предметовъ опредѣляется практическою цѣлію службы въ коллегіяхъ и приказахъ, не имѣя никакого отношенія къ человѣческому образованію, какъ всякое ремесло. Однако въ

¹⁾ Сб. свѣд. о воен.—уч. зав. I, стр. 9.

²⁾ П. С. З. № 8043 (марта 24).

и некоторых из приведенных узаконений юриспруденция, по-видимому, отличается от этого приказного ремесла, поэтому мы считаем необходимым уяснить, как усвоилось у нас практикою другое—научное понятие о юриспруденции.

Известно, что именно юридическая профессия способише других возвыситься до значения науки из состояннн простого ремесла; а вмѣстѣ съ этимъ специальный кругъ знаннн легко проникается элементами общаго образования, потому что возвышенне ремесла до степени науки есть именно возвышенне професснн до степени общечеловѣческихъ знаннн. Въ самой Германнн этотъ переворотъ въ понятнн о юриспруденцнн совершнлся окончательно лишь въ XVII в. подъ влнннемъ новой науки, которой придано техническое названне «*jus naturae et gentium*». Къ началу XVIII в. эта наука не получила еще ни точности, ни определенности въ кругѣ другихъ знаннн, то присоединяясь къ юриспруденцнн, то составляя часть философнн; къ философскому факультету она и до сихъ поръ причисляется въ немецкихъ университетахъ ¹⁾). Долго содержанне этой науки определялось содержаннемъ книгъ основателя ея Пуффендорфа: «*De jure naturae et gentium libri VIII*» и Гуго-Гроцнн: «*De jure belli ac pacis*». Уже мало по малу изъ этого зародыша выдѣлились самостоятельныя науки: философия права, общее государственное и международное право.

Именно эта наука пересаживается теперь на русскую почву,

---

¹⁾ У насъ вопросъ о томъ куда причислить эту науку къ философнн, или юриспруденцнн сдѣлался предметомъ канцелярскихъ споровъ и переписки между присутственными мѣстами. Въ проектѣ устава академическаго университета 1748 г. Мюллеръ отнесъ «натуральное право» къ каедрѣ философнн, на томъ основаннн, «чтобъ учащнхся не прнвести тѣмъ въ замѣшательство, когда разныя философскнн науки не по однимъ основаннямъ и порядку предлагаться будутъ». Конференцнн профессоровъ возстала противъ этого разпредѣленнн. Канцелярнн академнн считала возможнымъ уступить профессорамъ въ этомъ пунктѣ на слѣд. основаннн: «хотя философъ въ своемъ философскомъ курсѣ и учитъ основаннямъ натурального права, только и снн изрядно, что и юристъ натуральному праву учить станетъ и оно юридическимъ образомъ предлагать будетъ». Въ такомъ видѣ споръ представленъ въ собственную канцелярнн президента, т. е. къ Теплову. *Jus naturae et gentium*, благодаря заступничеству канцелярнн, осталось въ составѣ юридическихъ наукъ. См. Пекарскаго: «Ист. Ак. Наукъ» II, стр. 139.

какъ составная часть юриспруденціи. Уже со времянь Петра В. она проникаеть къ намъ посредствомъ переводовъ, отличая совершенно юриспруденцію отъ «приказной науки» и знанія «приказныхъ дѣлъ» ¹⁾.

«Право натуральное» затѣмъ усволяется у насъ посредствомъ школьнаго преподаванія и посредствомъ публичныхъ чтеній. О томъ, что именно эта наука разумѣлась между прочимъ подъ юриспруденціей въ кадетскомъ корпусѣ, мы знаемъ навѣрное; а о томъ, что *jus naturae et gentium* преподавалось подъ именемъ юриспруденціи въ коллегіяхъ, можемъ лишь догадываться: въ корпусѣ иъменъ Флюгъ, назначенный по контракту адъюнктомъ юриспруденціи, обязанъ былъ обучать натуральному и гражданскому правамъ и сверхъ того правоучительной философіи. Кадеты, по окончаніи курса экзаменованные въ академіи наукъ, отвѣчали на этомъ экзаменѣ между прочимъ изъ натурального и гражданского права ²⁾.

Профессора академическаго университета, выѣхавшіе изъ за границы—Бекештейнъ и Штрубе-де-Пирмонтъ, привезли съ собою то же новое понятіе о ней, которое несомнѣнно усвоилось практикою въ Россіи. Мы видѣли выше, что юнкера должны были посѣщать классы академіи для изученія языковъ и «прочихъ наукъ». Оба названные юристы—академики занимали должности въ коллегіяхъ: первый—въ юстицъ-коллегіи, второй—въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (Бекештейнъ—съ окт. 1731 г. до 1735 г., Штрубе-де-Пирмонтъ—по 1737 г.). Вліяніе юристовъ-академиковъ на ка-

---

¹⁾ Названные капитальныя творенія Пуфендорфа и Гуго-Гроціи были переведены на русскій языкъ уже при Петрѣ, первое подъ заглавіемъ: «Самуила Пуфендорфіа о законахъ естества и народовъ книги 2, 3, 6 и 7»; второе «о законахъ брани и мира три книги». Хотя эти переводы не были напечатаны, но обращались въ рукахъ болѣе интеллигентнаго класса. Для публики, по приказанію Петра, были напечатаны другія сочиненія Пуфендорфа: 19 ноября 1721 года въ засѣданіи св. синода царь велѣлъ перевести «на словенскій діалектъ трудъ Пуфендорфа: *De officiis hominis et civis*»; переведенная Кречетовскимъ и исправленная Бужинскимъ, эта книга была напечатана въ 1724 г. Мы видѣли, что она рекомендуется въ духовномъ регламентѣ какъ учебникъ даже въ духовныхъ училищахъ.

²⁾ С. М. Соловьевъ: Ист. Росс. XX, 232.

детскій корпусъ не подлежитъ сомнѣнiю: Штрубе писалъ учебники по законовѣдѣнiю для кадетскаго корпуса; а именно: въ 1767 году онъ напечаталъ: «Introduction à la jurisprudence naturelle», о которомъ въ письмѣ къ Мюллеру говоритъ, что книга «написана имъ собственно въ руководство для кадетскаго корпуса» ¹⁾).

Названные юристы при своихъ публичныхъ чтенiяхъ въ Петербургѣ, очевидно старались сообразоваться съ требованiями правительства отъ юридическаго образованiя въ Россiи. Бекенштейнъ, который, по собственному признанiю, «о русскомъ правѣ не имѣлъ никакого свѣдѣнiя», прочелъ дважды *institutiones juris*, затѣмъ *jus publicum imperii germanici* и *introducio ad praxin forensem*. Чтобы придать своимъ чтенiямъ непосредственно практическое значенiе, онъ, при изложенiи судопроизводства, старался упоминать о правахъ динландскихъ и эстляндскихъ (не имѣи, какъ мы сказали никакихъ свѣдѣнiй о русскомъ правѣ).

Штрубе стоитъ гораздо ближе къ тѣмъ требованiямъ отъ юриспруденцiи, какiя могло имѣть въ виду тогда русское законодательство; программа курса, объявленная имъ въ 1748 г., самымъ нагляднымъ образомъ разсчитываетъ на тогдашнiе жизненные запросы отъ науки и имѣетъ въ виду счеты съ нею со стороны малоразвитаго общества. Въ программѣ онъ считаетъ необходимымъ доказать, что не слѣдуетъ предпочитать военную карьеру юридической. Онъ объявляетъ, что ему слѣдовало бы предложить систематическiй курсъ русскихъ законовъ, «которымъ, въ разсужденiи справедливости, никакихъ другихъ предпочестъ нельзя»; но систематической обработки русскихъ законовъ («въ одной книгѣ собранныхъ и надлежащимъ порядкомъ расположенныхъ») нѣтъ еще. Тогда юристу оставалось бы излагать римское право, но Штрубе сознавалъ, что «въ росiйской имперiи гражданскаго права древнихъ римлянъ, или кого-нибудь другаго юношеству публично изъяснять не прилично»¹⁾ а потому рѣшился ограничиться «первыми основанiями натуральнаго и народнаго права», т. е. сошелся съ Бекенштейномъ въ томъ, что пригодно для росiйскаго юношества. Кромѣ этого пуб-

---

¹⁾ Пекарскiй: «Ист. ак. наукъ». I, стр. 687.

личнаго курса Штрубе объявилъ частный, состоящій изъ трехъ частей: 1) государственнаго права («знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ и республикъ состояніе, внутреннее ихъ расположеніе и политическое между ними соотвѣтствіе»), 2) изъ нѣкоторыхъ частей международнаго права («должность и привилегія тѣхъ, которые для отправленія публичныхъ дѣлъ отсылаются въ чужіе земли»), и 3) изъ обученія дѣлопроизводству, преимущественно въ международныхъ сношеніяхъ ¹⁾.

Такъ прилаживалась наука на новой почвѣ къ старымъ понятіямъ о приказныхъ знаніяхъ. Философская часть правовѣднія (естественное право), фактическое изложеніе государственнаго права разныхъ европейскихъ народовъ—вотъ существенное содержаніе т. н. тогда юриспруденціи. «Мораль», введенная въ составъ юридическаго образованія законодательствомъ, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ же *jus naturae*. Академическій моралистъ *ex officio*, Гроссъ преподавалъ на лекціяхъ «объ обязанностяхъ человѣка и гражданина» по Пуфендорфу ²⁾.

Сомнѣнія, высказанныя Штрубе, въ практической пригодности римскаго права для его курса, весьма характерны и всего лучше подтверждаютъ, что ученый юристъ имѣлъ именно въ виду удовлетворить законодательному запросу отъ юриспруденціи. Законодательство, говоря о юриспруденціи, безъ сомнѣнія не разумѣло подъ этимъ римскаго права, находя, что гражданское право русское, подлежащее обязательному изученію въ уложеніи и указахъ, найдетъ не много точекъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Уже во 2-й пол. описываемой эпохи, именно въ 1748 послышалось со стороны нѣмцевъ—русскихъ ученыхъ голоса въ пользу введенія римскаго права въ практику посредствомъ науки ³⁾. Подъ вліяніемъ римскаго права изученіе дѣйствующихъ кодексовъ

¹⁾ Пекарскій: «Ист. ак. наукъ» I, стр. 677—678.

²⁾ *Ibid.* стр. 214.

³⁾ «По моему мнѣнію, пишетъ Шумахеръ, надлежало бы въ университетѣ (академическомъ) учить и основаніямъ права гражданскаго римскаго, ибо въ здѣшней имперіи въ судахъ хотя на то не смотрятъ, однако я заподлинно вѣдаю, что государь Петръ В. самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по одному праву судилъ, особенно по дѣлу кн. Меншикова, которой адмиралтей-

русского права теряло мало по малу характеръ ремесла, приказнаго искусства и приближалось къ значенію науки. Когда Бекенштейнъ взялся составить краткое руководство къ изученію русскаго права, то програмуою его принялъ господствующую въ Германіи программу пандектовъ ¹⁾). Когда же вмѣсто выполненія этой программы представилъ сырыя подробныя выписки изъ уложенія, регламентовъ и указовъ, то академическая канцелярія отказала ему въ прибавочномъ жалованіи (которое онъ получалъ за составленіе этого руководства), на томъ основаніи, что «упомянутая его книга къ тому намѣренію, для котораго приказано было ему оную сочинять, т. е. руссійскому юношеству вмѣсто краткаго руководства, явилась неспособною»... Такъ официально заявлена была потребность въ научномъ изложеніи русскаго права подъ явнымъ вліяніемъ римскаго.

Но все это были слабыя начатки, едва начинавшіе конкурировать съ понятіемъ о юриспруденціи, какъ «наукѣ дѣль приказныхъ». Эта наука до Екатерининской эпохи со-

свой коллегіи деньги въ заемъ дать, и понеже коллегія денегъ платить не хотѣла, то, взявши онъ изъ адмиралтейства деньги, самъ себя заплатилъ. Въ «корпусѣ правъ» (*Corpus juris*) написано: «ежели кто самъ собою долгъ возметъ, тотъ лскъ свой потерялъ». По сему и приговоръ учиненъ. А хотя бы сего и не было, то должно взять во вниманіе аудиторомъ при арміи. Ежели имъ должность свою добросовѣстно исправлять, то по крайней мѣрѣ всеконечно должны они нѣсколько знать изъ иностранныхъ законовъ. И не придетъ ли со временемъ на память и военной коллегіи, чтобъ въ академіи сначала десять или двадцать студентовъ для обученія ихъ въ юриспруденціи, чтобъ были они послѣ искусными аудиторами». См. у Пекарскаго: Ист. ак. наукъ II, 136.

¹⁾ «Первая и общая часть, о правахъ и законахъ вообще, также о юриспруденціи и о главнѣйшихъ правилахъ, при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ. Гл. I о правахъ и законахъ вообще. Гл. 2 о различіи правъ и законовъ. Гл. 3 о правахъ и законахъ сея имперіи и т. д. Вторая часть, о правахъ касающихся до персонъ. Гл. 1 о персонѣхъ и о различіи ихъ вообще. Гл. 2 о христіанскихъ собраніяхъ и о особахъ духовнаго чина. Гл. 3 о супружествѣ и о бракосочетающихся персонѣхъ. Гл. 4 о фамиліи и о принадлежащихъ къ оной персонѣхъ. Гл. 5 о вольныхъ и невольныхъ людяхъ. Часть третья, о правахъ, касающихся до имѣній... Четвертая часть, о правахъ, касающихся до суда...

«Книга вторая—о публичнохъ правѣхъ». См. у Пекар. «Ист. ак. н.» т. I, стр. 681—682.

ставляла центр ремесленной русской юриспруденціи: образовательный элементъ въ ней совершенно поглощался практическимъ.

Указанная законодательствомъ «геральдика», какъ составной предметъ юридическаго образованія, считалась весьма немаловажною частью его по двумъ причинамъ: во перв. потому, что люди, получавшіе высшее юридическое образованіе—дворяне; во втор. потому, что сочиненіе геральдическихъ фигуръ было важнымъ служебнымъ занятіемъ при дворѣ и въ сенатѣ. Бекевштейнъ въ упомянутомъ выше курсѣ, преподавалъ между прочимъ руководство къ геральдикѣ и отчасти упражнялъ in studio genealogico посредствомъ чтенія вѣдомостей (Zeitungen), вѣроятно объясняя собственно генеалогическую исторію владѣтельныхъ домовъ. Такъ и юридическое образованіе съ успѣхами сословной организаціи включаетъ въ себѣ примѣсь, не вызываемую прямо профессіею, для которой создавалось сословіе.

Выше мы замѣтили, что уже съ самаго начала, по указанію Петра В., приказная наука должна была заключать въ себѣ «знаніе экономическихъ дѣлъ». Мы говорили уже, что это соединеніе экономическихъ наукъ съ политико-юридическими, нашло себѣ хорошую почву на Руси. Но во времена Петра и въ ближайшія къ нему подъ экономическими знаніями разумѣлось нѣчто весьма далекое отъ юриспруденціи; это техническія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ промышленности мануфактурной и торговой. Повидимому это весьма странно; промышленная профессія имѣетъ своего представителя въ другомъ сословіи, которое владѣло уже твердою организаціею и границами. Странность эта объясняется тѣмъ, что государство принуждено было въ нач. XVIII в. не только заботиться о промышленности, но и непосредственно заниматься ею, ознакомляя народъ съ новыми вѣтвями ея. Мы видѣли уже, что будущіе чиновники должны были учиться между прочимъ сплавкѣ золота, серебра и мѣди, знать, какъ дѣлаются на мануфактурахъ матеріи и проч. Конечно, государство никогда не можетъ обойтись безъ чиновниковъ, имѣющихъ техническія свѣдѣнія по разнымъ родамъ промышленности; но отличіе тѣхъ временъ составляетъ то, что *всякое* техническое образованіе было чиновничьимъ. Мы отказываемся отъ подробнаго разбора частныхъ вѣтвей техни-

ческаго образованія, не видя въ томъ никакихъ характерныхъ результатовъ для изученія той эпохи.

Таковъ довольно пестрый составъ юридическаго образованія, отъ котораго спасалось, но не могло спастись дворянство.

3. Какъ высшій родъ юридическаго образованія возлагался не на дворянство, а на классъ подъячихъ, такъ и высшій родъ военнаго образованія становился удѣломъ солдатскихъ дѣтей. И здѣсь, какъ и въ подъяческомъ образованіи, замѣчается интересное отношеніе общаго образованія къ спеціальному. Въ 1732 г. именной указъ объ организаціи гарнизонныхъ школъ, говоритъ: «а какимъ порядкомъ оныхъ дѣтей въ тѣхъ школахъ обучать..., о томъ, по апробаціи отъ нашего п. в—ва даны военной коллегіи особливые пункты» ¹⁾. Особливаго изложенія этихъ пунктовъ мы не знаемъ, но послѣдующія узаконенія восстанавливаютъ содержаніе ихъ; а именно указъ о соединеніи цыфирныхъ школъ съ гарнизонными 1744 года такъ передаетъ составъ высшаго военнаго образованія, опредѣленный въ 1732 г.: «обучать 1) словесной и письменной наукѣ и пѣнію, 2) солдатской экзерциціи, 3) арифметикѣ, артиллерійской и инженерной наукѣ ²⁾. Поэтому насъ не должна смущать кажущаяся неопредѣленность узаконеній, послѣдовавшихъ за 1732 г. Изъ ихъ узаконенія 1736 г., повидному, не требуетъ отъ дѣтей служилыхъ людей никакого опредѣленнаго круга профессиональныхъ знаній, требуя ихъ только въ школы и говоря, что они будутъ обучаться въ этихъ школахъ — «кто къ какимъ наукамъ приклонность имѣть будетъ»; при чемъ законодательство съ своей стороны указываетъ на одну воинскую экзерцицію», которой во всякомъ случаѣ будутъ обучать въ этихъ школахъ. ³⁾. Такая неопредѣленность состава образованія проявляется и въ указѣ того же года о помѣщеніи въ гарнизонныя школы бродягъ «для обученія грамотѣ и прочихъ наукъ» ⁴⁾. Можно бы подумать, что это образованіе, по своему составу, совершенно уподобляется элементарному; въ томъ же году военная коллегія требуетъ отъ сената снаб-

¹⁾ П. С. З. № 6188 (сент. 21).

²⁾ П. С. З. № 9084.

³⁾ П. С. З. № 6949 (мая 6).

⁴⁾ П. С. З. № 7017 (іюня 26).

дуть гарнизонныя школы учебниками и учебными пособіями, которыя всѣ оказываются элементарными учебниками, а именно: букварями, часословами, псалтырями ¹⁾). Но въ концѣ того же года указъ о военныхъ поселеніяхъ на границахъ государства объясняетъ, что есть большое различіе между элементарными школами и гарнизонными. Въ военныхъ поселеніяхъ между прочимъ велѣно основать школы при церквяхъ, гдѣ священники и причетники должны обучать дѣтей отставныхъ солдатъ «грамотѣ и писать»; но, прибавляетъ указъ, «кто изъ такихъ учащихся дѣтей пожелаетъ обучаться вышшихъ наукъ, такихъ, по ихъ желаніямъ, кои еще въ службу не успѣли, принимать обучать въ гарнизонныхъ школахъ такимъ наукамъ, у кого къ которой приклонность будетъ» ²⁾). Что совершенно точное опредѣленіе писшаго военного образованія, данное въ 1732 г., не утрачивалось, это доказывается примѣненіемъ его къ различнымъ специальнымъ вѣтвямъ высшей военной службы; между прочимъ по указу 1752 г. объ учрежденіи ландмилицкихъ школъ на Украинѣ (которыя такъ же опредѣлены для писшаго военного образованія), въ нихъ слѣдовало обучать словесной и письменной наукѣ и пѣнію, артиметикѣ, инженерной наукѣ и артиллеріи. Если въ мѣстахъ расположенія милиціи не найдутся офицеры годные къ преподаванію этихъ наукъ, то предписывается учредить центральную школу при штабѣ, для обученія геометріи и инженерству ³⁾). Равнымъ образомъ въ школѣ ладожскаго батальона въ 1753 г., по обученіи грамотѣ и письму, предполагалось обучить солдатскихъ дѣтей артиметикѣ, геометріи, рисованію и фортификаціи ⁴⁾). Въ 1760 г. П. Н. Шуваловъ представилъ сенату, что ученики оренбургской инженерной школы не могутъ равняться по познаніямъ и слѣдовательно по производству на службѣ съ учениками соединенной артиллерійской и инженерной школъ (2-го корпуса). Шуваловъ предложилъ разкассировать эту

¹⁾ П. С. З. № 7115 (дек. 1) сл. № 7627 (1738 г., авг. 6).

²⁾ П. С. З. № 7136 (дек. 27).

³⁾ П. С. З. № 9972 (апр. 13).

⁴⁾ П. С. З. № 10,109.

школу и въ замѣнъ ея образоватъ новую высшую, гдѣ и обучать арифметикѣ, геометріи и отчасти фортификаціи ¹⁾).

Итакъ здѣсь специальное образованіе не отдѣлено отъ приготовительнаго: специальное изученіе начнется тотчасъ же послѣ элементарнаго.

4. Уже прежде представлены были доказательства, что, созывая дворянъ для образованія, правительство собственно имѣетъ въ виду составить изъ нихъ регулярное войско и потому иногда вовсе при этомъ образованіи обходится безъ школъ и безъ всякихъ другихъ средствъ теоретическаго обученія. Два рода службы, служба морская и сухопутная подали поводъ къ основанію двухъ разныхъ организацій этого образованія. Намъ не могутъ интересовать здѣсь ни составъ специально-военнаго образованія, ни отношенія, въ которыя оно поставлено къ общему; первое потому же, почему мы отказались разбирать различныя виды техническо-ремесленнаго образованія; второе потому, что здѣсь—то именно съ наибольшою правильностью примѣнены были вышеизложенныя общія начала новой системы образованія; въ морскомъ училищѣ существуютъ: а) школа русская (элементарная), б) цыфирная (приготовительная) и в) наконецъ специально морская. Съ раздѣленіемъ училища на двѣ академіи петербургскую и московскую, послѣдняя была элементарнымъ и приготовительнымъ заведеніемъ для первой и потому образованіе въ ней шло далѣе не математики ²⁾).

Мы остановимся здѣсь на уясненіи другой высказанной выше мысли (для которой высшее военное образованіе представляетъ наиболѣе ясныя данныя), а именно той мысли, что образованіе, съ развитіемъ сословной организаціи, теряетъ чисто-профессіональный характеръ; составъ его опредѣляется уже не однимъ требованіемъ профессіи, но и потребностями сословія. Понятіе «дворянщизны» уже не совпадаетъ съ понятіемъ гвардейца; въ него входятъ новыя черты; прежде всего у него является другая профессія—землевладѣніе. Одинъ изъ членовъ каждой фамиліи освобождается для занятія домоводствомъ. И эта профессія для него обязательна; и для нея наз-

¹⁾ П. С. З. № 11,053 (апр. 26).

²⁾ Веселаго: «Оч. ист. морск. корпуса», стр. 11 и 36.

начается обязательное образование ¹⁾ указомъ 1736 г.; но важно то, что профессія одного сословія усложняется. Затѣмъ дворянинъ долженъ отличаться отъ прочихъ «шляхетными поступками», т. е. лучшимъ и высшимъ воплощеніемъ челоуѣчности. И образованіе дворянское изъ военнаго становится «шляхетнымъ». Для уясненія этой мысли достаточно сравнить образованіе, какъ оно понято было въ адмиралтейскомъ регламентѣ съ тѣмъ, какъ оно опредѣлено въ указѣ объ основаніи «шляхетскаго» сухопутнаго кадетскаго корпуса и указѣ о преобразованіи морской академіи въ морской, тоже «шляхетный», корпусъ. Первая форма образованія имѣетъ въ виду просто приготовленіе моряковъ, вторая—дворянъ и уже потомъ офицеровъ и чиновниковъ (потому что офицерамъ и чиновникамъ, начиная съ секретарской должности, должны быть дворяне). Адмиралтейскій регламентъ такъ опредѣлялъ составъ образованія будущихъ моряковъ: они должны обучаться «артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретраншементамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи (математической, поскольку она нужна для моряковъ) и воинскимъ обученіямъ съ мушкетами совершенно; а фортификаціи и анрошамъ, также и корабельнымъ членамъ, чтобъ только знали, что для чего дѣлается: рисованію и на ранирахъ сколько возможно». Здѣсь цѣль всѣхъ частей образованія ясна и проста: все это совершенно необходимо для моряка, будетъ ли этотъ морякъ—дворянинъ, или кто бы то ни было.

Но вотъ составъ образованія въ томъ же заведеніи, опредѣленный указомъ имп. Елизаветы, при преобразованіи его въ морской шляхетный корпусъ: кромѣ математическихъ и собственно морскихъ наукъ здѣсь должны преподаваться географія, генеалогія, «ученье въ штиль и въ реторикѣ», исторія, политика, толкованіе авизей, мораль, геральдика «и прочія шляхетскія науки», языки нѣмецкій, французскій и англійскій; кромѣ того было два учителя рисованія, фехтмейстеръ, танцмейстеръ ¹⁾. Словомъ морской шляхетный корпусъ императрица велѣла устроить во всемъ по образцу сухопутнаго.

¹⁾ П. С. З. № 7142 (дек. 3).

²⁾ Веселаго: «Оч. ист. морск. корп.» стр. 121. Подобное же образова-

А въ этомъ послѣднемъ, уже при самомъ основаніи его, кромѣ специальныхъ и тѣхъ общихъ наукъ, которыя были указаны выше, велѣно было: «черезъ искусныхъ мастеровъ показывать всякія молодому человѣку пристойныя экзерциціи, яко рисованіе, танцованіе, на шпагахъ биться, волтижированіе»; кромѣ того преподавалась музыка. Такими разнообразными орудіями приготавливается уже не морякъ и не офицеръ сухопутной арміи, а дворянинъ. Кромѣ морскихъ и военныхъ являются «шляхетскія» науки.

Въ понятіи объ образованіи это составляетъ шагъ впередъ: законодательство и администрація, въ своихъ дѣйствіяхъ по народному образованію, имѣютъ въ виду уже не однѣ различныя части государственной службы, а именно образованіе, хотя еще только образованіе «шляхетска», «духовнаго», «подьячаго», а не человѣка. Самые простыя понятія суть понятія самыя сложныя; медленнымъ историческимъ путемъ доходитъ общество до признанія тѣхъ явленій, которыя даетъ природа. «Человѣка» еще не знаетъ государство въ своихъ мѣрахъ, направленныхъ къ народному образованію и едва признаетъ его въ другихъ частяхъ права.

не дворянское (что по мнѣнію той эпохи, отождествляется съ общечеловѣческимъ) указывается лучшими умами того времени. Около 1740 г. дворянинъ Татищевъ рекомендуетъ своему сыну слѣд. составъ образованія: прежде всего поучаться въ Законѣ Божіемъ день и ночь, именно: «со вниманіемъ читать писмо святое т. е. библію и ватихизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ.... Также печатныя въ нынѣшніе времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за ватихизисъ, а малая букварь или «Юности честное Зерцало» за лучшее нравоученіе служить могутъ...» Затѣмъ онъ рекомендуетъ выучиться право и складно писать (т. е. изучить грамматику); «потомъ заняться арифметикой, гесметріей, артиллеріей, фортификаціей и другими частями математики; не бесполезно узнать нѣмецкій языкъ, который необходимъ для извѣстія о состояніи государства нашего.» Указываемыя Татищевымъ для изученія русская исторія и географія, не могутъ быть рекомендованы всѣмъ, потому что средства для ихъ изученія Татищевъ указываетъ въ собственной рукописной библіотекѣ, въ то время почти единственной въ Россіи. Наконецъ согласно съ уставомъ кадетскаго корпуса, онъ говоритъ, что полезно знать отечественныя законы, а именно: уложеніе волпскіе артикулы—сухопутныя и морскіе и вообще всѣ печатныя указы. (См. у Н. Попова: «Татищевъ и его время», стр. 209—211).

Самымъ вопіющимъ и мрачнымъ доказательствомъ этой мысли служатъ то, что до времени Екатерины объ образованіи неслужблвыхъ сословіи никто не заботился съ 1720 г. ¹⁾, а сельскому населенію (какъ мы уже упоминали) оно было воспрещено, что до времени Екатерины (или точнѣе Бецкаго), ни правительство, ни сословія не приняло ни одной общественной мѣры къ образованію женщинъ (если не считать первоначальнаго воспитанія нищихъ и подкидышей въ монастырскихъ сиротскихъ учрежденіяхъ, что, какъ мы видѣли уже, исчезаетъ тотчасъ по своемъ появленіи и въ чемъ государство принимаетъ на себя лишь невольную роль семьи) ²⁾. Сознаніе о человѣческой личности пряталось пока въ предѣлахъ семьи и потому характеръ общаго образованія сохранялся лишь за элементарнымъ, предоставленнымъ семьѣ.

---

¹⁾ Указоленіе, изложенное въ регламентѣ главнаго магистрата, не подтверждено никакими административными дѣйствіями и правительство не заботилось объ этомъ, случайно брошенномъ узаконеніи, которое никогда и не выполнялось. По мѣстамъ и образованіе посадскихъ людей старалось прилаживаться къ профессиональной системѣ. Желая учредить общественную школу для своихъ дѣтей, они, по старой памяти, обращаются къ духовенству; школа учреждается, но она тотчасъ дѣлается духовною, архіерейскою школою. Въ 1729 г. еп. астраханскій Варлаамъ представлялъ св. синоду, что «по требованію астраханскихъ купеческихъ дѣтей, заведена тамъ *латинская школа* и въ ней опредѣленъ до указа учитель риторъ Петръ Явсольскій; впредь же просилъ онъ преосвященный, дабы для онаго ученія прислать въ ту школу изъ латинскихъ школъ много учителя; а жалованье ему давать они купецкіе люди общають денегъ по 100 рублей, хлѣба по 15 четвертей, дровъ по 10 сажень». Синодъ послалъ изъ московской академіи ученика Павла Горшковскаго. Этимъ положено было основаніе астраханской архіерейской школѣ. (См. Истор. Росс. Іерарх. I. 430—431).

²⁾ Если вѣрнѣе Веберу, то правительство въ самомъ началѣ XVIII в. (т. е. еще до полнаго господства профессиональной системы) озачинчалось образованіемъ женщинъ, но не имѣя у себя школъ, хотѣло, страннымъ образомъ, примѣнить и къ нимъ господствовавшій въ то время способъ сообщенія образованія, т. е. посылку за границу (способъ, употребленный въ наши дни Японію): «пять лѣтъ назадъ, пишетъ Веберъ, было предположеніе, чтобы самыхъ молоденькихъ и красивыхъ русскихъ дѣвицъ, по примѣру ихъ братьевъ, и на счетъ родителей ихъ, посылать на хлѣбъ къ кому-нибудь въ Кенигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ и въ другіе города для обученія иноземнымъ правамъ и языкамъ, а равно и работамъ, необходимымъ для дѣвицы; но родители возражали, что эти юныя дѣти не устоятъ предъ ино-

Если законодательство имѣетъ въ виду обученіе, а не *образованіе*, то само собою понятно, что важнѣйшій результатъ образованія—правственное усовершенствованіе человѣка вовсе не имѣется въ виду. Какъ понятіе образованія поглощается понятіемъ службы, такъ понятіе о воспитаніи поглощается понятіемъ о дисциплинѣ. Ученики, поступая въ школу, присягаютъ, не смотря на то, что въ концѣ описываемаго времени многіе изъ поступающихъ не только не достигали гражданскаго совершеннѣйшаго, но едва выходили изъ періода младенчества. По инструкціи учителямъ нижегородскихъ школъ, данной въ 1738 г. ¹⁾, ученики и учителя должны принести предъ открытіемъ школы присягу, что будутъ «дѣйствовать вся по силѣ указовъ ея имп. вел.—безлѣбно со всякимъ прилѣжаніемъ, пренебрегая всякія свои угодія и успокоенія и не притворяя себѣ никакого невѣжества и по всѣмъ (во всемъ?) поступать какъ доброму слугѣ и подданному принадлежить». Самыя формы присяги общія на вѣрно-подданство Аннѣ Ивановнѣ, утвержденныя въ 1730 и 1731 годахъ.

Извѣстно, что не только въ тѣ отдаленныя времена, но и во времена близкія къ намъ иногда проявлялись попытки замѣнить авторитетъ воспитателя авторитетомъ закона для дѣтей. Но въ наши времена такія отдѣльныя попытки являются лишь какъ курьозныя отступленія отъ здраваго смысла; но въ тѣ времена это явленіе было сообразно съ общимъ духомъ законовъ объ образованіи.

земной галантностью и честь ихъ можетъ подвергнуться опасности и тѣмъ отклонили исполненіе этого предположенія». Русск. Арх. 1872, кн. 7—8, стр. 1382. Общество должно было прибѣгать къ частнымъ усиліямъ, чтобы хоть сколько нибудь восполнить недостатокъ женскаго образованія въ частныхъ, б. ч. элементарныхъ училищахъ и дома, посредствомъ иноземныхъ учителей и гувернантокъ. Второе вовсе не входитъ въ кругъ нашей задачи, о первомъ упоминаетъ Вороновъ. (Историко-стат. обзоръ учебныхъ заведеній с.-петерб. учебн. округа съ 1715 по 1828 г. стр. 4), приводя свидѣніе, что въ элементарныхъ школахъ того времени не учили ничему, кромѣ чтенія, а «писать обучали только дѣвушекъ и то *про себя*», и заключаетъ, что «тогда не считали нужнымъ обучать дѣвицъ съ такою основательностію, какъ мальчиковъ»; между тѣмъ какъ изъ этихъ словъ совершенно наоборотъ вытекаетъ, что дѣвушекъ учили больше, чѣмъ мальчиковъ.

¹⁾ Временникъ общ. ист. и древн. росс. кн. ХІІ.

наоборотъ подлость состоитъ въ бѣдности и неопрятности вѣшняго вида, что преслѣдовалось правительствомъ прежде всего. 10-го іюля 1724 г. Петръ I проходилъ по классамъ арифметики и геометріи въ морской академіи. То, чѣмъ онъ былъ пораженъ болѣе всего, выразилось въ слѣд. вопросѣ: «чего ради имѣется въ учебнѣхъ учениковъ не весьма много также и скудные (т. е. худо одѣтые)». Ему отвѣчали, что скудные имѣются отъ того, что многіе бѣдные ученики своего ничего не имѣютъ, а жалованье получаютъ съ недоплатками, и то не деньгами, а товарами¹⁾).

Точно также не возможно было достигнуть однородности воспитательныхъ мѣръ. Смотри по характеру того служебнаго вѣдомства, въ которомъ состояла школа, измѣнялись и воспитательныя приемы. Въ духовномъ сословіи, которое продолжало жить въ условіяхъ близкихъ къ народной жизни, воспитательное управленіе скопировано съ порядковъ древнерусской государственной администраціи въ провинціяхъ: для надзора ученики раздѣляются по станицамъ, и «для всегдашняго надъ ними страха» велѣно «выбрать изъ нихъ десятниковъ, и пятидесятниковъ, и сотниковъ и старосту, людей добросовѣстныхъ... и, росписавъ имъ тѣхъ учениковъ по вѣдомствамъ..., имѣть всегда крѣпкое смотрѣніе»; о замѣченныхъ проступкахъ десятники доносятъ пятидесятникамъ, эти сотникамъ, сотники—старостѣ²⁾). Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ устройство воспитательнаго управленія взято изъ порядка отношенія чиновъ въ арміи и флотѣ. По регламенту сухоп. кадет. корпуса 18 ноября 1731 г., воспитанники раздѣлены на двѣ роты, въ каждой по 100 человекъ, съ ротными командирами. Съ тѣхъ поръ до недавнихъ временъ въ этихъ заведеніяхъ ротная дисциплина поддерживалась такъ же, какъ и во всѣхъ строевыхъ ротахъ; по общему армейскому уставу устроена и нисшая градація чиновъ (изъ самыхъ кадетовъ). Домъ, въ которомъ они помѣщены, есть для нихъ казарма, въ которую они собраны для того, чтобы «толь меньше гуляніемъ и непристойными обращеніями и забавами напрасно время не тратили, но во всемъ, какъ въ ученіи,

¹⁾ Веселаго: «Оч. ист. морск. корп.» стр. 53.

²⁾ Временникъ, кн. XVII.

такъ и въ прочемъ ихъ состояніи и поведеніи надъ ними не-престанно имѣть надзраніе». Каждый классъ при своихъ офицерахъ и надзирателяхъ помѣщался въ особыхъ комна-тахъ по 6, или 7 человекъ въ каждой ¹⁾.

Таковы положительныя орудія воспитанія; что касается до отрицательныхъ средствъ, наказаній, то мы уже замѣтили, что для воспитанниковъ служащихъ онѣ во всякомъ случаѣ были уголовными карами; но такъ какъ значеніе службы проникало тогда всякое образованіе, то школьныя наказанія для всѣхъ имѣли болѣе или менѣе уголовно-карательный харак-теръ. Вотъ градація наказаній по инструкціи духовнымъ шко-ламъ: «за легкія вѣщи, кромѣ тѣхъ и другихъ тяжкихъ вины, наказать въ первый и во второй разъ словесно; а за третію вѣщу при собраніи учениковъ сморить шлепами; а за четвертую и пятую плетми и тюремнымъ арестомъ на недѣ-лю». Если преступникъ еще разъ провинится, то доносить письменно духовному судѣ (т. е. обще административной, но не школьной власти), а судья, «сыскавъ такового преступника и сковавъ въ ножныя желѣза, для вящаго наказанія», приш-летъ въ канцелярію. Совершенное сходство этихъ школьных постановленій съ уголовными, и безъ того ясное, окончатель-но утверждается слѣд. пунктомъ: «а кто явится въ тѣхъбахъ и въ протчихъ тому подобныхъ тяжкихъ винахъ», съ тѣмъ и за первую вину поступать такъ же, какъ сказано о пятой винѣ.

Это тождество уголовного права съ педагогическими на-чалами не есть явленіе случайное и не можетъ быть изъяс-нено одними крайними несовершенствами педагогическихъ воззрѣній; всегда (и долго послѣ описываемаго времени), когда образованіе сливается со службою, а воспитаніе съ дисциплиною, является тотъ же результатъ въ системѣ пе-дагогическихъ наказаній: онѣ становятся уголовными въ точ-номъ смыслѣ по безусловной необходимости. Чтобы понять это явленіе во всей широтѣ его дикаго смысла, слѣдуетъ еще прочитать одно мѣсто изъ той же школьной инструкціи, а именно: «кто за кѣмъ свѣдавъ какую вину утаитъ, или въ чемъ солжетъ на кого», на того налагается «равномѣрное

---

¹⁾ Мельницкій: «Сборн. свѣдѣній о военно-учебн. завед.» I. стр. 9.

наказаніе, чему и виноватой подлежить... Ежели и вы, учителя, продолжаете инструкція, сами виноватому въ чемъ учinite послабленіе, воспримете равномерное наказаніе, какъ и объ ученикахъ показано». То есть и учитель будетъ смреннѣ шелепамъ или плетымъ и тюремнымъ арестомъ, или будетъ отправленъ въ кандалахъ. Быть можетъ, эти наказанія также налагаются при собраніи учениковъ (мы не имѣемъ фактовъ, доказывающихъ это предположеніе, во всякомъ случаѣ сообразное съ духомъ инструкціи и той эпохи вообще). Авторитетъ учителя воспитателя былъ силой совершенно не нужной для педагогической машины того времени.

Но что особенно характерно для той эпохи, такъ это то, что наказанія, имѣющія совершенно уголовный характеръ, не были предусмотрѣны никакимъ общимъ закономъ: опредѣленіе ихъ было предоставлено администраціи, которая то дѣлала имъ сводъ въ своихъ инструкціяхъ, то предоставляла измысленіе и примѣненіе ихъ практикѣ.

Въ виду этой причины и въ виду вообще бесполезности исчисленія всѣхъ частныхъ безчисленныхъ родовъ наказаній, примѣнявшихся тогда, мы не приступимъ къ этому исчисленію, которое могло бы только придать ненужную пикантность нашему хладнокровному разсказу.

Рядомъ съ изложенными понятіями о воспитаніи и его отношеніи къ образованію, одиноко стоитъ законодательное опредѣленіе того же предмета, сдѣланное въ духовномъ регламентѣ. Хотя Ософанъ Прокоповичъ, какъ мы видѣли, совершенно раздѣляетъ съ людьми своей эпохи мысль о служебномъ значеніи образованія, но вопреки этому и совершенно непослѣдовательно, онъ и въ образованіи даетъ значительное мѣсто общему и въ воспитаніи держится началъ, немало не вытекающихъ изъ основной мысли регламента о духовныхъ школахъ. Его понятія о цѣли и средствахъ воспитанія опередили общее развитіе русскихъ педагогическихъ идей ровно на полстолѣтія.

Цѣль, постановленная имъ, хотя и невыраженная ясно, таже, какую выставилъ послѣ Бецкій, т. е. созданіе новой породы людей самимъ государствомъ. Средствомъ для этого избрано закрытое заведеніе—семинарія. Подъ именемъ семинаріи духовный регламентъ разумѣетъ вовсе не то, что осу-

ществлено послѣ подѣ этимъ пменемъ; семинарією въ духовномъ регламентѣ называется институтъ для воспитанія въ противоположность академіи-учебному заведенію («подобаетъ быть въ семинаріумъ церкви, аптеки и доктору, и школы въ близкой академіи, куды семинаристы ходитъ учиться будутъ»). Правда, въ этомъ же учрежденіи могутъ быть открыты и собственные классы, но главное значеніе семинаріи остается воспитательнымъ.—Заведеніе это совершенно закрытое, на 50—70 человекъ, раздѣленныхъ на три возраста, каждый въ особой залѣ («пзбѣ»). Въ него принимаются молодые люди отъ 10 до 15 л., но отнюдь не выше. Такой срокъ назначенъ въ духовномъ регламентѣ или вопреки мнѣнію Теофана, или этотъ послѣдній перемѣнилъ въ послѣдствіи свое мнѣніе. Въ проектѣ петербургской семинаріи, который онъ подалъ Петру въ 1721 г., Прокоповичъ писалъ: «совѣтъ мой есть не принимать отроковъ только десятилѣтнихъ или ниже, а не выше 10 лѣтъ, ибо такового возраста дѣти еще не вельми обучилися злоправію и если обучилися, однакожъ не закрѣпили обычаемъ, и мощно таковыхъ не трудно отучить: такожъ бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать»¹⁾. Заведеніе это совершенно отрѣзано отъ остальнаго міра и, главнымъ образомъ, отъ семьи, слѣд. предписаніямъ: семинаристъ вовсе не отпускается изъ семинаріи никуда («въ города, или куды ни естъ, къ своимъ въ гости») до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ ручаться за прочность нравственнаго переворота, совершеннаго въ немъ семинарией («пока не обикнетъ пребывая въ семинаріумъ и не ощутитъ знатной пользы такого воспитанія»). Minimum такого срока регламентъ полагаетъ три года. По истеченіи трехъ лѣтъ семинаристъ можетъ быть отпущенъ не больше двухъ разъ въ годъ съ слѣд. условіямъ: онъ можетъ быть отпущенъ только къ родителямъ или родственникамъ, только въ томъ случаѣ, если эти послѣдніе живутъ не далеко отъ семинаріи, и съ тѣмъ, чтобы прошло не больше 7 дней отъ выхода семинариста до возвращенія его въ семинарію. Но и отпущеннаго семинариста семинарія не упускаетъ изъ виду и изъ рукъ даже въ

¹⁾ См. у Пекарскаго: «Наука и Литература», I, стр. 562—563.

отпускъ: съ нимъ отправляется «честный человекъ» въ качествѣ «инспектора или наблюдателя который былъ бы при немъ вездѣ и всегда и при всякихъ случаяхъ и по возвращеніи давалъ бы репортъ ректору, что дѣялось». Представленный надзоръ такъ серьезенъ, что за утайку чего либо худого, «таковаго плута (инспектора) бить гораздо». Законодатель полагаетъ, что худое поведеніе воспитанника въ домѣ родственниковъ не можетъ не оставить по себѣ долговременныхъ вредныхъ слѣдовъ на его нравственности, такъ что по нравственному измѣненію воспитанника къ худшему рекомендуетъ повѣрять представленнаго къ нему надзирателя.

Отстранивъ вторженіе воспитанника въ прежнюю родную среду, законъ старается предотвратить вторженіе семьи въ замкнутое учрежденіе. Родственники, посѣщающіе семинаристовъ, видятся съ ними не иначе, какъ съ разрѣшенія ректора въ столовой, или въ другой общей залѣ, или въ саду; позволяется даже угощать родственниковъ, но не иначе, какъ въ присутствіи самаго ректора, или одного изъ экзаменаторовъ.

Изолировавъ такимъ образомъ тотъ матеріалъ, изъ котораго государство собирается создавать новыхъ людей, отъ вліянія чуждыхъ элементовъ, оно думаетъ достигнуть этого творчества такими мѣрами. Въ каждомъ изъ трехъ возрастовъ находится воспитатель («префектъ, или надсмотрщикъ»), которымъ можетъ быть и неученый человекъ, лишь бы человекъ «честнаго житія; только бы не весьма свирѣпый и не меланхоликъ». Воспитателемъ не можетъ быть человекъ моложе 30 и старше 50 лѣтъ. Дѣятельность надсмотрщика отнюдь не есть активная воспитательная дѣятельность, а только отрицательная: онъ смотритъ, чтобы между семинаристами не было ссоръ, драки, сквернословія и всякаго иного безчестія и чтобы въ назначенные часы всякій занимался своимъ дѣломъ; безъ его позволенія («благословенія») никто нигде не выходитъ изъ избы. Для поддержанія порядка префектъ располагаетъ властію наказаній въ такомъ объемѣ: «малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозытельнымъ (припомнимъ, что въ дѣйствительныхъ семинаріяхъ дѣйствовали, повидному, совсѣмъ на оборотъ, истощая жестокость наказаній надъ дѣтнами урослыми; такъ и должны

развиваться наказанія въ уголовномъ порядкѣ, гдѣ большая развитость сознанія есть обстоятельство, увеличивающее вину). Въ случаѣ недѣйствительности этихъ мѣръ префектъ доноситъ ректору; образъ и мѣру воспитательныхъ дѣйствій этого послѣдняго законъ не опредѣляетъ: «ректоръ—верховная власть всѣхъ, всякъмъ, по разсужденію, наказаніемъ наказывать можетъ». Наконецъ ректоръ, въ случаѣ неуспѣшности собственныхъ дѣйствій, доноситъ духовной коллегіи (синоду); исключить за безирравственность онъ не можетъ. Въ этомъ выразилась или непобѣдимая вѣра законодателя въ безусловную силу воспитательныхъ дѣйствій государства на нравственность отдѣльныхъ лицъ, или можетъ быть общее начало того времени, по которому негодный въ школѣ или въ воспитательномъ заведеніи все таки поступаетъ въ распоряженіе государства, которое можетъ извлечь изъ него другую пользу.

Говоримъ, что все это мѣры выѣшнія; ими не создается новая порода: законодатель, какъ кажется, расчитывалъ болѣе на творческую силу привычки и дѣйствіе примѣра. Привычки регулируются слѣд. образомъ: «опредѣлить времена ко всякому дѣлу и покою семинарцстамъ: когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итти за транезу, гулять и пр. и все бы оныя часы колокольцемъ означать, и все бы семинарцсты, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ принималсь за дѣло, какое на часъ уреченной назначено». Примѣры подлежали въ образѣ «честнаго человѣка»—префекта и въ обширной области историческихъ образцовъ, которые регламентъ предписываетъ предлагать въ заобѣденныхъ чтеніяхъ изъ исторіи. Но всего болѣе и очевидно онъ расчитываетъ на воспитательное значеніе образования.

Законодатель чувствовалъ, что «такое молодыхъ человѣкъ житіе кажется быти служительное и заключенію плѣнническому подобное», т. е. онъ опасался, что расчитанная, повидимому, навѣрняка, воспитательная сила государства можетъ встрѣтить одно, но за то непреоборимое препятствіе, отвращеніе человеческой природы отъ такого насилія. Но тутъ-то онъ и утѣшается своею вѣрою въ силу привычки: «кто обыкнетъ такъ жить хотя чрезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ». Онъ тѣмъ охотнѣе вѣритъ въ силу при-

вычки, что принимаются въ семинарію люди еще юные съ неокрѣпшимъ характеромъ. Однако «ко врачеванію скуки» законодатель принимаетъ различныя мѣры, а именно: а) прогулки послѣ обѣда и послѣ ужина (въ назначенное для прогулокъ время не позволяется «ниже книжки въ рукахъ имѣть»). Прогулки соединяются съ «играми честными и тѣлодвижными» лѣтомъ въ саду а зимою въ залѣ. Прогулки могутъ соединять забаву съ пользою, такъзы: поѣздка водою на регулярныхъ судахъ, геометрическія съемки, постройка крѣпостей (этимъ Прокоповичъ хотѣлъ польстить пзвѣстной страсти Петра). б) Однажды или два раза въ годъ, особенно лѣтомъ, поѣздки на острова, поля и даже въ Петербургъ; в) публичное чтеніе историческихъ разсказовъ за обѣдомъ; г) театр («акціи и комедіи»), диспуты и «риторскіе экзерциціи», при которыхъ опять удовольствіе соединяется съ пользою, потому что все эти публичныя дѣйствія приучаютъ къ развязности («резолуціи»), совершенно необходимой для проповѣдниковъ и служащихъ при посольствѣ; д) награды за хорошее ученіе; ж) музыка во время обѣда въ большіе праздники, чѣмъ къ тому же поощряется занятіе музыкою въ семинаристахъ, которые и составляютъ доморощенный оркестръ.

Изъ всего этого вполне очевидно, что взглядъ духовнаго регламента на воспитаніе безконечно выше того, который усвоилъ практикою того времени и осуществлялся до самыхъ временъ Екатерины II. Мы не хотимъ здѣсь защищать идею о всемогуществѣ воспитанія и независимости его отъ условій, данныхъ обществу извѣстною эпохою; наконецъ мы никогда не взяли бы защищать мысль о безнравственности началъ, господствующихъ въ семьѣ и обществѣ. Мы говоримъ только, что пзъ образцовъ осуществленія этой мысли, съ которыми намъ и впоследствии придется встрѣтиться въ исторіи и приходится до сихъ поръ встрѣчаться въ жизни, образецъ, данныйъ духовнымъ регламентомъ, принадлежитъ къ числу удачливѣйшихъ.

Но за то онъ и не былъ осуществленъ ни въ какой мѣрѣ: общія казенныя квартиры учениковъ семинарій, военные корпуса не были воспитательными учрежденіями: первыя были мѣстами жительства казеннокоштныхъ учениковъ, вторые казармами.—*Обученіе* и не требуетъ воспитанія. Его требуетъ и предполагаетъ необходимо-*образованіе*.

При отсутствіи полноты объ общемъ образованіи и исключительномъ господствѣ профессиональной системы, естественно, что о свободѣ образованія рѣчи быть не можетъ. Одно изъ важнѣйшихъ началъ отношеній государства къ профессиональному образованію есть огражденіе свободнаго выбора профессіи. По ученію современныхъ полицеистовъ на государствѣ лежитъ даже обязанность предотвращать фактическую возможность нарушенія этой свободы въ частныхъ школахъ, которыя, завербовавъ въ спеціальную школу человека съ дѣтскихъ лѣтъ, тѣмъ самымъ могутъ извратить всю его духовную природу и его жизненную карьеру. Для предотвращения такихъ золъ—одно средство: открывать для всякаго доступъ къ спеціальному образованію лишь тогда, когда онъ предварительно получилъ общее образованіе. Если же государство вовсе не имѣетъ въ виду этого послѣдняго, то оно должно признать своею задачею не огражденіе свободы въ выборѣ профессіи, а совершенно наоборотъ строгую обязательность ея. При распределеніи профессіи по сословіямъ, обязаннымъ государственною службою, это начало принудительности получаетъ наиболѣе строгій характеръ.—Здѣсь мы переходимъ къ изложенію мѣръ прилужденія къ образованію, употребленныхъ въ русскомъ государствѣ XVIII в. правительствомъ и сословіямъ и встрѣтимся съ ходячею мыслию о дикомъ противодѣйствіи общества просвѣтительнымъ началамъ правительства. Не забывая впередъ, замѣтимъ только, что если законодательство, въ своихъ мѣрахъ по народному образованію, вовсе не имѣло въ виду образованія, а различныя формы государственной и церковной службы, то противодѣйствіе, которое оно встрѣтило, очевидно, было направлено не противъ образованія, а противъ закрѣпощенія къ службѣ. Темные навѣты, прорывавшіеся тамъ и сямъ въ недавнее наше время при основаніи народныхъ школъ, что собранные въ школы ученики будутъ забрапы въ солдаты, находятъ себѣ полное историческое оправданіе въ мѣрахъ XVIII в.

Глава V. Обязательность профессиональнаго образованія и управленіе имъ. Мѣры принужденія въ дворянскомъ сословіи: государственные экзамены (смотры) до 1737 г. и по системѣ, установленной въ 1737 г.; ослабленіе установленныхъ мѣръ: узаконенія Анны Леопольдовны; вліяніе Московскаго Университета; проекты И. П. Шувалова; манифестъ о вольности дворянства; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ. Обязательность солдатскаго образованія. Мѣры принужденія въ духовномъ сословіи: косвенныя (запись въ подушный окладъ и рекрутчина), прямыя: общая система принужденія («сказки», смотры, разсылка солдатъ и учителей; средства уклоненія отъ смотровъ и наказанія за то; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ: записи укрѣпленія; наказанія за бѣгство; «оброчные ученики»); обязательность образованія для молодыхъ монаховъ. Причины уклоненій отъ образованія. — Управленіе образованіемъ: 1-я эпоха — тройственная система; 2-я эпоха — двойственная система; 3-я эпоха — раздробленіе администраціи образованія по всѣмъ отраслямъ управленія.

Хотя свобода элементарнаго образованія составляетъ спорный вопросъ, а свобода профессиональнаго образованія есть начало для всѣхъ ясное само по себѣ, но въ исторической жизни народовъ чаще бываетъ наоборотъ. У насъ именно профессиональное образованіе всегда обнаруживало наклонность къ принудительности. Причина этого заключается въ его сущности, именно въ томъ, что его значеніе лежитъ внѣ его, въ тѣхъ задачахъ, которыя преслѣдуютъ извѣстныя профессіи. Профессиональное образованіе есть лишь условіе для исполненія сословныхъ или общегосударственныхъ обязанностей.

Отсюда очевидно, что обязательными дѣлаются обыкновенно такія профессиональныя знанія, которыя непосредственно касаются интересовъ государственной жизни, или говоря ближе, государственной службы. Экономическія профессіи, конечно, чрезвычайно важны для государственной жизни, но не составляютъ службы государству. Поэтому обязательность профессиональнаго образованія, по нашему законодательству, была установлена только относительно тѣхъ людей, которые должны были приготовляться или къ государственной службѣ,

или къ духовной т. е. для сословія шляхетскаго, солдатскаго, подъяческаго и духовнаго.

Обращаясь къ мѣрамъ принужденія къ образованію, изобрѣтенимъ законодательствомъ и практикою того времени, мы находимъ что они различались, смотря по различію сословія: въ дворянскомъ сословіи само государство принимало прямыя мѣры, состоящія въ обязательномъ призывѣ дѣтей всѣхъ лицъ, исполняющихъ государственныя профессіи, въ школы или на смотры и принудительномъ содержаніи ихъ въ школахъ. Въ отношеніи къ духовному сословію государство довольствовалось большею частію косвенными мѣрами, представляя прямыя распоряженія сословнымъ властямъ. Въ томъ и другомъ случаѣ государство дѣлаетъ обязательнымъ не только обученіе вообще, но приобрѣтеніе образованія пменно въ томъ объемѣ его, какой утверждёнъ законодательствомъ. Первое регулируется какъ *обязанность родителей* представлять дѣтей въ школы, или обязательныя государственныя экзамены; второе, какъ *обязанность учениковъ* продолжать начатое образованіе въ школахъ или сдать окончательный экзаменъ къ поступленію на дѣйствительную службу.

Разсмотримъ прежде всего мѣры по отношенію къ дворянскому сословію. Весь длинный рядъ этихъ мѣръ разлагается реформою 1737 года на двѣ половины: съ нач. XVIII в. до 1737 г. и съ 1737—до манифеста о вольности дворянства. Законодательство о принудительномъ наборѣ (для образованія и службы вмѣстѣ) начинается въ 1715 года ¹⁾: въ этомъ году (дек. 20) великій государь далъ приведенный выше указъ, по которому «всѣхъ знатныхъ особъ дѣтей, отъ 10 л. и выше, велѣно выслать въ школу сепктъ-петербургскую» (т. е. морскую академію) ²⁾. Затѣмъ съ 1720 г. начинается безпрерывный рядъ періодически-повторяющихся указовъ о *смотрѣхъ* недорослямъ, т. е. дѣтямъ лицъ сперва состоящихъ въ военной службѣ, а потомъ и въ гражданской. Цѣль смотровъ заключалась въ разборѣ дѣтей, смотря по возрасту и состо-

---

¹⁾ Хотя и безъ узаконеній смотры, имѣвшіе цѣлю между прочимъ отдачу въ школы, производились съ самаго начала XVIII в. (См. Ромаповичъ-Славатинскій: «Двор. въ Россіи». стр. 121.

²⁾ П. С. З. № 2968. См. выше приведен. мѣсто арх. прав. сек. 319.

янію здоровья, пли въ дома родителей навсегда, пли на срокъ, пли въ школы, пли на службу. Эти смотры суть именно государственные экзамены, на основаніи которыхъ лицо, по степени пріобрѣтеннаго имъ, въ извѣстный періодъ, образованія назначается на ту пли на другую государственную службу. На этихъ обязательныхъ экзаменахъ основывается вся система принужденій къ профессиональному образованію. Кто подлежитъ экзаменамъ, кѣмъ и гдѣ производятся они и какія послѣдствія неявки и неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на нихъ—вотъ вопросы, рѣшаемые отрывочными узаконеніями до 1737 г. и окончательно рѣшенные законами этого года. Первое узаконеніе о смотрахъ не упоминаетъ еще о школахъ ¹⁾; оно опредѣляетъ только произвести смотръ дѣтямъ военно-служащихъ ищущихъ классовъ въ губерніяхъ чрезъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, съ представленіемъ вѣдомостей о томъ въ военную коллегію, а шляхетскимъ дѣтямъ произвести смотръ въ самой военной коллегіи.

Послѣ Петра въ 1726 г. адмиралтейская коллегія требовала отъ герольдмейстерской конторы, чтобы для пополненія комплекта морскихъ академій (петербургской и московской) выслано было узаконенное число недорослей. Герольдмейстерская контора отвѣчала, что разборъ недорослей происходитъ въ военной коллегіи, которая и опредѣляетъ кого въ гвардію, кого въ адмиралтейство въ школы. Къ военной коллегіи сенатъ и обратилъ требованіе заявленное адмиралтейскою коллегію ²⁾.

Такъ какъ профессиональное образованіе пріобрѣтается не посредствомъ только школы, то всѣ эти смотры и разборы совершались въ виду принужденія къ пріобрѣтенію такого образованія, хотя изъ подвергавшихся смотру лишь немногіе отдаваемы были въ школу. Такъ именно смотритъ на дѣло само законодательство того времени, что и выразилось въ указѣ объ учрежденіи кадетскаго корпуса (1732 г., февр. 14). Въ томъ же году правительство нашло, что высылка всѣхъ недорослей въ Петербургъ на смотръ затруднительна для семействъ несостоятельныхъ; а потому было предписано, чтобы лица, достигшія урочныхъ (17) лѣтъ, опредѣляемы

¹⁾ П. С. З. № 3631.

²⁾ П. С. З. № 4863.

были прямо на службу въ мѣстные армейскіе полки; но молодые люди отъ 12 до 15 л. должны быть всё отправляемы въ адмиралтейство. Дѣти ниже 12 лѣтняго возраста отцускаются въ дома родителей, гдѣ, какъ увидимъ ниже, они должны были получать элементарное образованіе, необходимое для профессиональнаго ¹⁾). Указомъ тогоже года, іюля 13, велѣно такимъ педорослей представлять на смотръ въ кабинетъ ²⁾).

Не смотря на эти распоряженія и идущія рядомъ съ ними мѣры по открытію школъ, дѣти дворянскіе, офицерскіе и прочихъ служилыхъ людей, являлись на разборъ въ маломъ числѣ и укрывались подъ разными видами, вступали въ дворовую службу къ людямъ разныхъ чиновъ и переходили изъ города въ городъ, «дабы званіе свое утатъ.» Хотя правительствомъ, «по высокомонаршему своему милосердію, желая имъ всякаго добра, учредило сверхъ гарнизонныхъ школъ во всякихъ городахъ школы съ казеннымъ содержаніемъ для учениковъ, но они, не взирая на эту милость и не желая собственной пользы, «отъ наукъ убѣгаютъ и тѣмъ сами себя губятъ». Въ слѣдствіе этого въ 1736 и 1737 гг. изданъ рядъ узаконеній, составляющихъ цѣлую стройную систему законодательства объ обязательномъ образованіи. Прежде всего назначаются мѣста для смотровъ, болѣе удобныя для практическаго осуществленія этой мѣры; именно въ 1736 г. мая 6 опубликованъ указъ о повсемѣстномъ разборѣ дѣтей служилыхъ людей (т. е. дворянскихъ, офицерскихъ и проч.) кромѣ одиодворческихъ и разсылщичковыхъ, начиная съ 7 лѣтняго возраста. Смотръ и разборъ производится, вѣроятно смотря по удобствамъ ближайшаго мѣстожителства, въ Петербургѣ въ герольдмейстерской конторѣ, въ Москвѣ въ сенатской конторѣ, въ арміи у генераловъ, въ губерніяхъ у губернаторовъ, въ провинціи у воеводъ. Всѣ (какъ можно заключать изъ словъ указа) малолѣтныя записываются въ школы, дѣти бѣдныхъ дворянъ поступаютъ на казенное содержаніе. Кто же и послѣ этого будетъ скрываться, то за доносъ объ укрывающихся доносителямъ будутъ отданы ³⁾ пожитки и деревни ихъ.

¹⁾ П. С. З. № 5976 (марта 8).

²⁾ П. С. З. № 6127.

³⁾ П. С. З. № 6949 (мая 6).

Уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сенатъ убѣдился, что и эта строгость, растворенная мпlostью, мало дѣйствуетъ; до сентября того же года у герольдмейстера явилось «самое малое число» дѣтей; сенатъ вынужденъ вновь повторить свой указъ отъ 6 мая ¹⁾. Само собою разумѣется, что такія слишкомъ общія узаконенія не могли привести къ желаемой цѣли. Уже одно то, что образованіе должно быть приобретаемо только въ школахъ, должно было парализовать вполнѣ успѣшное дѣйствіе закона: во первыхъ не было и не могло быть тогда школъ въ количествѣ достаточномъ для массы дѣтей служилыхъ людей; во вторыхъ родители и родственники подвергались слишкомъ тяжкому искушенію укрывать дѣтей, когда эти послѣднія уже въ 7 лѣтъ, т. е. почти въ въ періодѣ младенчества, должны были отдаваемы на попеченіе постороннихъ, именно въ среду гарнизонной солдатчины, притомъ б. ч. въ города весьма отдаленные отъ мѣстъ жительства семьи. Правительству предстояла крайняя необходимость помирить хотя нѣсколько противоположные интересы государства и семьи. И дѣйствительно съ конца 1736 г. правительство начинаетъ регулировать отправленіе школьной повинности съ большей подробностью и большимъ вниманіемъ къ интересамъ сословія. Въ этомъ отношеніи манифестъ 31 дек., касающійся дворянства, весьма замѣчательнъ; онъ проторилъ стезю другимъ узаконеніямъ, которыя существенно смѣнили порядокъ отправленія этой повинности. Упомянутый манифестъ позволяетъ родителямъ дворянамъ, имѣющимъ болѣе одного сына, оставлять при себѣ въ домѣ одного. Оставленный дома, однако, долженъ былъ выучиться грамотѣ «и по послѣдней мѣрѣ арпеметикѣ» съ тою цѣлію, чтобы быть годнымъ къ гражданской службѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общая школьная повинность всѣхъ прочихъ шляхтичей ни сколько не ослабляется этимъ, напротивъ она возрастаетъ по мѣрѣ ея регулированія. «По сіе время, говоритъ манифестъ, не было учинено опредѣленія—какое время быть въ военной службѣ; теперь постановляется, что шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ воиную службу» ²⁾.

¹⁾ П. С. З. № 7039 (сент. 6).

²⁾ П. С. З. № 7142.

Какимъ образомъ распредѣляется эта наука на пространства отъ 7 до 20 л. мы уже знаемъ; это было рѣшено замѣчательнымъ указомъ 1737 (Февр. 9), который, по справедливости, долженъ считаться опредѣляющимъ закономъ дворянскаго сословія (до манифеста Петра III). Мы знаемъ, что время отъ 7 до 20 лѣтъ разбивается на три срока и по этимъ срокамъ распредѣляются три ступени образованія недорослей. Здѣсь изложимъ мѣры принужденія, преимущественно относящіяся къ приготовительному и профессиональному образованію. Первый смотръ, при достиженіи семи лѣтъ, производится какъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ. Смотръ этотъ имѣетъ цѣлю лишь записъ недорослей въ особія книги, которыя и отсылаются герольдмейстеру; при этомъ, впрочемъ, объявляется, чему кто учится (хотя до 7-лѣтняго возраста никакое образованіе не влѣяется еще въ обязанность. а) Время отъ 7 до 12 л. назначается на обязательное элементарное образованіе; оно обязательно, потому что при смотрѣ въ 12 лѣтъ производится экзаменъ, на которомъ требуется знаніе грамоты (умѣнье читать и писать). Въ этотъ періодъ все дѣти учатся въ домахъ. б) Второй періодъ отъ 12 до 16 лѣтъ—время образованія приготовительнаго къ будущему спеціальному, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ возрастающей принудительности образованія. Правительство позволяетъ семьѣ сообщать такое образованіе собственными силами только въ такомъ случаѣ, если желающіе этого родители представляютъ достаточныя ручательства, что они съ состояніемъ выполнятъ назначенную для него правительствомъ программу. Ручательства эти состоятъ во первыхъ въ томъ, каковы имущественныя средства отца или родственника: братъ въ домъ дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ допускается только такимъ, у которыхъ свыше 100 душъ крестьянъ. Правительство боится, что «малоимѣтные, не разсуждая не только о государственной, но и о собственной своей пользѣ», пожелають имѣть сына предъ своими глазами «по сродной своей горячности», не имѣя способствъ къ его обученію. Во вторыхъ довѣріе правительства можетъ быть возбуждено и нравственными средствами: если родители, даже и не имѣющіе 100 душъ крестьянъ, докажутъ, что дѣти ихъ и до 12 л. уже начали изученіе арифметики и геометріи, то

правительство имѣетъ основаніе довѣрять имъ и надѣяться на продолженіе этихъ занятій въ возрастѣ слѣдующемъ, когда, по плану правительства, онѣ и должны быть изучаемы. Само собою разумѣется, что, при нежеланіи родителей взять дѣтей домой, каковы бы ни были ихъ средства, дѣти берутся въ школы. Во всякомъ случаѣ дѣти отпускаются къ семействамъ, со взятіемъ съ отцовъ *крѣпкаго обязательства* (о чемъ впушительно два раза повторять указы) выполнить программу приготовительнаго образованія. Конечно это крѣпкое обязательство было письменное. При третьемъ смотрѣ (который производится уже только въ столицахъ—въ Петербургѣ и Москвѣ) экзаменъ производится въ сенатѣ съ особенною тщательностію—«подлинно свидѣтельствуется»—дѣйствительно ли молодые люди усвоили себѣ приготовительное образованіе. При этомъ случаѣ родители объявляютъ—кого изъ дѣтей они желаютъ оставить дома для занятія хозяйствомъ. Если на экзаменѣ окажется, что родители не выполнили своего обязательства, дѣти не знаютъ наукъ, назначенныхъ на этотъ возрастъ, то наступаютъ карательныя мѣры, падающія на дѣтей,—они записываются въ матросы «безъ всякаго произвожденія». Тому же подвергается и тотъ изъ сыновей, котораго отецъ предназначаетъ къ хозяйственной дѣятельности, если и онъ не выучился чему слѣдуетъ. в) Въ послѣдній періодъ отъ 16 до 20 лѣтъ, предназначенный на самое профессиональное образованіе, обязательность его ограждается такими же условіями, какъ и во 2-й: отцы родственники и теперь могутъ взять дѣтей домой съ обязательствомъ дать имъ образованіе въ тѣхъ границахъ, которыя назначены правительствомъ. Впрочемъ эта обязательность кончается 1) для тѣхъ, которые должны остаться дома для содержанія экономіи, 2) повидимому для тѣхъ, которые изъявляютъ предпочтеніе гражданской службы предъ военною, — ихъ велѣно опредѣлять въ гражданскую службу по усмотрѣнію сената. Но мы увидимъ сейчасъ, что это поступленіе на службу и для нихъ было поступленіемъ собственно въ спеціальныя школы, прпготовляющія къ службѣ гражданской.

Рядомъ со всѣми этими предупредительными мѣрами сохраняеть свое значеніе прежняя карательная мѣра. Какими бы гарантіями ни были обставлены узаконенія объ обязатель-

номъ образованіи, законъ предполагаетъ, что родители и родственники все-таки могутъ укрыть дѣтей отъ смотровъ и школы; въ такомъ случаѣ, согласно съ закономъ 1736 г., имѣнія и пожитки нарушителей должны быть отданы доносчикамъ, если эти послѣдніе докажутъ своей доносъ.

Законодательство этого времени уже начало понимать, что исполненіе такой повинности, какова повинность образованія, не можетъ быть вынуждено однимъ вышнимъ мѣрами, что должно быть чѣмъ нибудь возбуждено направленіе въ эту сторону свободы воли; и вотъ законъ присоединяетъ, что «предусиѣвшіе въ наукахъ паче другихъ» и обнаружившіе радѣтельное стараніе, производится въ чины раньше другихъ, «дабы другіе, изъ то смотря, къ равному жъ прилежанію и радѣнію побуждены и отъ душевредительнаго гулянія и другихъ безпотребствъ воздержаны были»¹⁾.

Изъ представленнаго узаконенія видно, что обязательнымъ является все образованіе, взятое въ совокупности; но очевидно, что самая важная часть его это образованіе собственно профессиональное, т. е. пріобрѣтаемое въ послѣдній періодъ отъ 16 до 20 л. Поэтому когда изложенный именной указъ былъ опубликованъ, то сенатъ счелъ своею обязанностью обратить вниманіе администраціи именно на ту часть указа, гдѣ говорится объ отпускѣ въ дома недорослей послѣдняго періода; онъ предписалъ губернаторамъ и воеводамъ имѣть прилежное смотрѣніе объ обученіи ихъ и повторилъ угрозу, что необучившіеся будутъ записаны въ солдаты вѣчно. Не знаемъ какіе способы могли находить губернаторы и воеводы для исполненія этого предписанія²⁾.

Постановленіе о двукратномъ экзаменѣ (въ 12 и 16) л. распространено и на обучающихся въ общественныхъ школахъ именно на воспитанниковъ кадетскаго корпуса указомъ марта 30, а на воспитанниковъ гарнизонныхъ школъ указомъ апр. 24. Для кадетовъ экзаменаціонная коммисія составляется изъ одного сенатора, изъ учителей де-сіансъ-академіи и инженерной школы. Учениковъ гарнизонныхъ школъ свидѣтельствуешь въ Петербургѣ членъ военной коллегіи, а въ гу-

¹⁾ П. С. З. № 7171 (февр. 9).

²⁾ П. С. З. № 7182 (февр. 19, 1737).

берпіяхъ-губернаторы, коменданты и инженерные и артиллерійскіе офицеры «при другихъ ученыхъ людяхъ». Если молодой человекъ въ 16 л. окажется ничему не обучившимся, проводившимъ время въ гуляніи, и въ поступкахъ, неприличныхъ честнымъ людямъ, то немедленно отсылается для опредѣленія въ матросы безъ выслуг; потому что, по мнѣнію законодателя, кто не показалъ никакого радѣнія въ приобрѣтеніи приготовительныхъ знаній, «такихъ безтрудныхъ и весьма потребныхъ наукъ», тотъ уничтожаетъ всякую вѣроятность въ успѣшномъ приобрѣтеніи профессиональныхъ знаній. Указъ этотъ прочитывается кадетамъ по два раза каждую недѣлю ¹⁾). Но такъ какъ это узаконеніе о двукратномъ экзаменѣ во все время ученія совершенно противорѣчитъ всѣмъ педагогическимъ условіямъ школы, гдѣ учащіеся распределяются не по цифрамъ числа лѣтъ отъ рожденія (и слѣд. для каждаго ученика приходилось бы собирать экзам. комиссію) и гдѣ наблюденіе за успѣхами учениковъ должно быть постоянное (и слѣд. экзамены болѣе частые), то это узаконеніе относительно кадетскаго корпуса не продержалось и 4 мѣсяцевъ. Указомъ 6 іюля оно отменено и велѣно кадетъ экзаменовать два раза въ годъ ²⁾).

Но едва установилась эта стройная система, какъ практика уже начала подкапываться подъ нее. Многіе изъ числа дворянскихъ дѣтей, поступившіе послѣ 2-го и 3-го смотровъ въ гарнизонныя школы, потому что отцы и родственники ихъ не приняли на себя отвѣтственности за дальнѣйшее ихъ образованіе, начали проситься объ отпускѣ домой для приобрѣтенія на мѣстѣ требуемыхъ знаній. Далѣе указъ 9 февр., назначивъ такихъ къ поступленію въ общественныя школы, не опредѣлялъ на чей счетъ они будутъ содержаться тамъ. Правда, что еще указомъ 6 мая 1736 г. было рѣшено, что дѣти бѣдныхъ родителей обучаются на казенный счетъ, но чѣмъ опредѣляются степени бѣдности, указано не было; поэтому и сами гарнизонныя школы затруднялись содержать назначенныхъ въ нихъ дворянскихъ дѣтей. Отсюда уже въ маѣ 1737 г. возникъ запросъ изъ военной коллегіи въ се-

---

¹⁾ П. С. З. № 7213 (марта 30, 1737) и № 7235 (апр. 24).

²⁾ П. С. З. № 7313.

пять. Сенать отказалъ въ отпускѣ домой учениковъ, послѣ записи ихъ въ школы на томъ основаніи, что они записаны «по ихъ желанію» (между тѣмъ указъ 9 февр. предполагалъ справляться съ желаніями родителей, а не дѣтей, съ желаніями которыхъ, особенно 12 лѣтнихъ, едва ли могъ сообразоваться образъ дѣйствій начальства) и на томъ основаніи, что никто изъ отцовъ и родственниковъ за нихъ не обзался. Чтоже касается до способовъ ихъ содержанія въ школѣ, то сенать рѣшилъ, что дѣти, за родителями которыхъ числится менѣе 20 душъ, должны получать казенное жалованье наравнѣ съ солдатскими дѣтьми ¹⁾.

Изображенная система обязательнаго обученія держалась до конца царствованія императрицы Анны. Въ правленіе Анны Леопольдовны она подверглась было совершеной отмѣнѣ указами 21 янв. и 2 марта 1741 г. Оба эти указа, игнорируя систему, установленную въ 1737 году, возстановляютъ старинные порядки поступленія дворянъ прямо въ службу. По первому изъ нихъ (пунктъ 25) молодые дворяне имѣющіе свыше 17 л. должны явиться или въ армію къ генераламъ или въ Петербургъ и Москву (въ герольдію, военную коллегію и контору), послѣ чего и опредѣляются въ службу, а именно (по указу 2 марта) въ полки лейбъ-гвардіи. Этими постановленіями (по словамъ указа 1742 г., дек. 11) такое послабленіе недорослямъ дано, при которомъ во первыхъ невозможно пропорціональное распредѣленіе служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ (при чемъ особенно пострадало морское вѣдомство и адмиралтейская академія), во вторыхъ вообще страдаютъ интересы службы, такъ какъ недоросли не получаютъ наукъ, «надлежащихъ юностиымъ лѣтамъ», спѣшатъ записываться въ службу, преимущественно сухопутную въ такихъ лѣтахъ, когда «еще службы спести не могутъ» и потомъ живутъ въ домахъ родителей безъ всякаго занятія. Елизавета Петровна возстановляетъ узаконеніе 1737 года, ограждая его угрозами новыхъ чрезмѣрно-суровыхъ каръ, направленныхъ противъ дѣтей. Тѣ недоросли, которые не явятся на смотръ по достиженіи 7-лѣтняго возраста, или явятся пропустя этотъ срокъ и будутъ скрывать свои лѣта, опре-

¹⁾ П. С. З. № 7250 (мая 11).

дѣляются навѣчно или въ матросы (если они малолѣтніе), или въ солдаты (если имъ свыше 20 лѣтъ); а «престарѣлые» посылаются на поселеніе въ Оренбургъ. Такимъ же наказаніямъ подвергаются и тѣ изъ нихъ, которые, хотя и явились въ срокъ, но объявляютъ число душъ мужа, пола, состоящихъ за ихъ отцами, выше или ниже дѣйствительнаго (въ первомъ случаѣ конечно для того, чтобы воспользоваться правомъ отпуща домой, во второмъ для того, чтобы воспользоваться «азеннымъ» содержаніемъ въ школахъ). Законъ старается оправдать эту свою суровость тѣмъ, что несмотря на неоднократныя публикациі о явкѣ на смотръ, являются не только не всѣ молодые, но даже и престарѣлые. Въ послѣднемъ случаѣ государство терлеть всякую возможность воспользоваться ими для службы себѣ, за то оно посылаетъ ихъ на поселеніе ¹⁾.

Въ 1747 г. было сдѣлано временное изъятіе отъ дѣйствія этого строгаго закона какъ для недорослей и престарѣлыхъ, которые уже дѣйствительно записаны въ матросы и въ солдаты, и посланы на поселеніе (за неявку въ срокъ, утайку лѣтъ и числа душъ крестьянъ), такъ и для тѣхъ, которые были приговорены къ тому. Они должны были поступить въ школы или въ службу, а престарѣлые могли возвратиться домой. Но на будущее время указъ 1742 оставленъ въ полной силѣ. Здѣсь же въ первый разъ установлено какой именно срокъ назначается для смотра недорослей; нельзя же всегдѣ явиться точно въ день рожденія. Указъ назначаетъ для явки цѣлый годъ (т. е. 6-7, 12-13, 16-17, 20-21) ²⁾.

Однако ип съ чѣмъ не сообразная строгость этого указа, падающая на дѣтей и даже 7-лѣтнихъ младенцевъ, заставила измѣнить его (или «пополнить», какъ выражается послѣдующее узаконеніе) болѣе благоразумнымъ способомъ. Правительство убѣдилось наконецъ, что есть такія дѣти, у которыхъ отцевъ и братьевъ нѣтъ, а если и есть, то они состоятъ въ службѣ и объявить ихъ некому, что во всякомъ случаѣ 7-лѣтній не въ состояніи показать вѣрно, сколько душъ за его отцемъ, и тѣмъ не менѣе всегдѣ такихъ продолжали писать въ матросы вѣчно. Въ слѣдствіе этого, по указу 1751

¹⁾ П. С. З. № 8683 (дек. 11).

²⁾ П. С. З. № 9465 (дек. 23).

года изложенныя выше грозныя послѣдствія должны падать только при второмъ смотрѣ въ 12 лѣтъ ¹⁾).

Учрежденіе московскаго университета, не состоявшаго въ связи съ прежними спеціальными школами, вызвало необходимость примирить его привилегію—принимать лицъ всякаго званія съ обязательностію образованія дворянъ. Однако эта обязательность не потеряла отъ того никакихъ существенныхъ измѣненій, осталась при прежней своей строгости. Университетъ предлагалъ произвести слѣдующую сдѣлку съ прежними узаконеніями о смотрахъ: онъ, университетъ, будетъ принимать учениковъ изъ дворянъ и сообщать о нихъ въ герольдію, а герольдія, дозволяетъ имъ учиться до того срока, какой будетъ назначенъ сенатомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ просилъ, чтобы дворянамъ дозволено было оканчивать въ немъ ученіе и послѣ того, какъ имъ уже исполнилось 20 лѣтъ. Но сенатъ не согласился на такую простую сдѣлку. Онъ дозволяетъ университету принимать дворянъ (какъ и прежде родителямъ не было воспрещено, взявъ сына домой, помѣщать его въ какое угодно учебное заведеніе для приготовительнаго образованія), но подчиняетъ дѣйствія университета въ этомъ отношеніи опредѣленіямъ указа 9 февр. 1737 года. Въ срокъ, назначенный для перваго смотра, т. е. въ 7 лѣтъ, дворяне могутъ являться вмѣсто герольдіи и губернаторовъ—въ московскій университетъ и этотъ послѣдній можетъ, принявъ ихъ къ себѣ для ученія, увѣдомить о томъ герольдію, какъ увѣдомляли обыкновенно провинціальныя власти, производившія смотръ. Затѣмъ принятые уже не подвергаются смотрамъ до 16 лѣтъ, а если окажутъ особенную склонность къ наукѣ, то и до 20 лѣтъ. Равнымъ образомъ университетъ можетъ принимать и такихъ лицъ, которые уже были на смотрахъ 1-мъ, 2-мъ или 3-мъ, о чемъ университетъ долженъ убѣждаться всякій разъ изъ ихъ паспортовъ. Но лица, не бывшія на смотрахъ въ срокъ, до поступленія въ университетъ, не могутъ быть въ него приняты, они подлежатъ къ написанію въ матросы и въ солдаты. Такъ какъ поступающіе въ университетъ могутъ уже состоять на службѣ военной, или гражданской, то это имъ не препят-

¹⁾ П. С. З. № 9909 (нояб. 23).

ствуесть продолжать образованіе, а школа не препятствуесть получать обыкновенное производство по службѣ. На счетъ оставленія въ университетѣ лицъ свыше 20 л. сенатъ не далъ безусловнаго согласія; онъ позволилъ каждый разъ представлять о такихъ сенату и ждать отъ него рѣшенія ¹⁾). Въ 1758 г. сенатъ даже нашелъ нужнымъ издать указъ, поощряющій дворянъ къ поступленію въ университетъ ²⁾). Тѣ же условія приѣма дворянъ применены были и къ казанской гимназій ³⁾).

Чѣмъ болѣе близимся мы ко временамъ Екатерины, чѣмъ вѣяніе грядущей свободы дѣлается замѣтнѣе, тѣмъ слабѣе становится энергія законодательства въ занимающемъ насъ вопросѣ. Ив. Ив. Шуваловъ, въ своемъ извѣстномъ проектѣ объ учрежденіи гимназій, предупредилъ свое время. Онъ хотѣлъ, чтобы дворяне не требовались на службу раньше 18 лѣтъ. Время до 18 лѣтъ посвящается на обученіе въ школахъ специальныхъ (кад. корпусѣ) и общеобразовательныхъ (петерб. и моск. университетахъ и тѣхъ гимназійхъ, которыя онъ проектируетъ). Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы предоставить молодымъ людямъ, уже получившимъ общее образованіе, свободный выборъ профессіи. Для выбирающихъ своею профессіею гражданскую службу онъ и предназначаетъ проектируемыя гимназій. Сенатъ одобрялъ мысль Шувалова въ принципѣ, признавъ ее полезною «для приведенія молодыхъ людей въ лучшее состояніе». Но осуществленіе этой мысли было отложено до будущаго ⁴⁾). Исполненіе этого проекта означало бы переходъ отъ профессиональной системы къ системѣ общаго образованія.

Что время такого переворота было уже не далеко — на это указываетъ сенатскій указъ 1761 г., которымъ смягчается еще болѣе строгость постановленія 1737 г. Въ облегченіе положенныхъ въ этомъ послѣднемъ штрафовъ, сенатъ постановляетъ теперь, что не явившіеся въ срокъ недоросли отдаются въ солдаты не вѣчно, а только на одинъ годъ, послѣ

---

¹⁾ П. С. З. № 10558 (1756 г., мая 18).

²⁾ П. С. З. № 10812 (1758 г., марта 20).

³⁾ П. С. З. № 10860 (1758 г., іюля 21).

⁴⁾ П. С. З. № 11144 (15 нояб. 1760 г.).

чего они записываются туда, куда будутъ годны. Лишь относительно тѣхъ, которые не лягутъ ип къ одному смотру и такъ дожить до старости, — удерживаются опредѣленія 1737 г.; но каждый разъ ссылка ихъ на поселеніе въ Оренбургъ совершается по высочайшей конфирмаціи ¹⁾).

Манифестъ о вольности дворянства 1762 г., повидимому, не принесъ свободы образованію. Манифестъ въ началѣ объявляетъ вольность не только взрослымъ, но и малолѣтнимъ дворянамъ и повелѣваетъ «для единственнаго только свѣдѣнія» объявлять ихъ въ 12 лѣтъ, гдѣ кому удобнѣе, въ герольдіи, губерніяхъ, провинціи и въ городахъ. Но съ каждою строкою тонъ и содержаніе этого акта становится строже по отношенію къ обязательности образованія. Изъ дальнѣйшихъ словъ манифеста оказывается, что смотръ въ 12 лѣтъ производится не единственно только для свѣдѣнія; родители и родственники при этомъ должны подать извѣстіе, чему они учили своихъ дѣтей до 12 л. и чему и гдѣ предполагаютъ учить дальше, въ общественныхъ ли школахъ, основанныхъ государствомъ, или дома посредствомъ частныхъ учителей, если это послѣднее возможно для нихъ по ихъ состоянію. Далѣе тонъ манифеста идетъ все crescendo: «однакожь чтобъ никто не дерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ». Наконецъ финалъ этого пункта манифеста совершенно не сходенъ съ началомъ: всѣ дворяне, не имѣющіе 1000 душъ крестьянъ (т. е. огромнѣйшее большинство ихъ) должны объявить своихъ дѣтей прямо въ кадетскомъ корпусѣ; слѣдовательно смотръ въ герольдіи и проч. существуютъ только для самаго высшаго дворянства. Манифестъ предполагаетъ возможнымъ давать образованіе въ кадетскомъ корпусѣ всѣмъ объявленнымъ тамъ дѣтямъ, т. е. дѣтямъ всѣхъ, не имѣющихъ 1000 душъ крестьянъ; для нихъ образованіе въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено программой корпуса, становится обязательнымъ; родителямъ уже не предоставляются на выборъ средства, которыми они хотятъ сообщить сыну сумму требуемыхъ знаній ²⁾

¹⁾ П. С. З. № 11197 (январь 30).

²⁾ П. С. З. № 11444 (февраль 18).

Этимъ опять взята была назадъ даже та часть свободы, которая была дарована по ходатайству московскаго университета. Но всѣ эти строгости, съ объявленіемъ государственной службы для дворянъ свободною, должны были остаться лишь на бумагѣ, какъ онѣ и остались.—Тѣсная связь службы и образованія была такова, что судьбу одной рѣшительно нельзя было отдѣлить отъ судьбы другаго. Заранѣе можно было предугадать, что всепильная практика обнаружить тотчасъ угловатыя строгости этого манифеста: и дѣйствительно уже въ ук. отъ апр. 24 (того же года) законодатель долженъ былъ изъяснить, что если въ корпусъ явятся «такъ называемые недоросли» свыше 16 л. и ничему не обученные, кромѣ грамотности, то ихъ не принимать. Что же съ ними дѣлать дальше? Быть можетъ многіе изъ нихъ столь не далеки отъ природы, что ни въ какомъ случаѣ не усвоятъ себѣ наукъ «приличныхъ благородному дворянству», стало быть ихъ слѣдовало предоставить собственной (хотя и незавидной) судьбѣ «вольныхъ» дворянъ; нѣтъ: ук. апр. 24-го велитъ ихъ отсылать въ военную коллегію для опредѣленія въ солдаты! Само собою очевидно, что это узаконеніе не согласуется съ вольностію дворянства. Затѣмъ кадетскій корпусъ не могъ принять и помѣстить у себя маленькихъ дѣтей, еще ничему не обучившихся, т. е. не приобрѣтшихъ ни элементарнаго, ни приготовительнаго образованія. Такіе дѣти, по распоряженію директора корпуса, отсылаются или въ университетъ или въ гимназію, или отдаются опять на руки ихъ родственникамъ для надлежащей первоначальной подготовки. Мы не знаемъ, принималъ ли университетъ дѣтей на свое попеченіе, но гимназій, кромѣ академической и только что заведенной казанской, вовсе не было; наконецъ этимъ указомъ разрѣшено было и прямо записываться въ гимназіи ¹⁾. Такимъ образомъ вполнѣ возстановлены были порядки, господствовавшіе до 1762 года, только количество смотровъ сократилось съ 4-хъ на одинъ.

Манифестъ о вольности дворянства имѣлъ только одинъ непосредственный результатъ для исторіи обязательности обученія: онъ смутилъ установившіяся привычки и поставилъ въ

---

¹⁾ П. С. З. № 11515 (апр. 24).

затрудненіе людей практикн. Эти послѣдніе, какъ директоръ корпуса Шуваловъ, считали необходимымъ тревожить сенатъ запросами: куда дѣваться съ неспособными и урослыми недорослями, хотя ук. 24 апр. весьма ясно указываетъ—отсылать ихъ въ солдаты. На запросъ Шувалова сенатъ 10 мая отвѣчалъ: «отослать въ солдаты и ежели впредь пзъ таковыхъ присылаемыхъ въ сухопутный кадетскій корпусъ недорослей за ихъ возрастомъ явятся къ ученію не способны., въ другія службы «отсылать» ¹⁾).

Въ такомъ порядкѣ развивались законодательныя мѣры объ обязательности обученія въ дворянскомъ сословіи. На этомъ круто обрывается давно начавшееся движеніе нашего законодательства по этому вопросу. Когда послѣ переворота 1762 года событія приняли свое нормальное теченіе, то въ вѣкъ Екатерины мы находимъ свободу образованія уже утвердившеюся (вездѣ, кромѣ духовнаго сословія). Этотъ, повидимому, неожиданный поворотъ дѣлъ слѣдуетъ приписать не Екатеринѣ, а именно манифесту 18 февр. Послѣдующія за нимъ при Петрѣ III мѣры къ новому укрѣпленію обязательнаго образованія были лишь послѣдними отголосками бурь начала XVIII в., инертнымъ продолженіемъ движенія по одному и тому же направленію. Екатерина, принявъ начала манифеста 18 февр., только болѣе искренне признавала результаты, пзъ него вытекающіе.

Извѣстно, что въ вѣкъ Екатерины дворянство училось гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде; это явленіе, конечно, безъ труда можно пзъяснить привычкою, виѣдренною въ дворянъ каторжными работами, ссылкой на поселеніе, отдачею въ солдаты по смерти и т. д.; но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что привычка эта образовалась вдругъ весною 1762 года, потому что еще въ маѣ этого года, какъ мы сейчасъ видѣли, правительство не знало куда дѣваться съ необразованными, урослыми недорослями. Такъ многія историческія мнимыя истины, отъ частаго употребленія, сдѣлавшіяся аксіомами, требуютъ пересмотра.

Изложенныя мѣры принужденія, основанныя на системѣ государственныхъ экзаменовъ, не могли быть вполне примѣнены къ учащимся въ государственныхъ школахъ; въ этомъ

¹⁾ П. С. З. № 11531 (мая 10).

случаѣ государство принимаетъ на себѣ всѣ заботы, которыя оно же со строгостью возлагаетъ въ первомъ случаѣ на родителей и ихъ дѣтей. Непріобрѣтеніе полнаго требуемаго образованія возможно при двухъ условіяхъ: или при неспособности (все равно, не способенъ ли человекъ къ ученію вообще или именно къ изученію той профессіи, къ которой предназначено его государство), тогда онъ просто сдается въ солдаты; или при лѣности, неохотѣ къ ученію, которая проявляется въ непосѣщеніи школы, а въ крайнемъ случаѣ въ полномъ уклоненіи отъ обязанности получать образованіе—побѣгахъ изъ школы. Неявка въ учебные часы въ школу разсматривалась какъ уклоненіе отъ службы и носила характерное для до-петровской службы названіе—*нѣтовъ*. Кара за нее *денежные штрафы*, а въ случаѣ неуплаты ихъ *пращежъ* ¹⁾. По инструкціи 1719 г. морской академіи за нехождение въ школу къ этому наказанію было присоединено *тѣлесное уголовное наказаніе*: «бить батогами и вычитывать за каждыи день втрое противъ получаемаго жалованья, а на штрафныя деньги дѣлать чертежныя инструменты» ²⁾.

Сліяніе понятій образованія и службы было причиною того, что побѣгъ изъ школы разсматривался, какъ побѣгъ изъ службы. По той же инструкціи 1719 г. бѣжавшихъ велѣно сыскивать и наказывать *конфискаціею всего движимаго имущества* («движимое имѣніе ихъ отписывать на в. государя»; недвижимое не можетъ быть конфисковано, потому что съ него отправляется самая служба); это не освобождало отысканнаго и отъ тѣлеснаго наказанія. Потомъ и всѣ

¹⁾ «На знатныхъ дворянъ за прогульные дни, или за *нѣты*, указомъ 1707 года (февраля 28), положена была значительная пеня. За первый прогульный день 5 рублей; за второй 10; за третій и всѣ слѣдующіе по 15 руб. Такихъ штрафныхъ денегъ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ 1707 года, набралось 8545 рублей. Отъ платежа ихъ дѣти и родители отговаривались болѣзнями, дурными дорогами, смертью и поминками близкихъ родныхъ; но Апраксинъ въ отвѣтъ на прошенія писалъ, что такъ какъ прежде они ничего форменно объ этихъ причинахъ не допросили, то «и нынѣ ихъ прошеніямъ и сказкамъ вѣрять нечему, а для ировесу тѣхъ штрафовъ взяты людей ихъ, а у кого людей нѣтъ,—самыхъ, и быть на прашежѣ, покаместъ тѣ штрафу не заплатятъ сполна». (См. Веселаго, стр. 20).

²⁾ Веселаго стр. 49.

остальные мѣры, практикованныя еще до Петра съ примѣненіемъ къ обязательности службы, приложены теперь къ обязательности образованія: «которые сысканы будутъ...собравъ поручныя записи, оставить по прежнему въ ученьѣ, а кто по себѣ поручныхъ записей не дастъ, тѣхъ присылать подъ карауломъ въ С.-Петербургъ» ¹⁾). Высшая степень уклоненій отъ обязательнаго образованія можетъ привести къ разжалованію въ высшіе чины насрокъ; въ 1733 г. мая 9, по докладу Миниха, было высочайше повелѣно, чтобы бѣглыхъ кадетъ штрафовать слѣд. обр.: за первый побѣгъ отсылать для ученія въ петербургскую гарнизонную школу учиться вмѣстѣ съ солдатскими дѣтьми на полгода; за 2-й туда же—на три года ²⁾).

Когда въ 1732 г. составленъ былъ въ первый разъ полный уставъ гарнизонныхъ школъ (основанныхъ ранѣе), то приняты были тѣже сильныя мѣры понужденія для родителей высшаго военнаго званія—отдавать своихъ дѣтей въ эти школы, какія были приняты и по отношенію къ родителямъ высшаго военнаго сословія. Тогда было установлено, что дѣти высшихъ служилыхъ лицъ (въ тѣхъ границахъ этого класса, которые были опредѣлены настоящимъ уставомъ) должны являться каждый по принадлежности или къ губернатору или провинціальному воеводѣ, которые производятъ *смотръ* вмѣстѣ съ штабъ-офицерами, или къ воеводамъ меньшихъ городовъ, гдѣ въ *смотрѣ* участвуютъ оберъ-офицеры полковъ, стоящихъ на вѣчныхъ квартирахъ. При этомъ всѣ, имѣющіе менѣе 15 и свыше 7 л., отправляются для обученія въ гарнизонныя школы, ближайшія къ мѣсту жительства осматриваемыхъ. Лица (родители и посторонніе), укрывающія у себя («у кого пристань имѣютъ») дѣтей свыше 7-лѣтняго возраста, подвергаются такому же *штрафамъ*, какіе опредѣлены за укрывательство *бѣглыхъ* солдатъ. Кто поймаетъ такихъ бѣглыхъ и приведетъ въ городъ, тому давать награжденіе по 10 руб. за человѣка. Только дѣтей ниже 7 лѣтъ за «бѣглыхъ не почитать». Лица свыше 15-лѣтняго возраста сами подвергаются наказанію, какъ бѣглые солдаты ³⁾). Хотя

¹⁾ *ibid.*

²⁾ П. С. З. № 6395.

³⁾ П. С. З. № 6188 (сент. 21).

указъ 1735 г., іюля 9, заявляетъ, что на смотръ и въ школы явилось немалое число дѣтей сверхъ комплекта, однако спѣшить прибавить, что слѣдуетъ стараться, чтобы такихъ служилыхъ людей дѣти, которымъ надлежитъ быть въ службѣ и въ школахъ, отнюдь бы отъ того не отбывали и не шатались и кроющихся сыскивать ¹⁾. Въ 1736 году пр. сенату «извѣстно учинилось, что въ Ямбургскомъ уѣздѣ у оставшихъ солдатъ находятся дѣти муж. пола, преспевашія въ службу, а живутъ праздно, того ради приказали... на крѣпко смотрѣть, чтобъ опредѣляемы были годныя въ солдаты а малолѣтныя въ школу: пбо отъ такого ихъ празднаго житья не иначе что воспослѣдовать можетъ, но токмо одни воровства...» ²⁾.

Затѣмъ до 1744 г. мы не находимъ никакихъ указаній на новыя постановленія объ обязательности солдатскаго образованія. Думать надобно, что экономическія условія жизни людей этого класса не побуждали ихъ такъ старательно укрывать дѣтей отъ школы, какъ это дѣлали служилые люди высшихъ разрядовъ. Въ 1744 г. сенатъ далъ указъ, по которому слѣдовало переписать всѣхъ законно и незаконнорожденныхъ солдатскихъ дѣтей, не вышедшихъ еще изъ состоянія младенчества (именно до 6 лѣтъ). При этомъ родители, родственники и свойственники, изъявившіе желаніе держать этихъ дѣтей у себя на прокормленіи, должны дать *подписку* и представить *поручителей* въ томъ, что они, по достиженіи дѣтми 6 лѣтъ, представятъ ихъ на смотръ губернаторамъ и воеводамъ (по мѣсту жительства), съ тѣмъ чтобы послѣ смотровъ опредѣлить ихъ въ гарнизонныя школы ³⁾. Почему обязательный возрастъ для явки въ 7 л. (какъ назначено было въ указѣ 1732 г.) пониженъ теперь на 6-лѣтній, рѣшить трудно. Когда въ томъ же году цыфирныя школы были соединены съ гарнизонными, то сенатъ, рѣшая возникшіе по этому поводу вопросы, между прочимъ счелъ необходимымъ напомнить, что губернаторы и воеводы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, также *оберг-коменданты и коменданты долж-*

¹⁾ П. С. З. № 6766 (іюня 12)

²⁾ П. С. З. № 7982 (окт. 31-го 1736).

³⁾ П. С. З. № 8989 (іюля 11).

ны прилежное смотрѣніе имѣть, чтобъ служилыхъ людей дѣти праздно не патались и отъ школъ не отбывали, но всѣ бѣ оныя въ тѣ школы опредѣляемы были безъ остатка»¹⁾).

Такъ опредѣлилась обязательность солдатскаго образованія законами 1732 и 1744 гг., но еще въ 1758 г. сенатъ озабочивался тѣмъ, что въ гарнизонныхъ школахъ, по числу армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ солдатскихъ дѣтей состоитъ весьма мало²⁾).

Въ духовномъ сословіи законъ не установилъ такой точной системы понужденія, какъ дворянскомъ и солдатскомъ; онъ ограничивался установленіемъ общихъ предписаній; но практика самаго сословія выработала впоследствии систему принужденія весьма сходную съ тою, которая примѣнялась къ дворянскому сословію. Закономъ установлены были косвенныя и прямыя мѣры. Къ первымъ относятся: 1) ревизія, 2) рекрутскіе наборы. Первоначально запись въ податныя состоянія дѣтей духовныхъ лицъ не имѣла никакого отношенія къ законамъ объ образованіи, заштатные служители церкви и ихъ дѣти всѣ записывались въ подушный окладъ и затѣмъ эти послѣдніе, согласно съ общими началами законовъ объ образованіи, въ школахъ учиться не должны. Но послѣ нѣсколькихъ колебаній—кого изъ причта и дѣтей причетниковъ записывать въ подушный окладъ, правительство послѣ 1-й ревизіи пришло къ установленію общаго начала, что въ подушныя состоянія не попадаютъ лишь тѣ изъ дѣтей духовныхъ лицъ, которые учатся въ школахъ. Первоначально этотъ принципъ примѣненъ былъ съ отрицательной стороны его; а именно: дѣти церковническіе, освобожденные отъ подушнаго оклада, но «нерадивые и лѣнныя» въ ученіи, «яко сами о себѣ нерадящіе» приобщаются къ числу такихъ церковническихъ дѣтей, «которые яко излишніе и свыше потребности, подъ именемъ церковнаго причта бывшіе, въ оной подушный окладъ включены». Синодъ приказываетъ «имъ ясно показать это, «дабы вѣдая то, не прибывали въ лѣнности и усердное имѣли бы къ оному ученію прилежаніе, начиная то отъ седь-

---

¹⁾ П. С. З. № 9054 (окт. 26 1744 г.)

²⁾ П. С. З. № 10901 (нояб. 18).

милѣтняго возраста» ¹⁾. «Въ 1776 году, говоритъ г. Князевъ, усмотрѣвъ пзъ семинарскихъ вѣдомостей, что многіе ученики, чрезъ долгое время, а нѣкоторые чрезъ цѣлый годъ, уклонялись отъ училища, (псковскій) преосвященный Пипокентій приказалъ, потребовавъ отъ семинарии списокъ такихъ учениковъ, немедленно сыскать ихъ и способныхъ заставить учиться. Между тѣмъ велѣлъ объявить этимъ ученикамъ и ихъ отцамъ и родственникамъ, что если они впредь станутъ уклоняться отъ классовъ, то будутъ записаны въ подушный окладъ» ²⁾.

Вослѣдствіи уже при 2-й ревизіи это же начало примѣнено было и въ положительномъ смыслѣ, т. е. отъ записи въ податныя состоянія освобождаются вообще всѣ учащіеся въ школахъ сыновья лицъ, состоящихъ въ церковной службѣ, хотя бы эти послѣдніе и попали въ ревизскіе списки; такъ именно распорядился въ 1744 году сенатъ по представленію синода, который поставилъ на видъ, что въ инструкціи ревизорамъ не упомянуто именно о дѣтяхъ священно-церковно-служителей, находящихся въ школахъ и потому синодъ боялся, чтобы «они впредь къ положенію въ подушный окладъ не попадали». Впрочемъ сенатъ уже раньше этого, февр. 27-го и марта 8 того же года, послалъ указы въ этомъ смыслѣ куда слѣдовало ³⁾.

Рекрутскіе наборы, или такъ называемые разборы, имѣли тотъ же смыслъ общаго косвеннаго принужденія къ образованію. Отдача въ солдаты дѣтей духовныхъ лицъ, не учившихся въ школахъ, вытекала сама собою изъ тѣхъ (приведенныхъ выше) узаконеній, по которымъ дѣти духовныхъ лицъ внѣ родительской профессіи не могутъ избирать никакой другой, кромѣ солдатства. Такіе именно разборы произведены были въ 1730 и 1731 году о непрягнувшихъ на подданство Аниѣ Иваковиѣ, а потомъ въ 1737 г. для укомплектованія арміи въ военное время. Такъ какъ при этихъ разборахъ руководились тѣмъ же началомъ, которое было установлено при ревизіяхъ, то каждый разборъ являлся равно-

¹⁾ П. С. З. № 4021 (1722 г., 31).

²⁾ Очеркъ ист. «псковск. семинарии» Близева.

³⁾ П. С. З. № 8904 (марта 16), сл. № 8836.

спильнымъ общему приказанію вести своихъ дѣтей въ школы. «Въ 1737 г. (разсказываетъ митрополитъ Евгенийъ въ описаніи жизни св. Тихона) февр. 4 имяннымъ указомъ государыни императрицы Анны Іоанновны велѣно сдѣлать церковнослужительскимъ дѣтямъ разборъ и лишнихъ неучащихся изъ оныхъ отдать въ военную службу; сіе жъ самое подтверждено и еще другимъ указомъ того жъ года марта 5; и оба сіи указы, и напаче строгое и малоразборчивое со стороны гражданскаго правительства по онымъ въ свротствовавшей тогда новгородской епархіи исполненіе, принудили церковно-служителей съ послѣднимъ своимъ иждивеніемъ отдавать дѣтей своихъ въ бывшую тогда при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ духовную, славянскую только, школу, такъ что отъ сего собралось учениковъ тогда до *тысячи*»¹⁾).

Правительство хотѣло придать этимъ мѣрамъ значеніе побудительныхъ средствъ не только къ отдачѣ дѣтей въ школы, но и къ надлежащему усвоенію образованія, сообщаемого въ нихъ: въ солдаты приказано было брать, не только не учившихся въ школахъ, но и душно учившихся; при этомъ разсматриваемая мѣра принимаетъ характеръ уже прямого средства понужденія. Указъ кабинета, данный по поводу разбора 1737 г., въ 6 пунктѣ своемъ заключаетъ слѣдующее: «непопятныхъ въ наукахъ долго въ школахъ не держать, но отсылать ихъ къ гражданскимъ управителямъ для опредѣленія въ военную службу, дабы на такихъ глухыхъ или лѣнивыхъ людей напраснаго расхода и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было»²⁾). Эта мѣра обоюдо-острая; побуждая школьничковъ учиться, она еще болѣе побуждала испоступившихъ въ школу уклоняться отъ нея; потому что укрыться отъ школы и отъ рекрутчины представлялась нѣкоторая возможность; но укрыть въ школѣ свою неспособность было нельзя. Всѣмъ казалось, что чрезъ школу вѣрнѣе попасть въ солдаты, чѣмъ виѣ школы. Мы увидимъ ниже, что эта мѣра (повторенная относительно элементарнаго образованія въ регламентѣ новгород-

¹⁾ Евгенийъ Болховитинъ: «Опис. жизни преосв. Тихона», стр. 34. Спб. 1796; сл. П. С. З. № 8914.

²⁾ П. С. З. № 7385 (сент. 25).

ской семинаріи 24 мая 1740 г. ¹⁾ была главною причиною уклоненія дѣтей отъ школы. Изложенная мѣра дѣйствительно приводилась въ исполненіе съ неумѣренною строгостью. Такъ во псковской семинаріи въ 1738 г. всѣхъ учениковъ считалось 254, изъ нихъ въ фарѣ (1-мъ приготовительномъ классѣ) 60, изъ конхъ бѣжало 5, отдано въ военную службу 14...; въ пфимѣ 34, изъ конхъ отдано въ военную службу 9, бѣжало 4..., въ граматикѣ 27, изъ конхъ отдано въ военную службу 7» ²⁾).

Кромѣ этихъ косвенныхъ мѣръ, въ нашемъ законодательствѣ есть прямыя узаконенія, исходящія или непосредственно отъ верховной власти, или отъ св. синода, объ обязательности образованія для лицъ духовнаго званія. Указомъ 1723 года Петръ приказалъ: «поповскихъ и дьяконовскихъ, причетническихъ дѣтей, которые въ подушной окладъ будутъ не включены, и къ школьному ученію по лѣтамъ ихъ будутъ потребны, набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которые учиться могутъ; а которые въ ученіи быть не похотятъ, и тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства, какъ духовнымъ регламентомъ опредѣлено».

Указы синода о томъ же начинаются тотчасъ по изданіи духовнаго регламента и не прекращаются до конца XVIII в.. 1-го сентября 1721 года синодъ предписалъ (въ слѣдствіе жалобы московской академіи), чтобы по всѣмъ церквамъ московскимъ и уѣзднымъ объявлено было причту объ отсылкѣ дѣтей въ академію; «ежели же кто дѣтей своихъ въ школы для наукъ не объявятъ, или изъ оныхъ ихъ дѣтей которые сбѣжатъ, а отцы будутъ ихъ у себя держать, и оныя отцы

---

¹⁾ «Поневже отчасти извѣстно, что до сего времени при семинаріи такихъ учениковъ содержатъ, которые по российски читать и писать не обучены; того ради всѣхъ таковыхъ отдать родителямъ ихъ, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы они тѣхъ дѣтей своихъ до пришествія ихъ возраста въ 12 л., всему тому конечно обучили, и обучивъ, для обученія прочихъ наукъ въ семинарію ихъ отдавали; а ежели кто изъ нихъ дѣтямъ потагать стануть и ихъ обучать не будутъ, то съ нихъ будетъ штрафъ и тѣ ихъ дѣти за ихъ нераденіе къ наукамъ опредѣлены будутъ въ военную службу». Ист. Росс. Іер. Т. I стр. 601—602.

²⁾ Бязова: «Оч. ист. пск. семинар. стр.», 28—29.

не тоцію каждый отъ своея церкви отлученъ будетъ, но нигдѣ служить допущенъ не будетъ» ¹⁾).

Затѣмъ въ 1731 г. нояб. 18 (по частному донесенію славяно-греко-латинской академіи, что священники и діаконны и причетники дѣтей своихъ для ученія не отдають, отъ чего число учениковъ во всей академіи умалилось и ученія пространство пресѣкается»), синодъ выдалъ новый указъ, которымъ подтверждаетъ узаконеніе 1723 г.—«о наборѣ въ школы... поповскихъ и діаконскихъ и причетническихъ дѣтей, къ школьному ученію годныхъ отъ 7 до 18 л.». Съ этого времени синодъ начинаетъ уже регулировать способы наблюденія за исполненіемъ этой обязанности, а именно приказываетъ обязать поповъ, дяконовъ и причетниковъ подписками отъ духовной дикастеріи, въ томъ, что они дѣтей своихъ будутъ отдавать въ школы и не записывать въ подъячіе. Вмѣстѣ съ этимъ священно-церковнослужители должны подать сказки, сколько у кого и какихъ лѣтъ дѣти, не состоящія на службѣ. «Обязательныя письма» (подписки) и эти сказки должны быть поданы поповскимъ старостамъ, а отъ этихъ послѣднихъ представлены въ дикастерію, которая, сведя ихъ въ порядокъ, должна выслать реэстръ въ синодъ. Но синодъ, очевидно, сознавалъ, что этихъ «обязательныхъ писемъ» и «сказокъ» весьма недостаточно для того, чтобы вполне обезпечить исполненіе школьной обязанности и потому прибавляетъ: «а въ епархіяхъ архіереямъ о таковыхъ поповскихъ, діаконскихъ и причетническихъ дѣтяхъ чинить по усмотрѣнію потребности имѣть ихъ» ²⁾). Отсюда всѣ мѣры, которыя будутъ приняты мѣстною администраціею и на которыя мы укажемъ ниже, должны быть признаны исходящими изъ этого узаконенія.

Но и послѣ этого св. синодъ получалъ изъ нѣкоторыхъ епархій донесенія, что священники и церковнослужители не отдають своихъ дѣтей въ школы, «проча ихъ въ приказныя и другіе чины, укрываютъ дальними отсылками и прочими тому подобными образы». Поэтому синодъ приужденъ былъ повторить свой указъ 1731 года ³⁾).

¹⁾ П. С. З. № 3882.

²⁾ П. С. З. № 6267 (ноябрь).

³⁾ Смирновъ: «Ист. моск. сл. гр. лат. академіи», стр. 106.

Такъ какъ обязательность образованія, какъ мы уже говорили, истекаетъ изъ его профессиональнаго характера, и потому служба замѣняетъ образованіе, а образованіе службу, то дѣти духовныхъ лицъ, которые должны были поступить въ военную службу, но откупились изъ нея или поставили за себя рекрута, тѣмъ самымъ должны были откупиться отъ обязанности обучаться. Такой взглядъ очевидно и былъ общимъ у этихъ откупившихся лицъ и ихъ отцовъ и родственниковъ. Только такой взглядъ могъ заставить въ указѣ (уже приведенномъ выше) 1737, февр. 6 отмѣтить особо, что этотъ откупъ не освобождаетъ отъ обязательнаго обученія тѣхъ изъ нихъ, которые вознамѣряются вступить въ духовную или гражданскую приказную службу: «однакожь, говоритъ указъ, при отпускѣ ихъ брать съ нихъ реверсы, чтобъ они, кто пожелаютъ въ духовенство, обучались грамоткѣ и риторикѣ, и тѣ изъ нихъ, которые «пожелаютъ вступить въ приказный чинъ — тѣбъ обучались арифметикѣ и геометріи». Эти науки они должны изучить «конечно» (непремѣнно) въ 3 года. Для контроля надъ исполненіемъ этой обязанности, чрезъ 3 года производится такимъ освобожденнымъ отъ службы экзаменъ въ смѣшанной комиссіи изъ губернаторовъ и воеводъ съ одной стороны и епархіальныхъ архіереевъ съ другой. Кто по экзамену окажется знающимъ предписанныя науки хотя отчасти, тѣ допускаются къ занятію мѣстъ по духовной, или приказной службѣ. Невыучившіеся ничему, «все время праздно проводившіе безъ науки», опредѣляются въ солдаты безъ зачета, не смотря на то, что они уже поставили за себя рекрута. Но тѣ изъ нихъ, которые избираютъ своею профессіею не службу, а торговлю или ремесла, освобождаются отъ всякой обязанности обучаться ¹⁾).

На основаніи изложенныхъ узаконеній установилась въ 30-хъ годахъ слѣд. система принужденія. Лица, подлежащія повинности образованія суть: дѣти отъ 7 или 10 л. и выше, сами отцы и наконецъ молодые монахи. Большая часть мѣръ принужденія относится къ первымъ. Мѣстное епархіальное начальство составляло списки всѣхъ, подлежащихъ опредѣле-

---

¹⁾ П. С. З. № 7169.

нію въ школы ¹⁾). Списки составлялись изъ донесеній самихъ отцовъ, вслѣдствіе распоряженія мѣстной власти. Это называлось представленіемъ «сказокъ»; обыкновенно сказки собирались въ мѣстные духовныя правленія ²⁾

Потомъ св. синодъ, или мѣстное епархіальное начальство посылаетъ послушные указы всѣмъ священно-церковнослужителямъ, дѣти которыхъ попали въ призывной списокъ ³⁾). Затѣмъ слѣдовалъ сборъ отцовъ съ ихъ дѣтьми въ центральный епархіальный городъ, большею частію въ самую школу. Такъ именно поступало духовное начальство въ началѣ эпохи: когда призывной списокъ по петербургской епархіи представленъ былъ св. синоду, и этотъ послѣдній предписалъ: «отобрать ихъ (дѣтей) у отцовъ», то мѣстное начальство выполнило этотъ указъ посредствомъ вызова къ общему смотру. Что именно такой порядокъ переписи и смотровъ былъ установленъ повсюду, доказывается тѣми узаконеніями, которыми сенатъ освобождаетъ дѣтей лицъ духовныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей отъ переписи и смотровъ (и которыя были уже отчасти указаны выше) ⁴⁾. Перепись и смотры были или ordinарные, назначаемые мѣстнымъ начальствомъ по мѣрѣ потребностей семинаріи для укомплектованія ея, или чрезвычайные при всеобщемъ разборѣ или при новомъ основаніи семинаріи; въ двухъ пзѣ послѣднихъ случаевъ разборы школьные сливались съ ревзіею и составленіемъ рекрутскихъ списковъ; отчего отцы и дѣти рѣдко различали наборъ въ школы отъ рекрутскихъ наборовъ. Иногда, впрочемъ и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, т. е. когда школа или семина-

---

¹⁾ Такъ, когда начальство петербургской епархіи въ 1733 г. составило вѣдомость всѣмъ священническимъ, дьяконовскимъ и пономарскимъ дѣтямъ отъ 7 до 18 лѣтъ то въ списокъ по этой епархіи было включено 79 человекъ.

²⁾ Такъ владимірскій архіерей въ 1750 году приказалъ духовнымъ правленіямъ «въ одну недѣлю составить и прислать въ консисторію списки дѣтей св.-церковнослужителей безъ прибавленія и уменьшенія лѣтъ, а за несправную и нескорую доставку и правителямъ и подъячимъ предстояло неослабное на тѣхъ наказаніе».

³⁾ «А чтобы Троицкой десятины св.-церковнослужители отдавали дѣтей безпрекословно о томъ послать имъ послушной приказъ». Смирн. «Ист. троицко-лавр. семн.».

⁴⁾ П. С. З. № 9299 и 9329.

рія была открыта, постоянныя уклоненія отъ явки къ смотру заставляли начальство прибѣгать ко всеобщимъ смотрамъ. Такъ распорядился напр. еп. Арсеній въ 1746 г. относительно троицкой лаврской семинаріи, предписавъ «вызвать въ семинарскую контору и пересмотрѣть всѣхъ троицкой десятины священно и церковнослужительскихъ дѣтей и дѣтей приказнаго и служилаго чина» ¹⁾). Наборы обыкновенные назначались въ неопредѣленные сроки, для пополненія или обновленія состава семинаріи, по требованію начальства семинаріи или по усмотрѣнію самаго епархіальнаго начальства. Если число учениковъ уменьшалось отъ побѣговъ, смертныхъ случаевъ, или сдачи въ рекруты, или если найдено было, что многихъ слѣдуетъ уволить за неспособность, тогда на мѣсто выбывшихъ приказывали набирать число учениковъ, недостающихъ до полного комплекта ²⁾). Смотры состояли изъ экзамена, на которомъ отъ подвергавшихся смотру требовались элементарныя знанія. Экзаменъ производился или въ присутственныхъ мѣстахъ чиновниками духовной администраціи, а иногда для этой цѣли вызывались сюда учителя изъ школъ, или въ самыхъ семинаріяхъ. Забракованные на смотрахъ не освобождались отъ ученія; напротивъ, отцы, какъ мы уже видѣли, подѣ страхомъ наказанія обязаны были представить ихъ вновь обученными къ пзвѣстному сроку.

Мы сказали, что отцы должны были сами представлять своихъ дѣтей на смотръ. Начальство зная, какъ это не легко для отцовъ и какія разнообразныя мѣры уклоненія состоятъ въ ихъ распоряженіи, обязывало ихъ подписками, такого напримѣръ рода: «Мы даемъ въ обрѣтающуюся при его преосв. контору въ томъ, что выборныя дѣти въ слѣдующемъ 1750 году января мѣсяца имѣютъ быть представлены во Владимірѣ для обученія неотмѣнно. А ежели зачѣмъ явиться къ таково-

---

¹⁾ Смирновъ: «Ист. троиц. семин.» стр. 27.

²⁾ Во Псковѣ напр. «въ 1769 году по тому поводу, что въ высшихъ классахъ семинаріи находилось мало учениковъ, приказано было отъ преосвященнаго набрать, въ присутствіи исправлявшаго тогда должность ректора, человѣкъ 30 изъ свящ.-церк.-служительскихъ дѣтей, соблюдая при этомъ, чтобъ дѣти были уже обучены исправно читать порусски, кромѣ сиротъ, которымъ дозволялось учиться читать порусски въ семинаріи». (Князевъ: «Оч. ист. пск. сем.» стр. 61).

му числу не можемъ, то подвергаемъ себя тому истязанію, какое отъ его пр—ва назначено будетъ»¹⁾.

Но если районъ извѣстной семинаріи былъ слишкомъ разбросанъ и обширенъ, каковъ напр. былъ округъ тронцкой семинаріи, разсѣянные по вотчинамъ тронцкой лавры въ разныхъ епархіяхъ, то начальство должно было или сокращать объемъ этого округа и слѣд. число лицъ, подлежащихъ школьной обязанности (такъ распорядился св. синодъ въ 1755 г. относительно лаврской семинаріи), или избрѣсти новыя средства для вызова учениковъ на смотръ: такимъ средствомъ была посылка солдатъ²⁾. Но такъ какъ сборъ дѣтей производился лишь для смотра и далеко не всѣ изъ нихъ могли дѣйствительно поступить въ школу, то набранныхъ чрезъ солдатъ приходилось бы отправлять опять назадъ на счетъ администраціи; поэтому найдено было удобнѣйшимъ посылать въ уѣзды и села вмѣсто солдатъ такихъ людей, которые бы могли на мѣстѣ произвести экзаменъ и слѣдовательно отправить на мѣсто сбора только дѣйствительно годныхъ. Стали посылать учителей, которые, по прїѣздѣ на мѣсто, собирали справки: дѣйствительно ли находятся ли лица муж. пола дѣти священно-церковнослужителей, обозначенные въ реестрѣ; потомъ производили имъ экзаменъ и тѣхъ, которые читать и писать по русски обучены, брали и высылали на крестьянскихъ подводахъ, при доношеніяхъ начальству, «отдавая оныя (дѣтей) для отсылки тѣхъ сель командующимъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, старостамъ съ росписками». Если «гдѣ отъ священно-церковнослужителей въ отдачѣ дѣтей ихъ учинится какое либо непослушаніе», учитель долженъ о томъ донести куда слѣдуетъ и «пристойнымъ образомъ требовать

¹⁾ Очеркъ исторіи влад. сем. (Влад. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 14).

²⁾ Г. Смирновъ приводитъ слѣдующую инструкцію солдату: «Взять тебѣ въ тронцкіе нижегородскіе отчины по нижепріобщенному реестру; а прїѣхавъ выслать изъ тѣхъ мѣсть тебѣ при себѣ служилыхъ и подъяческихъ дѣтей для отдачи ко ученію тронцкой лавры въ семинарію немедленно, не слушая никакихъ отговорокъ; а ежели кто изъ такихъ дѣтей будетъ укрываться, то выслать тѣхъ, у кого они жительствомъ показаны. Будучи же при томъ никакихъ обидъ и валоговъ не чинить и взяткамъ не касаться подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафа» и т. д. («Ист. Тр. Лавр. Семин.», стр. 25).

команды и тѣхъ ихъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отъ нихъ отговорокъ, и потому жъ отсылать ихъ ко опредѣленію въ семинарію, а о тѣхъ противникахъ для вѣдома рапортовать» ¹⁾).

Средства, состоящія въ распоряженіи отцовъ и дѣтей для уклоненія отъ этой повинности были многочисленны. Это 1) утайка при переписи. Когда наѣзжалъ закащикъ, или разсылный изъ духовнаго правленія, то отцы «укрывали дѣтей дальними отсылками и прочимъ тому подобными образами» ²⁾. Къ тому же вела утайка лѣтъ при переписи: «подаривши рублей полдесятка и того болѣе закащику или подъячюму, сказывали ихъ недорослями», а закащики и подъячіе записывали, что негодны-де еще для школы лѣтами ³⁾. 2) преждевременное устройство судьбы дѣтей посредствомъ записи ихъ въ службу, въ крестьянство, въ цѣхи или посредствомъ женитьбы. Запись въ службу (именно въ подъячіе) была предотвращена прямыми и строгими узаконеніями; отдача въ крестьянство навсегда освобождала человѣка отъ всякаго обученія; но запись въ цѣхи — не всегда. Даже въ концѣ XVIII вѣка находились охотники освободиться отъ семинаріи посредствомъ поступленія въ крестьянство: въ 1781 г. ученикъ ярославской семинаріи Алексѣй Мальцовъ подалъ прошеніе арх. Самуилу, «чтобы его за немолодыми его лѣтами уволить и дозволить приписаться къ дворцовой или экономической вотчинѣ къ исправленію земледѣльчества. Архіепископъ приказалъ справиться, по какой причинѣ онъ прописанный въ его прошеніи родъ жизни избираетъ, а при томъ объявить ему, что съ нимъ не по его желанію, но на основаніи указовъ поступлено будетъ» ⁴⁾... Наконецъ преждевременная женитьба ⁵⁾ была самымъ удобнымъ способомъ уклоненія, пото-

¹⁾ Ibid, стр. 27—28.

²⁾ П. С. З. № 6267.

³⁾ Пекарскій: «Наука и литература», I, 452—453.

⁴⁾ Рукопись арх. яр. дух. семни.

⁵⁾ «Извѣстно намъ учинилось (списать Продионъ Жураковскій, архіепископъ черниговскій 4-го дек. 1722 г.), что многіе священники епархіи нашей..., пренебрегаячи архіерейскія увѣщанія, чтобы сыновъ, своимъ единымъ своевольствомъ бавлячихся, задерживати и въ недорослыхъ лѣтахъ противно правилъ св. отецъ сочетовати браку...; лѣта свои до науки способнии нада-

му что въ духовныхъ школахъ женатые долго не допускались (тогда какъ въ свѣтскихъ первоначально составляли едва ли не большинство). Если одна изъ этихъ мѣръ не удавалась, то оставалось прибѣгнуть къ преступленіямъ: нанесенію себѣ увѣчій, къ ложнымъ политическимъ доносамъ (объявленію за собою «слова п дѣла») или наконецъ бѣгству. Самозувѣченіе составляло, вѣроятно, столь обычное явленіе при этомъ случаѣ, что начальство обыкновенно наряжало слѣдствіе, если кто-либо изъ назначенныхъ въ семинарію отписывался болѣзнію и увѣчествомъ¹⁾.

Объявленіемъ за собою слова п дѣла рѣдко удавалось достигнуть желаемой цѣли. «Семинаристы, желая за лѣнностью отъ ученія латинскаго діалекта отбыть, объявляютъ за собою дѣло «до тайной конторы»; но «если объявленіе слова п дѣла оказывалось ложнымъ, виновный отдаваемъ былъ въ солда-

ремѣ теряютъ». Труды Кіев. Дух. Акад. 1860, кн. 2-я стр. 245 — 246. Въ 1744 году дьякоуъ села Порѣчья женилъ сына своего Петра Тиханова, «хотя тѣмъ избѣгнути отъ семинаріи»; съ отца взяли штрафъ 15 р., но сына въ семинарію не взяли; но когда сынъ троицкаго слуги Николай Рагозинъ, уволенный въ домъ отца для излеченія «отъ коспоязычія», женился тамъ, то по требованію семинарскаго начальства взять опять въ семинарію женатый—доучиваться до конца. Ист. троицк. семин. Смирнова, стр. 27.

¹⁾ Въ 1763 г. попъ Діомидъ Ильинъ моложскаго стану угличскаго уѣз. подалъ въ угличское правленіе челобитную, въ которой прописываетъ: во время случившагося 20 сент. этого года Божиимъ попусценіемъ пожара «сыну его Ефиму упавшимъ съ избы его пона бревномъ разбило лѣвую руку такъ жестоко, что кости въ той рукѣ большую раздробило, а малую отъ оной отшибло и вся та рука весьма распухла и отъ того-де онъ Ефимъ находится нынѣ въ тяжкой болѣзни, за коюю его въ тое семинарію, по взятому съ него пона того моложскаго стану заказникомъ, въ силу указовъ, обязательству, представить не можно». Священникъ боясь, «чтобы семинарская контора не подожила какова на него пона безвинно штрафа», просилъ о свидѣтельствovanіи его сына. Духовное правленіе послало для свидѣтельствovanія нарочнаго съ такою инструкціею: «на рѣшко изслѣдовать онаго попова сына рука подлинно ли во время бывшаго пожарнаго случая нечаянно упавшимъ съ избы поповой бревномъ разбиена, а не другимъ какимъ случаемъ и не нарочно ль то имъ учинено». Все это предписывается изслѣдовать по самой истинѣ какъ долгъ, совѣсть и присяга обязываютъ. Нарочный конистъ Яковлевъ донесъ, что попова сына дѣствительно всего «бревномъ подавило»; крестьяне того села показали, что это случилось Божиимъ попусценіемъ, а не другимъ какимъ порядкомъ нарочно».

ты, или матросы» ¹⁾). Но самое обычное средство уклонений есть бѣгство при явкѣ на смотрѣ ²⁾ и изъ семинаріи, по опредѣленіи въ нее.

Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ наступалъ второй рядъ правительственныхъ мѣръ—мѣры карательныя, направляемая какъ на родителей, такъ и на дѣтей. Относительно первыхъ примѣнялись слѣдующія мѣры взысканій: денежные штрафы, лишеніе мѣсты, тѣлесныя наказанія.—Количество штрафовъ опредѣленныхъ закономъ (съ протопопа 2 р., со священника 1½ р., съ дьякона рубль, съ дьячка и понамаря 50 коп.) за каждый мѣсяць укрывательства) измѣнялось на практикѣ по усмотрѣнію администраціи ³⁾). Лишеніе должностей и тѣлесныя наказанія (лишеніе чиновъ и безпощадное наказаніе) установлены выше приведеннымъ закономъ 1721 г. 1 сент. Въ числу наиболѣе дѣйствительныхъ карательныхъ мѣръ противъ отцовъ принадлежитъ арестъ самихъ отцевъ въ слу-

¹⁾ Смирновъ: «Ист. троиц. сем.».

²⁾ «Не смотря на всѣ угрозы, пишетъ авторъ ист. владимірской семинаріи о ея основаніи, многіе отцы не доставили въ семинарію своихъ дѣтей; да еще не малое число ихъ разбѣжалось во время переѣзда во Владимір». Влад. епарх. вѣдом. 1865 № 14. «При появленіи консисторскихъ разсыльщиковъ отцы скрывали дѣтей, сказывая ихъ въ бѣгахъ, а если кто изъ дѣтей нечаянно впадалъ въ руки разсыльщика, то такового въ Кострому провозжали, какъ покойника съ плачемъ и воплемъ. Главною причиною, почему отцы неохотно отдавали дѣтей въ семинарію, была молва, что непонятныхъ учениковъ будутъ отдавать въ военную службу. Недоброжелатели просвѣщенія находили къ этому поводъ въ узаконеніяхъ имп. кабинета отъ 26 (25-го см. выше) сент. 1737 г. въ 6-мъ п. и въ регламентѣ новгород. семинаріи отъ 20 мая 1740 г., что лѣнныихъ велѣно опредѣлять въ солдаты (мы видѣли выше, что «недоброжелатели просвѣщенія» имѣли полное основаніе распространять эту молву). Предубѣжденіе это противъ семинаристовъ долго оставалось среди духовенства». Архим. Макарія: «письма изъ Рязани». Русскій Педагогич. Вѣстн. 1858 г. № 10.

³⁾ Синод. ук. 1744 г. 23 февр.; см. Смирнова: «Ист. троиц. семин.», стр. 25.

⁴⁾ По распоряженію ростовской консисторіи слѣдовало: «съ отцовъ за непоставку семинаристовъ брать штрафа на богадѣльни за каждую просроченную недѣлю по 5 рублей, о чемъ отцамъ объявить предварительно чрезъ записки съ подписками». Рукоп. яр. дух. сем. Во Псковской епархіи опредѣлено: брать штрафа съ священниковъ по 5 рублей, съ діаконовъ по 3 и съ причетниковъ по два рубля. Бнязевъ: «Оч. ист.-псков. семин.».

чаѣ бѣгства и укрывательства дѣтей; такъ въ 1761 г. ярославская семинарская контора проситъ угличское духовное правленіе «держать подъ карауломъ въ ономъ правленіи дьякона, пока онъ сына своего не отыщетъ» ¹⁾).

Подобныя же мѣры принужденія и такія же средства уклоненія употреблялись и тогда, когда ученикъ уже доставленъ въ школу, потому что и въ духовномъ сословіи для лицъ, понавшихъ въ школу, образованіе обязательно въ тѣхъ высшихъ размѣрахъ, которые утверждены законодательствомъ для этой профессіи. Даже если школа не въ состояніи была дать такого образованія по недостатку учителей, то учениковъ все таки держали при школѣ, переводя ихъ въ высшіе классы, или занимая канцелярскими работами, пока не отыщутся учителя. Поэтому съ учениковъ, при поступленіи ихъ брали запись, что они не оставятъ школы впредь до полного окончанія наукъ въ ней ²⁾). Записи установлены духовнымъ регламентомъ: «принимать бы студентовъ съ разсмотрѣніемъ остроумія, и они бы запись давали на себе, что до конца учений пребудутъ во академіи подъ великимъ штрафомъ, если бы объѣта своего не исполнили безъ крайней нужды» ³⁾). Эти записи имѣютъ большое сходство съ записями на кабальное холопство и послѣдствія были тѣже. Нежеланіе продолжать науку выражается въ одной формѣ—бѣгства изъ школы.

Намъ нѣтъ надобности изображать трагическія черты всеобщаго бѣгства изъ школъ, которыя многимъ писателямъ

---

¹⁾ Рукоп. арх. яросл. дух. семинар.

²⁾ «1728 г. июня 1 дня якутскаго жителя служиваго человека Бориса Изотова сынъ Степанъ Борисовъ Изотовъ въ якутскомъ архіерейскомъ приказѣ сію на себя даю запись, противъ духовнаго регламента 21-й регулы, въ томъ, что я пришелъ своею волею въ школу, желая учиться мунгальскаго языка и чтобъ мнѣ, покажеть я онаго мунгальскаго языка не выучу въ совершенство и мнѣ отъ школы не отойти и не збѣжать, безъ вѣдома архіерейскаго. Аще же я что сей моею запискѣю противно что сдѣлаю, или не доучившись отойду, и тогда я достоинъ буду немалаго штрафа, что уважеть его архіерейство, такожъ и жестокому наказанію на тѣлѣ. Того для я даю по себѣ порукою и свидѣтелемъ у сей записки роднаго брата Никифора Борисова, сына Изотова. Въ сей запискѣ я Степанъ Изотовъ подписуюсь своеручно. Въ сей запискѣ вмѣсто поручива Никифора Изотова, по его прошенію. Никифоръ же Шуговъ руку приложилъ». Иркут. Епарх. Вѣдом. 1863 г. № 32-й.

³⁾ Реглам. духов. изд. 1722 г., стр. 55.

кажутся комическими ¹⁾, и въ которыхъ мы видимъ отраженіе роковой стороны новой русской цивилизаціи. Бѣгство это, какъ извѣстно, встрѣчное: одни бѣгутъ изъ школы, другіе (какъ Ломоносовъ и Тредіаковскій) въ школу. Очевидно, что русло цивилизаціи принимаетъ ненормальное теченіе, что государству казалось необходимымъ раздѣлить это русло на рукава, по собственному усмотрѣнію, для оплодотворенія его (государственной) почвы. Но человѣческая мысль и нравственная дѣятельность не призваны къ исключительному служенію государству.

Насъ интересуетъ здѣсь, что предпринимало государство противъ этихъ побѣговъ: мы видѣли, что бѣгающій изъ военныхъ школъ разсматривается какъ военный дезертиръ. Бѣгство предполагаетъ закрѣпленіе, или мѣсто заключенія. Очевидно, что школа разсматривается именно какъ мѣсто заключенія: человѣкъ остается въ ней до тѣхъ поръ, пока государство не опредѣлитъ его или въ солдаты, если человѣкъ къ «ученію непонятенъ», или въ службу, соответствующую его профессиональному образованію, если онъ усвоилъ всю сумму знаній, назначенную государствомъ. Отсюда и выродилось понятіе «бѣглыхъ» въ примѣненіи къ школьникамъ. А сообразно съ этимъ понятіемъ устанавливались и государственныя мѣры противъ побѣговъ. Прежде всего бѣглыхъ слѣдуетъ поймать. «Бѣглыхъ учениковъ консисторіи въ скоромъ времени отыскать и представить въ школы безъ всякихъ отговорокъ, иначе консисторія будетъ отштрафована за потворство, по которому она допустила... болѣе 30 чел. жить въ бѣгахъ»; такъ предписывалъ въ 1742 г. псковской

---

¹⁾ Почтенное исключеніе составляетъ авторъ очерка исторіи владимір. семинаріи: «Сколько было пролито горькихъ слезъ (пшше-ъ онъ) и передумано самыхъ отчаянныхъ предпріятій прежде, нежели несчастный отецъ рѣшился послушаться архіерейскаго указа... Но какъ ни страны эти отцы и матери, которыя, повидимому, не могутъ понять, что для ихъ дѣтей хотять сдѣлать неоцѣненное благо—просвѣтить ихъ ученіемъ; а все таки представляя картину этого горя цѣлой епархіи (увы, цѣлой имперіи!) неволью становится грустно... Въ то время едвали не настолько же было тяжело отдать сына въ семинарію, сколько нынѣ видѣть исключеннаго. Вѣдь не по однимъ пустымъ капризамъ отцы становились послушниками указовъ, не отдавали дѣтей въ семинарію; этому были дѣйствительныя, серьезныя причины». Влад. Епарх. Вѣд. 1865 г. № 14.

архіерей ¹⁾). Поэтому мѣстное начальство изобрѣтаетъ или мѣстныя средства для поимки, которыми распоряжается то администрація, то учебное начальство ²⁾), или обращается къ общимъ полицейскимъ учрежденіямъ за содѣйствіемъ въ поимкѣ; мѣстная полиція тѣмъ болѣе интересовалась этимъ дѣломъ, что бѣглецы изъ школы не рѣшались укрываться въ домахъ отцовъ, чтобъ не подвергнуть тяжелой отвѣтственности этихъ послѣднихъ и не попасться опять легко въ руки сыщиковъ. Имъ оставалось бродяжничество среди городовъ и только такія средства жизни, которые могутъ состоять въ распоряженіи бродягъ ³⁾). Поиманный подлежитъ наказанію; это наказаніе имѣетъ уголовно-карательный характеръ, а не школьно-педагогическій; оно производится обыкновенно не въ школахъ, а въ присутственныхъ мѣстахъ (судебныхъ и административныхъ) иногда послѣдовательно во всѣхъ инстанціяхъ духовнаго управленія ⁴⁾).

Такъ какъ образованіе и служба отождествляются и поступленіе въ школу есть поступленіе на службу, то чело-вѣкъ и по окончаніи полнаго курса наукъ въ школѣ не получаетъ свободы до тѣхъ поръ, пока не прислана ему служба, или пока онъ самъ не прискалъ ее ⁵⁾).

¹⁾ Князевъ: «Оч. ист. иск. сем.».

²⁾ «Указъ Ея И. В. Имп. и Самод. Всер. изъ учрежденной въ спасо-ярославскомъ монастырѣ семинарской конторы приставу Дмитрову инструкція. Итътить тебѣ углицкаго уѣзду въ с. Масальское... а пришедъ взять того села попова сына Якова Степанова Масальскаго, который отбывая отъ ученія долговременно, въ семинарію, по укрывательству отца его, не является и взявъ привести съ собою и объявить въ оной семинарской конторѣ въ самой скорости непремѣнно. Бывъ же въ оной посылакъ противныхъ указамъ поступковъ отнюдь не чинить...» и т. д. Рукоп. арх. яросл. дух. сем.

³⁾ «Опасаясь наказанія, бѣжавшіе или укрывались въ домахъ родительскихъ, или бродили по Москвѣ и производили новыя безпорядки, пока наконецъ не были отводимы въ полицеймейстерскую канцелярію, которая для расправы присылала ихъ въ академію». Смирновъ: «Ист. сл. гр. лат. акад.», 106—107.

⁴⁾ Въ 1761 г. бѣглый ученикъ ярославской семинаріи Петръ Фрозовскій жаловался, что онъ наказанъ напрасно и въ ярославскомъ дух. правленіи и въ ростовской дух. консисторіи. Рук. арх. яросл. дух. семни.

⁵⁾ Пунетъ 5-й упомянутаго выше кабинетскаго указа 1737 г. говорить: «А которые впредь для наукъ опредѣлены, тѣхъ хотябъ кто и совер-

Изложенныя требованія (о закрѣпощеніи учениковъ въ школахъ) на практикѣ должны были подвергнуться невольному ограниченію. Пока еще законъ не точно опредѣлялъ, что ученики совершенно неспособные, или лѣнныя не увольняются изъ школы, а сдаются въ солдаты, мѣстные архіереи увольняли такихъ за условленную ежегодную плату, «на оброкъ». Оброчные ученики или сами вносили за себя плату, если были опредѣлены къ высшей церковной должности, или за нихъ вносили ихъ отцы ¹⁾. Опредѣленіе количества оброка предоставлялось мѣстной епархіальной власти ²⁾.

Второе обстоятельство, ограничивающее строгость упомянутыхъ требованій заключается въ самыхъ условіяхъ школы.

Мѣры, гарантирующія обязанность образованія въ духовномъ сословіи, связаны лишь съ одною формою сообщенія образованія—со школами. Но не всѣ, подлежащія обязанности учтѣтся, могли быть помѣщены въ школу; администрація назначила штаты и не могла переступить границы ихъ по недостатку средствъ на содержаніе школъ. Коллизія между всеобщею обязанностью образованія и штатами школъ разрѣшалась слѣдующимъ образомъ: въ школу набиралось штатное число учениковъ или изъ числа оказавшихся лучшеми на смотрѣ, или изъ числа дѣтей болѣе привлеченныхъ и состоятельныхъ родителей; такъ въ Костромѣ преосв. Дамаскинъ опредѣлялъ, чтобы въ семинарію представляли дѣтей священники и діаконы отъ тѣхъ только церквей, гдѣ приходы состоятъ изъ 100 дворовъ ³⁾. Въ ярославской семинаріи нѣкоторое время принимали однихъ священническихъ и дяконовскихъ дѣтей, а причетническихъ только отъ церквей гор. Ярославля. На прочихъ возлагалась

шенно обучался, изъ школъ не выпускать, пока они слыгутъ по желаніямъ своимъ мѣсто и къ тому требованы и опредѣлены будутъ». П. С. З. № 7385 (сент. 25).

¹⁾ «Изъ этого оброка, какъ писалось въ бумагахъ, исключались только за совершенствомъ лѣтъ, за скудостью и за пожарныхъ разореніемъ». Макарія: «Ист. стат. опис. яз. дух. сем.», стр. 22—23.

²⁾ Въ Казани «м. Сильвестръ рѣшилъ отпустить такихъ (неспособныхъ учениковъ) изъ школы, но съ тѣмъ, чтобы они или сами, или ихъ отцы платили за *ослушаніе* въ пользу школы по рублю въ годъ». Правосл. Обзор. 1868 г. декабрь, стр. 351.

³⁾ Русск. Педагогич. Вѣстн. 1858 г., № 10.

обязанность приобрести образование дома, въ высшихъ гра-
нцахъ его, которыя были указаны указаніями, приведен-
ными выше (при изложеніи объема и характера духовнаго
образованія).

Обязательность образованія, какъ мы сказали, простиралась
на лицъ, уже занявшихъ должность, — петолько на дѣтей, но и на
отцовъ ихъ: священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. Для этихъ
послѣднихъ образованіе обязательно въ высшемъ размѣрѣ,
утвержденномъ вышеприведенными законами. Какимъ спосо-
бомъ распространяемо было образованіе между ними, будетъ
указано влже.

Указомъ 1723 года Петръ велѣлъ переписать всѣхъ мо-
лодыхъ монаховъ и собрать ихъ въ школы. Однако эта мѣра
никогда не была выполняема со всею строгостью; она и не
могла быть выполнена по крайней и страшной неопредѣлен-
ности своей: кто называется здѣсь «молодыми» монахами? Въ
1724 году въ московской сл.-латин. академіи учился іеро-
діаконъ Смарагдъ изъ Тобольска, который поступилъ, по при-
сылкѣ его въ первую латинскую школу, имѣя 35 л. отъ
роду и «чрезъ два года былъ уволенъ изъ академіи за не-
способностію и старостію лѣтъ». Въ это время всѣхъ, учив-
шихся въ академіи монаховъ, было только 13 изъ различныхъ
б. ч. отдаленныхъ мѣстностей: Воронежа, Рязани, Смолен-
ска ¹⁾); изъ московскихъ же монастырей, какъ доносилъ въ
1727 году ректоръ Гедеонъ Впшневскій синоду, «хотя въ нихъ
и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, изъ
которыхъ бы могъ быть плодъ церкви и произошли бы въ
учители и проповѣдники, и по нынѣ никого не присылаютъ». Св. синодъ нашелъ нужнымъ вновь подтвердить указъ 1723
года, но, какъ кажется, съ одинаковымъ успѣхомъ ²⁾).

Обращаясь въ заключеніе къ вопросу о причинахъ, вы-
звавшихъ правительство на крайне жестокія мѣры принужде-
нія къ образованію, а родителей на изобрѣтеніе грубыхъ
средствъ избѣгнуть его, мы должны только свести то, что
по частямъ уже приведено нами выше. Правительству даже

¹⁾ Смирновъ: «Ист. Сл. Гр. Лат. Акад.», стр. 178.

²⁾ П. С. З. № 5091 (іюня 10); см. С. М. Соловьева: Ист. Росс. XIX,
стр. 117.

того времени не можетъ быть приписана очевидно цельная мысль, что человѣка можно сдѣлать образованнымъ посредствомъ уголовныхъ каръ. Энергія правительственныхъ мѣръ принужденія направлена была вовсе не къ распространенію образованія, а къ регулированію служебныхъ обязанностей: правительство хотѣло имѣть въ своихъ рукахъ всѣхъ лицъ, обязанныхъ службою тотчасъ по выходѣ ихъ изъ младенческаго возраста; оно собираваетъ ихъ въ школы, или на экзамены, чтобы они не растерялись; конечно здѣсь же въ школахъ оно надѣется и приготовить ихъ къ службѣ; но только приготовить къ службѣ, а не дать имъ образованіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что каторжные работы назначались *за поступленіе въ школу*, если эта школа не соотвѣтствуетъ той службѣ, къ которой предназначено лицо закономъ.

Что касается до причинъ противодействія правительственнымъ мѣрамъ по образованію, то мы должны предупредить, что населеніе бѣжало не отъ образованія, а отъ смотровъ и школъ, что ходячая мысль о противоестественномъ отвращеніи отъ образованія въ цѣломъ народѣ, эта мысль (плодъ нашего подчиненія чужимъ мнѣніямъ) должна быть отброшена, какъ совершенно негодная и не согласная ни съ самыми общепозвѣстными законами психологіи, ни съ приводимыми выше фактами. Тоже самое, что заставляло правительство прѣбывать къ мѣрамъ принужденія, побуждало и общество изыскивать всѣ мѣры уклоненія отъ мнимаго образованія. Во главѣ причинъ противодействія правительству въ его мѣрахъ по народному образованію стоятъ сословно-служебный его характеръ: мы уже привели слова одного уважаемаго писателя о томъ, что отцы и дѣти справедливо видѣли въ наборѣ въ школы наборъ въ рекруты.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ уклоненія отъ школъ и смотровъ, это самая система принужденій. Извѣстно, что стремленіе облагодѣтельствовать человѣка насильно (посредствомъ каторги, кнута, батога, заключенія въ кандалы) всегда возбуждаетъ недовѣріе къ намѣреніямъ благодѣтеля. И справедливо: этотъ послѣдній очевидно долженъ имѣть сторонніе виды, заднія мысли, какія дѣйствительно и питало правительство 1-й полов. XVIII в.

Уже въ самомъ началѣ этого вѣка одинъ обломокъ предшествовавшей эпохи—Поликарповъ писалъ Мусину-Пушкину слѣд.: «учители греческіе росписъ бѣглымъ ученикамъ въ сенатскую канцелярію послали числомъ на 40 человекъ и что будетъ по ней, доносить не умедлю. Обаче сомнѣваюсь—дастся ли по неволѣ своевольнымъ наука. Глаголетъ бо Назіанза свѣтлыиць: пастырь, аще похочеть, можетъ доить козлища. Но вмѣсто млека источить кровь его сырца..; а нынѣ и наипаче нужда умножити греческую науку...»¹⁾; то есть, Поликарповъ боится, что розыскъ 40 бѣглыхъ учениковъ совсѣмъ разрушитъ греческую школу, столь по его мнѣнію необходимую.

Здѣсь мы должны съ особенною силою поставитъ читателю на видъ слѣд. фактъ: противодѣйствіе образованію со стороны общества не уменьшалось, а возрастало по мѣрѣ усиленія мѣръ принужденія къ нему. Въ началѣ XVIII в., когда еще правительство допускало общее образованіе и ничѣмъ не принуждало къ поступленію въ школу, наплывъ желающихъ учиться въ общественныхъ школахъ былъ такъ значителенъ, что правительство принуждено было сдерживать его, назначеніемъ штатнаго максимума учениковъ (впослѣдствіи училищныя штаты всегда назначали обязательный минимумъ учениковъ). Когда въ 1706 году начальство разноязычныхъ школъ въ Москвѣ спрашивало, принимать ли въ школы сверхъ 300 учениковъ, уже находящихся въ нихъ, Петръ далъ собственноручную резолюцію такого рода: «больше 100 человекъ не принимать...»²⁾. Точно то же было и съ московскою Сухаревою Башнею, когда въ нее велѣно было еще набирать охочихъ людей: «прибрано, писалъ въ 1704 г. Курбатовъ Головицу, учениковъ съ 180 человекъ охотниковъ всякихъ чиновъ, и прожиточные люди признали тоя науки сладость, отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскіе дѣти и молодые пѣзъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою». Курбатовъ спрашивалъ: «когда наполнится число 200 человекъ и приходитъ будутъ нарочи-

¹⁾ «Черты пѣзъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ В.» Русск. Арх. 1868. № 7—8.

²⁾ «Историч. документъ о гимназіи при Петрѣ В.» Дель, 1863, №. 15.

тые, принимать ли сверхъ 200 человекъ и коликому числу совершенно быть!»¹⁾ Между тѣмъ спустя почти 40 л. послѣ этого, въ 1742 г. адмиралтейская коллегія доносила сенату: «зѣло мало въ наукѣ осталось и, за непмѣннемъ оныхъ, въ подлежащіе ко флоту чины опредѣлять некого». И такія жалобы повторялись неоднократно. Точно такое же явленіе замѣчаемъ мы во всѣхъ другихъ школахъ: ростовское училище при св. Дмитріи—около 1702 г. имѣло до 200 учениковъ; черезъ 72 года послѣ этого—въ 1774 г., при обязательномъ минимумѣ, едва могли набрать здѣсь 176 учен. Еще въ концѣ царствованія Петра въ 1725 г. моск. слав. гр. лат. академія имѣла 629 учениковъ, а въ 1750 г.—200 человекъ.

Наоборотъ, съ ослабленіемъ принудительныхъ мѣръ къ образованію во 2-й пол. XVIII в., приливъ въ школы, вообще стремленіе къ образованію уеплились вдругъ и неожиданно.

Предоставляемъ читателю сдѣлать не трудный выводъ изъ этихъ фактовъ. Если просвѣщеніе вбито въ умы русскихъ вышеуказанными мѣрами, то мы могли бы и теперь повторить слова, влагаемые иноземнымъ писателемъ въ уста русскаго боярина, который будто бы такъ говорилъ Петру В.: «напрасны и издержки и труды твои, государь; головы и уму русскаго недоступны и ученіе и науки»²⁾.

Высказанная мысль о томъ, что въ русскомъ государствѣ 1-й пол. XVIII в. народное образованіе не было признано самостоятельною задачею государства, самымъ лучшимъ образомъ можетъ быть провѣрена посредствомъ изученія устройства административныхъ органовъ того времени. Извѣстно, что сознаніе той или другой задачи управленія тотчасъ обнаруживается виѣшнимъ образомъ посредствомъ возникновенія новой, самостоятельной вѣтви управленія.

Когда Лейбницъ, еще въ 1711 г., предлагалъ свои услуги Петру для основанія въ Россіи коллегіи народнаго просвѣщенія, то подъ именемъ этой коллегіи онъ разумѣлъ ор-

---

¹⁾ С. М. Соловьева: «Ист. Россіи», т. XV, стр. 99—100.

²⁾ „Leben Peters des Grossen“ von Halem. Th. I, S. 158. (см. Учен. зап. II отд. Ак. Н. 1854, кн. 1, 10).

ганъ высшей администраціи, параллельный другимъ высшимъ органамъ управленія. Кругъ вѣдомства его онъ очертилъ такъ: коллегія издаеть предписанія (относящіяся къ народному образованію), заботится объ устройствѣ воспитанія юношества, а именно: о приисканіи учителей и изданіи учебниковъ ¹⁾. Въ другой запискѣ Лейбницъ подробнѣе очерчиваетъ границы этой вѣтви администраціи и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрно расширяеть ихъ слѣд. обр.: коллегія совмѣщаетъ въ себѣ 1) управленіе народнымъ образованіемъ (школами и учащимися), 2) управленіе дѣлами печати (типографіями, книгопечатаніемъ и торговлею писчею бумагою); 3) управленіе медицинской частію (лекарствами и аптеками), 4) управленіе промышленностью, добывающею, обрабатывающею и торговою (соляною и горною промышленностію, фабриками, аклиматизаціею растений и пр.). Эти послѣднія вѣтви управленія составляютъ подчиненные коллегіи департаменты ея и комитеты. Кругъ дѣйствій собственно управленія образованіемъ тотъ же, какой былъ указанъ въ предыдущей запискѣ, т. е. основаніе школъ, приисканіе хорошихъ учителей и изданіе руководствъ. Коллегія состоитъ въ числѣ высшихъ государственныхъ учрежденій: «президентъ, или директоръ этой коллегіи долженъ быть членомъ высшаго государственнаго совѣта (т. е. того, что Петръ учредилъ подъ именемъ сената), а также тайнаго военнаго совѣта. Члены же коллегіи, смотря по обстоятельствамъ, должны имѣть знаніе царскихъ совѣтниковъ и секретарей» ²⁾. Впослѣдствіи Лейбницъ, очевидно, отказался отъ такого неумѣрнаго расширенія вѣдомства ученой коллегіи; въ письмѣ къ царю о коллегіяхъ (которое г. Герье относитъ къ 1716 г.), онъ проектируетъ между прочимъ отдѣльную торговую коллегію. Вообще же онъ рекомендовалъ устроить въ Россіи слѣдующія 9 коллегій: государственную, военную, фискальную, полицейскую, судебную, торговую, вѣроисповѣданій, контрольную и *ученую*. Эта послѣдняя не есть академія наукъ, но административное учрежденіе, точно такое же, какъ и всѣ вышеперечисленныя. Правда, согласно съ мыслями Лейбница, она должна имѣть двой-

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1870 г., февр. стр. 414.

²⁾ См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1870 г. апрѣль, стр. 311.

ственное значеніе: административнаго и ученаго учрежденія. Члены предполагаемой пмъ русской коллегіи народнаго просвѣщенія должны «каждый излагать свою науку по усовершенствованной методѣ и при томъ стараться слѣдить за открытіями и усовершенствованіями». Но существенная обязанность коллегіи «наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки и испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу, и потомъ представлять о нихъ царю для наблюденія за границей, чтобъ тамъ каждый изъ посылаемыхъ юношей учился тому, къ чему найденъ способнымъ по испытанію».

Петръ дѣйствительно учредилъ коллегіи (по мысли ли Лейбница, или по примѣру Швеціи—для насъ все равно); во всякомъ случаѣ лейбницевскій списокъ коллегій выполненъ съ избыткомъ: государственная коллегія основана подъ именемъ коллегіи чужестранныхъ дѣлъ, военная—подъ именемъ воинской, финансовыхъ двѣ: камеръ или казенныхъ сборовъ и штатсъ контора, судебная—подъ именемъ юстицъ-коллегіи, торговая—подъ именемъ коммерцъ-коллегіи, вѣроисповѣданій-духовной коллегіи (въ послѣдствіи св. синода), ревизіонная подъ этимъ же именемъ и кромѣ того адмиралтейская, бергъ-и мануфактуръ. Недостають только полицейской и ученой: первой очевидно потому, что всякая коллегія была полицейскою и вся дѣятельность государства была таковою; никакой не было возможности специализировать то, что провизикало весь государственный строй. Но почему не основана «ученая коллегія»? Послѣдующій проэктъ Петра объ основаніи академіи наукъ едвали есть выполненіе мысли объ основаніи ученой коллегіи; ни изъ чего не видно, чтобы Петръ хотѣлъ придать ей административный характеръ, котораго она въ дѣйствительности и не получила. Наконецъ, если Петръ, дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать ее административнымъ учрежденіемъ, то почему онъ медлилъ, организаціею такой важной отрасли высшей администраціи? Надо принимать факты, какъ они есть: министерство народнаго образованія не только не было организовано въ 1-й пол. XVIII в., но и не могло быть организовано. Такъ какъ народное образованіе нисколько не входило въ число задачъ правительственной дѣятельности, а всякое образованіе было приготовленіемъ къ

тому, или другому роду службы, то очевидно то, что мы нынѣ называемъ народнымъ образованіемъ, должно вѣдаться тѣми спеціальными органами, въ управленіи которыхъ находились различныя вѣтви государственной службы. Какъ извѣстно дань такому воззрѣнію и такому порядку вещей платятъ до сихъ поръ многія государства и наше въ особенности. Но теперь даже спеціальныя вѣтви образованія уже значительно отдѣлены отъ практическихъ приемовъ службы и приближаются, по своему характеру, къ значенію образованія. Въ тѣ же дни, когда школою была гвардія, церковь, присутственное мѣсто, и ни въ нихъ ничего, что могло бы назваться образованіемъ въ собственномъ смыслѣ, никакой благоразумный государственный человѣкъ не пришелъ бы къ мысли устроить общій центральный органъ управленія такимъ столь разнообразнымъ предметамъ. Словомъ коллегіи образованія не было устроено потому, что понятія объ образованіи не было.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что во времена Петра были сдѣланы различныя попытки устроить такъ или иначе администратію образованія. Характеръ этихъ попытокъ и судьба ихъ укажутъ намъ всего лучше на несвоевременность и невозможность этого дѣла при исключительно-профессіональной системѣ образованія.

При Феодорѣ Алексѣевичѣ, основанная имъ академія получаетъ характеръ административнаго учрежденія, управляющаго народнымъ образованіемъ всего государства; попытка ввѣрить администратію школъ есть единъ изъ неудачныхъ приемовъ законодательства, столько разъ повторявшійся послѣ; во всякомъ случаѣ до-петровское правительство передало Петру готовое учрежденіе. Но такъ какъ петровское правительство не хотѣло признать за тѣмъ образованіемъ, котораго представителемъ служила московская академія, значеніе общаго образованія и первоначально допустило другую новую форму образованія, — образованіе спеціально математическое, а рядомъ съ этимъ образованіе основанное на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (въ «разноязычныхъ школахъ»), то не было никакой возможности ввѣрить всѣ эти три вѣтви образованія вмѣстѣ одному и тому же учрежденію; мало по малу составилось три управленія, три министерства пароднаго просвѣщенія.

Въ началѣ XVIII в. въ управленіи просвѣщеніемъ принимаютъ участіе: нингерманландская канцелярія, монастырскій приказъ и приказъ книгъ печатнаго дѣла, мѣстоблюстителъ патриаршаго престола, оружейная палата, приказъ морскаго флота.

До 1715 г. существовала, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ въ Москвѣ гимназія—«разноязычныя школы»: съ перваго разу трудно было приискать приличное мѣсто для завѣдованія такими школами среди старой до-петровской системы приказовъ. Исправленіе должности министерства народнаго просвѣщенія возложено было на пжерскую (или нингерманландскую) канцелярію. «Какая связь между училищемъ русскихъ дѣтей въ Москвѣ и нингерманландской канцеляріей?» спрашивала редакція покойнаго «Дня», опубликовавшая въ первый разъ важный документъ объ общеобразовательной гимназіи въ Москвѣ 1706 г.; «да тажъ, которая существуетъ и теперь между Россіей и Ингерманландіей» ¹⁾; отвѣчаетъ она. Юридической связи, и дѣйствительно никакой открыть нельзя; но извѣстно, что пжерская канцелярія была подручнымъ учрежденіемъ Петра—его собникою, чрезъ которую онъ проводилъ внутрь Россіи свои западно-европейскія предначертанія. Неудивительно, что ей поручилъ онъ гимназію, въ которой преподаваніе основано на изученіи новыхъ европейскихъ языковъ и наукъ. Пжерская канцелярія поручила завѣдованіе школами Павлу Веселовскому.

Неизвѣстно когда и по какому поводу тѣже школы переданы были въ вѣдѣніе монастырскаго приказа ²⁾. Во всякомъ случаѣ этимъ сдѣланъ былъ шагъ къ органическому слитію новаго просвѣщенія съ старыми началами его, которые преимущественно представляемы были духовенствомъ.

28 февр. 1711 г. тѣже школы были переданы въ вѣдѣніе приказа книгъ печатнаго дѣла опять по побужденіямъ скрытымъ для насъ. И такъ для насъ была найдена совершенно свѣтская вѣтвь до-петровскаго управленія, имѣвшая и въ которую связь съ народномъ образованіемъ. «Которые вѣдомы были въ монастырскомъ приказѣ учителя и ученики и тѣмъ учителямъ и ученикамъ именныя списки съ

¹⁾ День 1863 г. № 15.

²⁾ П. С. З. № 2389 (26 іюня 1711 г.).

оклады и съ кормовыми дачами изъ монастырскаго приказа въ приказъ книгъ печатнаго дѣла присланы». Здѣсь съ 1711 г. вѣдалъ ихъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ ¹⁾; впрочемъ вѣдать эти школы поручено въ прик. кн. печ. дѣла «всякомъ управителямъ», т. е. порученіе ихъ Мусину-Пушкину не имѣло характера личнаго порученія; онъ управлялъ ими въ качествѣ члена приказа.

При Мусинѣ-Пушкинѣ управленіе московскими школами поручено было отъ него Феодору Поликарпову—директору синодальной типографіи, при немъ школы попали даже подъ начальство (конечно временное) приказа розыскныхъ дѣлъ: «вѣмецкія школы, писалъ въ 1716 г. Поликарповъ Мусину-Пушкину, взялъ господинъ Лобановъ-Елецкій подъ приказъ розыскныхъ дѣлъ», вѣроятно въ слѣдствіи какихъ-либо особыхъ происшествій въ этихъ школахъ и потому Поликарповъ просилъ его уволить отъ завѣдованія ими. Такъ какъ при Мусинѣ-Пушкинѣ общеобразовательныя школы были наконецъ разкассированы и наступило полное господство профессиональной системы, то съ тѣмъ вмѣстѣ эта вѣтвь управленія пресѣклась.

Рядомъ съ нею развивалась другая: московская академія, бывшая прежде сама министерствомъ просвѣщенія, по смерти послѣдняго патріарха, превратилась въ школу, состоящую въ управленіи одной изъ частей администраціи; это совершилось посредствомъ реформъ, касавшихся не академіи, а администраціи. Патріархъ, какъ мы упоминали уже, въ допетровское время представлялъ собою органъ верховной власти, а не администраціи; поэтому академія, подчинявшаяся ему, состояла въ непосредственномъ подчиненіи верховной власти. Но когда патріархъ былъ замѣщенъ мѣстоблюстителемъ, а этимъ послѣднимъ сдѣлался мѣстный рязанскій архіерей, управлявшій въ тоже время и московскою патріаршею областію, то академія, подчиненная ему, сразу попала не только подъ вліяніе администраціи, но даже администраціи провинціальной, и именно спеціально-духовной. Еще въ то время, когда мѣстоблюститель жилъ въ Москвѣ и могъ непосредственно наблюдать за московскими школами, эти по-

---

¹⁾ ibid.

слѣднія были подчинены монастырскому приказу; по крайней мѣрѣ изъ этого приказа исходили указы касающіеся школъ; таковы указы 1708 и 1710 годовъ о принужденіи дѣтей духовныхъ лицъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ ¹⁾. Этотъ порядокъ управленія укрѣпился съ 1718 г., когда сенатъ отдалъ московскую академію въ полное завѣдованіе монастырскаго приказа, который, слѣдовательно, и послѣ отнятія у него разноязычныхъ школъ, продолжалъ завѣдовать другимъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлою системою такихъ заведеній довольно уже многочисленію. Мы уже приводили сенатскій указъ, по которому «славянско-латинскихъ школъ учителей, также и школьничковъ, которые будутъ въ наукѣ латинскаго языка расправою и судомъ, кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ, вѣдать въ монастырскомъ приказѣ, а въ другихъ приказахъ не вѣдать ²⁾. Съ того времени отъ монастырскаго приказа зависѣло какъ содержаніе академіи, такъ и наблюденіе за учебною частію въ ней: «въ приказъ поступали просьбы отъ желающихъ учиться въ академіи, въ приказъ подаваемы были академическіе отчеты» ³⁾.

Одновременно съ этими двумя вѣтвями управленія, то расходящимися, то сливающимися, довольно прочно сразу обособляется третья вѣтвь, никогда не сливавшаяся съ ними; это—управленіе математическимъ образованіемъ. Первоначальное управленіе морскимъ училищемъ, или Сухаревою Башнею, поручено было оружейной палатѣ. Здѣсь управляли ими бояринъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ «съ товарищами»; а товарищемъ первоначально былъ Криветъ; но вскорѣ, по извѣстію сообщенному С. М. Соловьевымъ, ⁴⁾ Курбатовъ выпросилъ ихъ у царя себѣ «потому что навигація науки у Кривета не успѣвали». Управленіе Головина было лишь номинальнымъ, потому что, по роду его дѣятельности, ему не приходилось по долгу засяживаться въ Москвѣ; все дѣйствительное управленіе лежало на Курбатовѣ. Къ нему обращаютъ

¹⁾ П. С. З. № 2186 и 2308.

²⁾ П. С. З. № 3182 (марта 15).

³⁾ Смирновъ: «Ист. сл. гр. лат. ак.» стр. 87.

⁴⁾ Ист. Россіи, т. XV, стр. 99—100. См. Веселого: «Оч. ист. морск. фад. корп.», стр. 5.

ся учителя съ просьбою объ увольненіи, какъ это слѣлалъ извѣстный Л. Магницкій (потому что англичане, учителя школы, «обязали себя къ нему Леонтію ненавидѣніемъ»). Курбатовъ не уволилъ его, «вѣдая, что ему ихъ ради гнѣвоманія отъ школы быти свободну не доведется». Ему подаются донесенія о состояніи школы: онъ приказалъ Магницкому «о всякихъ поведеніяхъ сказываться ему до пріѣзда Головина. Курбатовъ призывалъ учителей въ оружейную палату для объясненій по дѣламъ школы и самъ посѣщалъ ее нерѣдко. Онъ наблюдалъ за самымъ методомъ преподаванія; такъ онъ осуждалъ англичанъ за «многое продолженіе въ ученіи, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ братья и велеть дожидаться меньшихъ». Онъ заботился о снабженіи школъ учебными принадлежностями. Но о всякомъ болѣе важномъ обстоятельстве, касающемся школъ, Курбатовъ, доносилъ Головину; такъ онъ требуетъ у Головина ходатайства о законодательномъ опредѣленіи штатнаго числа учениковъ въ школахъ.

Оружейная палата завѣдовала, какъ высшее административное мѣсто, математическимъ образованіемъ только до смерти Головина. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что управленіе образованіемъ было привязано къ оружейной палатѣ личною стью Головина, какъ равнымъ образомъ, по смерти этого послѣдняго, управленіе имъ перешло къ Федору Матвѣевичу Апраксину въ приказъ морскаго флота, а съ іюля 1712 г. въ адмиралтейскую канцелярію. Непосредственное отношеніе къ администраціи образованія адмралы и присутственныя мѣста, имъ руководимыя, продолжали имѣть до новой организаціи навигацкихъ училищъ въ 1715 году, когда при адмиралтействѣ устроена была спеціальная вѣтвь управленія образованіемъ и поручена графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву ¹⁾, котораго въ 1719 г. смѣнилъ къ этой должности бомбандиръ-капитанъ Григ. Григ. Скорняковъ-Шсаревъ. Вѣдомство этого органа управленія простиралось на всѣ элементарныя школы математическаго разряда (цыфирныя) ²⁾.

Въ 20-хъ годахъ это тройственное управленіе исчезаетъ.

¹⁾ Обь отношеніяхъ Матвѣева къ академіи, и ея директору бар. С. Илеру у С. М. Соловьева: Ист. Россіи, т. XVI, стр. 308—320.

²⁾ Веселаго: «Оч. ист. морск. кор.» стр. 42—47.

Правительство совершенно потеряло изъ виду общее образование: новая форма его, основанная на изученіи европейскихъ языковъ и наукъ, уже не существовала болѣе; старая форма, основанная на изученіи классическихъ языковъ, превращена въ специальное образование для одного сословія; тогда лицомъ къ лицу очутились только двѣ формы образованія—обѣ равно спеціальныя. До мелкаго дробленія специальностей по разнымъ вѣтвямъ службы еще не дошло. Такимъ образомъ являлась вторая эпоха въ исторіи управленія образованіемъ, отъ 1721 до царствованія Анны. Въ эту вторую эпоху управленіе дѣлится на двѣ системы: одна изъ нихъ подчинена духовной, другая адмиралтейской коллегіи. Такая двойственная система организована указомъ 1721 г. февр. 16., когда «в. государь указалъ: печатному двору и школамъ славянскаго и грекороссійскаго языковъ, что въ Москвѣ, и друкариѣ, которая въ С.-Петербургѣ и служителямъ при томъ обрѣтающимся быть, кромѣ навигацкихъ школъ, въ вѣдѣніи духовной коллегіи» ¹⁾. Складъ этого указа ясно обнаруживаетъ намѣреніе законодателя сосредоточить все управленіе просвѣщеніемъ въ одномъ мѣстѣ. Духовная коллегія разсматривается какъ министерство вѣроповѣданій и народнаго просвѣщенія, вѣдомство навигацкихъ школъ составляетъ лишь исключеніе; но такъ какъ это вѣдомство превышало, по числу учреждений и по вниманію къ нимъ правительства, вѣдомство духовной коллегіи, то первое и второе сдѣлались скоро двумя равносильными органами администраціи.

Синодъ, вскорѣ послѣ этого указа приступилъ къ точнѣйшей организаціи ввѣреннаго ему управленія. Синодскимъ указомъ 1721 года 21 іюля при синодѣ устраивается особая контора, которая и ввѣряется совѣтнику синода, архимандриту ипатьевского монастыря Гавриилу Бужинскому съ титуломъ «школъ и типографіи протектора». Въ вѣдомство этой конторы поступаютъ «обрѣтающіяся въ С.-Петербурхѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и вездѣ гдѣ по указамъ устроены будутъ типографіи... со всеми прежде бывшими надъ оными командующими и служителями». Изъ учи-

---

¹⁾ П. С. З. № 3741.

лицъ же въ конторѣ вѣдаются «московскія училища со всякимъ ихъ отправленіемъ». Что же касается до кievскихъ и черниговскихъ училищъ, то они, состоя въ непосредственномъ управленіи мѣстныхъ архіереевъ, мало подчиняются высшему надзору конторы Гавріила Бужинскаго: «аще и надлежать должны до своихъ имъ архіереевъ, обаче, егда имѣти имутъ нужду какою до св. прав. синода, писать имъ въ помянутую контору» ¹⁾. Это помѣщеніе въ центральномъ органѣ администраціи мѣстнаго характера есть остатокъ стариннаго до петровскаго отсутствія правильности въ устройствѣ органовъ управленія. Исключеніе, хотя и неполное, малороссійскихъ школъ изъ вѣдомства конторы св. синода и подчиненіе ихъ мѣстнымъ архіереямъ уже предсказываетъ будущую администрацію школъ, — указываетъ, что спеціальныи органъ управленія образованіемъ не удержится, что оно будетъ подчинено общимъ органамъ администраціи.

Въ частности подчиненіе кievской братской школы вѣдѣнію кievскаго митрополита есть фактъ значительной важности для насъ. Извѣстно, что школа эта управлялась корпораціею, братствомъ. Со временъ Петра Могилы дѣятельность и значеніе братства ослабѣвало мало по малу и сообразно съ тѣмъ возрастало вліяніе на школу епархіальной власти. Братства, суживаясь болѣе и болѣе, заключались въ кругъ лицъ, ближайшихъ къ школѣ; тѣмъ не менѣе самоуправленіе школы не было уничтожено совсѣмъ. Синодскій указъ 1721 года нанесъ этой самостоятельности послѣдній ударъ, который и обнаружилъ еще остававшуюся жизнеспособность самоуправления. Довольно долго спустя послѣ изданія этого указа кievскій архіепископъ Варлаамъ представилъ синоду, что онъ только подъ тѣмъ условіемъ возмется управлять кievскими школами, чтобы «ректоръ и префектъ съ учителями моему смиренію были новольными и послушными, понеже не малое уже отступу... усмотрѣхъ ропщущее упрямство и несыновнее послушаніе, каковое единымъ токмо старческимъ моимъ молчаніемъ и болѣзненнымъ терпѣніемъ сношу». Синодъ не понялъ истиннаго значенія этихъ словъ; онъ увидѣлъ въ нихъ жалобу

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. прав. синода, № $\frac{401}{12}$.

на частные беспорядки, частные случаи неповиновения узаконенной и привычной власти и оставил жалобу Варлаама безъ послѣдствій, не находя въ ней поименнаго указанія «противностей». Варлаамъ же, очевидно, указывалъ на общее нежеланіе учипща, прежде пользовавшагося самоуправленіемъ, подчиняться сторожней власти. Впрочемъ синодъ вмѣнилъ Варлааму въ обязанность смирять собственными средствами того, кто воспротивится.

Указанная сейчасъ склонность подчинить образованіе управленію общихъ провинціальныхъ органовъ духовной администраціи разрѣшилась въ 1726 г. совершеннымъ уничтоженіемъ центрального органа—синодской канторы. Допущенное, какъ исключеніе для кievскихъ и черниговскихъ школъ, мѣстное управленіе съ того времени сдѣлалось общимъ правломъ. Въ этомъ году совѣтникъ Бужинскій представилъ синоду, что такъ какъ всѣ отдѣльныя канторы синода, состоявшія въ вѣдѣніи каждаго изъ совѣтниковъ его, «раскасованы и взяты отъ совѣтниковъ въ вѣдѣніе всего синода», то и онъ проситъ уничтожить его отдѣльное вѣдомство. Синодъ, разсуждая, что въ московскихъ школахъ обрѣтается ректоръ, а въ типографіяхъ учинены директоры, 28 февр. (1726) постановилъ: «всѣ бывшія въ вѣдѣніи его совѣтника школы и типографіи отъ его правленія отрѣшить, поручивъ московскія школы тамошнему ректору, а прочія мѣстнымъ архіереямъ и архимандратамъ, а типографіи директорамъ»¹⁾. Такъ постоянно еще путались представленія о разграниченіи центральной администраціи отъ мѣстной.

Такъ какъ въ это время сословныя начала дѣлали все большіе и большіе успѣхи, то синодъ все менѣе и менѣе становился способнымъ нести на себя роль министерства народнаго просвѣщенія. Въ другомъ вѣдомствѣ болѣе сильнымъ, но столь же неспособномъ быть органомъ управленія народнымъ образованіемъ,—въ морскомъ вѣдомствѣ все болѣе и болѣе сосредоточивались нити управленія имъ. Мы уже знаемъ, что школы, которыя тогдашнее правительство считало возможнымъ выдавать за общія элементарныя, были подчинены адмиралтейству. Но между нимъ и синодомъ было много не разме-

---

¹⁾ *ibid.*

жованныхъ территорій: архіерейскія школы еще не вездѣ и не вполне отдѣлились отъ цыфирныхъ, цыфирныя не могли освободиться отъ вліянія мѣстныхъ архіереевъ, у которыхъ въ домахъ и монастыряхъ онѣ помѣщались; отсюда постоянныя пререканія и попытки подчинить синоду народныя школы, что было изложено нами въ своемъ мѣстѣ. Неудача этихъ попытокъ всего болѣе рекомендуетъ развивающуюся систему профессиональнаго образованія. Съ открытіемъ адмиралтейской коллегіи внутри морскаго вѣдомства былъ устроенъ специальный органъ для завѣдованія образованіемъ, подобный сенатской конторѣ Бужинскаго; это «С.-Петербургская академическая контора», ввѣренная директору академіи.

Третья эпоха въ исторіи управленія народнымъ образованіемъ (отъ нач. царствованія Анны до временъ Екатерины) есть эпоха полнаго и чистаго господства началъ, характеризующихъ вообще описываемое время; тогда брошены были всякія попытки устроить отдѣльные органы для управленія народнымъ образованіемъ; каждая вѣтъ образованія перешла въ управленіе къ соответствующему профессіи органу администраціи: военное образованіе находится въ вѣдѣніи военной коллегіи, морское—адмиралтейской, духовное въ вѣдѣніи синода, или правильнѣе мѣстныхъ архіереевъ, горное въ вѣдѣніи бергъ-коллегіи (а по соединеніи ея съ коммерцъ-коллегіею въ вѣдѣніи этой послѣдней), медицинское—медицинской канцеляріи, юридическое—или въ вѣдѣніи каждой соответствующей коллегіи или въ непосредственномъ завѣдованіи юстицъ-конторы, покрайней мѣрѣ смотры дѣлческихъ и подъяческихъ дѣтей, кромѣ герольдмейстерской конторы (общей для служилыхъ людей), должны были производиться въ юстицъ-конторѣ¹⁾. Управленіе возложенное на герольдмейстера, въ инструкціи 1722 г., передаетъ ему, повидимому, полную администрацію образованія гражданскихъ чиновниковъ. Но въ его непосредственномъ распоряженіи вовсе не существовало никакихъ учрежденій для образованія. Скорѣе слѣдуетъ признать, что герольдмейстеръ имѣлъ большое вліяніе на распредѣленіе дѣтей всѣхъ служилыхъ лицъ по всѣмъ вѣдомствамъ и профессіямъ.

¹⁾ П. С. З. № 5399.

Нѣкоторыя подробности объ администраціи собственно школъ будутъ сообщены при изложеніи исторіи специальныхъ училищъ.

Глава VI. Способы распространения образованія.

1) посылка за границу: регулированіе этого способа правительствомъ. 2) Служба: коллегія-юнкеры; обученіе при госпиталяхъ и проч.; катехизація и обученіе ставленниковъ. 3) Школы: общеобразовательныя школы, предшествующія господству профессиональной системы (московская гимназія, школы славяно-латинская, эллино-греческая и латино-италіанская, Сухарева Башня); специальные школы: военныя (гарнизонныя, высшія военныя: морскія, инженерная и артиллерійская, сухопутный кадетскій корпусъ); духовныя (основанныя до духовнаго регламента, архіерейскія школы, семинаріи и духовныя гимназіи).

Таже самая мысль, которая составляла предметъ нашихъ предыдущихъ замѣчаній (о сущности и цѣли образованія, установленной законодательствомъ 1-й половины XVIII в., его принудительности и органахъ управленія имъ), таже самая мысль наглядно подтверждается изученіемъ способовъ распространенія образованія, практикованныхъ въ то время.

Недостаточно принудить народъ учиться, недостаточно назначить для надзора за этимъ чиновниковъ; правительство обязано сверхъ того устроить и указать способы для пріобрѣтенія образованія. Въ настоящее время способъ почти единственный суть школы; но въ ту эпоху, эпоху служебнаго характера образованія, школы составляли первоначально одинъ изъ послѣднихъ способовъ. Болѣе его имѣли значенія посылка за границу и служба.

Обращаясь къ первому способу. Посылка за границу, какъ общая мѣра, начата была въ 1697 г. и была главнымъ способомъ образованія до 1715 г., когда основана была морская академія и когда именнымъ указомъ было предписано: «въ чужіе краи не посылать, а высылать въ школу с.-петербургскую». Хотя и послѣ этого допускалась посылка молодыхъ людей, уже бывшихъ въ академіи, какъ именно было сдѣ-

дано въ 1716 г. (когда отправленъ въ числѣ прочихъ Неплюевъ)¹⁾ и слѣдующихъ; но вообще по мѣрѣ возникновенія школъ внутри государства, первый способъ отступаетъ на второй планъ.

Посылка въ Кенигсбергъ подъячыхъ, предпринятая въ большомъ числѣ одинъ разъ въ 1716 г., не превратилась въ общую мѣру²⁾. Хотя табель о рангахъ приказываетъ: тѣхъ изъ коллежскихъ юнкеровъ, которые обучились назначеннымъ для нихъ наукамъ, «посылать въ чужіе краи по нѣскольку, для практики той науки», но нѣтъ никакихъ фактовъ, которые бы доказывали дѣйствительное исполненіе этого предписанія. Въ послѣдствіи большими массами отправляемы были за границу лишь такіе служащіе, которыхъ служба требовала техническихъ знаній, напр. горныхъ. Такъ партія молодыхъ людей была отправлена въ Швецію съ Татщевымъ; тамъ все образованіе ихъ состояло изъ изученія различныхъ родовъ горной техники.

Отправка какъ навигаторовъ, такъ и чиновниковъ различныхъ родовъ гражданской службы имѣла цѣлю сообщеніе имъ образованія, а не распространеніе его чрезъ нихъ въ Россію; ближайшая цѣль ихъ посланки занятіе извѣстной службы тотчасъ по возвращеніи, а не учительство среди русскихъ. Другой характеръ имѣетъ посланка учениковъ изъ латинскихъ школъ, уже предназначенныхъ тогда для духовенства. Если вѣрить иностранцамъ, то къ этой мѣрѣ прибѣгъ Ософанъ Прокоповичъ тотчасъ по приобрѣтеніи имъ вліянія и власти и по паденіи Яворскаго. «Когда Петръ лишилъ довѣрія Яворскаго (пишетъ Фоккеродтъ) и поручилъ вѣдѣніе школъ Прокоповичу, то этотъ умный человекъ достигъ скоро иныхъ результатовъ; онъ полагалъ, что нужно прежде приготовить хорошихъ учителей, и уже потомъ думать о заведеніи школъ. Съ этою цѣлю онъ послалъ нѣсколько молодыхъ русскихъ, которые положили основаніе знаніямъ въ его домовою школѣ, въ нѣмецкія академіи, чтобы научиться тамъ методу ученія и наукамъ»... По продолженіи исторіи этой посланки, сообщаемое тѣмъ же писателемъ, не соотвѣтствуетъ

¹⁾ См. подробности у Пекарскаго: «Наука и литература» I.

²⁾ П. С. З. № 2986 (1716 г. янв. 25).

похвалѣ ея началу: «молодые люди, посланные въ Германію или вовсе не возвратились, или не вынесли оттуда тѣхъ способностей, которыхъ онъ ожидалъ и потому вовсе не могъ достигнуть своей главной цѣли». При общей посылкѣ молодыхъ людей за границу въ 1717 г. (по приказу, данному царемъ изъ Амстердама въ 1716 г. Меншикову) были посланы въ числѣ другихъ три ученика московской академіи, которые сначала обучались въ Амстердамѣ, потомъ отправлены въ Парижъ «для изученія философіи и отданы тамъ на попеченіе русскому посланнику бар. Шлейнцу. Всѣ трое возвратились въ Россію въ 1724 г. съ дипломами на ученныя степени» ¹⁾. «Безполезную сторону путешествій, говоритъ тотъ же Фоккеродтъ, Петръ I созналъ самъ еще за долго до своей кончины и потому не хотѣлъ даже совсѣмъ оту- скать своихъ молодыхъ людей въ чужіе края» ²⁾.

Однако въ концѣ царствованія Петра примѣнена таже мѣра къ купеческимъ дѣтямъ. Выше мы сказали, что, кромѣ извѣстной главы регламента главнаго магистрата, правительство до Екатерины II не издавало узаконеній, и не принимало никакихъ правительственныхъ мѣръ къ распространенію образованія въ средѣ городского сословія. Мѣра, о которой мы теперь хотимъ сказать, такъ далека отъ характера дѣйствительнаго образованія, что мы вправѣ были не смѣть ея въ виду; теперь же упоминаемъ о ней, по ея крайней характерности для излагаемаго способа сообщенія образованія. Въ 1732 г. было повелѣно: выбирать изъ купеческихъ дѣтей всѣхъ знатныхъ городовъ Россіи по нѣсколко человекъ и изъ нихъ 20 человекъ содержать въ Ригѣ и Ревелѣ, а 15 за границею, и повторять ту же мѣру и впоследствии, когда посланные возвратятся, изучившись всему, нужному для торговыхъ дѣлъ ³⁾. Тоже распоряженіе повторено и скорѣ послѣ Петра, 1725 г., іюня 9. Трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи эта посылка находится къ образованію, быть можетъ здѣсь болѣе имѣются въ виду торговыя связи и вообще успѣхи комерціи ⁴⁾.

¹⁾ Смирновъ: «Ист. славян.-греко-лат. ак.» 235—237.

²⁾ Russland unter Peter dem Grossen 1872.

³⁾ Указъ 1723 г., ноября 8.

⁴⁾ Г. Арсеневъ, приводя узаконенія о посылкѣ купеческихъ дѣтей

Государстве, принужденное въ крайнемъ случаѣ (т. е. при такихъ переворотахъ, какъ русскій при Петрѣ 1-мъ, или японскій въ наши времена) прибѣгать къ такому способу, можетъ регулировать его лишь съ слѣд. сторонъ: 1) выбрать посылаемыхъ и опредѣлить кругъ занятій ихъ за границею, 2) учредить за границею надзоръ, на сколько онъ можетъ быть допущенъ международными отношеніями, 3) экзаменовать возвращающихся для допущенія ихъ къ извѣстнымъ профессіямъ.

Что касается до перваго, то выборъ посылаемыхъ дворянъ производилъ обыкновенно самъ царь, руководствуясь при томъ не одними соображеніями большей или меньшей подготовленности, и возрастомъ посылаемыхъ, но и состояніемъ ихъ. Послѣднее обстоятельство, составляя необходимый результатъ такого дорогаго способа, какъ посылка за границу, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно умалало пригодность и достоинства его. Такъ какъ первоначально посылка была примѣнена только къ навигаторамъ, которые избирался изъ лучшихъ и богатѣйшихъ фамилій, то высказанное условіе выбора было выполнено. Выборъ лицъ остальныхъ классовъ предоставленъ былъ мѣстнымъ властямъ.

Способъ образованія русскихъ навигаторовъ за границею ¹⁾ тотъ же, какой можно видѣть на извѣстномъ примѣрѣ самаго Петра: это—работы на веряхъ и служба на корабляхъ. Послѣдняя была дѣйствительною службою, съ полнымъ подчинен-

---

такъ опредѣляетъ ихъ значеніе: «Сіе постановленіе было полезно во первыхъ потому, что дѣти именитыхъ купцевъ живя въ странахъ просвѣщенныхъ, приобрѣтали и свѣдѣнія въ коммерціи и ловкость въ обращеніи (?) и возвратившись въ отечество, распространяли въ кругу себѣ равныхъ драгоценныя познанія о народахъ европейскихъ, съ которыми Россія состояла по самой природѣ въ сношеніяхъ ближайшихъ для торговли, во вторыхъ потому что сіи молодые торговцы знакомилсь съ знаменитѣйшими коммерческими домами и конторами Европы и заранѣе выигрывали кредитъ для будущихъ своихъ торговыхъ связей съ ними: по возвращеніи они объясняли своимъ соотечественникамъ, чѣмъ какая земля изобилуетъ и чѣмъ нуждается, какого рода торговля и съ какимъ государствомъ наиболѣе прибыльна для Россіи». Историко-статист. очеркъ народной образованности до конца XVIII в. (Учен. Зап. И. Ак. Наукъ. кн. 1, стр. 2).

¹⁾ Предупреждаемъ, что этого способа мы можемъ коснуться лишь мимолетно, только со стороны его значенія въ ряду другихъ способовъ; потому что самое приобрѣтеніе образованія за границею совершенно выходитъ за предѣлы изслѣдованія, посвященнаго исторіи русскаго образованія.

ніемъ правительству того государства, гдѣ находился посланный. Такова была служба Неплюева на венеціанскомъ флотѣ. Хотя по программѣ Петра навигаторы должны были «учиться навигаціи зимой, а лѣтомъ ходить на морѣ на всякихъ корабляхъ и обучаться, чтобы возможно онымъ потомъ морскими офицерами быть» ¹⁾ но и первая половина программы вовсе не означаетъ обученія въ школахъ, которое было невозможно уже потому, что большая часть посланныхъ не понимала языка тѣхъ странъ, куда были посланы. Тотъ же Неплюевъ, который съ честью и пользою служилъ на венеціанскомъ флотѣ, рассказываетъ, что, по прибытіи въ Испанію, онъ и его товарищи учились тамъ въ морской академіи «солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцевать...., а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться не возможно, для того, что языку мы не знали». Испанскій король на просьбу ихъ объ увольненіи отъ школы и опредѣленіи на службу, предписалъ: «быть въ академіи, учиться языку и прочаго». «Наука опредѣлена самая премудрая, писалъ изъ за границы кн. Мих. Голицынъ, хотя мнѣ всѣ дни живота своего къ той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—незнаю учителя языка, не знаю науки.» Только получившіе образованіе дома, именно знавшіе латинскій языкъ, могли приступить къ теоретическимъ занятіямъ. По свидѣтельству того же Голицына всѣ посланные съ нимъ, кромѣ его, знали уже латинскій языкъ дома. Требования самаго Петра на этотъ счетъ были опредѣлены. На вопросъ кн. Львова, надзиравшаго за русскими навигаторами въ Голландіи, какимъ наукамъ ихъ учить, и какъ учить, Петръ отвѣчалъ: «какъ матросы русскіе выучились, такимъ образомъ и онымъ учиться». Разумѣется такой же служебный, или дѣловой характеръ—имѣло образованіе посылаемыхъ за границу и изъ другихъ классовъ общества.

Посланные, состоя на службѣ того государства, въ которое посланы, тѣмъ не менѣе подчинялись тамъ надзору русскихъ чиновниковъ, командируемыхъ русскимъ правительствомъ для этой цѣли, съ званіемъ «коммиссаровъ». Первымъ

---

¹⁾ Веселого: «Оч. ист. морск. кад. корп. стр.» стр. 27.

извѣстнымъ комиссаромъ былъ кн. Иванъ Борисовичъ Львовъ. Подъ его наблюденіемъ находились всѣ навигаторы, и тѣ, которые посланы въ Голландію, и тѣ, которые служили въ Англіи. Дѣятельность „комиссара“ была весьма обширна и серьезна: онъ обязанъ былъ распредѣлять учащихся по степени ихъ успѣховъ къ той или другой работѣ или наукѣ; онъ долженъ былъ смотрѣть за поведеніемъ посланныхъ за границую; на его же обязанности лежала выдача имъ содержанія. При посылкѣ подъячихъ въ Кенигсбергъ царь приказалъ «послать за ними *надзирателя*, чтобъ они не гуляли»¹⁾. Впослѣдствіи при посылкѣ молодыхъ людей для техническаго образованія съ каждою партіею отправлялся особый комиссаръ, имѣющій болѣе или менѣе спеціальныя знанія въ той сферѣ, къ которой должны были готовиться посланные: такимъ былъ въ Швеціи В. Н. Татищевъ. Иногда надзоръ поручался русскимъ мѣстамъ при иностранныхъ дворахъ. Экзаменъ возвратившимся навигаторамъ при Петрѣ производился спеціалистами въ присутствіи самаго царя.²⁾ Люди остальныхъ классовъ экзаменовались каждый въ соответствующемъ приказѣ или коллегіи.

Гораздо болѣе значенія имѣеть второй способъ распространенія образованія, наиболѣе характерный для того времени — распространеніе его чрезъ службу, при чемъ школы были замѣняемы присутственными мѣстами, войсками, храмами больницами и проч.

Образованіе чрезъ службу сообщается коллегіи-юнкерамъ, меликамъ, архитекторамъ и проч. Неповторяя свѣдѣній разсѣянныхъ въ предыдущихъ замѣчаніяхъ, касающихся сословности образованія и профессиональнаго характера его, здѣсь мы укажемъ только вѣдущую учебную организацію этихъ учреждений.

Въ недолговременное свое существованіе институтъ коллегіи-юнкеровъ пережилъ три эпохи: петровскую, аннинскую и елизаветинскую. Мы знаемъ, что присутственные мѣста были обращены въ школы генеральнымъ регламентомъ и табелью о рангахъ; съ тѣхъ поръ до временъ Екатерины II, законодательство, съ разными колебаніями, удерживало этотъ способъ об-

¹⁾ П. С. З. № 2986.

²⁾ См. Записки Неплюева.

разованія и продолжало организовать его. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что служащіе въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ до занятія нѣм штатныхъ мѣстъ (секретарскихъ и т. д.) считаются учащими, или на оборотъ: учащіеся состоятъ на дѣйствительной службѣ. Элементъ образованія еще нѣмало не выдѣляется изъ службы: «удобные люди» суть кандидаты на штатныя мѣста въ канцеляріяхъ, допущенные заранее къ исправленію должности; все образованіе ихъ заключается въ «списываніи дѣлъ» т. е. въ самомъ исправленіи должности. Это съ особенною силою подтверждается въ концѣ главы 36 регламента, гдѣ приказывается коллежскихъ юнкеровъ «по коллегіямъ обучать такъ, какъ подъячихъ, съ самыхъ нижнихъ дѣлъ приказныхъ». Очевидно, что къ такого рода сообщенію образованія примѣняются всѣ остальные условія службы: учителя-начальники канцеляріи, секретари; надворъ за обученіемъ поручается членамъ коллегіи: «сего смотрѣть въ коллегіяхъ на крѣпко, грозитъ регламентъ, дабы въ томъ маны не было и, подъ видомъ ученія, — гулянья, за что будутъ члены коллежскіе жестоко наказаны, ежели по сему исполнять не будутъ». Табеля о рангахъ, по видному, иначе опредѣляетъ здѣсь отношеніе образованія и службы: она называетъ коллегіи-юнкерами уже тѣхъ, которые приобрѣли требуемое образованіе и ихъ считаетъ на службѣ; неученыхъ же, титулярныхъ коллегіи-юнкеровъ, не кладетъ ни въ какомъ служебномъ рангѣ. Содержаніе довольно-неясной 14-й статьи ея объ этомъ предметѣ таково: дворянскихъ дѣтей слѣдуетъ производить въ коллегіяхъ снизу, т. е. начиная съ самыхъ нижнихъ чиновъ: а именно самый первый и нижній рангъ составляютъ коллегіи-юнкеры; въ этомъ чинѣ опредѣляются «ученые проэкзаменованные въ коллегіи» и, по представленію отъ нея въ сенатъ, получившіе патентъ на чинъ. Эти коллегіи-юнкеры состоятъ въ рангахъ капрала и сержанта по одному году въ каждомъ: «капральскіе и сержантскія дѣла зачислятъ тѣмъ, которые учились и выучились подлинно, что коллежскимъ правленіямъ подлежитъ». Кромѣ этихъ коллегіи-юнкеровъ позволяется принимать и такихъ, которые не учились, «нужды ради и за оскудѣніемъ ученыхъ»; они именуется титулярными коллегіи-юнкерами и не состоятъ ни въ какомъ служебномъ рангѣ до приобрѣ-

тенія дѣйствительнаго коллегіи-юнкерства. Так. обр. эти послѣдніе, повидимому, не состоятъ въ службѣ, пока находятся въ періодѣ образованія. Но эта путаница представленій принадлежитъ лишь неясности редакціи закона: на дѣлѣ ни дѣйствительные коллегіи-юнкеры не выходятъ еще изъ періода обученія, ни титулярные коллегіи-юнкеры не стоятъ въ службѣ. По предшествующей (13-й) статьѣ табели весь институтъ коллегіи-юнкеровъ учреждается для приготовленія контингента чиновниковъ: «дабы впредь на ваканціи не со стороны хватать, но порядкомъ, какъ въ воинскихъ чинахъ производится; того ради надлежитъ нынѣ имѣть въ статскихъ (т. е. на военныхъ) коллегіяхъ по 6 и по 7 человекъ коллегіи-юнкеровъ, или меньше, а ежели болѣе надобно, то съ доклада»¹⁾. Вся разница между дѣйствительными и титулярными коллегіи-юнкерами состоитъ въ томъ, что первые состоятъ въ рангахъ (имѣютъ чинъ), вторые—тоже, что рядовые въ войскахъ. Это раздѣленіе въ послѣдующихъ узаконеніяхъ исчезаетъ.

Учрежденіе коллегіи-юнкеровъ со времени Петра В. не подвергалось новымъ законодательнымъ опредѣленіямъ до 1737 г. Въ этомъ году, который и составляетъ начало второй эпохи въ жизни этого учрежденія, рядъ узаконеній далъ ему твердую регламентацію, а именно: что касается до опредѣленія юнкеровъ въ коллегіи, извѣстный актъ вообще регулирующий обученіе и службу недорослей, коснулся и этого учрежденія; онъ приказываетъ назначать въ коллегіи-юнкеры на предпоследнемъ смотрѣ (въ 16 л.), такъ что специальное образованіе приказное ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено семьѣ, что весьма естественно, потому что такія знанія, какъ эти, нельзя приобрѣсть нигдѣ кромѣ канцелярій. Выборъ недорослей въ юнкеры производится сенатомъ изъ тѣхъ, которые явятся болѣе способны къ гражданской, чѣмъ къ военной службѣ²⁾. Это послѣднее обстоятельство, т. е. способъ выбора точнѣе опредѣленъ изданными вслѣдъ за тѣмъ сенатскими указами и резолюціею кабинетъ-министровъ: герольдмейстеръ представляетъ сенату всѣхъ

¹⁾ П. С. З. № 3890 (1722 г. янв. 24).

²⁾ П. С. З. № 7171 (февр. 9).

явившихся на предпоследній смотръ, обученныхъ грамотѣ; сенатъ производитъ изъ нихъ выборъ въ юнкера; остальные, оставшіеся за выборомъ, могутъ быть отпущены домой ¹⁾). Распределение ихъ по коллегіямъ совершается на слѣд. основаніи: тѣ изъ недорослей среднихъ и знатныхъ фамилій, за которыми не меньше 100 душъ крестьянъ, опредѣляются въ сенатъ, а тѣ, за которыми не менѣе 23 душъ, въ коллегіи, «чтобъ они могли не токмо опредѣленнымъ жалованьемъ, но и своимъ собственнымъ иждивеніемъ себя честно, чисто и неубого содержать» ²⁾). Въ частности по ук. отъ 11 мая распределение это совершается такъ: по росписанію, составленному генераль-прокуроромъ, опредѣляются въ сенатъ 12 чел. а въ военную, юстицъ, коммерцъ коллегіи, въ штатъ канцелярію, въ камеръ, -ревизионъ-и вотчинную коллегію по 6 чел. въ генераль-бергъ директоріумъ, въ монетную канцелярію и въ судный приказъ по 4 чел., въ канцелярію конфискаціи два. Въ тѣхъ изъ этихъ присутственныхъ мѣстъ, которыя находятся въ Москвѣ, выборъ производится изъ недорослей, явившихся въ московскую сенатскую канцелярію ³⁾). Здѣсь ничего не говорится о синодскихъ дворянахъ; но изъ послѣдующихъ узаконеній видно, что при синодѣ точно также опредѣлены были изъ дворянъ недоросли молодые люди для обученія. Служебное значеніе такихъ лицъ тотчасъ по поступленіи не подлежитъ уже сомнѣнію: сенатъ, полагая необходимымъ переименовать ихъ изъ коллегіи юнкеровъ въ коллежскіе дворяне, опасается, чтобы это не подало поводъ разсматривать ихъ не какъ служащихъ, и потому употребляетъ слѣд. образъ выраженія: «хотя они и опредѣляются точно должностию и жалованье копѣисткое получаютъ будутъ, но токмо бъ слыть имъ дворянами». Этимъ петровское раздѣленіе юнкеровъ на дѣйствительныхъ и титулярныхъ уничтожается; но служебное значеніе ихъ оттого лишь возрастаетъ. Сенатъ устанавливаетъ градацію ихъ служебнаго восхожденія; дворяне получаютъ жалованье копѣисткое 1 годъ, подканцеляристское два года, и канцеляристское два же года; по прошествіи этихъ 5

¹⁾ П. С. З. № 7182 (марта 6).

²⁾ П. С. З. № 7201 (марта 6).

³⁾ П. С. З. № 7248 (мая 11).

дѣтъ достойные изъ нихъ производятся въ секретари. Въ эту эпоху теоретическій способъ обученія уже начинаетъ выдѣляться по немногу изъ практическаго служебнаго; коллежскіе дворяне «между канцелярскою должностію» должны обучаться «пристойнымъ наукамъ къ шляхетству и гражданству»¹⁾. По узаконенію 11 мая это отдѣленіе воплощается уже въ формахъ внѣшнихъ учреждений. Дворяне въ сенатѣ вручаются оберъ-секретарю; онъ расписываетъ ихъ по секретарскимъ экспедиціямъ; здѣсь главное назначеніе ихъ исправлять «точно копистскую должностъ»; но въ тоже время секретари по экспедиціямъ должны тщательно обучать ихъ приказному порядку и вообще всему тому, что какъ мы знаемъ уже, составляло ихъ специальное образованіе. Науки же, составляющія пригтовительное образованіе (элементъ общаго образованія) изучаются уже теоретическимъ способомъ и обученіе имъ выходитъ уже изъ средствъ служебной практики. Поэтому тѣ дворяне, которые находятся въ петербургскихъ присутственныхъ мѣстахъ, для изученія общихъ наукъ должны собираться по два дня (въ среду и субботу) въ каждую недѣлю въ сенатъ, гдѣ отводится для того пристойная камера. Но законъ не называетъ этой камеры школою, какъ называется она впоследствии; съ такою медленностію элементъ образованія выдѣляется изъ элемента службы. Въ Москвѣ для дворянъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ учреждается такая же камера при сенатской конторѣ.

Приближаясь къ значенію школы, канцелярское обученіе должно было потребовать отдѣльныхъ учителей: подобно тому, какъ въ коллежскихъ дворянахъ значеніе учениковъ обособлялось отъ значенія чиновниковъ, должностъ секретаря обособляется отъ должности учителя. Въ камерѣ при сенатѣ обучаютъ два учителя: одинъ геодезіи, другой прочимъ наукамъ. Въ петербургскомъ сенатѣ на должностъ учителя геодезіи опредѣляется имѣющійся при сенатѣ геодезистъ; а для обученія прочимъ наукамъ генераль-прокурору поручается найти искуснаго учителя, представить сенату и опредѣлить ему жалованье; въ московской конторѣ назначеніе учителей зависить отъ оберъ-прокурора.

¹⁾ П. С. З. № 7201.

Надзоръ за обученіемъ вообще поручается въ петербургскомъ сенатѣ генераль-прокурору, въ Москвѣ въ конторѣ оберъ-прокурору; а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ президентамъ, вице-президентамъ и главнымъ судьямъ. Какъ секретари, такъ и учителя должны еженедѣльно рапортовать о прилежаніи и успѣхахъ дворянъ; первые чрезъ оберъ-секретарей, вторые прямо генераль-прокурору а главные начальники присутственныхъ мѣстъ должны ежемѣсячно экзаменовать каждого дворянина; и оцѣнка теоретическихъ знаній поручается тѣмъ же «главнымъ командирамъ». Секретари сами не могутъ штрафовать нерадивыхъ и лѣнивыхъ; они должны только доносить главнымъ командирамъ (а по указу 1740 г. генераль-прокурору), отъ которыхъ и зависитъ наложеніе наказанія ¹⁾. По указу 1740 г. ближайшій надзоръ за ними поручается канцеляристамъ, «у кого они въ повѣстьяхъ будутъ». Недостаточность надзора за обученіемъ при коллегіяхъ заставила сенатъ указомъ 1740 г. іюня 25 дворянъ нѣкоторыхъ коллегій, а именно военной, коммерцъ, ревизіонъ и юстицъ коллегій обучать только при сенатѣ: «при бывшемъ напередъ сего экзаменѣ усмотрѣно, что въ тѣхъ мѣстахъ въ наукахъ смотрѣнія за ними не было»; поэтому дворянамъ и этихъ коллегій «быть для обученія дѣль при сенатской же канцеляріи» ²⁾, съ тѣмъ, чтобы жалованье имъ шло изъ той коллегіи, гдѣ они считаются на службѣ.

Для усиленія надзора надъ дворянами указомъ 1740 г. имъ велѣно имѣть квартиру на Васильевскомъ островѣ, потому что, говоритъ сенатъ, живя до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ: на Охтѣ, на островахъ Адмиралтейскомъ и С.-Петербургскомъ, прогуливаютъ много времени и отговариваются отъ посѣщенія канцелярій и школы дальностью жилищъ.— Надзоръ со стороны сената былъ особенно затруднителенъ за тѣми дворянами, которые состояли при московскихъ присутственныхъ мѣстахъ: въ 1740 г. сенатъ зналъ только, что тамъ при сенатской конторѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ считается 29 дворянъ, «а въ какихъ наукахъ происходятъ и

¹⁾ П. С. З. № 7248.

²⁾ П. С. З. № 8149.

есть ли въ которыхъ надежда впредь къ обученію и произвожденію, — о томъ неизвѣстно» ¹⁾).

Такъ установился институтъ коллежскихъ дворянъ (или юнкеровъ) къ концу 2-й эпохи своего существованія. Въ самомъ концѣ ея, въ окт. 1740 г., по частному ходатайству коммерцъ—коллегіи, въ немъ произведено было частное измѣненіе. Коммерцъ—коллегія представила чрезъ сенатъ кабинету, что было бы очень полезно для успѣховъ дѣлъ, ввѣренныхъ коммерцъ—коллегіи, еслибы въ члены ея производились молодые люди изъ шляхетства, обученные при ней коммерческимъ дѣламъ. Сущность предложенія коммерцъ—коллегіи состоитъ въ слѣд.: взять 4-хъ кадетъ (изъ сухоп. корпуса) двухъ русскихъ и двухъ иноземцевъ и опредѣлить въ коллегію въ офицерскихъ чинахъ и съ офицерскимъ жалованьемъ, съ тѣмъ чтобы они, прослуживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и приучившись къ занятіямъ, могли быть представлены въ члены этой коллегіи. Такъ обр. это уже не были коллегіи-юнкера, а коллежскіе офицеры. Они изъ школы прямо поступаютъ на дѣйствительную службу. ²⁾ Еслибы такой примѣръ распространился на всѣ остальные спеціальныя органы высшей администраціи, то весь этотъ способъ сообщенія образованія чрезъ присутственныя мѣста получилъ бы гораздо болѣе правильное значеніе. Тогда школа, заключающая въ себѣ общее образованіе, была бы отдѣлена отъ службы. Съ службою смѣшивалось бы только спеціально-практическое образованіе.

Въ третью и послѣднюю эпоху своей жизни т. е. въ царствованіе Елизаветы институтъ коллежскихъ дворянъ опять превращается въ петровское учрежденіе коллегіи—юнкеровъ.

Мы видѣли, что въ предшествующую эпоху служебное начало въ образованіи юнкеровъ выдѣлялось изъ школьнаго. Какъ ни заботилось правительство о томъ, чтобы эти начала не пришли въ столкновеніе между собою, столкновеніе между ними было неизбѣжно. Въ 1750 г. сенатъ получилъ рапортъ отъ школы, учрежденной при немъ, что коллегіи—юнкеры и дворяне не бываютъ въ школѣ въ назначенные для нихъ дни,

¹⁾ П. С. З. № 8149 (1740, марта 24).

²⁾ П. С. З. № 8267 (1740 г., октяб. 25)

говоря, что въ тѣ дни они бывають на дневаціи въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся при дѣлахъ. Учителя спрашивали: требовать ли ихъ въ школу въ дни дежурства? Сенатъ приказалъ какъ коллегіи—юнкерамъ, такъ и дворянамъ быть при школѣ въ назначенные дни неотлучно и потому не обязывать ихъ дневаьемъ въ общей очереди съ другими приказными служителями, чтобы они чрезъ то наукъ своихъ не забывали.¹⁾ Уже одинъ этотъ вопросъ показывалъ, что основаніе учрежденія коллежскихъ дворянъ шатко, что его слѣдуетъ вновь пересмотрѣть и регламентировать. И дѣйствительно черезъ два мѣсяца послѣ этого сенатъ, по поводу узаконенія о производствѣ въ секретари и протоколисты, между прочимъ распорядился: доставить ему вѣдомость о дворянахъ и юнкерахъ: опредѣленныхъ къ дѣламъ въ сенатъ и въ коллегіи²⁾).

Получивъ эти вѣдомости, сенатъ приступилъ къ составленію новаго общаго устава для учрежденія коллежскихъ юнкеровъ, который и изданъ 20 янв. 1752 г. При Елизаветѣ сенатъ избѣгаетъ постояннаго употребленія одного изъ терминовъ: коллегіи-юнкера, или дворяне и старается употреблять ихъ оба вмѣстѣ. Нововведенія, сдѣланныя при Аннѣ Ивановнѣ не правились теперь сенату. Онъ желалъ бы вполне возстановить организацію, данную этому учрежденію Петромъ В., что и удастся ему повидимому. Наименованіе юнкеромъ коллежскими дворянами, которое казалось сенату такъ необходимымъ въ 1737 г., теперь представляется ему же не нужнымъ и несогласнымъ съ узаконеніями Петра В. «Отнынѣ, предписываетъ онъ, дворянами ихъ не называть, а по силѣ табели о рангахъ 14 пункта, писаться тѣмъ, которые нынѣ произведены и впредь производятся въ коллегіи-юнкеры съ рангомъ прапорщичьимъ, коллегіи-юнкерами, а кои по нынѣ дворянами были, также и опредѣленными впредь титулярными коллегіи-юнкерами»; т. е. смѣшеніе подъ именемъ дворянъ этихъ двухъ разрядовъ, учрежденныхъ Петромъ, уничтожается: въ дѣйствительные коллегіи-юнкеры производятся титулярные тогда, когда они того окажутся достойными и

¹⁾ П. С. З. № 9797 (1750 г. сент. 12).

²⁾ П. С. З. № 9819 (ноября 28).

считаются въ такомъ случаѣ въ рангѣ прапорщика. Новопоступающіе и изъ коллежскихъ дворянъ, которые при этой реформѣ не удостоились производства въ дѣйствительные коллегіи-юнкеры, считаются и называются титулярными коллегіи-юнкерами. Затѣмъ сенатъ возстановляетъ штатное число юнкеровъ, положенное указами Петра В. Въ эпоху, послѣдующую за петровскимъ царствованіемъ, въ однихъ коллегіяхъ было больше 6-7, въ другихъ меньше. Теперь равномерное распредѣленіе ихъ по коллегіямъ предоставляется генералъ-прокурору. Впрочемъ перемѣны и осложненія, происшедшія въ самой организаціи коллегій, канцелярій и приказовъ послѣ Петра, заставили сенатъ допустить здѣсь нѣкоторыя отступленія; а именно во всѣхъ коллегіяхъ и самостоятельныхъ канцеляріяхъ должно быть по 7 юнкеровъ въ каждой, а въ мѣстахъ подчиненныхъ коллегіямъ по 4 человека. Что касается до того на всѣ ли коллегіи простирается это учрежденіе юнкеровъ, то уставъ 20 янв. (1752 г.) дѣлаетъ только исключеніе для иностранной, не потому, чтобы въ ней не полагалось юнкеровъ, и потому что выборъ въ юнкера этой коллегіи подчиненъ былъ особымъ условіямъ: «пбо въ оной въ коллегіи-юнкеры опредѣляются особливо по усмотрѣнію той коллегіи къ тому достойные и иностранныхъ языковъ знающіе». Адмиралтейская и военная именно называются въ числѣ прочихъ, подлежащихъ дѣйствию этого устава; имѣя свои спеціальныя учебныя заведенія; (сухопутн. корпусъ и морскую академію) эти двѣ коллегіи нуждались въ юнкерахъ для приготовленія служащихъ у нихъ чиновъ гражданскихъ. Сличеніе этого обстоятельства съ распоряженіемъ, относящимся къ иностранной коллегіи, доказываетъ какая ничтожная способность къ обобщенію была въ то время въ законодательныхъ сферахъ. Возстановивъ так. обр. вѣншій видъ учрежденія, приданный ему Петромъ, сенатъ не могъ уничтожить той части аннинской реформы, которая необходимо требовалась естественнымъ развитіемъ этого учрежденія: теоретическое образованіе юнкеровъ, сосредоточенное въ сенатскихъ школахъ петербургской и московской, остается: «всѣмъ онымъ коллегіи-юнкерамъ въ учрежденныхъ при прав. сенатѣ и при сенатской конторѣ школахъ обучаться». Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ съ тѣмъ большею силою настаиваетъ на со-

храненіи служебнаго характера за юнкерами: «быть имъ точно въ копипетской должности» подтверждаетъ онъ. Какъ чиновники, они получаюгъ жалованье ¹⁾.

Надзоръ за ними остается по прежнему на отвѣтственности президентовъ, «главныхъ судей» въ коллегіяхъ и приказахъ; въ сенатъ же, къ генераль-прокурорскимъ дѣламъ, подаются рапорты о нихъ каждую третью года ²⁾. Но вѣроятно, этотъ надзоръ было трудно выполнимъ, потому что сенатъ нашелъ нужнымъ чрезъ два года подтвердить президентамъ и главнымъ судьямъ, чтобы они имѣли «наискрѣпчайшее смотрѣніе» за юнкерами. Тогда же обязанность надзора сенатъ распространяетъ на всѣхъ присутствующихъ и прокуроровъ гдѣ они есть. При этомъ сенатъ приказалъ рапортовать ему даже о тѣхъ изъ юнкеровъ, которые произведены въ секретари. За долговременную неподачу рапортовъ сенатъ угрожаетъ штрафомъ ³⁾.

Въ такомъ видѣ осталось устройство этого учрежденія до царствованія Екатерины II. Лишь въ самомъ концѣ описываемаго времени оно получило нѣкоторое виѣшнее развитіе: юнкера допущены отчасти и при провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ; это совершенно упомянутымъ выше ⁴⁾ узаконеніемъ 1761 года относительно остзейскихъ провинцій. Сенатъ рѣшилъ отправить нѣсколькихъ юнкеровъ изъ состоящихъ при сенатѣ и коллегіяхъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, въ остзейскія присутственныя мѣста; а именно: въ рижскую регирунгс канцелярію 3-хъ (одного для самой этой канцеляріи, другаго для дерптской и перновской экономической штатгалтерской канцеляріи, третьяго для гофгерихта), въ ревельскую губернскую канцелярію двухъ (одного для этой канцеляріи, другаго для оберъ-ландгерихта), въ Выборгскую губернскую канцелярію тоже двухъ (одного для шведской экспедиціи,

¹⁾ Уновь опредѣленнымъ коллегіи-юнкерамъ жалованье давать по штату по 25 р.; тѣмъ, которые окажутъ особое прилежаніе къ *дѣламъ и къ наукамъ*, дается прибавка; произведенные изъ титулярныхъ въ дѣйствительные коллегіи-юнкеры, если имъ поручено исполненіе должности, получаютъ канцеляристское жалованье; если же они еще не могутъ исполнять ее, то получаютъ общее жалованье, ассигнуемое изъ штатсъ-конторы на коллегіи-юнкеровъ.

²⁾ П. С. З. № 9928 (1752 г., янв. 20).

³⁾ П. С. З. № 10,172 (1754 г., янв. 12).

⁴⁾ См. выше стр. 177—178.

другаго для кюменегорской штатгалтерской канцеляріи), въ эзельскую провинціальную канцелярію двухъ (одного для этой канцеляріи, другаго для земскаго суда). Назначеніе лицъ по этому распредѣленію предоставляется генераль-прокурору. Главная цѣль ихъ посылки обученіе, объ успѣхахъ котораго подаются рапорты сенату по третямъ года, какъ и обученіи прочихъ юнкеровъ ¹⁾).

Какъ при коллегіяхъ писшіе служащіе, предназначаемые впоследствии къ высшимъ должностямъ, суть ученики, такъ при госпиталяхъ госпитальная прислуга, имѣющая впоследствии быть лекарями, называется учениками. Еще въ 1701 г., съ учрежденіемъ госпиталей введено въ нихъ служебное обученіе медицинѣ. По регламенту адмиралтейства въ каждомъ госпиталѣ (которые должны быть учреждены во всѣхъ портовыхъ городахъ) долженъ быть одинъ докторъ, одинъ старшій лекаръ, пзвѣстное число младшихъ лекарей (на 200 больныхъ одинъ),—у каждаго лекаря по два человѣка гезелей лекарскихъ и по четыре человѣка учениковъ ²⁾). Младшіе лекари называются впоследствии подлекарями и составляютъ лишь высшій классъ учениковъ. И тѣ и другіе суть лица служащія: лекари, гезели и ученики одинаково дежурятъ въ госпиталѣ «для незанныхъ случаевъ больныхъ» ³⁾). Въ служебномъ возвышеніи этихъ лицъ никакъ нельзя указать, гдѣ кончается для нихъ обученіе и начинается служба; производство учениковъ въ подлекари и потомъ въ лекари есть обыкновенное повышеніе въ служебномъ рангѣ. Такъ обыкновенно бываетъ при обученіи ремесламъ, при чемъ ученикъ переходитъ въ подмастерье, а потомъ въ мастера. Это двоякое значеніе госпиталей служебное и учебное разъяснено окончательно въ регламентѣ о госпиталяхъ 1735 г. ⁴⁾): «учрежденіе госпиталей двоякаго намѣренія и плода имѣеть: первое пользованіе страдающихъ больныхъ, второе произвожденіе и утвержденіе медиковъ и лекарей къ большому искусству». Служебное значеніе учениковъ опредѣляется въ слѣдующихъ словахъ: «подъ учениками разумѣются не толь-

¹⁾ П. С. З. № 11,283 (1761 г., іюля 28).

²⁾ П. С. З. № 3937 гл. XLVII пун. 4 (1722 г.).

³⁾ *ibid.* гл. LI, пун. 2.

⁴⁾ П. С. З. № 6852, гл. II. и X.

ко тѣ, которые именовъ называются учениками, и имѣютъ этотъ чинъ и окладъ по чину, но и подлекари»; такимъ образомъ если первые учатся и служатъ, то и вторые служатъ и учатся. Обученіе ихъ практическое, ремесленное: кромѣ ухода за больными, къ этому назначаются однѣ анатомическія вскрытія, какъ опредѣлено еще въ адмиралтейскомъ регламентѣ 1722 г. Этимъ объясняется, почему до временъ Екатерины не было введено въ госпиталяхъ преподаваніе физиологій ¹⁾. «Въ госпитальныхъ русскихъ школахъ учили медицию на столько, чтобы только освоить воспитанниковъ съ практическою стороною ея, стоявшею почти что на степені ремесла» ²⁾. По мѣрѣ введенія теоретическаго преподаванія и обученіе въ госпиталяхъ очпщалось мало по малу отъ служебно-ремесленнаго характера, — нарождались медицинскія школы. Но этотъ переворотъ совершился лишь въ концѣ описываемаго времени. Это совершенно было тѣми узаконіями (отчасти приведенными выше), по которымъ въ госпитальные ученики опредѣлялись лица, уже получившія нѣкоторое общее приготовительное образованіе въ семинаріяхъ, обучившіеся риторикѣ «и отчасти» философіи, а главное — латинскому языку; знаніе латинскаго языка требуется уже регламентомъ 1735, какъ одно изъ главныхъ условій допущенія къ изученію медицины), такъ какъ обученіе въ госпиталяхъ и аптекахъ совершается «на общемъ всѣхъ ученыхъ людей» языкѣ латинскомъ. Тогда повышеніе въ рангъ изъ учениковъ въ подлекари производится на основаніи экзаменовъ чрезъ каждую треть года.

Совершенно такимъ же образомъ при аптекахъ ученики прислуга практически обучаются фармаціи; въ рангѣ учениковъ они получаютъ жалованья по 4 р. въ мѣсяцъ, при казенной квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ; «когда же, совокупленіемъ искусства, удостоятся быть гезелями, сирѣчь аптекарскими подмастерьями, жалованье имъ опредѣ-

---

¹⁾ «Слово физиологія введено въ употребленіе директоромъ медицинской канцеляріи П. З. Бондонди, который первый ввелъ въ госпитальное преподаваніе медицинскихъ наукъ курсы физиологій» А. Чистовичъ: «Очерки изъ исторіи русск. медіц. учреждений XVIII ст.» Спб. 1870.

²⁾ *ibid* стр. 328.

ляется, смотря по успѣхамъ и искусству, по 10, по 12 и по 15 р. на мѣсяць» ¹⁾).

Архитектурная школа въ москвѣ у кн. Ухтомскаго считалась при сенатѣ въ видѣ экспедиціи.

Не будемъ останавливаться на обращеніи военной службы, въ школу, о чемъ читатель можетъ найти выше нѣсколько частныхъ указаній; морская гвардія не скоро превратилась въ морскую академію, а сухопутная въ корпусъ.

Обратимся къ уясненію понятія о церкви, какъ школѣ. Здѣсь распространеніе образованія чрезъ службу проявилось въ двухъ формахъ катехизаціи и обученія ставленниковъ.

Катехизація, обязательно установленная для духовенства духовнымъ регламентомъ и узаконеніемъ 1724 г. янв. 31 ²⁾), имѣла двойное значеніе: необязательнаго поученія для мірянъ и обязательнаго изученія вѣры для духовныхъ. Законодательство не уяснило этого значенія церковной катехизаціи; по правительству, разсылая катехизисы по епархіямъ для обязательнаго изученія ихъ духовными, тѣмъ самымъ указывало мѣстнымъ административнымъ властямъ способъ дѣйствія. Эти послѣдніе поняли свою обязанность слѣд. обр.: въ 1747 г. преосв. Арсеній, архимандритъ Троицкой лавры распорядился, чтобы священно-церковнослужители ближайшихъ къ ней мѣстъ посѣщали церковное объясненіе катехизиса обязательно. За неисполненіе этой обязанности монахи штрафуются по усмотрѣнію намѣстника лавры, со священниковъ назначается штрафъ по 1 рублю, съ дьяконовъ по 50 коп., съ причетниковъ по 25 к. Но очевидно не все духовенство, подчиненное извѣстному мѣсту, гдѣ учреждена церковная катехизація, могло посѣщать церковныя поученія. Тогда катехизація принимаетъ другую форму—форму изученія катехизиса на дому съ обязательнымъ отчетомъ въ изученіи заданнаго предъ лицами, назначенными къ тому. Названный указъ преосвящ. Арсенія продолжаетъ:

---

¹⁾ П. С. З. № 10,196 (1754 г. марта 14) См. подробности о служебно-учебныхъ медицинскихъ учрежденіяхъ у Рихтера: Geschichte d. Medicin. Сл. также «Ист. И. Медико-Хирургической Академіи» (Отеч. Записки 1821 г. ч. VШ.)

²⁾ П. С. З. № 4450.

«Сверхъ же вышеписаннаго префекту Аѳанасію троиціа десятины священникамъ и діаконамъ (т. е. сельскимъ), которымъ, за отдаченіемъ отъ лавры, на означенномъ поученіи быть невозможно, задавать ко изученію изъ книжицы, катихизисъ именуемой, при нѣсколькомъ задаваемого истолкованіи и для того, чтобъ они къ оному префекту явились, имъ объявить указомъ и велѣть, дабы они тотъ катихизисъ когда что и на сколько времени задано будетъ, изучали хотя не до слова, токмобы силу того писанія совершенно разумѣли, и когда ихъ о томъ вопросятъ, чтобъ сказать могли; а ему префекту назначать время, когда имъ пріѣзжать въ лавру, и по пріѣздѣ ихъ экзаменовать, а буде кто пріѣзжать не будетъ, по таковыхъ посылать нарочно изъ духовной канцеляріи; и ежели кто изъ нихъ за нерадініемъ своимъ, всего того, что ему задается, не изучитъ, таковыхъ священниковъ и діаконѡвъ за ихъ несправность штрафовать денежнымъ штрафомъ противъ вышеписаннаго и къ конечному изученію того, что задано было, принуждать.» Указъ этотъ строго исполнялся, какъ видно изъ приведенныхъ г. Смирновымъ фактовъ, извлеченныхъ имъ изъ архива лавры» ¹⁾.

Обученіе ставленниковъ есть явленіе, параллельное обученію юнкеровъ въ коллегіяхъ: человекъ, уже избранный на должность, прежде дѣйствительнаго исполненія ея, изучаетъ то, что входитъ въ кругъ его должности. Этотъ способъ, еще практикованный Геннадіемъ новгородскимъ, узаконенъ въ XVIII в. Прибавленіе къ духовному регламенту 1722 года опредѣляетъ это такъ: «пріятого же ставленника не тотъ часъ ставить, но изучилъ бы прежде помянутые книжицы, а между тѣмъ искушать его—не ханжа ли есть онъ...» и т. д. Это учрежденіе является за немѣніемъ школъ; «а покамѣсть школы будутъ, ставленникамъ велѣть изучитъ книжицы о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ, о должностехъ всѣхъ чи-

¹⁾ «Священникъ с. Юдина явился къ префекту 11 янв.; ему задано выучитъ о первомъ членѣ символа вѣры, и по выученіи велѣно явиться на сырной недѣлѣ; префектъ выслушавъ его, задалъ ему учить далѣе и назначилъ срокъ до воинной недѣли; потомъ онъ долженъ былъ явиться въ первыхъ числахъ іюля. Так. обр. въ теченіи года онъ выучилъ объясненіе всѣхъ членѡвъ символа вѣры и дошелъ до ученія о блаженствахъ. Нѣкоторые не выучивали заданнаго урока изъ катихизиса и были штрафованы деньгами и неоднократно. Если кто изъ штрафованныхъ не явился послѣ того въ срокъ, такой угрожаемъ былъ тѣлеснымъ наказаніемъ». Смирновъ: «Ист. тр. лавр. сем.», стр. 62—63.

новъ...» ¹⁾ Учрежденіе, на которое указано здѣсь, подвергалось впослѣдствіи неоднократнымъ опредѣленіямъ законодательства. Такъ въ царствованіе Анны, въ 1739 г., сама государыня сочла нужнымъ предписать св. синоду, чтобы постановленіе о ставленникахъ было выполняемо, при чемъ даются ближайшія и болѣе подробныя опредѣленія этому дѣлу: избранные прихожанамъ кандидаты являются къ архіерею, который долженъ «свидѣтельствовать о разумѣ (ихъ), о наученіи закона и о прилежаніи къ св. писанію, а притомъ и безпорочномъ ихъ житіи». Но это не просто новціать, (испытаніе): архіереи должны всѣхъ этихъ ставленниковъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ «содержать при своемъ домѣ или въ ближайшихъ градскихъ монастыряхъ и въ это время пищею ихъ довольствовать». Между тѣмъ учительные священники должны обучать ихъ тому, чего требуетъ ихъ будущая должность.

Для этихъ т. ск. служебныхъ школъ назначаются особые учителя—«учительные священники», которыхъ синодъ обязанъ разослать въ каждую епархію по одному или по два, опредѣливъ имъ подлежащее жалованье. Они избираются изъ священниковъ, или іеромонаховъ, получившихъ высшее образованіе и обнаружившихъ хорошую нравственность ²⁾.

Синодъ, обиженный такимъ напоминаніемъ о его обязанностяхъ со стороны верховной власти, далъ отъ себя особый указъ, въ которомъ прописываетъ, что виновныя въ небрежности объ образованіи духовенства мѣстныя епархіальныя власти, хотя и явственно видятъ, что неисполненіе предписаній зависитъ отъ нихъ, а не отъ главной духовной команды, «обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго долга въ томъ ни мало не зависитъ». Однако синодъ не выполнилъ обязанности, указанной ему въ высочайшемъ повелѣніи: вмѣсто послышки учительныхъ священниковъ въ епархію, онъ требуетъ: во всѣхъ епархіяхъ изъ учительныхъ священниковъ или іеромонаховъ, *идь таковыя имьются*, опредѣлены были люди благожительные, со ученіемъ имъ довольнаго жалованья въ самой же скорости ³⁾.

¹⁾ П. С. З. № 4022.

²⁾ П. С. З. № 7734 (1739 г., янв. 16).

³⁾ П. С. З. № 7749 (февр. 8).

Такъ какъ и съ возникновеніемъ школъ этотъ способъ образованія не присълся, по малочисленности лицъ, получившихъ образованіе въ школахъ, то изложенныя здѣсь обязанности «учительныхъ священниковъ» возложены были на учителей или префектовъ семинарій ¹⁾; въ иныхъ епархіяхъ образованіе ставленниковъ перешло въ форму школьнаго обученія: явились школы для ставленниковъ, параллельныя семинаріямъ. Такую именно школу находимъ въ Вяткѣ ²⁾.

Переходя къ важнѣйшему и употребительнѣйшему способу распространенія образованія, общественнымъ школамъ, замѣтимъ, что согласно съ изложеннымъ понятіемъ объ образованіи, подъ общественными учебными заведениями разумѣются собственно спеціальныя училища. Но такъ какъ исключительная форма профессиональнаго образованія начинается не съ самаго начала вѣка, а приблизительно съ 1715-1720 г. то и господствующая система спеціальныхъ школъ организуется вполнѣ съ того же времени. Такимъ образомъ прежде изложенія спеціальныхъ школъ мы должны сдѣлать ко-

---

¹⁾ Ист. тр. сем., стр. 63.

²⁾ «Что касается до духовенства, то извѣстно, что всѣхъ дѣтей ихъ въ толь обильной (Вятской) епархіи неумѣстно было забирать для обученія въ семинарію; надобно было великую часть ихъ оставить на попеченіи отцовъ, чтобъ они научали ихъ причетническому званію. Но, къ огорченію преосвященнаго, прежняя закоренѣлость церковниковъ, чтобъ не пріобрѣсти потребныхъ свѣдѣній получать священническія, діаконовскія и причетническія мѣста, была еще и по сіе время вовсе не выведена въ здѣшней епархіи..., а потому какъ многіе искатели мѣстъ начали являться къ преосвященному безъ потребныхъ на то знаній, то благоразсудительный сей преосвященный (Лаврентій Горка), чтобъ вывести вовсе при церквяхъ такое невѣжество, и чтобъ слѣпецъ не могъ чрезъ святотатство вкрадываться въ челоуѣкоустановники и служители Бога Премудраго, изыскалъ на сіе свои средства. Всякаго искателя не только священства, но и пономарства самъ своею особою испытывалъ во всѣхъ потребныхъ для искомаго званія знаніяхъ; не скучалъ вслушивать, какъ пщущій чптаеть, поеть, знаетъ катихизисъ, уставъ и хорошо ли пшеть». На сіе положены были у него особые дни, и во дняхъ часы. Свѣдущіе получали рукоположеніе его по достоянію; а неискусныхъ отсылалъ въ особо установленную мѣсть, такъ называемую ставленническую школу, кою нарочно для таковыхъ при домѣ своемъ учредилъ. Если которые и сямъ средствомъ не могли уже быть исправлены, таковыхъ отсылалъ въ свѣтскую команду для почисленія. Такимъ образомъ очищалъ епархію отъ тунеядцевъ, и возводилъ духовенство исправленіемъ его на степень истиннаго его достоинства». Казацкій Вѣстникъ, май 1827 г., стр. 102.

роткій обзоръ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ началѣ XVIII в.

1. Общеобразовательныя заведенія, предшествующія началу профессиональной системы. *Московская гимназія, или «разноязычныя школы»*. Пекарскій упустилъ изъ виду свѣдѣнія о единственной общеобразовательной школѣ, основанной Петромъ, которыя онъ могъ найти въ Полномъ Собраніи Законовъ, и не имѣлъ въ рукахъ тѣхъ документовъ о ней, которыя опубликованы въ «Днѣ» и «Русскомъ Архивѣ» послѣ выхода въ свѣтъ его сочиненія. Зная эту школу лишь при жизни Глюка, онъ рассказываетъ о ней, какъ гимназіи Глюка, придавая такимъ образомъ ей характеръ частнаго учебнаго заведенія. Московская Гимназія (или «разноязычныя школы», какъ называется она официально) есть вполнѣ правительственное учебное заведеніе, основанное, содержимое и руководимое администраціею. «Въ прошломъ 705 (703?), февр. въ 25 день по Его В. Г. указу учинена на Москвѣ школа на дворѣ боярина Василья Федоровича Нарышкина, что на Покровкѣ. А велѣно въ ней учить»... и т. д.¹⁾ При самомъ основаніи она была подчинена, какъ мы видѣли, нигерманландской канцеляріи. Глюкъ былъ лишь первымъ «препозитомъ»-директоромъ ея, назначеннымъ отъ правительства: «а во всякомъ управленіи быть въ ней препозиту, -Саксонской земли Эрнесту Глюку». Вторымъ послѣ Глюка (ум. 5 мая 1705 г.) препозитомъ былъ назначенъ Петръ Костъ, впрочемъ подъ главнымъ начальствомъ стольника Павла Веселовскаго: «сентября въ 10 день 705-жъ году по присланному въ нигерманландскую канцелярію указу, велѣно въ той школѣ быть и всякое управленіе чинить... стольнику Павлу Веселовскому, да препозиту Петру Косту». Долго ли управляли эти лица, неизвѣстно. Когда именно управлялъ магистръ философіи Юганъ Вернеръ Паузь, бывшій послѣ переводчикомъ въ академіи наукъ; о которомъ Пекарскій ошибочно говоритъ, что онъ принялъ въ завѣдованіе школу послѣ Глюка, не знаемъ; впрочемъ здѣсь Пекарскій только повторяетъ свѣдѣніе, сообщенное М. Евгениемъ²⁾.

¹⁾ День, 1863 г. № 15. Подлиннаго указа объ основаніи гимназіи въ печати нѣтъ.

²⁾ «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изд. 1845. Т. I, стр. 127.

Школа эта была общеобразовательная, какъ по составу преподаванія, такъ и по составу учениковъ. Фоккеродтъ набрасываетъ тѣнь на общеобразовательный характеръ этого заведенія, приписывая Глюку слишкомъ большое невѣжество и слишкомъ сильную склонность къ лютеранской пропагандѣ, чтобъ онъ могъ дать организацію истинно общеобразовательному училищу: «Петръ, говоритъ онъ, сталъ совѣтоваться съ Глюкомъ объ учрежденіи школъ. Этотъ человекъ (т. е. Глюкъ), не имѣвшій ни какихъ познаній выше тѣхъ, которыя обыкновенно встрѣчаются у сельскихъ шведскихъ священниковъ, тѣмъ не менѣе въ глазахъ Петра былъ свѣтъ міра, потому что онъ зналъ по русски. Глюкъ, по своимъ взглядамъ; не могъ дать другаго совѣта Петру, кромѣ учрежденія школы по нидерландскому образцу, въ которой дѣти должны были учиться катихизису, латинскому языку и другимъ школьнымъ знаніямъ; Петръ одобрилъ этотъ планъ и поручилъ исполненіе его Глюку..., который выписалъ себѣ (на должности учителей) студентовъ богословія (studiosos Theologiae) и устроилъ школу на точномъ основаніи шведскаго церковнаго устава (Kirchenordnung), и, чтобы не было ни малѣйшаго отступленія отъ шведскаго образца, перевелъ русскими виршами разные лютеранскіе гимны, которые дѣти должны были благоговѣнно пѣть до и послѣ уроковъ. Смѣшной характеръ этого учрежденія и плохой успѣхъ, который имѣло у русскаго юношества образованіе этого рода, слишкомъ сильно бросался въ глаза, чтобы подобная школа могла существовать долго» ¹⁾. Быть можетъ въ душѣ Глюкъ, какъ пасторъ, не былъ чуждъ лютеранской пропаганды (Глюкъ дѣйствительно перевелъ на русскій языкъ лютеранскій молитвенникъ и лютеранскій катихизисъ); но только это и справедливо во всемъ, что говоритъ Фоккеродтъ: школа отнюдь не была богословскою. По программѣ, объявленной Глюкомъ, основа образованія въ этой школѣ состояла въ изученіи новыхъ и древнихъ языковъ; въ ней объявлено преподаваніе французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго, еврейскаго сирскаго и халдейскаго языковъ (восточные языки введены въ программу очевидно только потому, что Глюкъ, до пере-

¹⁾ Russland unter Peter dem Grossen. — S. 102—103.

хода въ Россію, занимался преимущественно ими); изученіе языковъ должно было имѣть не просто практическій характеръ, но должно было возвышаться до научной филологіи: однимъ изъ учебниковъ введенъ былъ: «Janua reserata linguarum» Коменскаго. За тѣмъ на этой филологической основѣ опиралось изученіе слѣд. наукъ: латинской риторикѣ, философіи дѣятельной, логики, политикѣ, географіи и философіи картезіанской. Замѣчательно, что преподаваніе математикѣ не должно было идти далѣе арифметикѣ.

Особенный отдѣлъ обученія составляли тѣлесныя упражненія, именно танцы и верховая ѣзда: съ первымъ соединялось пріобрѣтеніе вѣшняго изящества манеръ: «тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиноу нѣмецкимъ и французскимъ». Школа раздѣлялась на 4 класса (вѣроятно прогрессивныхъ, а не параллельныхъ); по крайней мѣрѣ раздѣленіе ея на 4 школы упоминается въ ук. 1711 г.

Все разнообразіе этихъ наукъ и упражненій ведетъ къ одной общей цѣли—къ духовному (т. е. умственному и нравственному) преуспѣванію учащихся, такъ какъ «благочестіе не пристраждается, а прітязается (пріобрѣтается); пшеница бо не дѣлана не носитъ пшеницу, но волчець и осоты»¹⁾. Пользу отъ изученія наукъ Глюкъ рекомендуетъ искать не въ кармаѣ, а «въ пазухѣ», т. е. не въ житейской выгодѣ, происходящей отъ нихъ, а въ сердцѣ и сознаніи.

Общеобразовательный характеръ этой школы открывается и изъ состава учениковъ; въ нее принимаются лица всѣхъ сословій, ищущія образованія собственною охотою «а ведѣно въ ней учить всякихъ чиновъ людей, которые стануть приходить и записываться въ тое школу охотою». Впослѣдствіи нѣкоторые органы администраціи посылали по нѣсколько учениковъ въ эту школу для пріобрѣтенія въ ней знаній, необходимыхъ для службы по соответствующему вѣдомству; но мы знаемъ это только о посольскомъ приказѣ и лягерманландской канцеляріи, изъ которыхъ первый въ концѣ 1706 г. содержалъ въ ней 9 человекъ, а вторая 3-хъ. Думать надобно, что служебное примѣненіе изъ такого образованія могли найти только эти вѣдомства, такъ какъ преимущественно имъ было необходимо имѣть людей, знающихъ

¹⁾ См. у Пекарскаго: «Наука и литература» I. стр. 128-130.

иностранные языки; мы уже говорили, что школа закончила свое существование именно по непримѣнности ея программы къ непосредственнымъ цѣлямъ какой либо служебной практики. Въ школѣ въ 1706 г. было 300 учениковъ; но учителя просили дозволить принимать больше; Петръ не велѣлъ принимать сверхъ 100 человѣкъ¹⁾. Ученіе даровое для всѣхъ: «за ученіе съ учениковъ денежныхъ и иныхъ никакихъ поборовъ, также и ихъ учениковъ въ егѣ государеву службу неволею писать не велѣно», т. е. ученики не подлежатъ отслуживанью за ученіе. Это весьма важная особенность устава школы была главною (отрицательною) причиною, почему въ нее шли ученики охотно, тогда какъ изъ другихъ, открытыхъ послѣ, бѣжали.

Число учителей уставомъ не обозначено: «а ему (Глюку) въ прибавку (въ помощь) учителемъ быть сколько ему понадобится». При открытіи школы въ ней было 7 учителей; а именно: самъ Глюкъ, Іоаннъ Рейхмутъ, Іоаннъ Мерла, Іоаннъ Густавъ Вурмъ, Отто Биркапъ, танцмейстеръ Стефанъ Рамбургъ, и берейторъ Іоаннъ Штурмевель. Въ первой половинѣ 1706 г. въ ней было 9 учителей штатныхъ (получавшихъ окладное жалованье) и одинъ сверхштатный; въ концѣ этого же года всѣхъ учителей было 9 человѣкъ. Всѣ они были иноземцы, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ и самъ Глюкъ, плѣнные. Когда въ 1715 г. великій государь указалъ выслать въ С.-Петербургъ учителей нѣмецкой и французской школъ, принявъ ихъ у справщика печатнаго дѣла Федора Поликарпова, то велѣлъ «прислать ихъ, если они плѣнные, то за карауломъ, а если не плѣнные, то съ провожатымъ. По допощенію Поликарпова оказалось, что оба учителя свободные, а не плѣнные, одинъ французской школы Іосифъ Ивановъ Гагинъ (родомъ итальянецъ), другой нѣмецкой Яганъ Вурмъ»²⁾.

¹⁾ Въ сожалѣнію документъ о гимназіи, изданный въ «Дѣѣ», напечатанъ въ истлѣвшей рукописи; мѣсто его, относящееся къ числу учениковъ и дальнѣйшему приему ихъ читается тамъ такъ: «и тѣхъ-де учениковъ (слова изъ донесенія Павла Веселовскаго въ нидерландскую канцелярію 17 дек. 1706 г.) къ ихъ ученію малое... и о дачѣ имъ что чинить? Резолюція государя его собственною рукою: больше 100 человѣкъ не принимать, а жалованье давать противъ другихъ...» (День 1863, № 15).

²⁾ С. М. Соловьевъ: «Ист. Россіи». т. XVI, стр. 207.

Этотъ послѣдній былъ единственнымъ учителемъ, видѣвшимъ открытіе школы въ 1703 и конецъ ея въ 1715 году. Въ концѣ существованія школы остались въ ней только эти два учителя и при нихъ лишь 5 учениковъ: «во французской и нѣмецкой (школахъ), доносилъ 22 апр. 1715 г. Поликарповъ Мусину-Пушкину, во обонхъ учениковъ только пятеро, а учителямъ двумъ корму 250 рублей» ¹⁾.

Изъ этого «корму учителямъ» состояла большая часть содержанія школы, такъ какъ она имѣла даровое помѣщеніе (въ Парышкинскихъ палатахъ, а въ концѣ своего существованія въ Новгородскомъ подворьѣ) и казенныя учебныя пособия. По первоначальному уставу на нее ассигновано было государствомъ по 3000 р. въ годъ ²⁾. Это было столь богатое содержаніе по тому времени, что распорядители школъ не могли израсходовать всѣ ассигнованныя деньги и остатки возвращали въ нингерманладскую канцелярію. Учителямъ назначено было слѣд. жалованье: одному 150 р., 3-мъ по 100, одному 90 р., 2-мъ по 80 руб., одному 40, одному 20. Итого всѣмъ 760 р. Въ 1706 всѣ получившіе менѣе 100 р. просили прибавки; а именно получавшіе по 80 и 90 р. просили по 100 р., получившій 40 просилъ 50, а получившій 20 просилъ 40. Сверхъ того одинъ «неокладной» учитель желалъ получать 50 р. На докладѣ объ этомъ царю, онъ приписалъ: «надобно и право» ³⁾. Изъ штатной суммы школы, кромѣ жалованья учителей, назначалась пенсія «препозитовой женѣ», вдовѣ Глюка. Другіе расходы опредѣляются въ указѣ 1711 такъ: «учителямъ и ученикамъ по окладамъ ихъ, и кормовыя деньги по опредѣленнымъ ихъ дачамъ и другимъ служителямъ и на всякіе расходы»... ⁴⁾. До открытія губерній, деньги эти ассигновались изъ нингерманладской канцеляріи, изъ ея доходовъ. Послѣ открытія губерній правительство опредѣлило только куда, отправлять эти деньги, именно въ Московскую губернію въ разрядъ; но откуда высылать ихъ, опредѣлено не было. Въ слѣдствіе этого наведена была справ-

¹⁾ Русскій Арх. 1868 г., № 7—8, стр. 1043.

²⁾ День 1863, № 15.

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ П. С. З. № 2389 (26 іюня, 1711 г.).

ка въ ближней канцеляріи (куда представлялись отчеты изъ всѣхъ мѣстъ); здѣсь въ отчетахъ ижерской канцеляріи найдено было слѣд. распределение суммъ московской гимназіи: учителямъ, 9 человѣкамъ 1050 р., учениковъ 38 человѣкамъ (состоящимъ на казенномъ содержаніи) 1894 рубли, школьному подъячему 9 рублей, сторожамъ двумъ человѣкамъ 12 рублей, на мелочной всякой расходъ 24 рубли; итого 3000 рублей». Получивъ эти свѣдѣнія, сенатъ указалъ источникъ, откуда должно отпускаться это жалованье: «деньги 3000 р. отпустить изъ Московской губерніи въ зачетъ положеннаго числа въ отпускъ С.-Петербургской губерніи; о томъ въ московскую губернію къ управителю послать указъ» ¹⁾. Въ 1715 г., при закрытіи школы на двухъ учителей отпускалось 250 р.

Паденіе разноязычныхъ школъ относимъ къ 1716 году, относя къ этимъ школамъ то, что содержится въ перепискѣ о «нѣмецкихъ школахъ» Поликарпова и гр. Мусина-Пушкина. Думаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ именно объ этой гимназіи, хотя «нѣмецкія школы» и помѣщаются уже не въ Нарышкинскомъ домѣ и по своему значенію уже совсѣмъ не то, чѣмъ была гимназія 1703—1711 года. Мы узнаемъ въ нихъ бывшую гимназію, только по именамъ Мусина-Пушкина и учителя Ягана Вурма. Послѣ перевода учителей въ Петербургъ, Поликарповъ писалъ Мусину-Пушкину: «По отъѣздѣ нѣмецкихъ школъ учителей въ С.-Петербургъ осталась на Новгородскомъ подворьѣ библіотека по описи съ тысячу книгъ нѣмецкихъ, еврейскихъ, французскихъ и проч. И оныя книги лежатъ безъ дѣла, а въ школахъ вашихъ (т. е. петербургскихъ, вѣроятно морской академіи), чаю, книгъ быть скудно. И не поведите ли ихъ прислать, понеже намъ до нихъ нужды нѣтъ» ¹⁾. Незвѣстно переведена ли была библіотека; во всякомъ случаѣ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла послѣдняя память объ общеобразовательномъ училищѣ въ Москвѣ.

Школы славяно-латинская, латино-итальянская и эллино-греческая. Веберъ, описывая учебныя заведенія Москвы, между прочимъ, пишетъ слѣд.: «Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ его царское величество учредилъ въ Москвѣ три

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Русскій арх. 1868 г. кн. 7-8, стр. 1065.

гимназій и учителями въ нихъ опредѣлили многихъ русскихъ ученыхъ монаховъ, которые обучались въ Польшѣ, Украинѣ и Пруссіи. Въ первой гимназій отъ 300 до 400 учениковъ, изъ поляковъ, украинцевъ и русскихъ, которымъ въ нѣсколькихъ классахъ преподають humaniora, и эти иноки острые и разумные люди. Когда мнѣ показывали зданіе и церковь этой гимназій, а также и методу преподаванія въ ней, то подъ конецъ одинъ изъ гимназистовъ высшаго класса, какой-то князь, сказалъ довольно искусную, заранѣе выученную, рѣчь на латинскомъ языкѣ, которая состояла изъ комплиментовъ»¹⁾.

Въ этомъ описаніи трудно узнать московскую славяно—греко—латинскую академію, смѣшную alma mater Ломоносова и Тредіаковскаго. Уваженіе, которое она внушила Веберу, и тѣ непогія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о ней этотъ писатель, показываютъ, что она была далека еще отъ того извѣстнаго типа специально—духовныхъ учебныхъ заведеній, котораго вѣрнѣйшимъ представителемъ была именно она въ XVIII в. По нашему мнѣнію до 1715—1719 годовъ училище это сохраняло характеръ общеобразовательнаго заведенія и мы уже указывали, по другому поводу, на тѣ узаконенія, которыя сообщили ей специальный характеръ, а именно: указъ 1715 г. 18 іюля (по ссылкѣ указа 1716 г. янв. 24),²⁾ запретившій принимать въ нее дворянъ; указъ 1719 г., запретившій ученикамъ выходить изъ нея въ другія школы³⁾, и стоящій между ними указъ 1718 г. мар. 15⁴⁾.

Историкъ академіи г. Смирновъ не отмѣтилъ въ исторіи ея этого важнѣйшаго момента, въ который одно и тоже заведеніе перешло совершенно въ другой разрядъ; а въ слѣдствіе этого весьма трудно указать особенности въ организаціи ея до 1715—1719 г., отъ общензвѣстнаго характера ея послѣ этой эпохи. Но имѣя въ рукахъ лишь одно капитальное сочиненіе о пей г. Смирнова, мы отсылаемъ къ нему читателя.

Еще въ 1694 г., съ удаленіемъ Лихудовъ въ типографію,

¹⁾ Русск. Арх. нн. 7-8 1872, стр. 1361.

²⁾ Арх. Прав. Сен. Т. I. № 392.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода. I. № ^{628.}_{2.}

⁴⁾ П. С. З. № 3182.

основана была ими при типографіи латино-итальянская школа, которая сначала существовала какъ частное учебное заведеніе. Но Петръ, узнавъ объ этомъ, обратилъ ее въ правительственное учебное заведеніе, назначилъ содержаніе отъ казны и побудилъ особымъ указомъ бояръ и другихъ чиновъ людей отдавать своихъ дѣтей въ эту школу. Повидному посѣщеніе школы ни для кого не сдѣлано обязательнымъ; по показанію Корба греки при типографіи «*linguam italicam volentes docent*»; но въ спискѣ учениковъ, сохранившемся отъ 1697 г. читается иное: «въ нынѣшнемъ 205 г., мая съ 15 числа, по ука. в. г. царя и в. кн. Петра Алексіевича всея в. и м. и бѣл. Россіи самодержца и по росписи боярскихъ и иныхъ чиновъ дѣтямъ велѣно учиться итальянскому языку у учителей грековъ у Оанникія и Софронія Лихудіевыхъ 55 чел.» (между ними кн. Прозоровскіе, Хованскіе, Хилковы, Черкасскіе и пр.)¹⁾.

Школа эллино—греческая основана, или правильнѣе возстановлена около 1708. Первоначально она помѣщалась на казанскомъ подворьѣ; но въ 1722 г. переведена въ типографію, и так. обр. опять возстановлена до—петровская связь типографіи со школою; съ тѣхъ поръ во весь описываемый періодъ существовало отдѣльное греческое училище. Хотя въ 1724 г. (или, по показанію м. Евгенія, въ 1725), она и была присоединена къ славяно—латинской академіи, но и при ней считалась отдѣльною школою: такъ разсматриваетъ ее Кириловъ въ своей статистикѣ въ 1727 г. Учителя этой школы были и въ это время подчинены вѣдомству типографской канцеляріи. Лишь только въ 40 годахъ послѣдовало полное слитіе греч. школы съ академіею, какъ при типографіи опять возникаетъ самостоятельное греч. училище²⁾. Первымъ

¹⁾ Смирновъ: «Ист. м. сл. гр. лат. ак.», стр. 69—70.

²⁾ По указанію г. Смирнова типографское греческое училище упоминается въ 1740 г. (Ист. сл. гр. лат. ак., стр. 83). Впрочемъ у г. Смирнова судьба школы изложена весьма неясно; такъ на стр. 83 своей исторіи онъ говоритъ, что въ 1724 г. греч. школа соединена съ академіею, но не надолго; въ 1740 г. опять упоминается въ типографіи училище греческое; а на стр. 114-й: «въ 1725 г.... наставники (греч. школы) подчинены вѣдѣнію типографской канцеляріи.... Въ 1722 г. (школа все еще не входила въ составъ академіи. Преподаваніе греческаго языка введено въ академію уже

учителемъ въ этомъ возобновленномъ до-петровскомъ училищѣ былъ Софроній Лихудъ—основатель московской академіи, переведенный изъ Новгорода въ Москву въ эту школу въ 1708 г.. Въ 1715 г. онъ, по отзыву Поликарпова, уже неспособенъ былъ поддерживать свою прежнюю педагогическую славу. «Грекъ—учитель старѣеть, писалъ Поликарповъ Мусину—Пушкину отъ 22 апр. этого года, а ученики шалѣютъ. По седми лѣтъ учать грамматику, а листа перевести не умѣютъ. Числомъ ихъ 13 человекъ.» Школа вмѣстѣ съ прочими состояла въ вѣдѣніи директора типографіи. Софроній былъ недоволенъ этимъ начальствомъ своего бывшего ученика и потому Поликарповъ просилъ Мусина—Пушкина уволить его отъ завѣдованія ею: «пзволь меня отъ нихъ уволнить, чтобъ мнѣ чего не пострадать. А старикъ Софроній моимъ надъ нимъ комисарствомъ недоволенъ, ропщетъ, чаю и пишетъ. И вправду: нѣсть бо ученикъ надъ учителемъ. Онъ много проситъ; я мало даю» ¹⁾. Кромѣ Софронія въ той же школѣ были и другіе учителя. Неизвѣстно, принималъ ли участіе въ обученіи товарищъ его Николай Семеновъ, котораго трагическая кончина была по словамъ Поликарпова сильнѣйшимъ ударомъ для греческаго образованія въ Россіи. Въ письмѣ Поликарпова къ Мусину—Пушкину упоминается учитель грекъ Анастасъ, которому впрочемъ, въ то время Поликарповъ, кажется, только предлагалъ учительство: «Грекъ Анастасъ, пишетъ Поликарповъ, заболѣлъ тяжко и послѣднимъ окомъ и, ежели исцѣлѣть, буду его убѣждать о шко-

---

въ 1738 г., а въ 40-хъ годахъ греч. школа утратила самостоятельность и соединена съ латинскими школами». М. Евгеній излагаетъ эти обстоятельства проще: «Когда въ 1722 г. указомъ повелѣно было перевести греческія школы изъ типографскаго дому въ законоспасскій монастырь и соединить подъ одно вѣдѣніе съ сл. греко-латинскою академіею (потому что до того времени школы сіи находились особо и съ академіею не сообщались, хотя ученики были и общіе) и когда бывший въ то время греческихъ школъ учитель Анастасій Скиада, не захотѣвъ состоять подъ вѣдомствомъ академическаго начальства, отказался отъ учительской должности; то сподскимъ указомъ того же 1725 года опредѣленъ былъ Барсовъ учителемъ сихъ школъ, которыя тогда раздѣлялись, по подобію латинскихъ на 4 класса, и всѣ оныя обучалъ до 1731 г., исправляя между тѣмъ и званіе типографскаго справщика». Словарь рус. словъ. пис. М. 1865, стр. 20—21.

¹⁾ Русск. арх. 1868 г. № 7.

лахъ, а мзду за труды изволь опредѣлить ему письмомъ, понеже ко мнѣ о семъ никогда не писалъ». По переводѣ школы въ типографію въ 1722 г. Софроній вышелъ изъ учебной службы, а на мѣсто его опредѣленъ грекъ Аванасій Скіада знаменитый библиографъ. Скіада отказался отъ учительства, когда школа соединена была съ славяно-латинской академіей. Въ то время греч. языку училъ уже Алексѣй Кирилловичъ Барсовъ ¹⁾ (отецъ извѣстнаго профессора моск. университета), а съ 1732 г. Яковлевъ. Учителя, какъ видно, получали ничтожное жалованье сравнительно съ учителями гимназій разноязычныхъ школъ. Мусинъ—Пушкинъ, отвѣчая на приведенный сейчасъ запросъ Поликарпову о жалованьи Анастасу, пишетъ: «Анастасію греку общай давать въ годъ 10 рублей»; но конечно учителя—монахи состояли на полномъ монастырскомъ содержаніи. Что касается до учениковъ, то къ 1715 г. упадокъ преподаванія въ этой заброшенной школѣ отозвался сильно на ихъ числѣ и охотѣ къ ученію; мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что учителя греческой школы просили сенатскую канцелярію розыскать и возвратить бѣжавшихъ учениковъ, которыхъ, по представленной ими росписи, оказалось 40 человекъ; а за тѣмъ учащихся въ школѣ осталось только 13 человекъ. Мы видѣли также, что директоръ Поликарповъ былъ противъ принудительныхъ мѣръ къ ученію.

Сухарева Башня. Хотя общепринятое мнѣніе то, что 14 янв. 1701 года основана была въ Москвѣ «навигатцкая» школа, но Веберъ передаетъ намъ, что между навигацкою и математическою школою было совершенное различіе, или иначе было двѣ школы: математическая и морская.

«Въ другой гимназій, пишетъ онъ, проходятъ всю математику, и въ ней до 700 учениковъ, которые по способностямъ раздѣляются на три класса и содержатся вообще въ строгой дисциплинѣ. Преподаватели въ ней русскіе, но самый главный изъ нихъ англичанинъ, въ совершенствѣ обладающій языкомъ, онъ превосходно обучалъ многихъ молодыхъ людей, поступившихъ уже въ морскую и военную службу.

---

¹⁾ Ист. Росс. Иерарх. Т. I., стр. 548. См. о Скіадѣ дальнѣйшія свѣдѣнія у Пекарскаго: «Наука и Литература» I., 112 и отчасти II. 599—600.

По приказу его царскаго величества, онъ послалъ въ настоящее время во вновь учрежденную морскую академію еще сотню молодыхъ людей, которыхъ вывелъ онъ изъ грубѣйшаго невѣжества, а затѣмъ и самъ онъ былъ призванъ въ Петербургъ въ эту академію, въ качествѣ профессора. Юношество, находящееся въ 3-й гимназіи, обучается наукамъ, исключительно относящимся до мореплаванія¹⁾.

Въ самомъ указѣ объ основаніи школы сказано, что учреждаются школы «математическія и навигаціи». Такое раздѣльное существованіе школъ продолжалось до 1715 г., т. е. до основанія морской академіи въ С.-Петербургѣ, что и отмѣчено историкомъ ея г. Веселаго, какъ начало новаго періода ея. Впрочемъ и послѣ этого Сухарева Башня оставалась собственно математическимъ факультетомъ, какъ по взгляду современнаго общества, такъ и на самомъ дѣлѣ, потому что все преподаваніе въ ней, посреди сухопутной Москвы, ограничивалось предметами приготовительными къ морскимъ наукамъ, исключительно математическими, именно арифметикою, геометріею и тригонометріею²⁾). Возвращаясь къ отдѣльной математической школѣ до 1715 г. мы находимъ въ ней слѣды общеобразовательнаго характера въ слѣд. обстоятельствахъ: школа предназначалась «къ приготовленію молодыхъ людей во всѣ роды службы» какъ выражается г. Веселаго, т. е. для образованія вообще, а не для извѣстной профессіи. «Изъ навигацкой школы выходили, кромѣ моряковъ, инженеры, артиллеристы, учителя въ другія новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря, мастеровые и проч.»³⁾). Другое обстоятельство, указывающее на общеобразовательное значеніе Сухаревой Башни, это составъ учениковъ; мы уже говорили, что до 1715 г. велѣно было принимать въ эту школу учениковъ изъ всѣхъ сословій. Наконецъ, по связи профессиональнаго образованія съ принудительностью, на то же указываетъ и отсутствіе принужденія при наборѣ въ эту школу⁴⁾, а равно и отстраненіе отъ

¹⁾ Русск. Арх. кн. 7-8 1872, стр. 1361.

²⁾ См. Бирлова: «Цвѣтущее состояніе», и Веселаго: «Оч. ист. мор. кад. корпуса», стр. 36.

³⁾ Оч. ист. морск. кад. корп.

⁴⁾ С. М. Соловьевъ: Ист. Рос. т. XV, стр. 99—100.

вѣя служебнаго характера. Когда въ 1704 г. Стрѣшневъ хотѣлъ писать учениковъ школы въ драгуны безъ всякаго разбора, то Курбатовъ писалъ Головинну, что при такихъ порядкахъ трехлѣтній трудъ учениковъ и расходъ на нихъ пропадетъ напрасно; думать надобно, что Головинъ отстранилъ эту опасность ¹⁾).

Училище владѣло, кромѣ Сухаревой Башни, строениями и землями, находившимися при ней. Содержаніе, назначенное ей отъ правительства было несравнено богаче содержанія разноязычныхъ школъ. Всего назначено было на нее 22,459 р. 6 алт. и 5 денегъ. Впрочемъ сюда же включались и деньги, назначенныя на посылку навигаѳоровъ за границу. Трудно рѣшить, на что расходовалась эта необыкновенная по тому времени сумма. Учителей было четверо; изъ нихъ Фарварсонъ получалъ только по 250 р., Гвинъ по 150, а Магницкій даже по 90 р. въ годъ. На содержаніе 200 учениковъ и одного писца назначено было 4041 р. 29 алт. ²⁾). Впрочемъ такое распредѣленіе суммъ относится къ 1704 году; впоследствии расходы увеличивались, когда комплектъ учениковъ возросъ до 500 чел.; но за то тогда каждый изъ имѣвшихъ болѣе 5 дворовъ крестьянъ долженъ былъ содержаться на свой счетъ.

Съ уничтоженіемъ разноязычныхъ школъ и съ переходомъ общеобразовательнаго классическаго училища въ спеціально-духовное, а математическаго въ морское, наступаетъ эпоха исключительно спеціальныхъ школъ; общій обзоръ ея мы расположимъ по двумъ существеннымъ группамъ этихъ школъ: военнымъ и духовнымъ.

2) **Военныя училища.** *Гарнизонныя школы.* Гарнизонныя школы учреждены указомъ 1732 года ³⁾). Впрочемъ этотъ указъ есть только общій уставъ гарнизонныхъ школъ; а самыя школы по мѣстамъ существовали и во время Петра В. Школы открываются во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ, а именно: С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ,

---

¹⁾ Мѣры принужденія, о которыхъ рассказываетъ г. Веселаго, относя ихъ къ этому періоду, относятся уже къ 1715 г.

²⁾ С. М. Соловьевъ. Т. XV, 100.

³⁾ П. С. З. № 6188.

Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кексгольмѣ, Москвѣ, Казани, Смоленскѣ, Сибири (вѣроятно въ Тобольскѣ), Астрахани, Воронежѣ, Бѣлгородѣ и крѣпости св. Анны ¹⁾). Въ 1736 г. правительство заявило, что оно, для облегченія всѣмъ служилымъ людямъ (и дворянамъ и не дворянамъ) давать первоначальное образованіе своимъ дѣтямъ, устроило «сверхъ гарнизонныхъ въ прочихъ городахъ школы» и опредѣлило жалованье ²⁾; но въ какихъ именно-лие указываетъ. Къ системѣ гарнизонныхъ относятся ландмилиціи или однодворческія школы на Украинѣ, учрежденныя въ 1752 г. при шести полкахъ, поселенныхъ на Украинѣ: Тамбовскомъ, Слободскомъ, Ефремовскомъ, Орловскомъ, Бѣлевскомъ и Козловскомъ ³⁾. Сюда же причисляются отдѣльныя школы, учреждаемыя при отдѣльныхъ командахъ; ладожскомъ батальонѣ, учрежд. въ 1753 г. ⁴⁾, канцеляріи публичныхъ дорогъ, и канцеляріи отъ строеній, неизвѣстно когда учрежденныя. Штатное число всѣхъ учениковъ собственно въ гарнизонныхъ школахъ, положенное въ 1732 г. — 4000 чел., именно по 82 ученика при каждомъ изъ 20 остзейскихъ полковъ и по 30 въ каждомъ изъ 29 прочихъ. Но указомъ 9 іюня 1735 г. велѣно принимать въ гарнизонныя школы сверхъ комплекта всѣхъ дѣтей военно-служащихъ. Въ однодворческихъ школахъ штатное число учениковъ 150 чел., по 25 въ каждой; но однодворцы и «ландмилицы» могутъ, по желанію, отправлять дѣтей въ школы и сверхъ этого числа.

Въ гарнизонныя школы опредѣляются, кромѣ дѣтей испшихъ служилыхъ, бродяги, дѣти архіерейскихъ дворянъ, слугъ и дѣтей боярскихъ ⁵⁾, и дѣти дворянъ для приобрѣтенія элементарнаго и приготовительнаго образованія ⁶⁾.

Учителями назначаются офицеры полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ (въ каждомъ по принадлежности) для преподаванія наукъ (архметики, артиллеріи и инженерства) и унтеръ-офицеры тѣхъ же полковъ для обученія солдатской

¹⁾ П. С. З. № 9054.

²⁾ П. С. З. № 6949.

³⁾ П. С. З. № 9972.

⁴⁾ П. С. З. № 10,10 9.

⁵⁾ П. С. З. № 7070.

⁶⁾ П. С. З. № 6949 и 7250.

экзерциціи. Въ ландмилицкихъ полкахъ, если не найдется офицеровъ, знающихъ инженерную науку, должна быть учреждена центральная школа при штабѣ, куда изъ полковыхъ собираются ученики для дальнѣйшаго образованія. Со времени соединенія съ гарнизонными школами цыфирныхъ, учителя этихъ послѣднихъ поступили въ гарнизонныя школы.

Школы содержатся на полковыя средства; для этого при каждомъ полку полагается содержать опредѣленное число вакансій (въ указанномъ выше количествѣ). Сверхкомплектные, по указу 1735 г., содержатся на суммы, ассигнуемыя штатсъ-канторою. Въ ландмилицкихъ полкахъ назначается сумма въ опредѣленномъ количествѣ по 200 рублей на каждый полкъ, а всего 1200 руб.; источникъ, изъ котораго она заимствуется, есть водочный акцизъ, взимаемый, по штату ландмилиціи, въ ландмилицкую канцелярію; если же этой суммы не будетъ доставать, то расходы покрываются изъ общихъ суммъ комиссіи. Эти средства назначаются какъ на полное содержаніе и обмундировку учениковъ, такъ и приобрѣтеніе учебныхъ пособій и книгъ. Лица, отдающія дѣтей въ школы по собственному желанію, содержатъ ихъ на свой счетъ, но за то ничего не платятъ за ученіе.

Исключеніе изъ общаго числа нисшихъ военныхъ школъ составляетъ Оренбургская инженерная школа (учрежденная въ 1745 г.), которая, хотя по составу обученія, равняется гарнизоннымъ, но по содержанію и правамъ учениковъ составляетъ привилегированную школу: въ ней содержится 10 ч.; на содержаніе ихъ назначается 204 р. въ годъ; по окончаніи курса они производятся въ кондукторы. Школа обращена въ простую гарнизонную 1760 г., по докладу П. И. Шувалова.

Высшій военный училища. Мы сказали, что общеобразовательное математическое училище (Сухарева Башня) перешло въ спеціальное морское въ 1715 съ основаніемъ морской академіи въ Петербургѣ (которая въ 1752 г. преобразована въ морской шляхетный кадетскій корпусъ). Комплектъ воспитанниковъ въ 300 человекъ былъ составленъ въ 1715 г. изъ учениковъ новгородской, нарвской и московской школъ. Но если при Петрѣ дѣйствительное число учениковъ превышало штатный комплектъ (въ 1724 г. было ихъ 394), то по

смерти ея оно быстро упало (въ апрѣлѣ 1725 г. было только 180). При Аннѣ Ивановнѣ штатное число поддерживалось въ академіи; но со времени Анны Леопольдовны опять чрезмѣрно упало: 1745 г. и въ Москвѣ и въ Петербургѣ на зпцо состояло только 102 чел., а въ 1746 г.—148 чел. Тщетно адмиралтейская коллегія настаивала предъ сенатомъ и герольдмейстерской конторою о высылкѣ недорослей; всякій желалъ уклониться отъ морской службы, предпочитая другія вѣтви военной службы.

По уставу 1752 г. штатное число учениковъ въ корпусѣ положено въ 360 чел. (московская Сухарева Башня—уничтожена), по 120 въ каждой изъ трехъ ротъ.

Первоначально содержаніе морскихъ училищъ возложено было на сословныя средства: указомъ 1 янв. 1719 г. установленъ сборъ съ «царедворцевъ» или «знатныхъ фамилій» отъ 100 до 400 рублей съ семейства; но эти средства оказались недостаточными; всѣ онѣ составляли 2720 рублей. Мы видѣли уже, что на содержаніе Сухаревой Башни назначено было правительственныхъ средствъ 22,459 руб. Эти же правительственныя средства оставлены и за специальными морскими училищами, при чемъ на долю московскаго отдѣлено только 5600 рублей, а всѣ остальные обращены на петербургскую академію (хотя по первоначальному штату суммы эти должны были дѣлиться пополамъ между тою и другою). Сверхъ того изъ штатсъ—конторы отпускалось на содержаніе гардемаринской роты 7282 р., 12 к.

Штатъ, утвержденный въ 1752 г., былъ гораздо болѣе щедръ: на содержаніе корпуса при 360 ученикахъ назначалось 46,561 руб. 75¹/₂ к. (на москов. славяно—латинскую академію по штату 1745 г. назначено только 4450 руб.). Эта относительная дороговизна содержанія военныхъ школъ зависитъ не отъ одного только того, что правительство ставило военную профессію неизмѣримо выше остальныхъ, но и отъ того, что науки, пересаживаемыя вновь въ Россію (каковы именно науки, входившія въ составъ военнаго и морскаго образованія), требовали иноземныхъ, дорогихъ учителей. Недаромъ прожектеры рекомендовали Петру готовить своихъ учителей ради ихъ большей дешевизны. Къ этому же приходила и сама морская академія.

При образованіи морской академіи сочли нужнымъ ввести ее французскому барону S. Nilairg—у, хотя вскорѣ потомъ управлявшій академіею гр. Матвѣевъ писалъ Макарову, что «деньги, которыя ему отпущены въ большомъ числѣ, все равно, что въ окно выкинуты; баронъ въ наукахъ не свѣдущъ» ¹⁾). Учителей считалось совершенно необходимымъ выписывать изъ Англіи, «понеже оныя науки состоятъ на англійскомъ языкѣ». Лучшими учителями остались и въ академіи прежніе—Фарварсонъ и Гвпнъ; изъ нихъ первый получалъ 955 р., а второй 400 р. (тогда какъ Магницкій, оставшійся въ Москвѣ получалъ только 260 р.). Иностранецъ Гейманъ, учившій фехтованью, получалъ высшій послѣ Фарварсона окладъ жалованья, 550 р. Русскій учитель артиллеріи (которая и тогда считалась важнѣе фехтованія) получаетъ по 2 рубля въ мѣсяцъ, кромѣ обыкновеннаго полковаго пайка, Красильниковъ, «человѣкъ примѣчательный по своимъ познаніямъ», по отзыву г. Веселаго, получалъ сначала 108 р., потомъ 150; когда за обученіе гардемаринновъ, сверхъ его прямой должности, ему прибавили еще 100 р., то «обязали» выучиться французскому и латинскому языкамъ и онъ «обучался способомъ лексикона». Когда первые учителя умерли (Фарварсонъ въ 1739 г.), то академія представляла коллегію—не найдено ли будетъ возможнымъ командировать въ Англію нѣсколько человѣкъ изъ учителей и подмастерьевъ академіи для изученія англійскаго языка и усовершенствованія въ морскихъ наукахъ; тогда «и безъ англійскихъ профессоровъ при академіи исправиться можно будетъ». Это и было выполнено въ 1745 г.

Когда съ преобразованиемъ академіи въ шляхетный корпусъ количество предметовъ увеличилось, то въ немъ назначенъ одинъ профессоръ математики и навигаціи съ жалованьемъ въ 700 р., два учителя—по 500 р. и при нихъ 6 подмастерьевъ—по 180 р.; два учителя артиллеріи и фортификаціи—по 250 р. и при нихъ 2 подмастерья—по 120 р.; два учителя «шляхетскихъ наукъ»—по 200 р.; два учителя франц. и нѣм. языковъ—по 200 руб.; 1 учитель русскаго языка—150. Кромѣ этого было не мало другихъ учителей наукъ и ремеслъ.

¹⁾ Соловьевъ: Ист. Росс. XVI, 308.

Инженерная школа ¹⁾, учреждена, или судя по буквальнымъ словамъ указа «умножена», въ 1712 г. Быть можетъ она существовала и раньше. Тогда опредѣленъ штатъ на 100 или 150 учеп. Для изученія приготозительныхъ наукъ (арифметики) ученики или могли быть посылаемы на Сухареву Башню, или для того приписывается особый учитель. Для спеціального курса назначается собственный учитель инженеръ ²⁾. Въ дѣйствительности, вмѣсто опредѣленнаго штатнаго числа, учениковъ въ 1713 г. было только 23 ученика; сенатъ приказалъ 19 ноября 1713 довести это число до штатнаго минимума 100 чел. Тогда же назначено было и содержаніе школъ изъ штатсъ-конторы по 3037 р. 87 коп. въ годъ. Въ 1719 г. (16 марта) была основана другая инженерная школа въ Петербургѣ, въ которую назначено 74 ученика изъ бывшихъ въ московской, которая, однако, осталась при прежнемъ штатѣ въ 100 чел.; но въ 1724 г. Московская была закрыта, а ученики ея переведены въ Петербургъ. Когда въ 1724 г. инженерная школа поступила подъ начальство гр. Миниха, то по его ходатайству подверглась новому преобразованію; по новому штату при 60 ученикахъ, раздѣленныхъ на три класса (арифметики, геометріи съ тригонометріею и фортификаціи), на содержаніе ея назначено 2551 р. 74 к. Но этотъ штатъ дѣйствовалъ только до 1742 г. когда число учениковъ увеличено до 150; вскорѣ послѣ этого генералъ фельдцехмейстеръ ландграфъ Гессенъ—Гомбургскій открылъ опять школу въ Москвѣ, при чемъ 60 учениковъ переведено въ Москву, а 75 оставлено въ Петербургѣ. Наконецъ распоряженіе П. И. Шувалова ознаменовано основаніемъ одной школы (вослѣдствіи 2-го курса) изъ инженерной и артиллерійской школъ (1758 г.).

Эта послѣдняя (артиллерійская) основана въ томъ же 1712 г. (указами 6 и 9 марта), когда было приказано отдать 20 молодыхъ дворянъ генералъ-майору Гунтеру для обученія артиллеріи. Указомъ 1721 г., велѣно было выбрать 30 чел. изъ учениковъ артиллеріи и обучать ихъ въ С.-Петербургѣ при лабораторномъ домѣ арифметикъ, геометріи, триго-

¹⁾ Указомъ января 16 (И. С. З. № 2467): «школу инженерную *умножить*».

²⁾ См. ошибочное изложеніе этого указа у Мельницаго: «Сборникъ свѣдѣній». Т. 1., ч. 1. стр. 2.

нометріи и артиллеріи. При ландграфѣ Гессенъ-Гомбургскомъ въ 1735 школа получала новое устройство: число учениковъ по штату положено въ 90 чел. Она раздѣляется на двѣ школы: 1) «чертежную школу (дворянскую на 30 учениковъ), дѣлившуюся на 3 класса и 2) «архаметическую и другихъ наукъ школу» (въ 60 чел.) Теперь только начали преподавать и теорію артиллеріи. Въ учителя школъ набирались люди безъ всякаго разбора: одного изъ нихъ обезсмертилъ въ своихъ запискахъ Даниловъ ¹⁾.

Когда инженерная и артиллерійская школы были соединены Шуваловымъ въ одну, то для ней назначенъ былъ штатъ въ 135 учениковъ изъ дворянъ; вмѣстѣ съ этимъ будущій корпусъ потерялъ исключительно ремесленный характеръ, введено преподаваніе французскаго и латинскаго языковъ; заведена бібліотека. На обзаведеніе одновременно отпущено 18,000 р.; а годичная штатная сумма увеличена на 4 т. (къ прежнимъ 5132 р. 74 к.).

Дѣйствительное преобразование соединенныхъ школъ въ «артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ» совершилось уже при Екатеринѣ въ 1762, по представленію Вильбуа, на 146 кадетъ съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 32,798 р. 47 к. Шляхетный характеръ корпуса потребовалъ и здѣсь введенія «шляхетскихъ наукъ». Школа «художествъ» была отдѣльнымъ учебнымъ заведеніемъ для разночпавцевъ (на 150 чел.).

Итакъ всѣ высшія военно-учебныя заведенія стремились къ типу «шляхетнаго», во всей чистотѣ выраженному въ сущоутномъ кадетскомъ корпусѣ, при самомъ его основаніи.

¹⁾ «Сначала вступленія учениковъ (въ 1736) было, для показанія одной архметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ, волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ; былъ человекъ хотя вѣсколко знающій, разбираетъ Магницкаго печатный архметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человекомъ, однако былъ вздорный, пьяный, и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству... рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный. Видно, что тогда былъ великій недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителямъ колодника и смертоубійцу».

«Корпусъ кадетовъ» ¹⁾ учреждень въ 1731 г. (ук. 29 іюля), по мысли и настоянію Мнѣха. Цѣль его учрежденія положена нами выше. Регламентъ корпуса утвержденъ 18 ноября того же года; дѣйствительное открытіе корпуса послѣдовало 17 февраля 1732 г. Регламентъ установилъ штатъ въ 200 ч. (150 вакансій-для русскихъ и 50 для нѣмцевъ изъ Эстляндіи и Финляндіи): ученики живутъ по «камратствамъ» — по 6-7 чел. въ комнатѣ; каждое камратство имѣетъ отдѣльное хозяйство и можетъ содержать на свой счетъ двухъ служителей, съ тѣмъ, однако, чтобы при русскихъ кадетахъ служителями были иностранцы, а при кадетахъ-эстляндцахъ и финляндцахъ — русскіе (для скорѣйшаго изученія языковъ). Кадеты были раздѣлены на 4 класса: четвертый (нижній) для элементарныхъ наукъ, третій — для приготовительныхъ, второй и первый — для специальныхъ.

Дѣйствительное число кадетъ въ корпусѣ скоро превысило штатное; уже въ мартѣ 1732 г. ихъ было 308 ч и потому тотчасъ же, въ маѣ, штатъ былъ увеличенъ до 360 ²⁾. Учебные классы открыты 14 іюня 1732 г. По первоначальному штату на содержаніе корпуса было назначено 33,846 р. 72 ¹/₂ к., а на первое обзаведеніе 15 т. р.; по штату же 1732 г. уже 63,403 р. 12 ¹/₂ к.; а въ 1760 г. содержаніе корпуса дошло до 88,722 р. При корпусѣ состояла особая школа для солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей на 150 ч., она имѣла свой особый бюджетъ — 6000 р. въ годъ.

3. Духовныя училища. *Школы, основанныя до изданія духовнаго регламента.* Хотя правительствовало требованіе обученія отъ дѣтей духовенства съ самаго нач. XVIII в., однако школы не основывало. Лишь въ немногихъ епархіяхъ, по частной инициативѣ мѣстныхъ архіереевъ, такія школы устраивались на собственныя средства ихъ и по произвольнымъ образцамъ. Впрочемъ трудно было бы ожидать и этихъ слабыхъ успѣховъ частныхъ лицъ, еслибы не было готовыхъ образцовъ въ кievской и московской академіяхъ. Такія школы были заведены

---

¹⁾ П. С. З. № 5887 и 5915. Впрочемъ наименованіе «Корпусъ» означало только общество, отрядъ молодой дворянской гвардіи; учебное же заведеніе называлось послѣ оффиціально Рыцарскою Академією.

²⁾ По рапорту Мнѣха 1733 г. всѣхъ кадетъ было 328.

до 1721 года: въ Черниговѣ, Тобольскѣ, Ярославлѣ и В. Новгородѣ.

Въ 1700 году ¹⁾ была переведена изъ Новгорода Сѣверскаго существованія тамъ еще съ 1636 г. школа, основанная тамъ польскимъ магнатомъ Александромъ Пасечинскимъ, какъ «*collegium societatis Jesu*»; впоследствии, еще въ Новгородѣ С. она обращена въ православное училище. Первымъ устройтелемъ училища въ Черниговѣ былъ знаменитый іерархъ Іоаннъ Максимовичъ (впоследствии мит. тобольскій) въ сотрудничествѣ съ Антоніемъ Стаховскимъ, Германомъ Кононовичемъ и Іларіономъ Лежабскимъ; почему и самая школа называлась иногда *collegium Maximovitianum*. Съ 1700 по 1705 годъ здѣсь открыто три класса: высшій грамматическій, высшій грамматическій и классъ пѣнтяки. Отъ 1708 г. сохранился уже учебникъ логики, подъ заглавіемъ: «*clavis scientiarum*». Науки преподавались на латинскомъ, польскомъ и славяно-русскомъ языкахъ. Школа еще не требовала многосложнаго управленія: Антоній Стаховскій въ одно и тоже время былъ и первымъ префектомъ и первымъ ректоромъ ея. Школа первоначально помѣщалась въ колокольнѣ каѳедральной церкви Борисоглѣбскаго монастыря. Впрочемъ въ 1705 г. она, вѣроятно, переведена въ новое каменное зданіе.

Выше были приведены свѣдѣнія о первомъ основаніи училища въ Тобольскѣ, по именному указу Петра В. 1701 г. архіерейскимъ приказнымъ Андреемъ Городецкимъ; было также упомянуто, что митр. Филофей не былъ доволенъ спеціально-духовнымъ характеромъ этого училища. Однако съ такимъ именно характеромъ школа открыта въ 1703 или 1704 году ²⁾; въ 1705 г. ученики этой школы уже увесе-

---

¹⁾ Вотъ основанія этого, представленнаго Докучаевымъ (въ статьѣ: «Первые годы существованія черниговской семинаріи, 1700-1712 г.» Черн. Епарх. Изв. 1870. № 14). Въ 1727 г., въ отчетѣ верх. тайн. совѣту, Иродіонъ Жураковскій писалъ: «Школы въ Черниговѣ при монастырѣ каѳедральномъ обрѣтаются съ начала 1700 г.» А послѣ, въ 1738 г., Іларіонъ Роголевскій доносилъ синоду: «школы славяно-латинскія, имѣющіяся при моемъ архіерейскомъ домѣ, заведены предѣссоромъ моимъ.... Іоанномъ Максимовичемъ»....

²⁾ Въ Ист. Росс. Іерарх. (ч. I, стр. 430) сказано, что школа въ Тобольскѣ въ первый разъ открыта въ 1728 г. м. Антоніемъ; а въ «Историч.

ляли тобольскихъ гражданъ драмамъ и комедіямъ, при чемъ руководителями ихъ были ссыльные изъ малороссіянъ. Школа оставалась нишею до 1728 г., когда митр. Антоній Стаховскій ввелъ въ ней преподаваніе латинскаго языка. Хотя она была сословно-духовною, но, по мѣстнымъ условіямъ, должна была допустить въ число своихъ учениковъ и крещеныхъ инородцевъ. Школа организована учеными монахамъ изъ малороссіянъ, которыхъ привезъ съ собою и вызывалъ послѣ Филофей. Онъ въ своей челобитной особенно настаивалъ, чтобы «монахамъ кіевлянамъ и челяди былъ проѣздъ въ Сибирь и изъ Сибири отъѣздъ вольный»..., потому что безъ проповѣдниковъ слова Божія и учителей школьныхъ и безъ слугъ быть невозможно». По словамъ историка христ. просвѣщенія Сибири, преемникъ Филофея, м. Іоаннъ Максимовичъ сдѣлалъ славяно-лат. школу любимымъ предметомъ своихъ попеченій и увеличилъ въ ней число учащихся ¹⁾. Точно также и его преемникъ считалъ школы неизбѣжною частію епархіальнаго управленія; отправляясь на свою отдаленную кафедру, Антоній представлялъ Синоду (1 марта 1721 г.: «если будетъ благословеніе училища заводить, то чѣмъ ихъ содержать»? Синодъ предписалъ завести школу «по пропорціи епархіи» на мѣстные средства ²⁾). По отчету 1727 г. до этого года въ школѣ обучалось 57 учениковъ. Школа и тогда оставалась элементарною (со включеніемъ въ преподаваніе десятословія и граматки).

Въ Ростовѣ училище заведено, по личной инициативѣ святителя Димитрія, въ 1702 г. Учениковъ въ его время въ школѣ было до 200; есть основанія догадываться, что не всѣ ученики были дѣти духовныхъ лицъ; одинъ изъ наставниковъ училища говоритъ (въ сохранившихся отрывкахъ школьныхъ

Обозр. Сибири» Слоцова (кн. I, стр. 373 и 573), что въ Тобольскѣ не было духовныхъ училищъ до 1743 г. Изложенныя въ текстѣ свѣдѣнія сообщены въ статьѣ: «Челобитная м. Филофея Лещинскаго» (Ирк. Епарх. Вѣдом. 1866 г. №№ 45, 46 и слѣд. приб.) и въ ст.: «Филофей Лещинскій, м. сибирскій и тобольскій».

¹⁾ Мат. для ист. христ. просвѣщ. Сибири. Журн. М. Н. Просв. 1854 г. мартъ.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода I, № ¹³⁷/₅₃₅

вурсовъ): «азъ въ сей палатѣ, называемой школою, не разсмотря лицъ благородныхъ и неблагородныхъ, всѣмъ желаю дабы сѣли на первомъ мѣстѣ». Въ числѣ учениковъ школы было нѣсколько малороссовъ, вѣроятно родственниковъ святителя и учителей школы. Повидному эта школа уже при жизни св. Димитрія вышла изъ разряда нпспихъ училищъ; въ ней учили языкамъ латинскому, греческому, польскому и русскому ¹⁾, арифметикѣ, стихосложенію, риторикѣ, философіи, закону Божію и вѣтному вѣнію. Школа содержалась на личные средства святителя и доходы архіерейскаго дома. Учителя, которыхъ было при немъ трп, всѣ вызваны изъ Кіева; но лучшимъ учителемъ былъ самъ св. Димитрій; «въ свободное отъ обычныхъ своихъ занятій время онъ собиралъ способныхъ учениковъ и толковалъ имъ нѣкоторыя книги отъ ветхаго завѣта, а въ дѣтнее время, живя на архіерейской дачѣ, въ с. Демьянахъ, объяснялъ имъ новый завѣтъ». Главную оригинальность этой школы составляло воспитательное ея значеніе; все преподаваніе обращено было въ орудіе религіозно-нравственнаго воспитанія, котораго руководителемъ и чистѣйшимъ образцомъ былъ самъ святитель; «обращеніе его съ воспитанниками было чисто отеческое». Въ классѣ подлѣ учителя занималъ мѣсто «императоръ» школы, старшій ученикъ избираемый по достоинству сочиненій, данныхъ для конкурса ²⁾.

Послѣ кончины св. Димитрія ростовская школа, кажется, закрыта. Уже на основаніи предписаній дух. регламента были открыты въ Ярославлѣ и Угличѣ словено-россійскія грам. школы. Первая учреждена 15 дек. 1725 г., когда изъ ростов. канцеляріи былъ присланъ въ Ярославль опредѣленный «ра-

---

¹⁾ Вотъ примѣръ амальгамы всѣхъ этихъ языковъ, въ письмѣ къ святителю изъ Москвы 1708 г. отъ бывшихъ его учениковъ: «Кая архіерейству вашему похвалы принесемъ недостойные рабы преосвященства вашего, cuius innumeras laudes totus, quam magnus est, universus orbis capere nequit?... не жааетъ у wasza archipasterska mosć, dobrodzieie nasz milosciwy, отъ насъ скудоумныхъ похвалъ»...

²⁾ Изложенныя свѣдѣнія сообщены въ книгѣ: «Св. Димитрій, м. Ростовскій», изд. 1849 и въ статьѣ: «Ростовское училище при св. Димитріи». (Яросл. Епарх. Вѣдох. 1863. №№ 24 и 25).

ди школьнаго ученія священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей граматистъ Василии Яковлевъ»¹⁾).

Въ В. Новгородѣ школа была открыта, по инициативѣ м. Іова, въ 1706 г., когда онъ пригласилъ къ себѣ сосланныхъ братьевъ Лихудовъ. Оба брата вмѣстѣ до 1708 года успѣли поставить школу въ разрядъ среднихъ училищъ, преподавая въ ней латинскій и греческій языки, риторикку и логику. Усиѣхъ школы не уменьшался съ отъѣздомъ Софронія въ Москву, при учителяхъ Іоанникѣ Лихудѣ и Ѳеодорѣ Максимовичѣ. Эта образцовая школа сдѣлалась уже около 1714 г. центромъ цѣлой системы меньшихъ школъ, разсѣянныхъ по новгородской епархіи; такихъ школъ упоминается 14: знаменская, николаевская, великолукская, новоторжская, каргопольская, старорусская, устюжно—желѣзопольская, олонецкая, тихвинская, валдайская, бѣжецкая, петрозаводская, хутынская и юрьевская²⁾). Онѣ были устроены для сообщенія элементарнаго и приготовительнаго образованія; именно въ нихъ учили читать и писать по славянски и по гречески, славянской граматикѣ, а въ некоторыхъ цѣнткахъ и риторикѣ. Учениковъ въ этихъ школахъ считалось болѣе 1000 чел. Это первое появленіе правильной системы высшихъ и вышнихъ школъ въ Великороссіи. Въ центральной школѣ вмѣстѣ съ дѣтьми духовныхъ лицъ обучались дворянскія дѣти, присылаемые изъ адмиралтейства для обученія славянскому чтенію и письму; такихъ въ годъ смерти м. Іова оказалось тамъ 60 чел.³⁾). Школа была раздѣлена на классы: славянскій, гдѣ обучалъ переводчикъ Ѳеодоръ Герасимовъ, и греческій, гдѣ училъ Ѳеодоръ Максимовичъ, а потомъ вызванный изъ москов. законоспасек. монастыря пподіак. Туркевичъ. Послѣдній получалъ жалованья по 150 р. въ годъ. Съ изданіемъ духовн. регламента центральное новгородское училище получило другое еще высшее значеніе: оно сдѣлалось учительскимъ инсти-

¹⁾ Рук. арх. толгск. монастыря. О существованіи услѣской школы въ 1740 г. см. А. Боголюбскаго: «Средства содержанія школъ в яросл. семни.» (Яросл. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 12, 13 и 14).

²⁾ Такъ сообщаетъ Ист. Росс. Иерархіи, а м. Евгеній говоритъ, что граматическія школы размножилъ по епархіи уже преемникъ Іова Ѳеодосій.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синод № ^{29 4 февр.} 637 13 _{юня} 1817 г.

тутомъ для всѣхъ архіерейскихъ школъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнѣ правительственнымъ учрежденіемъ; учителя назначались въ нее по опредѣленію синода. Съ 1728 Теофанъ Прокоповичъ изъ новгород. центр. школы перевелъ въ Петербургъ 60 учениковъ, выбравъ лучшихъ; новгородская школа упала, хотя преподаваніе въ ней продолжалось въ тѣхъ же размѣрахъ до смерти Федора Максимовича; съ того же времени и она низошла въ разрядъ нисшихъ, съ преподаваніемъ одного слав. языка «и то безъ успѣха», по словамъ м. Евгенія ¹⁾).

Архіерейскія школы. Духовный регламентъ учреждаетъ въ первый разъ цѣлую систему школъ, обнимающую собою всю имперію; а именно учреждаетъ архіерейскія школы съ значеніемъ нисшихъ духовныхъ училищъ въ каждой епархіи, одну центральную академію въ Петербургѣ и при ней семинарію (какъ воспитательный институтъ). Обще законодательное учрежденіе архіерейскихъ школъ изложено въ главѣ: «дѣла епископовъ», въ параграфахъ 9-13 ²⁾). Вторичное подтвержденіе того же дано синодскимъ указомъ 1722 года мая 31 ³⁾).

Система духовнаго регламента измѣнена въ 1724 г. именнымъ указомъ января 31 ⁴⁾); тогда велѣно основать двѣ семинаріи: одну въ Петербургѣ, другую въ Москвѣ, въ нарочно устроенныхъ для этого домахъ, или особыхъ монастыряхъ; при этомъ подъ именемъ семинаріи разумѣется уже не воспитательное только заведеніе, но и учебное. Двѣ семинаріи очевидно замѣняютъ центральную С.-Петербургскую академію, положенную въ духовномъ регламентѣ. Въ Москвѣ такимъ заведеніемъ не признается Спасскій монастырь съ его академіею; оно должно быть основано вновь или въ нарочно приспособленномъ домѣ, или въ какомъ нибудь отдаленномъ

---

¹⁾ Свѣдѣнія, изложенныя здѣсь, взяты изъ сочин. м. Евгенія: «Описаніе жизни (свят.) Тихона». Слб. 1796 г. и «Истор. Рос. Іерарх.» I, 588 и слѣд. Последнее противорѣчитъ во многомъ первому; такъ по Ист. Рос. Іерархіи школа вся переведена въ Петербургъ въ 1728 г. а по словамъ Евгенія взято лишь нѣсколько учениковъ въ 1725 г. и т. д.

²⁾ Дух. регл., изд. 1822, стр. 22 на об., 24, 25.

³⁾ П. С. З. № 4021.

⁴⁾ П. С. З. № 4450.

выведенномъ монастырѣ; а это показываетъ, что Московская академія не вводилась еще въ систему духовныхъ училищъ. Но ни Петербургская академія, по духовному регламенту, ни семинаріи, по учрежденію 1724 г., не были основаны въ дѣйствительности. Законъ 1724 г. былъ лишь отчасти выполненъ тѣмъ, что въ Петербургѣ въ Александро-Невскомъ монастырѣ организовано было училище съ именемъ семинаріи. Это учрежденіе совершенно, по именному приказанію императрицы Екатерины I-й, 10 ноября 1725 года. Хотя при этомъ введено въ ней преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ; но такъ какъ семинарія не была обеспечена постояннымъ правительственнымъ содержаніемъ и продолжала считаться монастырскимъ училищемъ, то существовала лишь съ именемъ семинаріи до 1732 г., когда въ первый разъ суммы ея были отдѣлены отъ монастырскихъ доходовъ. Но и по этому штату семинарія имѣла только трехъ учителей греческаго, латинскаго и русскаго.

Архіерейскія школы совсѣмъ не то, что позднѣйшія семинаріи: во первыхъ онѣ суть школы *русскія*, составляютъ высшую форму элементарныхъ училищъ. Впослѣдствіи мало по малу во многихъ изъ нихъ вводится преподаваніе классическихъ языковъ, что составляетъ характерный признакъ среднихъ школъ; но это случилось уже къ концу эпохи архіерейскихъ школъ и составляетъ переходъ ихъ въ семинаріи. вмѣстѣ съ этимъ едва вводится раздѣленіе на классы, этотъ второй вышній признакъ возвышающагося образованія. Во вторыхъ архіерейскія школы, хотя назначены для духовенства, но не были еще вполне профессиональными школами. Почти элементарный уровень образованія въ нихъ сблизжал ихъ съ цыфирными, отсюда тѣ и другія были во взаимномъ соприкосновеніи, то законодательномъ (какъ въ Новгородѣ), то бытовымъ (какъ напр. въ Рязани).

Законодательство не опредѣлило внутренняго устройства архіерейскихъ школъ. Школы, по мѣрѣ открытія ихъ, заимствовали уставы одна отъ другой; такъ епископъ рязанскій Сильвестръ, устраивая рязанскую школу, «для внутренняго благоустройства приказалъ списать въ тверскомъ училищѣ пункты, къ учрежденію школъ служащіе, и передалъ ихъ къ руководству въ рязанскій казенный приказъ, завѣдовав-

шій первоначально устройствомъ школы» ¹⁾).

Школы основываются на мѣстных средствахъ епархій или правильнѣе духовнаго сословія каждой епархіи. Законодательство требуетъ отъ архіереевъ, чтобы каждый изъ нихъ самъ отыскалъ въ свою школу учителя «умнаго и честнаго», не указывая, гдѣ взять такихъ. Уже послѣ духовнаго регламента указомъ 1723 года октября 15 синодъ предписалъ отправлять изъ епархій учениковъ въ новгородское училище. Почему было избрано новгородское училище, а не московская академія, сказать трудно. Около 1724 г. отправлены были для приготовления къ учительству ученики изъ слѣдующихъ епархій: Устюжской 2, Тверской 4, Ярославской 3, Суздальской 1, Рязанской 3, Смоленской 3, и Воронежской 2. Но такъ какъ и верховная власть и синодъ требовали настоятельно скорѣйшаго открытія школъ, то это приготовленіе совершалось поспѣшно, только бы поскорѣй начать обученіе въ школѣ: рязанскіе кандидаты на учительство посланы въ Новгородъ въ 1724 г. а въ 1726 г. уже начали обученіе въ мѣстной школѣ. Но такъ какъ и этихъ учителей не доставало, то архіерси должны были назначать на должности учителей мѣстныхъ дьяконовъ и дьячковъ, которые, безъ сомнѣнія, сами получили образованіе въ старыхъ приходскихъ школахъ, или дома ²⁾).

Но учителя и того и другаго рода годились только для преподаванія отечественнаго языка и началъ христіанской вѣры; элементарный уровень архіерейскихъ школъ законодательство признавало временнымъ; онѣ призваны были къ постепенному переходу въ среднія училища. Для преподаванія классическихъ языковъ каждая архіерейская школа должна была прибѣгать къ вызову учителей изъ Кіевской академіи; во всѣхъ концахъ Россіи первую закваску средняго образованія положили кіевскіе школьники. Позже начинаютъ вызовы изъ Московской академіи. Архіерси поручали своимъ стряпчимъ въ Москвѣ заботы о приисканіи учителей и отправляли нарочныхъ въ Кіевъ за такими же поисками. Только для преподаванія арифметики и первыхъ основъ геометріи

¹⁾ Макарій: «Ист. Рязан. дух. сем.» стр. 9.

²⁾ *ibid* стр. 11.

правительство само высыдало учителей изъ учениковъ военныхъ школъ: морскихъ, инженерной и артиллерійской. Даже тамъ, гдѣ были учителя цыфирныхъ школъ, для архіерейскихъ назначаемы были особые учителя математики; въ 1726-28 г. въ Переяславлѣ Рязанскомъ были и учили одновременно Павловъ въ цыфирной школѣ и кондукторъ Петровъ въ архіерейской.

Только эти послѣдніе считались чиновниками гражданской службы. Учителя изъ мѣстныхъ церковнослужителей исполняли учительскую обязанность, какъ добавочную къ своей церковной службѣ, по личному порученію архіерея. Учителя же, вызванные изъ Кіевской и Московской академій, служили по частному контракту съ архіерейскимъ приказомъ. Это удерживалось послѣ и въ семинаріяхъ. Въ контрактѣ обозначалось: сколько учениковъ долженъ учить учитель, срокъ, съ котораго учитель долженъ начать работу, плата за учительство, права власти учителя въ школѣ и штрафы за неисполненіе учителями своей обязанности. Контрактъ заключался обыкновенно на одинъ годъ и возобновлялся по желанію сторонъ и на слѣдующіе годы; при чемъ учитель, не желающій возобновить контракта, долженъ объявить о томъ за три мѣсяца до срока.

Уже позже духовное начальство стало держаться слѣдующаго начала: «якобы учителямъ, не постриженнымъ въ монашество быть неприлично». Но въ 1733 г. синодъ указалъ архіереямъ, что это вовсе не необходимо, что въ монашество могутъ быть пострижены желающіе, однако не иначе, какъ послѣ трехлѣтняго учительства въ свѣтскомъ званіи, что имъ и вмѣняется въ узаконенный искъ (новіціатъ). Однако послѣ самъ синодъ держался уже иныхъ возрѣній. Когда въ 1744 г. въ Московской академіи учителемъ не изъ монашесствующихъ остался одинъ Григорій Кандаковъ, то синодъ предписалъ ректору: «Григорія Кандакова изъ учителей, поже онъ монашескаго чина по нынѣ не приеѣмлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять.»¹⁾ Въ слѣдствіе этого вѣроятно этотъ самый Кандаковъ поступилъ въ Рязанскую школу учителемъ по контракту.

¹⁾ Смирновъ: «Ист. Моск. Слав. Гр. Лат. Акад.», стр. 84—85.

Способы содержанія школы, опредѣленные въ духовномъ регламентѣ, оставались неизмѣнными во весь описываемый періодъ, какъ въ архіерейскихъ школахъ, такъ и въ позднѣйшихъ семинаріяхъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ, при Ека-теринѣ II, не были упнчтожены въ 1765 году. Средства для школы суть мѣстные епархіальные; онѣ извлекаются: а) изъ доходовъ архіерейскаго дома, б) изъ монастырей и церквей.

Для родителей образованіе въ архіерейскихъ школахъ должно быть во всякомъ случаѣ даровымъ; «дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя и на покупаніе книгъ, такожъ на пропитаніе сичновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаеть, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ.»¹⁾ На счетъ казны архіерейскаго дома содержатся учителя, которые получаютъ, кромѣ условеннаго денежнаго жалованья, разныя вещи и услуги. Учителя монастырющіе довольствовались монастырскимъ содержаніемъ, что, вѣроятно, и было главною причиною попытокъ архіереевъ назначать учителей исключительно изъ монашесствующихъ. Изъ тѣхъ же суммъ архіерейскаго дома школа снабжалась и учебными пособиями. Чтобы архіереи не роптали, что такіе расходы для нихъ тяжелы, регламентъ рекомендуетъ имъ «не держать лишнихъ служителей, не дѣлать ненужныхъ построекъ, не шить облаченій и платья свыше потребности, подобающей ихъ чести.» Ученики всѣ содержатся на счетъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ; съ земель церковныхъ ежегодно взимается тридцатая доля всякаго хлѣба, а съ монастырскихъ двадцатая. Съ количествомъ этихъ доходовъ въ извѣстной епархіи соображается и число учениковъ, которые могутъ быть содержимы и обучаемы въ архіерейскихъ школахъ. Церкви и монастыри должны ежегодно подавать епископу вѣдомости о величинѣ урская. Синодъ долженъ былъ имѣть книги приходовъ и расходовъ всѣхъ знатнѣйшихъ монастырей. Такой, крайне не совершенный способъ содержанія школъ, былъ главною причиною медленнаго успѣха ихъ: и архіерейскіе дома, и особенно монастыри и церкви уклонялись возможными мѣрами

¹⁾ «Дух. регламентъ стр. 24. 21. въ Д. Моск. той. 1765 г.»

отъ довольно тяжелаго налога. Хлѣбный сборъ съ церковей замѣненъ былъ денежнымъ по именному указу 1743 г.; тогда этотъ налогъ распределенъ былъ такъ: по 1 коп. съ каждаго приходскаго двора и по 3 коп. съ рубля отъ доходовъ оброчныхъ статей (дворовъ, лавокъ, сѣнныхъ покосовъ, съ ружнаго жалованья и оброчныхъ вотчинъ). Сборъ хлѣба съ монастырскихъ вотчинъ остался. Деньги съ церковей собирали закащики, а хлѣбъ съ монастырей особенно назначенныя лица и доставляли деньги въ консисторію, а хлѣбъ или въ ближайшіе архіерейскіе дворы (гдѣ есть школы), или прямо въ школу. Не все количество собраннаго хлѣба шло на непосредственное потребленіе; для удовлетворенія прочихъ нуждъ по содержанію учениковъ часть должна быть продана. Всѣ эти экономическія операціи возлагаются иногда на школы. Очевидно, что по неприязности къ этому дѣлу распорядителей и по неизбежнымъ злоупотребленіемъ, школа получала гораздо меньше, чѣмъ сколько давали плательщики. Невыгоды этого способа заключаются и въ способахъ взиманія его. «Можно ли было ожидать, что бы въ вѣдомостяхъ, представленныхъ въ консисторію, вѣрно обозначалось количество полученнаго съ поля хлѣба тою или другою церковью, тѣмъ или другимъ монастыремъ?... Каждогодно были жалобы на несправидность доставки его; а за многими монастырями и церквами оставались недоимки за цѣлые годы»¹⁾.

---

¹⁾ Близевъ: «Ист. Псков. сем.», стр. 39. Въ 1729 г. учитель ярославской школы доносилъ, что ему «никогда хлѣба не сбирается». Дѣла Толгскаго монастыря). Медленность открытія костромской семинаріи (1745 и 1747) объясняется слѣд. обстоятельствами: «Сильвестръ Булябка, по вступленіи на кафедру, потребовалъ выслать изъ всѣхъ монастырей приходо-расходныя книги за 1743 и 1744 годы.. Въ 1746 г. онъ предписалъ собрать вѣдомости отъ монастырей и церковей касательно урожая и урожая ржаного и ярого хлѣба, упомянувъ, что это требуется на содержаніе школы, учреждаемой для обученія церковническихъ дѣтей. Но такое распоряженіе встрѣтило немало затрудненій и препятствій со стороны духовенства. . . Оттого въ 1745 г. не только не былъ собранъ требуемый хлѣбъ, но и самыя вѣдомости въ консисторію были представлены не прежде, какъ въ исходѣ фев. слѣдующаго 1747 года. Вскорѣ послѣ этого высланъ была изъ консисторіи результаты о томъ, сколько каждый монастырь и церковь должны были представить хлѣба въ консисторію, съ назначеніемъ срока и подъ опасеніемъ штрафа; но исполненія и по этому указу не было. Слишкомъ поспѣха... Хлѣбъ надлежало пред-

До какой ничтожной суммы достигали сборы въ епархіяхъ весьма большхъ при такомъ способѣ взиманія, показываетъ примѣръ Вятской епархіи въ 1752—1759 г., когда здѣсь всего однокопѣчнаго сбора съ церковей приходилось по 506 р. въ годъ, а монастырскаго хлѣба за весь этотъ промежутокъ времени 1260 четвертей¹⁾. Въ ростовской епархіи, по росписанію 1755 г., приходилось 200 четвертей ржи и столько же овса въ годъ.

Неправильность сбора и трудность исчисленія налога при ежегодныхъ колебаніяхъ урожая заставили во многихъ епархіяхъ опредѣлять количество требуемаго хлѣба заранее, на нѣсколько лѣтъ впередъ, что возбуждало новыя жалобы плательщиковъ въ неурожайные годы. Епархіальныя начальства шли дальше, переводили налогъ на деньги по ежегоднымъ справочнымъ цѣнамъ изъ магистрата. Но и послѣ канцеляріи и семинарскія конторы принуждены были «постоянно чинить понужденія духовнымъ правленіямъ, а эти послѣднія закупаемъ и монастырямъ. Казалось необходимымъ заинтересовать въ правильности сбора самыхъ сборщиковъ. Члены семинарской конторы, основанной нарочно для зарѣдованія сборами, получаютъ въ свою пользу по 11 коп. съ каждой церкви, а закупщики по 4 коп.; монастыри за пріемъ хлѣба въ пользу семинарской конторы вносили по 3 коп. съ каждой платежной четверти²⁾. Ревность сборщиковъ увеличилась, но и противодѣйствіе плательщиковъ въ той же степени. Другая невыгодная сторона этого способа содержанія заключается въ томъ, что отъ случайностей урожая и сбора

ставить за два года, но изъ многихъ мѣстъ внесено было только за 1746 г. и то въ исходѣ 1747 г.» (Русск. Педагогич. Вѣстн. 1858. №10).

¹⁾ «Вятская исторія» (въ Казанск. Вѣстникѣ, январь—июль 1827, стр. 97). См. также: «Средства содержанія школъ Ярославской семинаріи въ пол. XVIII ст.» (въ Яросл. Епарх. Вѣдом. 1872, № 12, 13, 14 и 15). Изъ указовъ ростовскаго епископа, здѣсь напечатанныхъ, оказывается, что «вѣдомости прицѣлены весьма несправедливыя съ немалою и явною кавъ нашенной земли десятины, такъ и поспѣву, умолоту и приплоду всякаго хлѣба утайкою», не смотря на то, что указы грозили и монастырскимъ настоятелямъ и закупщикамъ за должное показаніе лишеніемъ чиновъ и «надлежащихъ штрафовъ и истязаніемъ». Въ 1747 г. еп. Афанасій приказалъ въ наказаніе за то съобрать хлѣбъ втрое противъ положеннаго.

²⁾ См. «Русск. епарх. Ярославск. духовн. семинарія за 1758 г.» стр. 71—72; 74—75 и 76.

можетъ зависть увеличеніе или уменьшеніе числа учениковъ въ школахъ. 1743 г. въ псковской семинаріи было учениковъ (на епархіальномъ содержаніи) 924 чел.; а такъ какъ «недоставало хлѣба для ихъ пропитанія, то пр. Стефанъ приказалъ сократить ихъ число ¹⁾».

Вторымъ менѣе значительнымъ источникомъ содержанія архіер. школъ и потомъ семинаріи были штрафы за неоплатку учениковъ и оброкъ съ уволенныхъ неспособныхъ мальчиковъ. Наконецъ третій источникъ, указанный въ 1740 г. синодомъ, были свѣчныя деньги ²⁾, но этотъ, сдѣлавшійся впоследствии главнѣйшимъ источникомъ содержанія семинаріи, тогда примѣнялся мало по отсутствію надлежащей организаціи его въ законодательствѣ.

Архіерейскія школы, на основаніи духовнаго регламента, были основаны въ слѣд. городахъ: въ Петербургѣ (александро-невская) 1721 г., Нижн.-Новгородѣ 1721 г., Рязани, Твери, Бѣлгородѣ 1722 г., Казани, Суздальѣ, Коломнѣ, Вяткѣ, Холмогорахъ (послѣ въ Архангельскѣ) 1723 г., Вологдѣ 1724 г., В. Устюгѣ, Иркутскѣ и Псковѣ 1725 г., Смоленскѣ и Воронежѣ 1728 г. Въ систему архіерейскихъ введены и помянутыя нами выше 4 школы, основанныя до духовн. регламента; но московская академія, повидному, не введена въ нее. Всѣ перечисленныя школы равны другъ другу по своему значенію и объему преподаванія; нѣкоторое случайное преимущество осталось за новгородскою, о чемъ мы упомянули.

Александро-Невская школа, открытая указомъ архіеп. Оеодосія 11 іюля, была высшимъ училищемъ до 1726 года,

---

¹⁾ Бяязевъ: «Ист. пск. сем.», стран. 40. Зависимость существованія школъ отъ такого способа содержанія можно видѣть изъ слѣд. фактовъ: «Въ 1723 г. учреждена школа въ Суздаль и собрано учениковъ 109 чел. Въ 1726 г. за несорваніемъ хлѣба они распущены по домамъ: но въ 1736 г. собраны, и въ 1737 г. пакн по той же причинѣ распущены». Въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ духовно-учебная часть шла успѣшнѣе, чѣмъ въ цѣлой Вѣлкороссіи, по отчету 1727 г., въ школы «къ принадлежащимъ наукамъ» брались только дѣти такихъ отцовъ, которые бы могли сами содержать ихъ въ школахъ, потому что ежели отъ (церковныхъ) земель взять законныя части, священникамъ съ причетники, за маломоществомъ тѣхъ церковныхъ земель, въ пропитаніи будетъ немалая тщета». Пекарск: «Наука и Литер.» I, 119.

²⁾ П. С. З. № 8287.

когда введено въ нее преподаваніе классическихъ языковъ. Она была не столько архіерейскою, сколько монастырскою, между прочимъ съ цѣлями призрѣнія сиротъ; дѣти принимались отъ 5 до 13 л.; число учениковъ возрастало отъ 26, собранныхъ при основаніи школы, въ слѣд. прогрессіи: въ 1722 г. 53, въ 1723 г. — 62, 1725 г. — 82. Впослѣдствіи, по преобразованіи школы въ семинарію, было: въ 1735 г. — 57, 1741 г. — 108, 1744 г. — 47, 1762 г. — 73. — Въ ней обучали сначала азбукѣ, письму, арифметикѣ, исалтыри, грамматикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. Уже тогда явилось раздѣленіе на классы: обучивши грамотѣ и десятословію, учениковъ переводили къ грамматикѣ и арифметикѣ по особому разрѣшенію канцеляріи монастыря. Содержаніе доставлялось монастыремъ, чѣмъ эта монастырская школа и отличается отъ архіерейскихъ ¹⁾.

Нижегородская до 1730 г. состояла изъ трехъ школъ (классовъ) букварной, славяно-россійской и еллино-греческой; изъ нихъ въ 1727 г. первая была уничтожена и элемент. обученіе вмѣнено въ обязанность родителямъ; во 2-й было 63 учен. въ 3-й — 24. Ниже мы укажемъ преобразование ея въ семинарію. Съ 1730 г. открыта писшая школа въ Юрьевцѣ Поволгскомъ ²⁾.

Въ Рязани школа и цыфирная и архіерейская вмѣстѣ открыта 7 мая 1722 г., но уже въ іюль того же года дѣти лицъ духовныхъ были отдѣлены отъ дьячыхъ и подьяческихъ и изъ нихъ составилась собственно-архіерейская школа; однако учителемъ оставался повидимому одинъ и тотъ же навигаторъ. Но настоящая организація отдѣльной архіерейской школы должна быть отнесена къ 1724 г., именно ко времени прибытіи приготовленныхъ въ Новгородѣ учителей. Въ это время въ школѣ было 70 учен. При Гавріилѣ Бужинскомъ, съ 1726 г., школа опять находилась въ соединеніи съ цыфирною, при чемъ число учениковъ возрасло до 269 чел.; съ 1727 при школѣ, помѣщенной уже въ отдѣльномъ зданіи, образовано отдѣльное управленіе — школьная контора.

¹⁾ Чистовичъ: «Ист. С.- Петерб. акад.».

²⁾ «Инструкція, данная изъ нижегород. конспстор.» 1738 г. (Чтен. въ И. Об. И. и Др. Росс., кн. XVII). и «Кратк. изв. о ниж. сем.» (въ Актѣ Ниж. Дух. Сем. 1787).

Повидямому она организована прочно и въ 1729 пѣла уже 339 учениковъ. Но архіерейскія школы не были вполне правительственнымъ учрежденіямъ; ихъ судьба тѣсно связывалась съ судьбою мѣстныхъ епископовъ; такъ когда въ томъ же 1729 г. Гавріилъ подвергся розыску, то и школа закрылась. Съ тѣхъ поръ въ продолженіи 10 л. ученики были собираемы нѣсколько разъ, но ученія не было, за неимѣніемъ учителей классическихъ языковъ, а «словесному» т. е. русской грамотѣ они были обучены дома. Такъ въ 1731 г. еписк. Лаврентій собралъ учениковъ 56 чел. и вызвалъ изъ москов. академіи учителя, который умеръ черезъ годъ и ученіе опять прекратилось. Въ 1738 г. собрано 227 чел., но обучать было некому и ученики распущены. Наконецъ въ 1739 г. собрано 153 чел. и оставлены въ школѣ только потому, что св. синодъ настоятельно требовалъ обучать элементарнымъ знаніямъ, которымъ дѣти и безъ того были обучены¹⁾. Съ 1740 г. школа преобразовывается въ семинарію, или правильнѣе, въ Рязани открывается семинарія.

Указъ 1722 г. 6 дек. побудилъ м. казанскаго Тихона тотчасъ отдѣлить отъ цыфирной школы дѣтей духовныхъ лицъ и набрать новыхъ; въ 1723 г. уже была открыта архіерейская школа въ Федоровскомъ монастырѣ, куда и отысканъ учитель «польской породы Вас. Яков. Свѣтлицкій»; этотъ «умный и честный и въ книжномъ чтеніи острый и разумный человекъ» договорился учить за 36 р. и за 23 четвертей хлѣба въ годъ. Учениковъ набрано 25 чел.; но изъ нихъ отправлено тогда же назадъ: за малолѣтствомъ (т. е. ниже 7 лѣтъ) 11 чел., по записи въ податныя состоянія 3, за тупостью 2, по неимѣнію средствъ содержанія въ школѣ 9. Сверхъ того въ первый же годъ умерло 6 чел., а 14 бѣжало черезъ мѣсяць по прибытіи въ школу. Такимъ жалостнымъ обр. начиналось духовное просвѣщеніе въ Казани. Въ 1726 г. произведенъ былъ общій наборъ учениковъ по всей епархіи; изъ массы собранныхъ архіепископъ выбралъ 70 чел., а остальныхъ, за недосугомъ разбирать ихъ, преосвященный отослалъ по домамъ до другаго времени; сверхъ 70 дѣтей духовныхъ собрано 10 новокрещенскихъ. Собранныхъ мальчи-

1) Макарія: «Ист. ряз. дух. сем.» стр. 7—15.

ковъ начали обучать слѣд. наукамъ: букварю, граматикѣ «четырехъ статей», орѳографіи, этимологіи, просодіи и синтаксису, діалекту латинскому (вокабуламъ), ученію о 7 тайнахъ церковныхъ, арифметикѣ и разнымъ гратуліціямъ и комедійнымъ акціямъ. Полнаго вниманія заслуживаетъ мѣра къ обезпеченію архіерейской школы, принятая м. Сильвестромъ въ 1726 г.: уничтоживши два монастыря: Сарапульскій Успенскій и Оспинскій Спасопреображенскій, онъ приписалъ ихъ вотчины съ 549 душами муж. пола къ школѣ. Крестьянамъ была отдана монастырская земля въ оброкъ; къ 1728 г. оброкъ этотъ вызвысился до 200-р, въ годъ. Разумѣется, что и средства, указанные въ дух. регламентѣ, практиковались. Въ 1729 г. всѣхъ денежныхъ доходовъ въ школѣ было 464 р. да хлѣбныхъ запасовъ всякаго хлѣба 613 четвертей. Школа была подчинена вѣдѣнію духовнаго архіерейскаго приказа¹⁾. На крестьянскіе оброки выдавалось жалованье учителю и пріобрѣтались учебныя пособія; а на сборный хлѣбъ содержались ученики.

Когда въ 1723 г. была открыта архіерейская школа въ Вяткѣ и въ нее набрано 35 учениковъ, то ихъ обучали азбукѣ, письму, катихизису Прокоповича, «а болѣе другимъ наукамъ никакимъ не обучаются», говоритъ донесеніе св. синоду. Дальнѣйшее движеніе школа получила въ 1733 при извѣстномъ Лаврентіи Горкѣ епископѣ вятскомъ, который открылъ здѣсь славяно-греко-латинскую школу «не только для дѣтей духовнаго, но и свѣтскаго званія». Однако сословный духъ, сдѣлавшій такіе спѣхы ко временамъ царст. Анны, не дозволилъ этой школѣ укрѣпить за собою всеобщій характеръ. Когда одинъ мальчикъ, сынъ посадскаго человека, былъ взятъ въ школу и пробылъ въ ней не болѣе двухъ дней, то подьячіе воеводской канцеляріи, разсыльщики и болѣе 100 чел. посадскихъ напали на школу, «съ дубина-

---

¹⁾ Свѣдѣнія о казан. арх. школѣ изложены въ ст. А. Θ. Можаровскаго: «Изъ ист. духов. просвѣщ. въ Казан. краѣ. Казанская семинарія въ теченіи 150 л. ея существованія». (Прав. Обзор. 1868 г. дек.); см. также г. Знаменскаго: «Казанская семинарія въ первое время ея существованія». (Прав. Соб. 1868 г. августъ) и А. Θ. Можаровскаго: «Исторія построенія казанской семинаріи въ Казани» (ib. окт.); см. Пикарскаго: «Наука и Лит.» I, 115.

и, съ палками и съ кирпичами и школу раззорали, и въ домъ архіерейской и въ избу кирпичами бросали и въ ворота необычайно ломались, что тѣ ворота были отъ нихъ досками подперты. И мое смпреніе (доносилъ Лаврентій имп. Аянѣ) въ домѣ архіерейскомъ, яко въ осадѣ доселѣ содержусь, нельзя изъ дому архіерейскаго вошь выйтти»¹⁾.

Школа, заведенная въ Холмогорахъ архіепископомъ Варнавою, имѣла въ 1723 г. 39 учен., въ 1724 г.—26. Къ отчетному 1727 г. никто изъ нихъ не выучилъ до конца грамматики, хотя, прибавляетъ отчетъ, изъ нихъ есть такіе, которые «весьма наслаждаются ученія желаютъ, изъ которыхъ могутъ быть и остроумные ученики». Отчетъ надѣется, что въ слѣд. годахъ число учениковъ вмѣстѣ съ собравшимися вновь будетъ гораздо больше²⁾. Школа получаетъ значеніе средней и названіе славяно-латинской съ 1730 г., когда въ ней началъ обучать по латыни обучившійся за моремъ Пв. Цареградскій³⁾. До какой степени успѣхи школъ зависѣли отъ личности архіереевъ доказываетъ слѣд. отзывъ архангельскаго архіерея Варсонофія о благоустроенномъ зданіи архангельской школы: «чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена? Да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи Черкасшкни, ни къ чему негодницы⁴⁾. Мѣстные архіереи два года по открытіи содержали школу на однихъ средствахъ архіер. дома; и въ послѣдствіи большая часть содержанія шла оттуда же.

Въ Иркутскѣ архим. Антоній Платковскій устроилъ школу при Вознесенскомъ монастырѣ, въ нарочно устроенномъ за монастырскою оградой зданіи. Школа первоначально предназначалась для миссіонерскихъ цѣлей. Назначенные по штату 25 учениковъ обучались у бурятскаго ламы, некрещеннаго Лапсана; товарищемъ его былъ Ник. Щолкуновъ тоже иноходецъ, только крещенный; при нихъ переводчикомъ состоялъ

¹⁾ Памяти. книжка Вятской губ. на 1873 г. Вятка, 1873 г., Отд. III, стр. 95.

²⁾ Пекарскій: «Наука и лит.» стр. 120.

³⁾ Макария: «Письмо изъ Рязани (Русской Педагог. Вѣсти. 1858. № 10 стр. 18).

⁴⁾ Соловьевъ: «Ист. Росс.» XX, ст. 372.

послѣ Пв. Пустышниковъ, котораго посылалъ Платковскій въ Селенгинскъ для усовершенствованія въ монгольскомъ языкѣ. Оба учителя подряжены Платковскимъ за 100 рублей въ годъ; при свят. Пинокентіи это жалованье еще увеличено на 50 рублей; переводчикъ получалъ 10 руб. въ годъ. Рядомъ съ монгольской школою скорѣ была открыта и русская; обѣ школы продолжали существовать рядомъ до 1737 г., когда Лапсанъ, уже принявшій христіанство, былъ привлеченъ къ суду, по дѣлу о возмущеніи бурятъ, и новаго на его мѣсто найти не могли; монгольская школа закрылась. Въ 1728 г. набрано было учениковъ въ русскую школу 22 челов.; а потому прежнія средства содержанія оказались недостаточными. Эти средства доставлялись, согласно съ предписаніями дух. регламента, отъ монастырей Селенгинскаго Троицкаго, Киренскаго тоже Троицкаго и Посольскаго; изъ нихъ на содержаніи перваго должно было находиться 10 учен., втораго 8, а третьяго—7. Но это распределеніе сдѣлано было еще тогда, когда отдѣльной Пркутской епархіи не было; при образованіи новой епархіи Киренскій монастырь остался въ Тобольской и потому заявлялъ притязаніе на освобожденіе отъ поборовъ въ пользу Пркутской школы.

Отсюда возникъ соблазнительный споръ между святителемъ Пинокентіемъ и тобольскимъ митрополитомъ Антоніемъ Стаховскимъ, при чемъ видимо вся несправедливость остается на сторонѣ послѣдняго. 5 ноября 1728 г. онъ предписалъ Киренскому монастырю не давать впредь хлѣба на пркутскую монастырскую школу, потому что будтобы изъ той школы всѣ ученики отправлены въ Пекнѣ. Когда святитель отвѣтилъ, что въ Пекнѣ отправлено только трое, а на лицо въ школѣ состоитъ 22 ч.; то тобольскій митрополитъ еще рѣшительнѣе предписалъ: «впредь на школьныхъ учениковъ денегъ и провіанта въ Пркутскую епархію отнынѣ не давать и тамошнихъ указовъ не слушать, понеже по регламентному опредѣленію, велѣно каждому архіерею въ своей епархіи пмѣть для обученія малолѣтнихъ причетническихъ дѣтей школы и на пропитаніе пмъ брать своей же, а не чужой епархіи съ монастырей указное число, чего ради и у насъ въ Тобольскѣ не безъ школы... Въ чужую епархію вступатся, преступая положенный предѣлъ, странно есть весьма и необычно». И

монастыри Пркутской епархіи просили святителя «слезно-пожаловать ихъ своимъ благословеніемъ», уволить отъ дачи ученикамъ жалованья; монастыри были дѣйствительно очень бѣдны. Къ 3-мъ упомянутымъ монастырямъ присоединенъ 4-й Нерчинскій Успенскій, который долженъ будетъ содержать 7 чел. Впослѣдствіи св. Пинокентій увеличилъ средства школы, обязавъ протоіереевъ и священниковъ платитъ въ годъ по 50 к., дьяконовъ по 30, дьячковъ и пономарей по 10 к., все равно-есть ли у нихъ дѣти въ школѣ, или нѣтъ. Экономическое управленіе было поручено при Пинокентіи одному изъ вкладчиковъ Знаменскаго монастыря, съ званіемъ «старосты при мунгалской и русской школахъ»; нравственно—воспитательный надзоръ—особо назначенному іеромонаху.

При преобразованіи школы въ семинарію, контингентъ ученыхъ ссыльныхъ, въ которыхъ не было недостатка при императрицѣ Аннѣ, доставилъ св. Пинокентію знаменитыхъ хотя и временныхъ учителей; таковы были: Павелъ Малиновскій, будущій митрополитъ московскій, а до ссылки—архимандритъ и ректоръ харьковскаго коллегиума; другой ссыльный—Іоакимъ Максимовичъ, іеромонахъ киевопечерской лавры. И послѣ почти весь составъ учителей новой семинаріи былъ изъ ссыльных¹⁾.

Во Псковѣ епархіальная школа открыта въ 1725. До 1733 г. школа оставалась элементарною (съ начальнымъ преподаваніемъ грамматики отечественнаго языка); съ 1733, когда былъ введенъ латинскій языкъ, но 1749 г. она постепенно переходила въ среднее учебное заведеніе. Въ 1746 г. открыта семинарія. Въ ней 1725—1727 г. было 58 учениковъ, 1730—1738 числилось 149 ч., а налицо—92 чел. Затѣмъ въ послѣдующіе годы число учениковъ въ ней измѣнялось такъ: 1738 г.—200, 1739 г.—150, 1740 г.—242, 1741 г.—198, 1743 г.—242, 1745 г.—76, 1746 г.—213, 1755 г.—224, 1756 г.—113, 1759 г.—197, 1760 г.—212, 1761 г.—226.

Въ свѣдѣніяхъ о прочихъ архіерейскихъ школахъ мы

¹⁾ Изложенныя свѣдѣнія взяты изъ ст.: «Управленіе святит. Пинокентія» и «Состояніе школъ при св. Пинокентіи» (Пркут. Епар. Вѣдом. 1863, № 38 и 1864, № 34).

не нашли ничего характернаго для этого разряда профессиональныхъ школъ. Во всѣхъ такихъ школахъ предъ самымъ преобразованиемъ ихъ въ семинаріи, по вѣдомостямъ 1738 г., учёниковъ было 2589 чел.

Семинаріи и духовныя гимназій. 1737—1740 гг. организуется новая система духовныхъ учебныхъ заведеній; архіерейскія школы замѣняются семинаріями. —

То, что было предложено Прокоповичемъ подъ именемъ академіи, а въ 1724 г. подъ именемъ семинаріи (въ столицахъ), теперь переносится въ провинцію, такія заведенія учреждаются въ каждой епархіи. Въ мѣсто испшей архіерейской школы, возникаетъ дѣйствительно среднее учебное заведеніе; эти епархіальныя среднія училища начинаютъ окружаться высшими. Центрального высшаго училища для цѣлой имперіи нѣтъ: московская академія хотя и вводится окончательно въ разрядъ духовно-учебныхъ заведеній, но совершенно приравнивается къ епархіальнымъ семинаріямъ. Центральное управленіе всею этою сѣтью учебныхъ заведеній въ рукахъ св. синода получаетъ болѣе прочности.

Так. обр. эпоха семинаріи отличается отъ эпохи архіер. школъ, 1) переходомъ высшимъ епарх. школъ въ среднія, 2) основаніемъ высшихъ (уѣздныхъ) училищъ вокругъ каждаго епархіальнаго средняго училища; сюда слѣдуетъ прибавить 3) окончательное усвоеніе этими училищами сословно-духовнаго значенія. Въсѣтъ съ тѣмъ предложено было обратитъ и содержаніе семинаріи, не на епархіальныя а на правительственныя средства, что, впрочемъ, совершенно далеко не исполнѣ.

Такой переворотъ совершился съ постепенностью; постепенно нѣкоторыя изъ архіер. школъ ввели у себя раздѣленіе на классы и преподаваніе иностранныхъ языковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно входило въ употребленіе названіе семинаріи. Этотъ переворотъ особенно становится замѣтнымъ съ нач. царств. Анны и именно съ 1733 года. Но правильнымъ обр. вводится новая система въ 1737—1740 годахъ.

Законодательство, совершившее этотъ переворотъ, начинается съ синод. ук. 24 янв. 1737, когда синодъ приказалъ собрать вѣдомости о существующихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Этими синодъ устраиваетъ въ 1-й разъ правильный контроль правительственной власти надъ мѣстными школами. Въ вѣ-

домостяхъ должно быть показано—гдѣ учреждены школы, сколько въ нихъ было учениковъ со времени учрежденія св. синода, чему они были обучаемы, въ какіе чины произведены, сколько было въ приходѣ и расходѣ сборнаго хлѣба за каждый годъ, и гдѣ хлѣбъ оставался въ недоимкѣ. Такія вѣдомости съ того времени должны быть присылаемы ежегодно ¹⁾).

Но актомъ учрежденія семинарій нужно считать именной указъ 7 сент. того же 1737 года. Въ немъ прежнія архіерейскія школы вовсе упразднены и приказывается учредить «во всѣхъ епархіяхъ и въ другихъ пристойныхъ городѣхъ школы для обученія въ нихъ дѣтей священнаго чина и церковнаго причта грамотѣ, граматикѣ, риторикѣ и другихъ вышшихъ наукъ». Указъ велитъ синоду опредѣлить суммы на содержаніе такихъ училищъ изъ доходовъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, «которые по сіе время на архіереевъ и въ монастыри собирався», опять оставляя безъ вниманія устройство содержанія архіерейскихъ школъ, назначенное въ духовн. регламентѣ ²⁾). Этотъ учредительный актъ дополненъ кабинетскимъ указомъ 26 сент. о правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ арх. школахъ. Существенныя части его, касающіяся правъ сословія и принужденія къ образованію, намъ уже извѣстны. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что кабинетъ потребовалъ въ этомъ указѣ представленія ему вѣдомостей о состояніи арх. школъ; так. обр. высшая государст. власть принимаетъ непосредственное участіе въ общей организаціи духовныхъ учебныхъ заведеній. Но оба упомянутые указа отнюдь не представляютъ устава новыхъ учебныхъ заведеній; уставъ еще предполагался въ будущемъ; кабинетъ приказалъ синоду (имен. указомъ 1738 г. іюня 9) составить его, намѣтивъ однако слѣд. существенныя пункты: 1) число учениковъ въ каждой семинаріи, сообразно съ числомъ церквей епархіи; 2) составъ обученія; 3) число учителей и откуда ихъ брать; 4) учебныя пособія; 5) содержаніе училища (учителей и учениковъ) и источникъ его; 6) медіцинская часть училищъ. Штатъ велѣно было составить при-

¹⁾ Ист. Рос. Іер. I, 435—436.

²⁾ П. С. З. № 7364.

мѣнительно къ штату гарнизонныхъ школъ. Сподѣ долженъ былъ воспѣшить составленіемъ устава, «оставя другія, не весьма важныя дѣла» ¹⁾).

Былъ ли составленъ уставъ, мы не знаемъ; штатъ былъ составленъ и представленъ на разсмотрѣніе правительства; но утвержденъ не былъ, потому что государство не нашло точнѣйшихъ для покрытія такихъ большихъ издержекъ, которыя предполагалось по штату. Так. обр. учрежденіе семинарій общее для всей имперіи не состоялось; открытіе ихъ предоставлялось удобствамъ времени и мѣста. Съ того времени открываются постепенно одна за другою семинаріи въ разныхъ мѣстахъ; при этомъ частные регламенты семинарій, въ существѣ сходные между собою, замѣняютъ для насъ общій уставъ ихъ. Мы приведемъ два такихъ регламента: троицкой (1738 г.) и новгородской (1740 г.) семинарій; кромѣ того къ уясненію началъ новой системы семинарій служитъ указъ объ учрежденіи тобольской семинаріи (1748 г.).

Сподѣ, вмѣстѣ съ епархіальными архіереями, долженъ имѣть крайнее попеченіе объ образованіи духовенства чрезъ учрежденіе семинарій. Цѣль этого учрежденія есть 1) распространеніе образованія вообще—«дѣло весьма въ государствѣ полезное и нужное, потому что распространеніе богопознанія и соединенное съ этимъ утвержденіе нравственности въ народѣ невозможно безъ образованнаго духовенства; 2) распространеніе христ. вѣры между племенами.—Семинарія учреждается на 200 учениковъ (на казенномъ содержаніи). Она раздѣляется на три класса; въ высшемъ классѣ полагается 120 учениковъ, во второмъ—50, въ третьемъ—30. Каждый классъ раздѣляется на школы: въ высшемъ—4 школы: аналогія, пифима, граматика и синтаксима; въ 1-й и 2-й полагается—60 учениковъ; въ 3-й и 4-й также. Первая есть общая школа для всѣхъ вновь поступающихъ; но при переходѣ во 2-ю ученики распредѣляются по спеціальностямъ: неспособные къ классическому образованію обучаются уже во 2-й школѣ ремесламъ: «конописному и живописному; и уже къ латинскому языку таковыхъ не принуждать, развѣ

---

¹⁾ Ист. Рос. Иерарх. I, 440—441.

кто самоохотью пожелаетъ»; впрочемъ ремесламъ должны быть обучаемы не болѣе 30 человекъ. Средній классъ раздѣляется на двѣ школы: школу поэтики и риторики. Высшій — тоже на двѣ — философскую и богословскую. Въ высшемъ классѣ, именно въ двухъ первыхъ преподается между прочимъ и арифметика и геометрія. Ученики переводятся изъ класса въ классъ по ежегодному публичному экзамену въ присутствіи архіерея и другихъ ученыхъ духовныхъ лицъ. Ученики назначаются по экзамену въ «духовные чины».

Учителей полагаются въ высшемъ классѣ 6 (т. е. кромѣ 4-хъ основныхъ, по одному въ каждой школѣ, еще два учителя: математики и ремеслъ). Во второмъ два; въ третьемъ четыре (кромѣ двухъ основныхъ, учителя греческаго и еврейскаго языковъ). Учителями должны быть лица, хорошо приготовленные къ своей должности, изъ монаховъ или свѣтскихъ. Но и теперь законъ не указываетъ откуда брать учителей. Они получаютъ опредѣленное жалованье — денежное и хлѣбное; именно учителя двухъ первыхъ школъ высшаго класса по 80 рублей, учителя грамматики 120, синтаксисы — 130, учитель арифметики и геометріи — 120, ремеслъ — 60, поэтики 150, риторики 180, греч. языка и философія по 200, еврейскаго яз. и богословія — по 300 рублей въ годъ.

Семинаристы помѣщаются въ казенномъ зданіи, раздѣленномъ на «палаты», по 10—12 въ каждой. Ученики 3-го класса могутъ имѣть при себѣ своихъ собственныхъ наемныхъ служителей, ученики богословія — каждый одного, а ученики философіи — двое одного служителя. На содержаніе 200 учениковъ назначается 2076 рублей и на обмундировку ихъ 613 рублей; на бібліотеку и учебныя пособія — 638 рублей въ годъ. Всего же на повгородскую семинарію назначено 7591 р. 37 коп.; на александровско-невскую гораздо меньше, 1917 руб. Экономическое управленіе находится въ рукахъ комиссара, котораго должность опредѣляется особою инструкціею, составленною въ синодѣ и утвержденною кабинетомъ. Главнѣйшій надзоръ за дѣятельностью комиссара ввѣряется мѣстному архіерею, или заступающему его мѣсто. ¹⁾

Но мы сказали уже, что общій штатъ для всѣхъ семинарій не былъ утвержденъ и потому средства содержанія

¹⁾ П. С. З. Т. XLIV, Ч. 2., стр. 5—11.

большей части изъ нихъ оставался тѣмъ же, какія утверждены въ духовн. регламентѣ, до самаго 1765 года. Это обстоятельство было причиною медленности въ повсемѣстномъ учрежденіи семинарій.

Основаніе для высшихъ школъ въ округѣ каждой епархіальной семинаріи положено было уже приведеннымъ выше мѣстомъ новгородскаго регламента объ учрежденіи элемент. училищъ по городамъ и уѣздамъ; хотя мы сказали, что это школы элементарныя, но такъ какъ онѣ назначаются собственно для духовенства, то и-выходятъ изъ разряда общихъ элементарныхъ и дѣлаются органическою частию системы школъ профессионально—духовныхъ; и дѣйствительно, по мѣрѣ открытія, онѣ тотчасъ получаютъ характеръ приготовительныхъ къ духовному образованію. За ними впоследствии утверждается названіе *гимназій*; въ новгородской епархіи, по мѣстному распоряженію 1756 г. 6 апр. должны быть основаны слѣд. училища: въ Олонцѣ, въ Великихъ Лукахъ, Торжкѣ, Устюжѣ, Бѣжецкѣ, Старой Русѣ, Тихвинѣ, Вышемъ Волочкѣ, Новой Ладогѣ, Валдаѣ, въ Крестовскомъ заказѣ, въ Заруской и Залѣсской половинахъ, въ Каргополѣ, всего 13, — каждая для соотвѣтствующихъ уѣздовъ, пятии, или заказовъ.

Отличіе этихъ новыхъ учрежденій (семинарій) отъ прежнихъ архіерейскихъ школъ наиболее уясняется указомъ объ учрежденіи семинаріи въ Tobольскѣ: св. синодъ просилъ сенатъ устроить тамъ «семинарію славено—латинскаго ученія» на 200 учениковъ. По словамъ синода средства, назначенныя по духовн. регламенту, должны употребляться на *русскую* школу, которая давно уже существуетъ въ Tobольскѣ и впредь должна существовать на тѣже средства. На открытіе же собственно семинаріи требуется «содержаніе изъ казны е. п. в., по примѣру московской академіи.» Синодъ указывалъ и точнѣе, — именно деньги за вѣчныя памяти, собираемыя въ тобольской епархіи: на нихъ со временъ Петра содержатся госпитали; но госпитали обезпечены уже другими средствами. Сенатъ отказалъ въ этомъ синоду ¹⁾.

По изложенному образцу въ 40 и 50 годахъ совершалось во всѣхъ епархіяхъ или преобразование архіерейскихъ

---

¹⁾ П. С. З. № 9528.

школь въ семнарій, пли новое учрежденіе семнарій. До царств. Екатерины вновь учреждены семнарій: тропцкая (1738 г., окончательно—1742), крутицкая (1739 г.), владимірская (1750), переславль—залѣсская (1753).

Именной указъ имп. Анны объ основаніи тропцкой семнарій данъ еще въ 1738, по указъ синода о его исполненіи и самое исполненіе послѣдовало въ 1742 г. Какъ семнарія монастырская, она, подобно алексадро—невской, содержалась на средства монастыря. Благодаря тому, что эта семнарія основана на средства одного богатаго монастыря, она организовалась быстро со всѣми классами, соответствующими регламенту повгород. семнарій (на 2-й годъ по открытіи ея введено преподаваніе арифметики и геометріи; классъ ремесль въ 1746; кромѣ того введены новые языки франц. и нѣмецкій, хлопоты объ этомъ начались съ 1758 г.). Число учениковъ не доходило до штатнаго 200; въ 1763 г. ихъ было только 156 ч.

До 1747-го года учителя кромѣ полнаго монастырскаго содержанія получали по 200 р. въ годъ, кромѣ одного учителя высшаго класса, который получалъ 100 р.; въ 1747 г. состоялось слѣд. распредѣленіе жалованья: ректоръ, префектъ и учитель іеродіаковъ получали по 229 руб. 92¹/₂ к., интендантъ (коммиссаръ) 300 р., учитель—бѣлецъ 129 р. 29¹/₂ к., учитель геометріи и арифметики 108 р. Наконецъ въ 1758 г. жалованье распредѣлено было такъ: ректоръ 200 р., префектъ—150, учителя риторики и поэтики, греч. и еврейск. языковъ по 100, высшаго латин. класса 70, высшаго 60 р.¹).

Крутицкая семп. сначала помѣщалась въ Вязьмѣ (смолен. губ.), потомъ въ крутицкомъ арх. домѣ въ Москвѣ, наконецъ въ покровскомъ мон. въ Москвѣ.

Во Владимірѣ на Клязмѣ семнарія открыта энергическимъ Платономъ Петрункевичемъ: задумавъ это еще въ 1749 г., онъ приказалъ очистить богородицкій женскій монастырь отъ проживавшихъ тамъ «безъ всякой монастырской регулы» 4-хъ монахинь (которыя имѣли свой приходъ, не имѣя священниковъ) и приспособить его къ помѣщенію семнарій. Разославъ потомъ строгій приказъ о доставленіи списковъ дѣтей духовныхъ лицъ и о сборѣ ихъ самихъ, онъ произвелъ

¹) Смирновъ: «Ист. тропцкой семнарій»,

нимъ разборъ и уже съ слѣд. года началось обученіе въ семинаріи. «Въ каждомъ классѣ былъ одинъ главный учитель и онъ вводи́лъ завѣдывалъ ученикамъ своего класса по учебной и нравственной части. Изъ главныхъ учителей нѣкоторые, да такъ называемые экстраординарные учителя обучали языкамъ и друг. второстепеннымъ предметамъ ¹⁾. Первоначальное устройство совершено на счетъ казеннаго приказа архіер. дома; съ возвратомъ однако, суммъ изъ постоянныхъ доходовъ семинаріи, т. е. изъ сбора хлѣба и денегъ съ монастырей и церквей ²⁾».

Мы сказали, что въ другихъ епархіяхъ семинаріи были преобразованы изъ архіер. школы; но это преобразование равнялось новому открытію. Выше было сообщено ошибочное свѣдѣніе Словцова, что до 1744 г. въ Tobольскѣ не было духовнаго училища; но Словцовъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что именно въ этомъ году м. Антоній Нарожницкій открылъ тамъ семинарію, какъ нѣчто совершенно новое. Былъ посланъ въ Кіевъ епископскій архимандритъ Димитрій Смѣловскій и привезъ съ собою въ Tobольскъ первый контингентъ учителей (четверыхъ); вновь данъ указъ о сборѣ учениковъ: въ 1748 г. уже были въ ходу всѣ 6 классовъ семинаріи. Поэтому Антоній II-й справедливо называется «основателемъ семинаріи» ³⁾. Вместе съ семинарію явился и окружающія ея высшія училища; тотъ же Антоній завелъ школы въ Рафаиловскомъ и Епископскомъ монастыряхъ, въ гор. Троицкѣ; сюда же присоединилась и прежде существовавшая школа въ Знаменскомъ монастырѣ. Монастырскія школы, благодаря своему элементарному характеру и особенно исключительному положенію Сибиря, продолжали быть общенародными школами; «въ это время и лица прочихъ сословій продолжали отдавать въ монастыри своихъ дѣтей для образованія; такъ въ Ивановскій Межугорскій монастырь были отданы въ 1756 г. учиться армянисткѣ молодые тобольскіе дворяне Александръ и Иванъ Андреевы» ⁴⁾.

¹⁾ О дух. учил. и семин. владимір. (Влад. Губ. Вѣд. 1862, № 28).

²⁾ Ibid и «Очер. ист. Влад. сем.». (Влад. Епарх. Вѣдом. 1865, № 14).

³⁾ Матеріалы для истор. христ. просв. Сибиря (Журн. Мин. Нар. Просв. 1854 г., мартъ).

⁴⁾ «Домов. лѣт. напнт. Андреева» (Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1870 кн. 4, смѣсь).

Подобнымъ же обр. совершилось мнимое преобразование ростовской архіер. школы, въ ярославскую семинарію. Двѣ архіер. школы, существовавшія съ 20-хъ годовъ въ ростов. епархіи, едва влчили свое существованіе. Въ 1739 г. архіер. Іоакимъ учредилъ семинарію пли славяно-латинскую школу въ Ростовѣ, которая однако вскорѣ (къ 1745 г.) опять превратилась въ писную школу. Новое основаніе семинаріи, уже въ Ярославлѣ, послѣдовало въ 1746 г., а окончательное открытіе ея въ 1747 г. (21 февр.).

Представимъ еще одинъ примѣръ преобразованія семинаріи изъ архіерейской школы. Въ Н. Новгородѣ со временъ еп. Питирима было два класса архіер. школы: славяно-россійскій и латинно-греческій до 1738 г., «а въ ономъ 1738 г. по размноженіи того ученія въ разныхъ нижегородской епархіи городахъ и знатныхъ селеніяхъ, заведенъ и славено-латинскій классъ»¹⁾. Итакъ здѣсь характернымъ чертамъ открытія семинаріи считаются: заведеніе писшихъ училищъ, приготовительныхъ къ ней и введеніе латинскаго языка. Но успѣха въ преобразованной семинаріи было немного до 1742 г., «до прибытія въ нижегор. епархію Дмитрія епископа, прозваніемъ Сѣченова. При семъ преосвященномъ, какъ бы начало существованія своего принявши, семинарія приведена въ лучшее состояніе». Тогда кромѣ всѣхъ писшихъ и среднихъ классовъ преподавалась уже и философія. Но наиболѣе характерное отличіе реформы составляло открытіе уѣздныхъ школъ. Въ 1738 г. рѣшено было открыть ихъ 13: восемь въ настоящей епархіи и 5 въ приписной. Первые открыты по всѣмъ «пятнамямъ» ея: работкинской, лысковской, терюшевской, павловской, катунской, алатырской, порѣцковской и курмышской; а въ приписной епархіи въ слѣд. мѣстахъ: Балахнѣ, Юрьевцѣ-Поволгскомъ, Арзамасѣ, Вязниковской слободѣ и въ Галицкомъ уѣздѣ²⁾. Синодскій указъ 1738 г. іюля 28 г. утвердилъ это учрежденіе. Уже по смерти преосв. Питирима въ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ

¹⁾ Актъ Нижегород. Дух. Сем. 1787. Инструкція учителямъ объ этомъ выражается такъ: «въ нынѣшнемъ 1738 г. при домѣ архіерейскомъ вновь учинена славено-латинская школа» (Чт. въ И. Общ. Ист. и Др. Рос. кн. XVII).

²⁾ О дух. школахъ и гимназіяхъ прошлаго вѣка въ нижегород. епархіи. Арх. Макарія (Русскій Педагогич. Вѣстн. 1858 г. № 2, стр. 14).

дѣйствительно назначены учителя и дапа имъ пзвѣстная пн-струкція. Учителями были назначены «выпзучившіеся ученики». Они состоятъ подъ властію мѣстнаго судьи духовныхъ дѣлъ, который судитъ ихъ по дѣламъ объ обпдахъ, брапи, безчестьѣ, боѣ, взяткахъ и проч. продерзостяхъ. Однако самъ судья «экзекуцы» не чинитъ, а представляетъ дѣло въ конспсторію. Школы называются «славено и греко-грамати-ческими»: ученики раздѣляются по этимъ двумъ классамъ слѣд. образомъ: «искусные и острой памяти», отъ роду не ниже 12 л., опредѣляются къ изученію эллипо-греческой граматки; «тупые и легкопмятные», имѣющіе выше 12 л. — славянороссійской граматки, недоученые россійской грамотѣ доучиваются и потомъ распредѣляются по 2 разрядамъ. Въ подробности составъ обученія въ этихъ школахъ опредѣляется такъ: чтеніе книжное, пѣніе, писаніе скорописное по русски и по гречески, цыфрь, «духовная и гражданская полптика». Обученіе совершается посредствомъ не одного школьнаго преподаванія: чтенію и пѣнію ученики обучаются посредствомъ упражненія при богослуженіи, для чего росписываются по страницамъ: «тупоумные и плохіе при добрыхъ и искусныхъ». Письму обучаются послѣ обѣда (по сколько часовъ возможно, «дабы малолѣтнимъ отрокамъ тягости не учинить») посредствомъ списыванія учебниковъ уставомъ и скорописью. Навыкшіе скорописи и цыфри должны заниматся дѣловою перепискою у духовнаго судьи или у приходскихъ священниковъ; во всякомъ случаѣ канцелярская работа шла въ послѣобѣденные часы «развѣ какое нужнѣйшее по указамъ государственное дѣло случится»

На содержаніе гимназій отдѣляется указной сборъ хлѣба съ мѣстнаго уѣзда; собранный хлѣбъ состоитъ въ завѣдываніи духовнаго судьи, надзирателя выбраннаго отъ духовенства и учителей. Собранный хлѣбъ выдается надзирателемъ помѣсячно «десятишкамъ»-ученикамъ; этотъ мѣсячный запасъ хранится въ особомъ анбарѣ подъ надзоромъ сотниковъ и старость пзъ учениковъ же, которые и производятъ ежедневную выдачу.

Среди спеціальныхъ духовныхъ школъ совершенно оди-воко стоитъ харьковскій коллегіумъ; это есть единственное духовно-учебное заведеніе, основанное и поддержанное сред-

ствами свѣтскаго общества; поэтому коллегіумъ не вполне усвоилъ характеръ сословнаго и спеціального училища и пользовался сочувствіемъ общества, которымъ никогда въ подлежащей степени не пользовались семинаріи. Коллегіумъ основанъ фельдм. Мих. Мих. Голицынымъ въ 1726 г. и не имѣетъ ничего общаго съ архіерейскою школою, открытою раньше въ Бѣлгородѣ, и съ семинаріею, существовавшею тамъ же послѣ. Когда одинъ изъ потомковъ кн. Голицына узналъ, что часть Голицынскихъ суммъ взята на бѣлгородскую семинарію, то писалъ: «Бѣлгородская семинарія можетъ быть не такъ полезна обществу, какъ харьковскій коллегіумъ. Наше намѣреніе быть полезными харьковскому коллегіуму, а не семинаріи». Но коллегіумъ не былъ и только свѣтскимъ учебнымъ заведеніемъ: вторымъ основателемъ его нужно признать Епифанія Тихорскаго (отсюда оффиціальное названіе его—*academia tichoriana*); коллегіумъ помѣщался въ покровскомъ училищномъ монастырѣ. Правительственная учредительная санкція ему дана въ грамотѣ имп. Анны, 16 марта 1731 г. Въ ней предписывается принимать въ коллегіумъ «всякаго народа и званія дѣтей православныхъ». Князья Голицыны даже въ началѣ XIX вѣка ставили условіемъ своей помощи коллегіуму сохраненіе за нимъ характера всесословнаго заведенія; они «желаютъ, чтобы въ коллегіумъ были принимаемы не одни дѣти духовнаго званія, но бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ. Если же желаніе наше (пишетъ одинъ изъ нихъ) не будетъ исполнено, то я отказываюсь отъ участія въ коллегіумѣ». Въ виду ясныхъ предписаній закона, что въ духовныя заведенія могутъ быть опредѣляемы только дѣти лицъ духовнаго званія, исключеніе въ пользу харьковскаго коллегіума должно быть признано привилегіею, вѣроятно исходатайствованною Голицыными. Всесословный характеръ кievской академіи и отчасти черниговской семинаріи объясняется условіями государственной службы въ Малороссіи, гдѣ при гетманщинѣ, она не подвергалась регламентаціи приведенныхъ выше общихъ узаконеній; но эти условія едвали примѣняются къ Слободской Украинѣ. Особенный характеръ коллегіума отражается на способахъ подготовки учителей и на свойствахъ ихъ дѣятельности; примѣръ знаменитаго Гр. Сав. Сковороды, быть можетъ, есть

единственный примѣръ въ 1-й пол. XVIII в. органическаго сліянія западно-европейскаго просвѣщенія съ народными началами; изъ ученика Канта сдѣлаться творческимъ органомъ безличной народной поэзіи,—эта доля досталась едва ли не ему одному. Въ первое время жизни коллегіума, кажется, принято было за правило отправлять лучшихъ воспитанниковъ за границу для окончательнаго образованія и приготовленія къ учительству; еп. Доспѣей доносилъ св. синоду, что «студенты, которые посланы отъ покойнаго антецессора въ Германію для наученія, требуютъ на вексель 200 червонцевъ».

Всесословность коллегіума и ея послѣдствія народный характеръ и популярность въ Малороссіи были причиною вышшняго благосостоянія коллегіума; во всей обозрѣваемой половинѣ XVIII в. не было ни одного учебнаго заведенія, которое бы имѣло столько собственныхъ средствъ содержанія. «Въ самомъ городѣ коллегіуму и училищному монастырю (до Екатерины) принадлежало болѣе 20 дворовыхъ мѣстъ съ разными постройками, садами, огородами, ливадами...; большая часть изъ нихъ была пожертвована харьковскими жителями, какъ духовными, такъ и свѣтскими. Лучшія угодья въ окрестностяхъ города Харькова также принадлежали коллегіуму... Кромѣ того владѣнія коллегіума находились въ уѣздахъ: Харьковскомъ, Валвскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ и Грайворонскомъ (Курск. губ.). Коллегіуму принадлежали: 3076 десятинъ пахатной, лѣсной и сѣнокосной земли съ 650 приписныхъ черкасовъ, 50 мельницъ, 3 винокур. завода, скотные дворы, сады и проч.»... Большая и лучшая часть этихъ средствъ взята у коллегіума правительствомъ въ XVIII в.; эта мѣра, какъ послѣдствіе общей секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, примѣнена къ коллегіуму только потому, что онъ было соединенъ съ покровскимъ монастыремъ (хотя монастырь существовалъ при коллегіумѣ, а не коллегіумъ при монастырѣ). Такія же невыгодныя послѣдствія сліянія двухъ юридическихъ лицъ въ одномъ отразились и въ кievской академіи и въ московской спасской академіи, хотя и въ другомъ направленіи. Отнятіе имуществъ у коллегіума произошло, по показанію «Ист. Іерарх.» въ 1780 г., а по словамъ о. Феодорова въ 1798 ¹⁾).

¹⁾ О коллегіумѣ см. «Очеркъ ист. харьков. коллегіума». священ. Дим.

Мы съ намѣреніемъ остановились нѣсколько дольше на исторіи духовно-учебныхъ заведеній, потому что на нихъ до сихъ поръ отражаются наиболѣе ярко особенности профессиональной системы образованія; связь спеціального характера этихъ училищъ съ сословнымъ строемъ духовенства не истреблена ни самыми послѣдними преобразованіями семинарій, ни реформамъ въ сферѣ правъ сословныхъ. Это не единственная печать, наложенная на русскую образованность профессиональною системою, печать, не смытая потоками реформъ цѣлаго вѣка (1762—1874).

Повидимому, послѣ основанія петербургскаго (1747) и московскаго (1755) университетовъ и послѣ возникновенія Екатерининской системы народныхъ училищъ, система исключительной профессиональнаго образованія должна была рушиться; но не такъ было въ дѣйствительности. Общее образованіе сдѣлалось въ самомъ дѣлѣ не общимъ, а образованіемъ для *разночинцевъ*, т. е. для выбросковъ сословія, для тѣхъ стихійныхъ элементовъ, которые не прикнули ни къ одному изъ организованныхъ политическихъ тѣлъ. Отсюда то, что Пекарскій назвалъ «неуважительнымъ отношеніемъ къ наукѣ». Трудно было убѣдить общество, что образованіе, составляющее удѣлъ разночинцевъ есть настоящая человѣческая образованность; а образованіе получаемое высшими сословіями само по себѣ составляетъ простое ремесло. Общее образованіе въ ряду другихъ формъ его пользовалось такимъ же почетомъ, какимъ пользуются разночинцы въ ряду прочихъ сословія. Съ такимъ характеромъ заведеній для разночинцевъ университеты и гимназіи перешли въ XIX в. Далѣе трудно было убѣдить общество въ пользу образованія, не имѣющаго видимыхъ житейскихъ результатовъ. Мы удивляемся теперь и даже негодуемъ, читая безсодержательныя и напыщенныя рѣчи первыхъ профессоровъ о пользѣ наукъ; но это было въ ихъ рукахъ единственнымъ, хотя и жалкимъ средствомъ борьбы съ равнодушіемъ общества, привыкшаго къ утилитарному взгляду на образованность. Долго, слышномъ долго слышались такія возраженія противъ пользы изученія римскаго

Оеодоровскаго (Духовн. Бесѣда 1863, ЖЖ 23, 24, 27 и 50) и «Ист. Росс. Иерарх. Т. I, 632—643.

права, какъ одно изъ приведенныхъ выше: «въ здѣшней имперіи въ судахъ на то не смотрятъ»; долго изучать старые русскіе законы «болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитали, говоря: когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны». Вниманіе общества къ университетамъ и гимназіямъ возросло только тогда, когда съ полученіемъ въ нихъ *аттестата соединены были служебныя права и преимущества*. Отсюда объясняются неправильныя случайныя колебанія сочувствій къ той или другой вѣтви образованія, къ тому, или другому факультету. Но мы видѣли уже, что утилитаризмъ въ дѣлѣ образованія, развитый законодательными мѣрами въ 1-й пол. XVIII в. есть не частный только, но государственный. И во 2-й пол. XVIII в. русское образованіе продолжало быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи, которая не только придавала ей то или другое направленіе, но, по произволу, возвышала и понижала его уровень. Сила, колеблющая русскую образованность въ ту, или другую сторону, лежитъ внѣ образованія; этотъ рычагъ и въ XIX в. есть государственная служба, или частная выгода. Отсюда то, что Пекарскій называлъ «случайностію» и «произволомъ» образованія. Независимо отъ утилитарныхъ цѣлей, образованіе и при Екатеринѣ и потомъ въ XIX в. считается предметомъ роскоши, не нужнымъ для дѣловаго человѣка, или даже «излишнею тягостію».

Строгая принудительность образованія вызвала страхъ предъ школою въ тѣхъ сословіяхъ, которымъ государственная служба ничего не можетъ обѣщать, кромѣ страданій; мы уже упоминали, что въ наши дни одной изъ главныхъ причинъ нежеланія посылать дѣтей въ народныя школы былъ страхъ, распространенный въ сельскихъ классахъ, что дѣти, собранныя въ школу, будутъ приготовлены къ солдатству. Отъ этого страха не вполне освободились и прочія сословія при Екатеринѣ и послѣ; взглядъ на школу, какъ на необходимое зло, продолжалъ жить долго во всѣхъ классахъ. Повторяемъ, что во всѣхъ этихъ мрачныхъ послѣдствіяхъ виновна не самая профессиональная система, а ея исключительность, недостатокъ общаго образованія.

Этими чертами наглядно объясняется въ русской образо-

ванности то, что нѣкогда такъ неопредѣленно и мистически выражалось въ фразахъ: «безпочвенность образованія», «цвѣты безъ корней, сорванные на западѣ и принесенные къ намъ послѣшнюю рукою въ видѣ увядшемъ и безъ запаха». Говоря проще, общее образованіе есть та почва и корень, которые даютъ разнообразные плоды профессиональныхъ знаній.

Продолжая метафору, можно сказать, что въ 1-й пол. XVIII в., вмѣсто прививки, произведена новая посадка, на мѣстѣ срубленныхъ «дичекъ»-роднаго просвѣщенія (дѣйстви-тельно слабого, почти дикаго). Урокъ, извлекаемый отсюда, вовсе не тотъ, что слѣдуетъ произвести новую срубку; та-кимъ страннымъ способомъ мы никогда не дождемся плодовъ. Совсѣмъ напротивъ: главное значеніе правит. мѣръ 1-й пол. XVIII в.—поворотъ русской образованности къ общечеловѣче-скимъ основамъ (а не западно-европейскимъ, какъ ошибоч-но и постоянно повторяютъ) нельзя отрицать, не отрицая своей исторіи и своей будущности. Неправильный толчекъ приданный этому направленію, какъ ни далеко отражается онъ въ поколѣніяхъ недавно сошедшихъ въ могилу и отча-сти нынѣ живущихъ, все болѣе и болѣе теряетъ свою силу; образованность просачивается уже внутрь общественнаго ор-ганизма; и вмѣстѣ съ тѣмъ очищается полезная сторона ре-формы отъ горькой оболочки. Нашему времени, кажется, пред-лежитъ, поставить высоко общее образованіе (гуманно-націо-нальное), объявивъ его окончательно всеобщимъ, незави-симымъ отъ стороннихъ цѣлей и свободнымъ

О Г Л А В Л Е Н І Е.

В в е д е н і е.

Элементарное образованіе

Стран.

Г л а в а I. Отношеніе государства XVIII в. къ старой системѣ элементарнаго образованія и новая система. Причины невниманія къ успѣхамъ элементарнаго народнаго образованія. Упадокъ приходскихъ школъ. Проекты реформъ приходскаго образованія. Математическое элементарное образованіе. Его обязательность. Классы, обязанныя пріобрѣтать его. Округъ ариметической школы, число школъ и учениковъ. Содержаніе школъ. Учителя. Управленіе цыфирнымъ образованіемъ . . . . . 1.

Г л а в а II. Связь элементарнаго образованія съ призрѣніемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ. Превращеніе монастырей въ сиротскіе дома и первоначальныя школы. Упадокъ общихъ мѣстъ призрѣнія. Казенныя учрежденія для образованія дѣтей ссыльных. Цѣль «новокрещенскаго» и «инородческаго» образованія. Инородческія школы на юговостокѣ и востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири. Составъ инородческаго образованія. Попытка организаціи спеціального учительскаго института для инородцевъ. Паденіе инородческихъ школъ . . . . . 49.

Профессіональное образованіе.

Г л а в а III. Сословное начало образованія. Профессія, какъ существенный признакъ понятія-сословіе. Отношеніе законовъ о профессіональномъ образованіи, къ сословному строю общества на Западѣ Европы и у насъ. Узаконенія о наследственности духовной профессіи и исключительномъ доступѣ въ духовныя школы для дѣтей священноцерковнослужителей. Попытки организовать сословіе гражданскихъ чиновниковъ законами о дьяческихъ и подьяческихъ школахъ; стремленіе частныхъ вѣтвей гражданской службы къ наследственности. Организація наследствен-

наго класса воено-служащихъ высшихъ чиновъ чрезъ исключительный доступъ въ гарнизонныя школы. Вліяніе «морской гвардіи» (морской академіи) и «сухопутной гвардіи» (сухопутнаго корпуса) на организацію дворянскаго сословія; частныя вѣтви высшей военной службы. Почему сословіе городскихъ обывателей организуется безъ вліянія законовъ объ образованіи . . . . . 88.

Г л а в а IV. Сущность и формы профессиональнаго образованія. Различіе задачъ государственной дѣятельности по народному образованію въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Проекты о распространеніи народнаго образованія, поданныя русскому правительству. Образованіе не составляетъ цѣли дѣятельности государства въ первой пол. XVIII в.; утилитаризмъ государственный и частный. Происхожденіе системы исключительно-профессиональнаго образованія; необходимыя уступки ея общему элементарному; образованіе пригготовительное. Формы профессиональнаго образованія: образованіе духовное въ двоякомъ объемѣ его; образованіе юридическое въ высшей и высшей его формѣ: вторженіе юриспруденціи въ подъяческую науку; образованіе военное въ высшей и высшей формѣ. Начало различія между профессиональнымъ и сословнымъ образованіемъ. Отношеніе профессиональной системы образованія къ воспитанію: замѣна воспитанія дисциплиною и школьныхъ наказаній уголовными. Воспитательныя миституты Феодана Прокоповича . . . . . 148.

Г л а в а V. Обязательность профессиональнаго образованія и управленіе ДМЪ. Мѣры принужденія въ дворянскомъ сословіи: государственные экзамены (смотри) до 1737 г., и по системѣ, установленной въ 1737 г.; ослабленіе установленныхъ мѣръ: узаконенія Анны Леопольдовны; вліяніе Московскаго Университета; проекты И. И. Шувалова; манифестъ о вольности дворянства; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ. Обязательность солдатскаго образованія. Мѣры принужденія въ духовномъ сословіи: косвенныя (запись въ подушный окладъ и рекрутчина), прямыя: общая система принужденія («сказки», смотри, разсылка солдатъ и учителей; средства уклоненія отъ смотровъ и наказанія за то; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ: записи увѣрленія; наказанія за бѣгство; «оброчные ученики»); обязательность образованія для молодыхъ монаховъ. Причины уклоненій отъ образованія.—Управленіе образованіемъ: 1-я эпоха—тройственная система; 2-я эпоха—двойственная система; 3-я эпоха—раздробленіе администраціи образованія по вѣсѣмъ отраслямъ управленія . . . . . 203.

Г л а в а VI. Способы распространения образования.

1) Посылка за границу: регулирование этого способа правительствомъ. 2) Служба: коллегіи-юнкеры; обученіе при госпиталяхъ и проч.; катехизація и обученіе ставленниковъ. 3) Школы: общеобразовательныя школы, предшествующія господству профессиональной системы (московская гимназія, школы славяно-латинская, эллино-греческая и латино-италиянская, Сухарева Башня); спеціальныя школы: военныя (гарнизонныя, высшія военныя: морскія, инженерная и артиллерійская, сухопутный кадетскій корпусъ); духовныя (основанныя до духовнаго регламента, архіерейскія школы, семинаріи и духовныя гимназіи). . . . . 254.

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть</i>
9	5 сверху	табъ	такъ
12	5 — —	литейнаго завода	литейнаго завода
16	10 снизу	года	году
—	5 — —	словеснаго	словеснаго
27	2 сверху	за гѣссномъ	Загѣсскомъ
32	3 снизу	услуживая	услуживая
36	10 —	79	78.
—	13 —	619	618.
41	3 —	а) До	До
54	19 —	госпиталяхъ	госпиталяхъ
64	2 —	какъ	какъ
80	17 —	повидному	повидному
104	16 —	Дону	Дону
108	15 —	которые	которые
126	7 —	школамъ	школамъ
142	12 сверху	немѣцкой	нѣмецкой
143	7 снизу	воспитальныя	воспитательныя
146	3 (примѣч.)	XVIII	XVIII
149	12 снизу	людскость	людскость
160	3 сверху	важнѣе	важное
164	12 —	начало	начала
181	6 снизу	et gentium	et gentium
193	8 (примѣч.)	Вороновъ.	Вороновъ
195	16 —	кромя	кромя
208	12 —	имѣняли	имѣняли
211	5 сверху	послѣднія	послѣднiе
220	4 снизу(пр.)	правежу	правежу
234	прим. 1.	Смирновъ	Смирновъ
245	14 снизу	однѣ	однѣ
259	13 —	храмами	храмами,
—	12 —	шкерамъ	шкерамъ,
—	11 —	Неповторяя	Не повторяя

